СИЛЫ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ
Ринат АРИБЖАНОВ
Евгений АРТЮХОВ
Самуил ШТУТМАН
ДИВИЗИЯ имени ДЗЕРЖИНСКОГО

Ринад Арибжанов, Евгений Артюхов, Самуил Штутман

Дивизия имени Дзержинского

Октябрьская революция, братоубийственная Гражданская война, страшная Великая Отечественная, напряженное послевоенное время. Защита завоеваний революции, война в тылу с внутренним врагом, борьба с послевоенным бандитизмом, участие в ликвидации последствий стихийных бедствий, поддержание правопорядка, предотвращение межнациональных конфликтов, специальные операции по борьбе с терроризмом. Все это — долгие годы существования и вехи славного пути самого известного соединения внутренних войск — дивизии имени Дзержинского Внутренних войск МВД РФ. На счету бойцов дивизии сотни уничтоженных бандитов, десятки взятых в плен и ликвидированных полевых командиров чеченских сепаратистов, участие в подавлении бунта в Сухумском следственном изоляторе и в освобождении заложников «Норд-Оста», а также множество иных специальных операций. Зародившись в годы Гражданской войны как автобронеотряд особого назначения (ОСНАЗ), дивизия НКВД железным щитом встала на пути рвущихся к столице немецких войск, а позднее очищала тылы действующей армии от шпионов и диверсантов, от бандитов и националистов. В настоящее время отдельная дивизия оперативного назначения (ОДОН) является мощной силой по охране конституционного порядка в нашей стране.

Источник текста: электронная библиотека «Либрусек».

Издание подготовлено исключительно в ознакомительных целях военно-патриотического воспитания молодежи. Текст может отличаться от оригинального. Копирование данного текста в целях коммерческого использования не допускается.

Вступление

Эта книга об уникальной во внутренних войсках МВД России дивизии. Ее название, особенно связанное с именем Ф. Э. Дзержинского, на слуху и у простых наших сограждан, и у репортеров газет и телевизионных каналов. Дивизия оперативного назначения во внутренних войсках одна-единственная. Аналогов ей нет ни по количеству личного состава, ни по компактности дислокации частей, входящих в ее состав, ни по задачам, которые она выполняет. Дивизия была и остается элитой войск. Служить сюда всегда приходили лучшие из лучших офицеры и призывники. Соединение на протяжении всей своей истории выполняло особые задачи, очень часто поставленные непосредственно правительством нашей страны. Причем решать их всегда надо было без промедления. До недавнего времени, а именно до начала девяностых, воинских частей, готовых к этому, кроме ОДОНа, практически и не было. Свидетельством тому является участие дивизии в восстановлении правопорядка в Сумгаите, Баку, Ереване, Тбилиси и Фергане в 1988–1989 г. Части соединения всегда находились, что называется, на острие событий, происходящих в стране.

ОДОН – одно из старейших соединений во внутренних войсках. Оно ведет свою боевую летопись от отряда самокатчиков, автоброневотрядцев, первых часовых Смольного. 17 июня 1924 г. отряд специального назначения (ОСНАЗ) при президиуме ОГПУ был переформирован в стрелковую дивизию. Организацией соединения и укреплением его кадрового состава занимался Феликс Эдмундович Дзержинский. Позже его имя было присвоено дивизии. Части и подразделения ОМСДОНа охраняли правительственные учреждения, правопорядок в столице, участвовали в ликвидации бандитизма в Средней Азии и Закавказье, Советско-финляндской войне 1939–1940 г.

23 июня 1939 г. на боевом знамени дивизии появился орден Ленина.

Свой вклад внесли дзержинцы в победу в Великой Отечественной: били врага на передовой, несли патрульную службу в Москве, охраняли важнейшие государственные объекты, восстанавливали переправы и мосты. За время войны дивизия подготовила 1065 снайперов, которые уничтожили 11 720 фашистов. Летом 1944-го наши военнослужащие входили в состав знаменитого конвоя, который провел около 60 тысяч пленных немцев по московским улицам. А в 1945-м участвовали в Параде Победы, причем солдаты сводного отдельного батальона дивизии бросили к Мавзолею трофейные фашистские знамена и личный штандарт Гитлера.

За мужество и стойкость, проявленные в боях против оккупантов, более 1000 бойцов и офицеров дивизии награждены орденами и медалями. 12 стали Героями Советского Союза. А в 1944 г. на знамени дивизии появился еще один орден – Красного Знамени.

После войны части и подразделения соединения участвовали в ликвидации националистического подполья и его вооруженных формирований в Западной Украине и Западной Белоруссии. Долгое время воины обеспечивали важные мероприятия в столице. Рота почетного караула тоже обязана своим рождением дивизии. С 1941-го и до середины 1950-х именно дзержинцы встречали и провожали высокопоставленных гостей иностранных государств.

В 1980-е годы военнослужащие соединения обеспечивали общественный порядок и безопасность во время проведения в Москве XXII Олимпиады и XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Ранее была образована первая в войсках рота специального назначения, впоследствии ставшая известным отрядом спецназа «Витязь».

В 1985 г. в ознаменование 40-летия Великой Победы дивизия была награждена орденом Октябрьской Революции.

На рубеже восьмидесятых и девяностых дивизия вновь прошла дорогами Закавказья и Средней Азии. Выполняла задачи в первой и во второй чеченских кампаниях.

За последнее десятилетие более 2 тысяч солдат и офицеров награждены государственными наградами. 12 военнослужащим присвоено звание Героя Российской Федерации.

В свое время в дивизии каждая часть, помимо несения службы по охране общественного порядка, выполняла свои задачи. Так, один полк охранял по периметру особо важные объекты в Москве и области, из состава другого мотострелкового полка ежедневно назначались войсковой оперативный отряд и рота постоянной пятнадцатиминутной

готовности для действий при чрезвычайных обстоятельствах. Военнослужащие специальной моторизованной части, впоследствии выведенной из состава соединения, несли патрульно-постовую службу. Еще один полк работал в интересах Минфина, сопровождал и охранял специальные грузы.

Сегодня каждая воинская часть тоже знает свою задачу. Например, отряд специального назначения – резерв для незамедлительных действий. Так было во время трагических событий в октябре 2002-го, когда террористы захватили заложников на мюзикле «Норд-Ост». Благо у отряда есть опыт подобных, совместных с легендарными «Альфой» и «Вымпелом», действий. Вспомним хотя бы уникальный в своем роде штурм сухумского следственного изолятора в августе 1990-го. Кроме того, спецназовцы вместе с саперами до настоящего времени привлекаются к выполнению задач в контртеррористических операциях на Северном Кавказе. Полки оперативного назначения, находясь в пунктах постоянной дислокации, охраняют общественный порядок в столице. Несут службу при проведении массовых зрелищных и спортивных мероприятий, праздников и народных гуляний. Кроме того, когда требует оперативная обстановка, подразделения и части соединения привлекаются в помощь милиции для несения патрульно-постовой службы на улицах и площадях Москвы, в метрополитене.

Почетно служить в такой дивизии, выполнять в ее рядах свой воинский долг, постоянно ощущать высокое доверие, тебе оказанное, дорожить этой честью и осознавать огромную ответственность за порученное дело.

На протяжении всей предшествующей истории своего существования дивизия пользовалась доверием и заботой со стороны командования Внутренних войск и руководства страны. Главнокомандующий генерал армии Н.Е. Рогожкин и Военный совет ВВ оказывают неослабное внимание личному составу войск. Изменяются к лучшему условия службы, система боевой подготовки, вся жизнь и быт воинов. Эти изменения во всех своих проявлениях ощущаются и в ОДОНе. Преобразился и сам военный городок, где размещается дивизия.

Дивизия сегодня представляет собой хорошо слаженное, мобильное соединение. Ее богатый боевой опыт, подготовка личного состава, оснащенность вооружением и техникой позволяют выполнить возложенные задачи по обеспечению общественного порядка и безопасности в стране.

Командир Отдельной дивизии оперативного назначения
генерал-майор Меликов С.А.

Глава 1. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ. 1918–1924 гг.

Как зарождался АБО ВЦИК

Такие названия, как «отряд особого назначения» или «полк особого назначения», были в большом ходу в годы Гражданской войны. Ничего особенного в подобных наименованиях в ту переломную пору не было. Обычная дань революционной романтике, стремление как-то выделиться, привлечь внимание, подчеркнуть свою приверженность новым веяниям, набрать сторонников и вызвать желание вступить именно в такую часть. Причем страсть к разного рода названиям была и у белых, и у красных. Каких только броских дефиниций не встречалось в наименованиях частей Красной Армии: «боевой», «ударный», «революционный», «социалистический», «коммунистический», «летучий», «особый»...

Чаще всего названия давались в соответствии с местом формирования. Особенно полюбился термин ОСНАЗ. В чекистских отрядах он употреблялся сплошь и рядом. Приведем несколько примеров.

Из приказа по 1-му Самокатному батальону Петроградского военного округа об откомандировании самокатчиков в распоряжение ВЧК:

«№ 73, г. Петроград, 27 марта 1918 г.

Самокатчиков батальона, выделенных в особый отряд по борьбе со спекуляцией, контрреволюцией и саботажем в числе 72 человек... (далее перечисляются фамилии) исключить со всех видов довольствия и списков батальона сего числа.

Справка: Предписание Чрезвычайной комиссии за № 124...

Командир I самокатного батальона ВАГНЕР»[1].

Из резолюции I Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий о боевой силе ВЧК.

«г. Москва, 11–14 июня 1918 г.

...Мы приходим к заключению о необходимости создания особого корпуса войск, который мог бы защищать Советскую власть от нападения внутренних врагов.

...Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, имеющие в своем распоряжении особый корпус войск, как раз бы и могли явиться таким сильным аппаратом в борьбе с внутренними врагами Советской власти, давая возможность Советам большую часть своих сил уделить на устройство экономической и продовольственной жизни страны, а военному комиссар[иат]у облегчили бы работу по созданию регулярной Красной Армии...[2]»

Из Положения ВЦИК о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.

«28 октября 1918 г.

...7. Всероссийская чрезвычайная комиссия и все местные чрезвычайные комиссии имеют право на организацию при себе особых вооруженных отрядов...

Все отряды Всероссийской чрезвычайной комиссии и местных чрезвычайных комиссий находятся под контролем и на учете Революционного Военного Совета Республики[3].

Как видно из приведенных документов, определение «особый» используется, чтобы подчеркнуть значение и важность силы, к которой оно относится.

---

[1] Внутренние войска Советской республики. 1917–1922 гг. Документы и материалы. – М., Юрид. литература, 1972. – С. 32, 33.

[2] Там же. С. 39.

[3] FИз истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.). Сборник документов. – М.: Госполитиздат, 1958. – С. 203; Декреты Советской власти. Т. 2. – С. 457 – 459.

Стоило легендарному Автоброневому отряду ВЦИК, прошедшему с боями десятки тысяч километров по фронтам Гражданской войны, влиться в конце 1920 г. в состав войск внутренней службы республики, как он преобразуется в Автоброневой отряд особого назначения. Правда, ненадолго. Об истории и боевом пути этого отряда, поскольку он стал родоначальником первого мотострелкового полка Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского, мы и начнем наш рассказ.

24 февраля 1918 г. было принято постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), на основании которого в г. Петрограде при ВЦИК формируется Автобоевой отряд. Инициатором этого решения выступил Я.М. Свердлов, который 21 февраля 1918 г. на заседании Петроградского Совета в связи с начавшимся наступлением германских войск был избран председателем созданного Комитета революционной обороны Петрограда. Этому предшествовали меры, принятые после Октябрьской революции в области обороны республики, в первую очередь декреты об организации Рабоче-крестьянской Красной Армии (15(28) февраля 1918 г.) и декрет-воззвание СНК «Социалистическое Отечество в опасности!» (21 февраля 1918 г.).

Само название – АБО – свидетельствовало о военном характере данного формирования и его значении. Приняв решение о создании АБО, Президиум ВЦИК предписал соответствующим учреждениям «выдать открытые автомобили» определенной мощности «для спешно формирующего 1-го Автобоевого отряда ВЦИК С.Р., С. и К.Д.» (Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов), предупредив, что «за отклонения от исполнения сего или скрытие автомобилей виновные будут привлекаться по всей строгости военно-осадного положения»[4].

Задача АБО – охрана Смольного, обслуживание аппаратов ВЦИК, Совнаркома, в ряде случаев и ВЧК. Первоначальный состав – 11 человек. В «Известиях» публикуется объявление о том, что Автобоевому отряду требуются шоферы и пулеметчики. В отряде тогда имелись две бронемашины типа «Остин», пара грузовиков «Фиат» («Тигр»), пулеметы «максим». Экипажи и обслуживающий персонал – люди разных национальностей (латыши, венгры, поляки, русские). В дальнейшем, когда численность отряда возросла, изменился национальный состав[5]. Это был дружный многонациональный коллектив. Техника иностранная, и обслуживать ее могли люди технически грамотные и опытные, в основном солдаты-автомобилисты, революционно настроенные, добровольно изъявившие желание служить новой власти.

С первых дней существования АБО пришлось выполнять ответственные боевые задания и отдельные поручения руководства страны. Одним из важных таких поручений было обеспечение безопасности при переезде правительства из Петрограда в Москву. В новой столице Автобоевой отряд разместился в Кремле в Потешном корпусе. Он участвует в операции ВЧК по разоружению анархистских боевиков, подавлении левоэсеровского мятежа, сопровождает литерные поезда. Когда в марте 1919 г. председатель ВЦИК Я.М. Свердлов выехал в Харьков для участия в работе III съезда КП(б) Украины и 3-го Всеукраинского съезда Советов, его поезд сопровождали автобоеотрядцы: Карл Буш, Михаил Базанов, Ян Гроссман, Михаил Венярчик, Николай Волков, Георг Зейбарт, Карл Тимм, Александр Афанасьев, Петр Соболев, Михаил Анисимов, Арнольд Либек, Станислав Зеленкевич[6]. То была последняя предсмертная поездка Свердлова. 25 марта 1919 г. Президиум ВЦИК, рассмотрев заявление АБО, принял решение:

«Постановление 1-го Автобоевого отряда о его переименовании в память Я.М. Свердлова в 1-й Автобоевой отряд имени т. Я.М. Свердлова ВЦИК утвердить».

В апреле 1919 г. сопровождали поезд уполномоченного Совета Обороны Л.Б. Каменева. Во время нахождения в Екатеринославе на имя начальника отряда Ю. Конопко пришла телеграмма («военная, вне очереди»): «Получили предписание Президиума немедленно выделить треть отряда на фронт. Технический состав такой: один броневик,

[4] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1235, оп. 137, д. 32, л. 131.

[5] Об этом см. ниже в воспоминаниях С.А. Пискунова.

[6] Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 40698, оп. 1, д. 4, л. 13.

один полутанк, полученный из Одессы, и два мотоцикла с пулеметами. Принимаем меры. Желательно ваше мнение. Вызывайте по прямому проводу. Ждем ответа. Зеленкевич»[7].

В Предписании ВЦИК в связи с отправкой на фронт добровольцев АБО от 17 мая 1919 г. говорилось:

«Предписывается всем добровольцам Автобоевого отряда ВЦИК имени Свердлова, желающим отправиться на фронт, немедленно сформировать отряд в составе одного танка, броневика, двух пулеметных мотоциклов и одного грузовика и отправиться в действующую Красную Армию в распоряжение военного командования.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет надеется и уверен, что все как один человек покажут полную самоотверженность и преданность делу революции и своим примером воодушевят всех действующих на фронте против врагов Советской власти.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет предписывает соблюдение строжайшей революционной дисциплины и порядка.

За председателя ВЦИК В. Аванесов Секретарь ВЦИК А. Енукидзе» [8].

Началась фронтовая эпопея Автобоевого отряда. Возник вопрос о дальнейшей его судьбе: сохранить или передать целиком Красной Армии. Было принято решение об утверждении нового статуса АБО. 22 августа Президиум ВЦИК принимает постановление:

«Автобоевой отряд имени Я.М. Свердлова формируется как автобоевая единица и находится при ВЦИК в полном распоряжении Президиума.

1. Все боевые части отряда могут быть передаваемы в распоряжение Народного комиссариата по военным делам, но сохраняют название части, и при передвижении с одного фронта на другой [об этом] сообщается во ВЦИК.

2. Откомандированные в распоряжение военного ведомства боевые части отряда находятся в полном распоряжении и подчинении военного командования и на полном довольствии.

3. Семьи красноармейцев приравниваются ко всем другим и пользуются одинаковыми льготами, как и семьи всех красноармейцев.

4. Легковые машины Автобоевого отряда имеют свободное передвижение на всей территории РСФСР»[9].

О боевой и служебной деятельности АБО свидетельствуют документы, воспоминания, очерки, статьи[10]. Мы ограничимся некоторыми не публиковавшимися ранее материалами, дополнив их своими комментариями.

О людях Автобоевого отряда, их боевых подвигах и драматических судьбах можно писать отдельную книгу. В АБО некоторое время состояли шоферы Степан Гиль и Сергей Тихомолов. Первый, как известно, возил председателя Совнаркома В.И. Ленина. Правда, числился С.К. Гиль в отряде недолго[11]. Сергей Тихомолов был шофером Ф.Э. Дзержинского. В АБО он состоял с февраля 1919 г., но вскоре переведен в ВЧК[12]. В своих воспоминаниях «Восемь лет с Дзержинским» он пишет:

---

[7] РГВА, ф. 40698, оп. 1, д. 1, л. 352. С. Зеленкевич оставался в Москве за начальника отряда.

[8] РГВА, ф. 40698, оп. 1, д. 5, л. 29, 29 об.

[9] ГАРФ, ф. 1235, оп. 36, д. 52, л. 4.

[10] См.: Беликов И.Г., Бойко И.К., Логунов М.С. Имени Дзержинского. – М., 1976; Внутренние войска Советской республики. 1917–1922 гг. Документы и материалы. – М., 1972; Войска называются внутренними. – М., 1982; Нам имя – дзержинцы. – М., 1984; Орденоносная Дзержинского. – М., 2004; Кищук В. Защищая завоевания революции /Пограничник. – 1957. – № 16. – С. 16–21; Котов В., Журавлев В. Автобронеотряд имени Я.М. Свердлова /Военно-исторический журнал. – 1971. – № 9. – С. 73–78; Савельев С. Легендарные броневики /За рулем. – 1973. – № 4. – С. 3–7 и др.

[11] Упоминается в списке бойцов АБО по состоянию на 18 июля 1918 г. (РГВА, ф. 40698, оп. 1, д. 2, л. 159).

[12] Значится в списке, датированном 30 апреля 1919 г. (см. там же, л. 349).

«Моя первая встреча с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским состоялась 27 мая 1918 г. Прежде чем я приступил к работе шофером на машине „Паккард“ в ВЧК, меня вызвали к нему на беседу.

Когда я вошел в кабинет, навстречу мне из-за стола поднялся высокий худой человек с умными проницательными глазами. Одет он был очень скромно: солдатская гимнастерка и брюки, заправленные в сапоги.

– Здравствуйте! – сказал он. – Как вас зовут?

– Сергей Тихомолов.

– А я Дзержинский.

Я тогда еще не знал, кто такой Дзержинский.

Феликс Эдмундович расспросил меня о моей предыдущей работе и сказал, что я буду обслуживать членов президиума ВЧК.

– Работать придется в три смены. Подберите себе помощников. О жилье для вас позаботится Абрам Яковлевич Беленький.

Мне выдали продовольственную карточку: на хлеб, на завтрак, обед и ужин. Хлеба давали 100 граммов в сутки, завтрак состоял из двух маленьких лепешек и стакана чая, в обед – суп или щи из конины, на второе – тушеная конина с соусом из отрубей, а на ужин – опять две лепешки с чаем...»[13].

Далее он рассказывает о мятеже левых эсеров в Москве, задержании Дзержинского мятежниками, о его пребывании на Юго-Западном и Западном фронтах, отношении к детям.

Новая власть, ее органы защиты, вооруженные силы рождались в борьбе, поэтому были ошибки, неудачи, перегибы, жестокость. Но были и смелость, энтузиазм, готовность к самопожертвованию во имя великой идеи. Все это сплачивало, вдохновляло и давало силы при скудном питании, нехватке продуктов, обуви, одежды, лекарств, оружия... Люди боролись, переносили голод, холод, болезни, терпели лишения, мирились с невзгодами.

Революция расколола страну, а у каждой стороны была своя правда, воевали долго и упорно. У белых была своя героика, у красных – своя. И те и другие были убеждены в своей правоте. Но победили красные. Ценой больших потерь. Победа без жертв не бывает. Таковы последствия революций и войн.

Однако вернемся к Автобоевому отряду и его людям.

Автобоевой (в ряде документов – Автоброневой) отряд ВЦИК, безусловно, героическая, уникальная часть Красной Армии. Примерно на 60 бойцов этого отряда пришлось 99 (в ряде источников – 100) орденов Красного Знамени, т.е. были дважды и трижды краснознаменцы. Имелись и другие награды (именное оружие, грамоты, ценные подарки). Не было в истории Гражданской войны другого такого отряда Красной Армии со столь внушительным числом боевых наград. В период Великой Отечественной войны, как мы знаем, были примеры награждения за коллективный подвиг целых подразделений, как правило, посмертно (25 омсбоновцев, 28 героев-панфиловцев в битве под Москвой, широновцев, павших смертью храбрых в боях за Харьков). Об этом широко известно. Легендарный Автобронеотряд ВЦИК вполне достоин специально посвященной ему отдельной книги. Это было бы очень интересно. В данном случае мы прослеживаем боевую биографию АБО фрагментарно, основываясь на разрозненных публикациях, музейных и архивных материалах.

Одним из недавних открытий является запрятавшийся в архивных дебрях приказ о навечном зачислении в списки АБО трех погибших воинов.

В приказе № 1 от 1 января 1921 г. по 1 (52) Автобоевому отряду имени Я.М. Свердлова командир отряда Ю. Конопко на основе данных ему полномочий по формированию Автобоевого отряда особого назначения войск ВНУС республики объявил штат, утвержденный 24 декабря 1920 г. председателем ВЧК Ф.Э. Дзержинским и командующим войсками ВНУС республики В.С. Корневым, в количестве 225 человек.

Штатная расстановка предусматривала: штаб отряда (24 чел.), три боевых взвода (всего 72 чел.), броневой взвод (34 чел.), технический взвод (65 чел.), отделение связи (17 чел.),

---

[13] О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. Воспоминания, статьи, очерки современников. – М., 1977. – С. 138.

команда саперов (13 чел.), 45 единиц техники.

Параграф 10 приказа гласил:

«Объявляю, что согласно постановлению общего собрания вверенного мне отряда 31 декабря 1920 г. внести в список отряда погибших, геройски сражаясь в боях, которые способствовали разгрому белогвардейских банд на Юге и Западе республики. Имена товарищей, погибших в боях, читать на утренней поверке отряда. Заслужившими такой чести являются тт. 1) Янсон Жан, 2) Буш Иоган и 3) Пукке Жан.

СПРАВКА: сообщение председателя общего собрания от 1/1 – 21 г., № 1».

Хотя это десятый параграф длинного приказа, но он для нас важнейший из всех остальных. По сути дела, это один из первых (если не первый) приказ Красной Армии и во внутренних войсках о навечном зачислении в списки части.

Несомненно, бойцы отряда и их командир, принимавшие такое решение, знали о подобной традиции, существовавшей в русской армии.

Во внутренних войсках это, безусловно, первый прецедент такого рода. Правда, основан он на приказе командира отряда и не подтвержден приказом по войскам, хотя никакого официально установленного порядка навечного зачисления тогда не существовало. Это была инициатива, непосредственно проявленная бойцами ОТРЯДА. К сожалению, нам не известно, сколько времени введенное данным приказом правило выполнялось. Известно лишь, что ни в Отряде ОСНАЗ, куда влился Автобронеотряд, ни в дальнейшем оно не соблюдалось, и о трех навечно зачисленных забыли.

В своем приветствии Президиуму ВЦИК от 12 февраля 1921 г. командир-военком АБО Ю. Конопко писал:

«За 1919–1920 годы отрядом пройдено в боях, наступая и отступая, 12 000 с лишним верст.

1(52) Автобоевой отряд ВЦИК имени Я.М. Свердлова, получив от лица командиров дивизий и командарма 1-й Конной армии тов. Буденного лестные заслуженные отзывы о своих боевых подвигах на революционном фронте, вполне оправдал себя в своем назначении и в тяжелые боевые минуты помнил заветы и напутственные слова, сказанные от лица Президиума ВЦИК тт. Енукидзе и Аванесовым, что придавало еще больше отваги и решимости.

Отправляясь незначительным числом, но крепким в алчную пасть душителям угнетенных, потеряв своих лучших и близких товарищей в лице Янсона, Буша и Пукке, отряд, измученный физически и морально, возвратился. Но, не покидая свой пост, энергично вновь принимается за восстановление своих сил и подготовку к новой лучшей жизни в будущем...»

Так тогда писали, иногда высокопарно, но искренне, уверенно, от души.

Национальный состав АБО: русских – 42, латышей – 11, венгров – 6, поляков – 2. На фронтах Гражданской войны АБО придавался для усиления: 42-й бригаде 9-й армии; 16, 33, 42, 31, 13 и 12-й дивизиям 8-й армии; 11, 4 и 6-й дивизиям 1-й Конной армии. Он участвовал в боях по овладению и обороне городов: Калача, Острогожска, Лиски, Воронежа, Валуйки, Купянска, Новочеркасска, Ростова-на-Дону, Нахичевани, Ровно, Дубно, Бердичева, Житомира; воевал под Львовом в Галиции. Захвачены трофеи: броневик 1, танков 4, орудий 10, пулеметов 37, патронов 200 тыс., множество обозов и другого имущества. Свои потери: танк 1, грузовик 1. Людские потери: убито 3 чел., ранено 16 чел., умерли от ран 3 чел., пропали без вести 3 чел.

Учитывая боевые заслуги автобронеотрядцев на фронтах войны и в борьбе с повстанцами, Президиум ВЦИК наградил Автобронедивизион имени Я.М. Свердлова войск ВЧК Красным Знаменем с вышитой надписью «ЗА ПОДВИГИ».

Вручение состоялось 25 февраля 1922 г.[14] Правда, к этому времени ВЧК было упразднено, а Автобронедивизион вошел в состав войск ГПУ. В опубликованной в газете информации говорилось:

«Наш сотрудник беседовал с командиром автобронедивизиона отряда ОСНАЗ при Президиуме ГПУ т. Игнатовичем.

[14] Красный воин. – 1922. – 11 апреля. – № 51.

– Близится весна, – говорит т. Игнатович, – и вместе с ней усиливаются белобандитские налеты. В связи с этим отряд деятельно готовится к весенней кампании, если такая будет иметь место. Ремонтируются машины, чистятся пулеметы.

Знамя, поднесенное ВЦИКом 25 февраля в день 4-й годовщины Красной Армии, мы гордо пронесем сквозь все испытания, которые нам предстоят».

Однако в архивных материалах мы находим как бы противоречивший данному факту документ. Это протокол № 5/Б от 23 января 1923 г. заседания Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, на котором слушался вопрос: «О награждении автоброневого отряда ВЦИК имени Я.М. Свердлова Красным Знаменем».

Приняли постановление: «Вручить автоброневому отряду имени Я.М. Свердлова Красное Знамя за заслуги на Южном фронте»[15].

Дело в том, что существовало два АБО и оба имени Я.М. Свердлова. Два отряда ВЦИК: один в Кремле, другой на фронте. Они существуют параллельно, и каждый выполняет свои задачи.

25 июня 1919 г., после убытия 1-го АБО в составе 35 человек на фронт, в Кремле состоялось общее собрание оставшейся части АБО с повесткой дня: 1) об избрании временно исполняющего должность нач. отряда (впредь до назначения Президиумом ВЦИК); 2) об избрании зав. хозотряда; 3) об избрании зав. технической и бензиновой кладовыми; 4) текущие дела. Исполняющим должность начальника отряда был избран Максим Никандров.

На протоколе имеется резолюция: «Утвердить временно. 30.VI. А.Е. Енукидзе».

23 июля 1920 г. после боев в районе Дубно 1(52)-й АБО выбывает с фронта в Москву. 16 сентября этого года он поступает в распоряжение Инспектора бронесил республики, переходит на некоторое время в подчинение бронебригады, дислоцируется в гостинице «Спорт».

Это обстоятельство не удовлетворяет возвратившихся с фронта бойцов. Они хотели возвратиться в распоряжение Президиума ВЦИК и воссоединиться с оставшейся частью отряда. Об этом идет речь на общем собрании комячеек обеих частей АБО. Как видно из протокола № 26 партсобрания членов комячейки 1-го АБО им. Я.М. Свердлова, состоявшегося 30 сентября 1920 г., был заслушан доклад ком. 1(52)-го АБО Власова, который рассказал о трениях, возникших между двумя отрядами. Было высказано пожелание всех возвратившихся с фронта считать «почетными членами отряда», но вопрос, по существу, о слиянии повис в воздухе. А. Енукидзе заявил: «Мы ничего не знаем, так пусть и будет..» Вынесли решение:

«Ячейка 1-го АБО им. Свердлова при ВЦИК, заслушав доклад командира и бюро комячейки 1(52)-го АБО им. Свердлова при ВЦИК по возвращении с фронта на переформирование, считает его своей семьей и выражает желание соединиться 1(52)-му АБО с отрядом, находящимся в Кремле». Но это было только пожеланием.

Возникли противоречия между Никандровым и Власовым. Енукидзе поддержал Никандрова. Был высказан упрек Власову: «Не надо было обращаться по прибытии с фронта в Центробронь, а идти в Президиум ВЦИК», обижались на поведение Конопко. Конец всей этой ситуации положило вмешательство Дзержинского.

18 ноября по ходатайству Председателя ВЧК ВЦИК принял решение о передаче возвратившегося с фронта 52-го (бывшего 1-го) Автобронеотряда в состав войск ВНУС. Здесь он получил наименование Автобронеотряда особого назначения.

В протоколе № 48 от 18 ноября 1920 г. говорилось:

«СЛУШАЛИ: Ходатайство штаба ВНУС о передаче прибывшего с фронта отряда № 52 и предназначенного для ВЦИК в отряд особого назначения, формируемый согласно приказу ВНУС для выполнения заданий ВЧК.

ПОСТАНОВИЛИ: Ходатайство удовлетворить. Отряд передать в распоряжение штаба ВНУС».

Приказом войскам ВНУС № 139/с от 29 октября 1920 г. для выполнения заданий ВЧК формировался Отряд ОСНАЗ, в состав которого входил бронеотряд. 24 декабря 1920 г. был

---

[15] ГАРФ, ф. 1235, оп. 40, д. 69, л. 41. Опубликовано в кн.: Боевые подвиги частей Красной Армии (1918–1922 гг.). Сб. док. – М., 1957. – С. 194; Внутренние войска Советской республики. – С. 639.

утвержден штат АБООН в количестве 225 ед. Формирование его поручено Ю.В. Конопко.

В начале 1921 г. он переходит в состав войск ВЧК. Приказом ВЧК № 82 от 24 февраля 1921 г. он снова переименован в Автобронеотряд имени Я.М. Свердлова. Участвует в ликвидации повстанчества в Тамбовской губернии и на Южном Урале.

Решением ВЧК от 30 марта 1921 г. и приказом начальника войск ВЧК № 251/с от 6 апреля того же года формируется Отряд особого назначения, в состав которого 29 октября 1921 г. вливается Автобронедивизион им. Я.М. Свердлова. Позже в ходе дальнейших реорганизаций он утратил свое имя.

ОТ СПЕЦНАЗА ДО ОСНАЗА

История Отряда ОСНАЗ, на базе которого возникла дивизия имени Ф.Э. Дзержинского, тесно связана и с первыми формированиями боевых сил ВЧК, в первую очередь с отрядом самокатчиков.

Список этого отряда по состоянию на 27 марта 1918 г., опубликованный в сборнике документов и материалов «Внутренние войска Советской республики» (М., 1972), нам о многом говорит. Кто занимается или интересуется историей внутренних войск, встретит в этом списке знакомые фамилии: Павел Кобелев и Михаил Горбачев. Первый вскоре стал командиром этого отряда, затем возглавил отдельный батальон ВЧК, в 1922 г. – 1-й отдельный полк войск ГПУ, с 1924 по 1929 г. он был начальником-военкомом ДИВИЗИИ, которой посвящена данная книга. Жизнь Кобелева развивалась успешно, но завершилась трагически.

Жизнь его заместителя сложилась вполне благоприятно.

Как только самокатчики переехали в новую столицу, им пришлось здесь воочию столкнуться с таким явлением, которое все больше и больше давало о себе знать, – бандитизмом. И тогда произошла первая потеря в их рядах. Пять лет спустя, вспоминая об этом, М. Горбачев (тогда начальник политсекретариата 1-го Отдельного полка войск) писал:

«ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

В начале 1918 г. в темную ночь в комендатуру ВЧК поступили сведения о том, что в одном из бандитских притонов собралась шайка мошенников для обсуждения планов очередного налета.

Тов. Заковский – комендант ВЧК – быстро снаряжает небольшой отряд из самокатчиков и направляет его к дому, указанному в полученных сведениях. Дом, где засели бандиты, оцепляется со всех сторон, занимаются входы и выходы. Часть отряда направляется в одну из дверей, где криками «руки вверх» и направленными дулами наганов производят сильное замешательство среди шайки.

Завязывается отчаянная борьба, слышатся выстрелы... В конце концов нам удается перевязать и обезоружить бандитов, но эта удача достается нам очень дорого. В отчаянной схватке погиб от предательской пули самокатчик тов. Степанов, хороший товарищ и преданный своему делу пролетарий...

Тов. Дзержинский, потрясенный утратой честного солдата революции, принялся сам за следствие над виновниками убийства тов. Степанова.

На другой же день виновные понесли заслуженное наказание, а тов. Степанов был похоронен вместе с жертвами Октябрьской революции у Кремлевской стены»[16].

Одним из первых отрядов ВЧК был также отряд свеаборжцев. Из него вышло немало первых чекистов. Из свеаборжцев отбирали людей в личную охрану В.И. Ленина после покушения на него в 1918 г.

Первоначально оба отряда (самокатчиков и свеаборжцев) вошли в отдельную роту ВЧК (ноябрь 1918 г., командовал ротой П.Г. Кобелев), которая в ноябре 1919 г. вместе со второй

[16] На страже революции. Понедельная газета Политсекретариата 1-го Отдельного полка Войск ГПУ – 1922, 17 декабря. – № 7. Операция происходила в чайной «Отрада», расположенной на ул. М. Бронная. (См.: Штутман С. На Малой Бронной... /На боевом посту. – 1987. – № 2. – С. 22 – 23.)

ротой (комроты Меламед)[17] и кавэскадроном составили отдельный батальон спецназначения (первый «спецназ» в войсках). Командовал батальоном Стеслицкий[18]. В мае 1920 г. кавэскадрон убыл на Украину, где часть его личного состава погибла в борьбе с махновцами, остальные влились в РККА.

С 26 мая 1921 г. отдельный батальон спецназа стал именоваться 1-м отдельным батальоном войск ВЧК (комбат М.Н. Мещеряков, военком М.Г. Горбачев, зав. хозяйством П.Г. Кобелев). Вскоре Кобелев сменил Мещерякова; пом. по строевой части стал М.С. Иванов.

1921 год был весьма трудным, если не переломным, в истории Советской России. Политика военного коммунизма, достигнув своего апогея, приближалась к банкротству. С 1 января вступил в силу принятый 4 декабря 1920 г. декрет СНК «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов». Не взималась плата за коммунальные услуги, проезд в трамвае и т.д. Из-за отсутствия достаточного снабжения хлебом началось трудовое дезертирство, усилилась миграция населения, люди покидали индустриальные центры. Крестьянство не мирилось с продразверсткой, усилились волнения в сельских местностях. Разразившийся в стране экономический кризис грозил самыми тяжелыми последствиями. Об этом свидетельствовали антисоветские выступления, возглавляемые А. Антоновым, А. Сапожковым и др., Кронштадтский мятеж. Все это ускорило принятие советским руководством решения о замене продразверстки продналогом и переходе к новой экономической политике. Все это не проходило безболезненно, вызвало колебания и протесты даже среди многих большевиков[19].

Переход от войны к миру вызвал серьезную перестройку и в области военного строительства. Завершение Гражданской войны изменило объем выполняемых внутренними войсками задач, привело к значительному сокращению численности.

Постановлением Совета труда и обороны от 19 января 1921 г. войска внутренней службы, за исключением войск чрезвычайных комиссий, железнодорожной и водной милиции, были переданы военному ведомству и вскоре упразднены.

Подчиненные ВЧК войска были подвергнуты реорганизации. Дважды издаются документы об организации войск ВЧК (от 29 января и от 10 июля 1921 г.). Существенно изменяются органы управления войсками, их состав, задачи и порядок использования. Войска обеспечивали охрану порядка, несли караульную службу, вели борьбу с бандитизмом, активно участвовали в жизни страны, оказывали помощь голодающим детям.

Командующий войсками ВЧК В.С. Корнев, будучи одновременно начальником милиции республики и заместителем председателя Комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей, привлек части войск к работе по ликвидации детской безнадзорности. 16 марта 1921 г. он издал приказ войскам ВЧК республики, в котором, в частности, говорилось:

«Всероссийский Исполнительный Комитет своим постановлением об организации особой полномочной комиссии по улучшению жизни детей указал на заботу о детях как на задачу первоочередной важности, к полному разрешению которой должно быть привлечено возможно больше сил. Дети советской пролетарской страны должны быть поставлены в наилучшие условия жизни. Блуждающих по водным и железнодорожным путям сообщения беспризорных детей в Советской республике быть не должно». Приказ потребовал от войск ВЧК оказывать «всяческое содействие органам правовой защиты детей – детской инспекции и в борьбе с детской беспризорностью», привлечь к этому делу силы желдормилиции, чинам

---

[17] Из этих рот было выделено 100 бойцов, направленных на фронт; в бою под Петроградом погибли смертью храбрых пулеметчики Федоров и Павлов, рядовой Спектор.

[18] 11 ноября 1919 г. Президиум ВЧК рассмотрел вопрос о слиянии отдельных рот в батальон ВЧК и принял постановление «организовать из имеющихся рот батальон со всеми хозяйственными организациями».

[19] Например, член партии с 1907 г. В.Л. Панюшкин, состоявший с апреля 1918 г. членом коллегии ВЧК, чрезвычайный военный комиссар в Тульской губернии, Поволжье, на Урале по борьбе с контрреволюцией, бывший комиссар 1-го социалистического отряда ВЦИК (командир И.М. Ляшкевич), с которым был на Восточном фронте, кавалер ордена Красного Знамени № 2, с группой приверженцев вышел из РКП(б) и пытался организовать свою «Рабоче-крестьянскую социалистическую партию», был судим и приговорен Верховным трибуналом ВЦИК к двум годам принудительных работ, по амнистии освобожден от наказания. После беседы с В.И. Лениным отказался от своей затеи и был восстановлен в РКП(б). (См.: В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). – М., 1975. – С. 487.)

которой предписывалось «проявлять максимум внимания и бережливо-осторожного отношения» к беспризорным детям и при задержании их «ни в коем случае не допускать грубости и насилия». Части железнодорожной милиции входили тогда в состав войск ВЧК.

Стараясь привлечь чекистов к этой проблеме, Дзержинский в записке И.С. Уншлихту предлагал «дать наш аппарат» для работы деткомиссии ВЦИК. «Считал бы очень важным, – говорится в записке, – именно нам этим заняться. Я там числюсь председателем...»

В эту работу включились ответственные сотрудники ВЧК, штаба войск ВЧК, Главмилиции. Широкое развитие получило шефство предприятий, воинских частей над детскими учреждениями. Каждые 30–50 красноармейцев брали на свое обеспечение одного ребенка. Только в 1921 г. при воинских частях было создано 102 детских дома на 12 тысяч детей. В 1922 г. на содержании воинских частей находилось 35 тысяч детей.

Шефство над детьми получило широкое развитие и в войсках ВЧК-ГПУ-ОГПУ.

30 марта 1921 г. решением ВЧК и изданным на его основе приказом начальника войск ВЧК М.И. Розена № 251/с от 6 апреля того же года было положено начало созданию Отряда особого назначения. Формирование поручено бывшему начальнику дивизии особого назначения (ДОН) войск ВНУС (затем войск ВЧК) С.С. Филиппову. Отряд располагался в Москве на Б. Лубянке, д. 11. Временно исполняющим должность начальника Отряда ОСНАЗ назначается Бернацкий, а с 16 июля 1921 г. – прибывший из Управления войск ВЧК Николай Александрович Бобылев, который уже 23 июля передает командование отрядом Григорию Владимировичу Климову. Его помощником по строевой части с 6 августа становится Казимир Иосифович Взентек, помощником по политической части – Георгий Филаретович Коломин, прибывший из Политсекретариата войск ВЧК. Его сменил Сергей Тимофеевич Аверьянов. 19 сентября в Отряде ОСНАЗ на базе кавэскадрона возникает кавалерийский дивизион.

29 октября 1921 г. в Отряд ОСНАЗ вливается Автобронедивизион имени Я.М. Свердлова. Он располагался тогда в доме № 8 по Садово-Черногрязской улице.

С июля 1921 г. в отряде действовали группы политпросвета, содействия РКИ, литературная коллегия. По предложению зав. Политсекретариатом войск ВЧК Г.К. Соболевского на общем собрании 11 июля решили издавать свою газету. Под названием «На боевом посту» она стала выходить с февраля 1922 г.

11 декабря 1921 г. в Москве на Красной площади состоялся парад. Он запечатлен на многих фотографиях.

...Красная площадь. Заснеженная брусчатка. На снимке – группа людей в военной форме. Происходит вручение Знамени. Вручает Ф.Э. Дзержинский. Он в длинной шинели, в сапогах. На голове богатырка (позднее этот головной убор стали называть фрунзенкой, но более укоренилось название буденовка). Перед строем стоит командир, отдающий честь. Лица его не видно. На рукаве шинели отчетливо видны звезда и под нею два ромба. По всем признакам это командующий парадом начальник Отряда ОСНАЗ Г.В. Климов. На том же снимке запечатлено Знамя, на котором явственно видны буквы, позволяющие догадаться, что оно вручается от имени Президиума, но только неясно: то ли ВЦИК, то ли ВЧК.

Снимок публиковался несчетное количество раз, датировался и аннотировался по-разному[20]. Привязывался он, разумеется, к биографии Дзержинского, который действительно на параде вручил Знамя. Весь вопрос только: когда, от имени кого и кому? Ответ: Знамя Президиума ВЧК было вручено Ф.Э. Дзержинским Отряду ОСНАЗ на Красной площади во время парада, посвященного 4-й годовщине ВЧК 11 декабря 1921 г.

В приказе № 306 от 12 декабря 1921 г. по этому поводу говорится:

«Вчера, 11/XII с.г., вверенному мне отряду Президиумом ВЧК было вручено Знамя. Знамя является для нас символом революционной борьбы за власть трудящихся, под которым мы должны объединиться для защиты интересов рабоче-крестьянской власти.

---

[20] Например, в книге Н.И. Зубова «Ф.Э. Дзержинский. Биография» (М., 1971) подпись под фотографией гласит: «Ф.Э. Дзержинский при вручении почетного Знамени президиума ВЦИК полку ВЧК на Красной площади в Москве. 1921 г.». Точно такая же фотография воспроизведена в книге «Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография» (М., 1983) с той же подписью. В книге В.А. Лескова «Охота на вождей: от Ленина до Троцкого» (М., 2005) помещен фотоснимок, относящийся к тому же событию, но датированный 1920 годом.

Каждый командир и красноармеец должны зорко его хранить и в нужную минуту защищать его, не щадя своей жизни, помня, что, защищая Знамя, защищает интересы дорогой власти.

Президиум ВЧК, поздравляя военнослужащих Отряда с праздником, просил передать вам свою благодарность за хорошую выправку и стройный вид при проходе церемониальным маршем.

В свою очередь, поздравляю командиров, военнослужащих красноармейцев Отряда с праздником...»[21]

Еще одно знаменательное событие произошло в те дни в Отряде ОСНАЗ. 26 декабря осназцев посетил Семен Михайлович Буденный, который единодушно был избран почетным красноармейцем, и ему вручена красноармейская книжка. «Приказываю, – сказано в приказе по Отряду ОСНАЗ № 327 от 29 декабря 1921 г., – тов. Буденного зачислить в списки 1-го отделения 1-го взвода 1-го эскадрона Кавдивизиона отряда почетным красноармейцем без зачисления на какие-либо виды довольствия»[22].

Между тем в войсках ВЧК продолжался процесс реорганизации, шло сокращение и переформирование частей. Вступивший в июле 1921 г. на пост начальника Управления войск ВЧК республики (начальника войск) П.К. Студеникин активно включился в этот процесс. Он решил дополнить инициативу одного из своих предшественников М.И. Розена о формировании Отряда ОСНАЗ идеей дальнейшего преобразования последнего в дивизию.

Командование войск ВЧК проектировало сформировать в 1921 г. отдельную дивизию, использовав для этого части Московского округа войск ВЧК, в котором помимо Отряда ОСНАЗ имелось три отдельных полка, кавдивизион, автоброневидивизион, авиаотряд, инженерный батальон и еще 12 отдельных батальонов[23]. Однако Ф.Э. Дзержинский раскритиковал представленный проект в письме на имя Уншлихта и отверг его, заметив, что Студеникин «слишком большую единицу задумал сформировать» и «не ищет новых форм», что нужны «небольшие части, согласованные, всех родов оружия, легко подвижные и сплоченные собой не только дисциплиной, но и подбором и близостью с ЧК...» «Все внимание, – подчеркивал предВЧК, – должно быть обращено на подбор людей и техники, которые должны заменить количество»[24].

Однако идея Студеникина все же была осуществлена, но на это понадобилось прожить еще три года.

К тому времени основа для преобразования Отряда ОСНАЗ в дивизию была создана. Отряд значительно укрепился, став лучшей и передовой частью внутренних войск. Этому способствовали столичная дислокация Отряда, близость к руководству войск (с момента создания он именовался Отрядом особого назначения при Президиуме ВЧК, затем – при Президиуме ГПУ; с 25 декабря 1923 г. при слиянии с 1-м отдельным полком ему присваивается наименование Отряда особого назначения при Коллегии ОГПУ)[25].

В апреле 1922 г. осназовцы отмечали свою первую годовщину. Она прошла в торжественной обстановке. Об этом писала московская пресса. В одной из корреспонденций отмечалось:

«2 апреля Отряд ОСНАЗ при Президиуме ГПУ празднует свою первую годовщину.

Организовавшись тотчас после Кронштадтского мятежа, Отряд проделал большую работу в смысле охраны революции от белобандитских посягательств. Во входящем в Отряд Автоброневидивизионе имени Я.М. Свердлова более 32 человек награждено орденом Красного Знамени.

По ликвидации внешнего и внутреннего фронтов политсекретариатом Отряда широко развита просветительская работа. При Отряде функционируют политкурсы по программе Свердловского университета и богатая библиотека-читальня. Издается еженедельная газета «На боевом посту», где сотрудничают исключительно красноармейцы, в Отряде нет ни

---

[21] РГВА, ф. 16240, оп. 2, д. 11, л. 397.

[22] РГВА, ф. 16240, оп. 2, д. 11, л. 448.

[23] См.: Внутренние войска Советской республики (1917–1922 гг.). Документы и материалы. – М., 1972. – С. 277.

[24] РГАСПИ, ф. 76, оп. 4, д. 105; Ф.Э. Дзержинский и внутренние войска. – М., 1988. – С. 171.

[25] Приказ ОГПУ № 525 от 12 декабря 1923 г. 1-й полк в количестве 2025 ездоков включен в состав Отряда ОСНАЗ с возложением на него обслуживания ОГПУ и МГО.

одного неграмотного. Посекр выпустил юбилейный № 5 газеты и сборник с воспоминаниями, отчетом и портретами героев Отряда.

В день годовщины состоится торжественное собрание с участием главкома т. Каменева, почетного красноармейца Отряда т. Буденного, т. Ворошилова, членов Президиума ГПУ тт. Беленького, Уншлихта и др.

Вечером силами детей дома войск ГПУ будет поставлен концерт и спектакль»[26].

В Отряде ОСНАЗ была организована школа музыкантов, через которую прошли 150 воспитанников[27].

Спустя два дня та же газета опубликовала репортаж:

«Праздник Отряда ОСНАЗ (2 апреля 1922 г.)

Весенний апрельский день. Под бравурные звуки марша идет на парад в честь своей первой годовщины Отряд ОСНАЗ при Президиуме ГПУ.

Четко ставит ногу пехота, молодцевато гарцует кавалерия. Грохочут машины с пулеметчиками; шествие замыкает серо-зеленый броневик с сияющими пулеметными гнездами.

Но вот Красная площадь. Подъезжает автомобиль с зам. председателя ГПУ т. Уншлихтом, т. Беленьким и т. Буденным.

– Смир-р-но!

С шашкой наголо, блестящей в солнечных лучах, идет начальник Отряда т. Климов с рапортом т. Уншлихту. На приветствие дружный ответ:

– Здрав-ствуй-те!

– Вместе с весной, – говорит т. Уншлихт, – усиливаются и бандитские происки. Если белогвардейцам мало старых уроков, то мы им их напомним.

Тов. Буденный призывает тт. красноармейцев, командиров и комиссаров теснее сплотиться вокруг своего боевого штаба.

Выступает главком Украины и Крыма т. Фрунзе:

– Охраняя юго-западные границы Федерации, мы твердо уверены, что центр на страже революционных завоеваний. Этой уверенностью мы сильны и победим.

– Войска ГПУ, – говорит комвойск Северо-Кавказского фронта т. Ворошилов, – совместно с полевыми войсками должны во всякое время быть готовы уничтожить белые своры.

После митинга – парад.

Дружно, дисциплинированно возвращается Отряд домой. Здесь – товарищеский обед. После речи т. Соболевского красноармейцы качают тт. Климова, Аверьянова, Розенталя. Выступивший от имени Отряда т. Киров заявил:

– Год работы нас еще больше закалил!»[28]

---

[26] Красный воин. – 1922. – 2 апреля. – № 45.

[27] Это нашло отражение в приказе войскам ГПУ № 503 от 14 ноября 1922 г.: «Приказом войскам ГПУ № 222 от 27 июня с. г. для создания кадра военно-оркестровых музыкантов в каждой части войск ГПУ, имеющей штатный оркестр, за счет отчислений части в пользу Помгола (Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК. – Прим. ред.) было приказано сформировать школы подростков преимущественно из голодающих губерний и круглых сирот. Во всех частях войск ГПУ Московского гарнизона при ближайшем участии и руководстве начальника военных оркестров т. Бураковского и инструктора-организатора т. Сваричевского подобные школы были организованы. Несмотря на материальные затруднения, обучение в столь незначительный промежуток времени уже дало свои положительные результаты. В день празднования пятилетия Октябрьской революции соединенный оркестр из подростков школ Московского гарнизона войск ГПУ участвовал в шествии и по своей организованности и подготовке мог соперничать с прочими оркестрами. Считая, что успех, достигнутый в этом, принадлежит всецело неутомимой энергии и любви к порученному делу тт. Бураковского и Сваричевского, а также неустанным заботам по образцовой постановке полковой школы подростков командира 1-го полка ГПУ т. Кобелева, объявляю им благодарность. Выражаю твердую уверенность, что все командиры, комиссары и капельмейстеры отнесутся с должным вниманием к организации подобных школ и снабжению их всем необходимым, памятуя, что подготовка подростков имеет весьма важное значение в смысле поднятия на должную высоту оркестрового дела в войсках ГПУ. Зампредседателя ГПУ Уншлихт. Начальник штаба Ефимов».

[28] Красный воин. – 1922. – 4 апреля. – № 46.

Конечно, все речи выдержаны в привычном стиле выступлений перед красноармейской массой. Но он был доступен, понятен и воспринимался с одобрением.

Сам парад, устроенный на Красной площади, прибытие на него военных и чекистских руководителей высшего уровня свидетельствуют о значимости и авторитете данного формирования. Ему действительно оказывали большое внимание в правительственных, армейских и чекистских кругах. Это касалось подбора личного состава, его размещения, вооружения. Здесь были собраны хорошие кадры командиров и политработников, четко налажена боевая подготовка и умело поставлена воспитательная работа, культивировался спорт. Из Отряда ОСНАЗ часть бойцов попала в личную охрану В.И. Ленина (например, в нее вошли: Иванов Г.Н., Бельмас А.В., Пидюра М.Я. и др.). К сожалению, сохранилось мало архивных документальных материалов. Но можно воспользоваться информацией об Отряде в печати. В то время жизнь воинских коллективов широко освещалась в центральных и местных газетах. Например, газета «Рабочая Москва» 15 августа 1922 г. сообщала:

«Отряд особого назначения президиума ГПУ производит очень хорошее впечатление порядком и заботливым убранством помещения. Внутренняя жизнь проникнута упорным систематическим политическим воспитанием. Средств для этой цели достаточно, и они полностью использованы. Хорошо обставлена библиотека: удачные лозунги, доски со списками рекомендуемых книг, наглядный каталог, почтовый ящик своей газеты, ящик для заявлений и вопросов, витрина с плакатами и понятно изложенными статьями по сельскому хозяйству – полная картина культурного уголка красноармейца...»

Работали кружки: сельскохозяйственный, музыкально-хоровой, драматический, спортивный. Была школа для малограмотных. Проводилось санитарное просвещение. Организовывали лекции, экскурсии, спортивные соревнования, встречи с шефскими учреждениями.

2 сентября 1922 г. двадцати воинам бронедивизиона (бывшего АБО – АБД) Отряда ОСНАЗ были вручены ордена Красного Знамени за боевые заслуги, храбрость и самоотверженность, проявленные при ликвидации бандитизма в Уральской области. Вот что сообщила об этом газета «На боевом посту»:

«Прибывший на торжество по поводу награждения орденами Красного Знамени героев Бронедивизиона ОСНАЗ командующий Московского военного округа тов. Муралов в беседе с представителем газеты „На боевом посту“ сказал:

«Отряд ОСНАЗ я лично знаю мало, но то, что говорили мне о нем, свидетельствует о боеспособности отряда.

Что касается Бронедивизиона, то его я знаю давно как вполне боевую единицу. Я уверен, что Бронедивизион, имеющий в своей среде большое количество пролетариев-героев, и в дальнейшем будет на лучшем счету в Красной Армии»[29].

Чуть ранее газета сообщила читателям, что Бронеотряду пришлось за полтора месяца пройти 6000 верст, выдержать несколько боев, из которых особенно памятные – под Джембетом, Александровом и у Такабулата.

Под Джембетом засела банда в полторы тысячи человек под руководством офицеров Митрясова, Федорова, Авилова. Победе способствовало и участие в бою батальона Уральского губчека.

В связи с пятой годовщиной Октября газета опубликовала следующее приветствие председателя ВСНХ П.А. Богданова:

«Пять лет упорной борьбы миновали; впереди – ряд лет мирного строительства и укрепления экономического положения республики. Но эта мирная работа возможна только при бдительной охране республики от ее врагов. Пока держится винтовка в руках красноармейца – рабочий может спокойно ковать мир и благоденствие республики. Стойте же твердо на своем посту и помните, что под вашей охраной мы спокойно и неуклонно работаем над укреплением республики...»[30]

Осназовцы горячо и заинтересованно откликались на призывы и обращения Советской власти, они поддерживали и одобряли ее. Это видно по опубликованным в газете «На боевом

[29] На боевом посту. – 1922. – 9 сентября. – № 28.

[30] На боевом посту. – 1922. – 17 ноября. – № 38.

посту» резолюциям, обращениям, сообщениям о жизни воинских коллективов.

Они помогают детям, делятся своим пайком с голодающими Поволжья.

Вот, например, резолюция, принятая на общем собрании военнослужащих Отряда ОСНАЗ при коллегии ГПУ по вопросу о помощи школе 28 ноября 1922 г. В ней говорится:

«Мы, военнослужащие Отряда ОСНАЗ при коллегии ГПУ, заслушав доклад т. Орловой о помощи школе, постановляем:

Учитывая всю важность значения совшколы для пролетариата, где должна выковываться его идеология, считаем недопустимым остаться вне поля помощи таковой. Мы достаточно хорошо уясняем, какое значение имеет просвещение для пролетариата... Мы не на словах, а на деле идем нашей власти навстречу. В деле помощи совшколам – отчисляем трехдневный денежный заработок и двухдневный паек продовольствия. Помощь трудом передать комиссии по проведению этой кампании...»[31]

Заботясь о красноармейцах, увольняемых в запас, газета каждый раз обращается к ним с приветственными словами, им устраивают торжественные проводы, вручают памятные фотографии.

В одном из таких обращений «Что должен помнить демобилизуемый» газета пишет:

«Снова значительное количество осназовцев уходит в бессрочный отпуск. Они придут в деревни, на заводы, и весьма возможно, что там не застанут того порядка, который видели в революционной столице Москве и, в частности, в нашем отряде. Недостатков у нас еще много. Исправить их в несколько месяцев нельзя. Вот мы призываем демобилизованного осназовца, придя домой, не забывать это. Ваша задача, демобилизованные товарищи, не критиковать недостатки, а помочь исправить их. Вы в Москве и в ОСНАЗе кое-чему научились, унесите же свои знания домой. Поделитесь ими с вашими родными и знакомыми, расскажите, как Красная Москва работает и заботится о провинции. Это ваша обязанность. Если для вас что будет неясно, напишите нам, и мы вам с удовольствием поможем.

Вы, товарищи, научились в Москве ценить Красное Знамя коммунизма. Высоко держите его и у себя дома»[32].

Возможно, современному читателю это покажется примитивной пропагандой, но тогда подобные обращения находили вполне адекватное восприятие.

12 декабря 1922 г. был издан приказ № 399 войскам ГПУ Московского гарнизона:

§ 1

17 декабря с.г., в день пятой годовщины основания Государственного политического управления (ВЧК), на Красной площади состоится парад частей войск ГПУ Московского гарнизона.

§ 2

Парад принимает народный комиссар внутренних дел, он же путей сообщения, председатель ГПУ, командующий войсками ГПУ т. Дзержинский.

§ 3

Командующим парадом назначается командир 1-го отдельного полка войск ГПУ т. Кобелев.

§ 4

Общее наблюдение за порядком на параде возлагается на командира дивизиона 1-го отдельного полка войск ГПУ т. Яковлева.

§ 5

Частям войск, ГПУ и сотрудникам органов ГПУ построиться по указанию командующего парадом.

---

[31] На боевом посту. – 1922. – 1 декабря. – № 40.

[32] На боевом посту. – 1922. – 14 октября. – № 33.

§ 6

На парад выводятся: 1 и 2-й отдельные полки войск ГПУ, отряд ОСНАЗ при коллегии ГПУ, 10-й железнодорожный полк войск ГПУ, 17-й особый полк войск ГПУ, 1-й Московский конвойный полк, курсы ГПУ.

§ 7

Частям, принимающим участие в параде, выходить со знаменами боевыми и шефскими (не более двух знамен на часть). Шефы выходят со своими частями, но не более трех представителей.

§ 8

Дивизионы (роты) выводятся в составе 36 рядов с соответствующим числом командного, административно-хозяйственного и политического состава.

§ 9

Форма одежды – караульная. Обувь однообразная (обязательно в сапогах или ботинках все части). Головные уборы – богатырки, на коих иметь красноармейские звезды и крылья, подобранными на пуговицы.

§ 10

Для обозначения места частей, оцепления площади и поддержания порядка выслать от каждой части, участвующей в параде, линейных, коим прибыть на Красную площадь к 11 час. 15 мин.

Оцепление выслать в распоряжение командира 4-го дивизиона 1-го отдельного полка войск ГПУ т. Яковлева к 11 час. утра на Красную площадь от 1, 2 и 5-й отдельных московских рот войск ГПУ по 20 человек.

§ 11

Частям прибыть на Красную площадь к 11 час. 30 мин.

§ 12

При встрече принимающего парад играть «Интернационал», при обходе принимающего парад оркестром играть «Встречный марш».

§ 13

При встрече принимающего парад и при обходе им частей командирам и комиссарам держать руку под козырек. На приветствие частям отвечать «здравствуйте» (раздельно) и после ответа сопровождать приветствие «ура» (перекатами).

§ 14

1-й отдельный полк войск ГПУ и отряд ОСНАЗ при коллегии ГПУ принимают шефские знамена: 1 – от Трестпуть, а 2 – Президиума ВСНХ. Во время прибивки знамен к древкам и обноса их вдоль фронта частей оркестрам играть «Интернационал».

§ 15

Оркестры музыки всех частей выполняют на параде только лишь распоряжения командующего парадом и без разрешения последнего с площади не уходят.

§ 16

После прохождения церемониальным маршем частям следовать по домам.

Начальник особого отдела МВО Медведь

Помначальника штаба Казаков

Врио военного комиссара Недоля [33].

---

[33] Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941 гг. Документы и материалы. – М., 1977. – С. 55–57.

В честь первой годовщины отряда ОСНАЗ и празднования 5-й годовщины ВЧК – ГПУ были изготовлены фотоальбомы, в которых отображена жизнь 1-го отдельного полка войск ГПУ и Отряда ОСНАЗ при коллегии ГПУ, преподнесенные Ф.Э. Дзержинскому и другим руководителям ГПУ. Многие фотографии из этих альбомов используются в данной книге.

Выступая в тот же день на торжественном заседании по случаю 5-й годовщины ВЧК – ГПУ, Ф.Э. Дзержинский упомянул Трестпуть, от имени которого его председатель бывший чекист Я.Д. Березин «сегодня вручил как шеф знамя нашему доблестному Первому полку»[34].

Не случайно для вручения шефских знамен были выбраны две лучшие части – Отряд ОСНАЗ и 1-й отдельный полк.

В 1923 г. 1-й отдельный полк был переформирован и стал состоять из семи стрелковых дивизионов, размещенных в Покровских казармах, имеющих свою удивительную историю.

Возведены они были в конце XVIII века. О времени закладки и строительства этого сооружения свидетельствует сохранившаяся на первом этаже здания прикрепленная к стене коридора памятная каменная плита. Возраст ее – два с лишним века. В свое время многое разрушили, крушили все «ненашенское», всякие там дворянско-купеческие штучки, наследие старого мира, «обломки самовластия»... А вот плиту эту сохранили! Видно, умные командиры оказались в этих казармах, понимали значимость исторических памятников и свидетельств старины. А ведь ничего не стоило при очередном ремонте по-солдафонски распорядиться снять, замазать, убрать...

Казарм давно уже в этом здании нет, с мая 1960 г. их переоборудовали, перегородили, и с того времени здесь обитают разные учреждения. И хотя старинное это здание должно охраняться законом как архитектурная ценность, не покидает нас опасение, что рано или поздно его снесут, уступая место какому-нибудь монстру из стали, стекла и бетона, и тогда не останется и следа от бывших казарм и, не дай бог, исчезнет старинная плита с текстом, который гласит:

«Во исполнение Высочайшія Воли Благочестивейшаго Великого Государя Павла Перваго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, усердіем Московских дворян и жителей Во основаніе казармъ Для войск Второй Инспекции Построенъ 1798 Года іюня 7 дня Царствованіе Его Величества Во второе лето Высокопоставленным Господином Разных Орденов кавалером Россійской Имперіи Светлейшимъ Княземъ Александръ Андреевичем Безбородькою Корпус, занимающій Въ длину 94 сажени въ ширину 61 саж».

В 1812 г. казармы сгорели, но в 1830 г. вновь восстановлены и надстроены. Предположительно, это сделано архитектором Д.И. Жилярди.

В старое время здесь располагался 7-й Сумгаитский пехотный полк, имелась полковая часовня. В канун революции в Покровских казармах находился 56-й запасной стрелковый полк, после Октябрьской революции – полк имени 1-го марта («первомартовцы»). Были здесь и бойцы полка ВЧК Д.П. Попова, ставшего основной ударной силой левоэсеровского мятежа в Москве. Штаб Попова располагался рядом – в Трехсвятительском переулке, его агитаторы постоянно работали в Покровских казармах, надеясь превратить их в опорный пункт восстания. Но это не удалось. В период Гражданской войны в этих казармах размещался 12-й полк войск ВЧК, а после его убытия на фронт – Запасная бригада войск внутренней охраны республики. В последующие годы – также части внутренних войск. Казармы носили имя Ф.Э. Дзержинского. В 1933 г. здесь был возведен еще один этаж. Последней частью, дислоцировавшейся в Покровских казармах, был 3-й полк дивизии имени Ф.Э. Дзержинского.

ОЧЕРЕДНАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ

Нарастающие экономические трудности привели к дальнейшему сокращению административного аппарата и численности войск. Ф.Э. Дзержинский в записке В.Р. Менжинскому от 7 сентября 1923 г., делясь своей озабоченностью тяжелым финансовым

---

[34] Пограничник. – 1972. – № 18.

положением, низкой заработной платой рабочих, предложил в связи с этим «максимально сократить» аппарат ГПУ как «орган непроизводственный», требуя одновременно «раскассировать штабы наших войск (центр и округа), политсекретариат, предельно уменьшить... нестроевой состав»[35].

27 сентября Коллегия ГПУ постановила «произвести коренное изменение в структуре войск». На основе этого приказом ГПУ № 405 от 3 октября 1923 г. была объявлена новая структура органов управления войсками.

Руководящим центром оперативного и административного управления стала Главная инспекция. Начальником отдела погранохраны и главным инспектором войск ГПУ стал Я.К. Ольский. На местах штабы были частично упразднены либо реорганизованы в инспекции.

В 1923 г. были разработаны и утверждены руководящие документы: Положение о внутренних войсках, обслуживающих местные органы ГПУ; о транспортных частях войск ГПУ и об отдельных частях войск ГПУ, охраняющих учреждения Наркомфина (местного назначения).

Приказом ГПУ № 315 от 28 июля 1923 г. «О реорганизации управления погранохраной ГПУ» был учрежден самостоятельный «Отдел погранохраны ГПУ СССР», в котором мыслилось «сконцентрировать все вопросы, касающиеся охраны границ». Заметим при этом, что само сочетание «ГПУ СССР» формально противоречило действовавшему тогда законодательству, поскольку Госполитуправление было создано при НКВД РСФСР[36].

Одновременно был издан приказ № 404 от 3 октября 1923 г. «О реорганизации войск ГПУ», которая, как сказано в приказе, «должна не только изменить внешние формы управления войсками, но главным образом твердо определить путь их дальнейшей подготовки, усовершенствования и использования».

Оба приказа были направлены на еще большее сближение и взаимообогащение органов и войск ГПУ, поскольку первые «остро нуждаются в постоянном пополнении своих кадров свежими силами, политически воспитанными», а вторые «должны явиться базой воспитания новых работников органов» в деле военной подготовки, ибо военное обучение сотрудников «обеспечивает правильное использование ими войск для выполнения оперативных заданий»[37]. Этой же цели служили ранее такие меры, как слияние партячеек войск и органов ГПУ (циркуляр ЦК РКП(б) № 116 от 1 декабря 1922 г.), программы «чекизации» войск (чекистского воспитания, названного в дальнейшем специальным воспитанием). Однажды даже был устроен вечер братания сотрудников ГПУ с осназовцами, о чем сообщила газета «На боевом посту»:

«Отряд ОСНАЗ все ближе и ближе становится с сотрудниками ГПУ. 8 ноября был устроен в клубе ГПУ вечер братания. Много было сотрудников и много красноармейцев. Все чувствовали себя как в своей семье. Тов. Герсон сделал большой доклад о международном положении, а затем с приветствиями выступили представители бюро ячеек, месткома, ячейки РКСМ и т.д. Когда появился на сцене представитель ОСНАЗа, его встретили громом

---

[35] Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. – Т. 1. – М., 1962. – С. 429.

[36] Правда, еще 30 декабря 1922 г. в принятом на I съезде Советов «Договоре об образовании СССР» в п. 12 записано: «В целях утверждения революционной законности на территории СССР и объединения усилий союзных республик по борьбе с контрреволюцией учреждается при ЦИК СССР Верховный суд с функциями верховного судебного контроля, а при СНК Союза – объединенный орган государственного политического управления». Для того чтобы Госполитуправление стало общесоюзным органом, его надо было вывести из республиканского Наркомата внутренних дел и подчинить непосредственно Правительству, что и было сделано в постановлении Президиума ЦИК СССР от 2 ноября 1923 г. об организации ОГПУ при СНК СССР. В п. 8 Положения об ОГПУ СССР и его органах от 15 ноября 1923 г. (утверждено 2-й сессией ЦИК СССР 2-го созыва 24 октября 1924 г.) сказано: «В непосредственном распоряжении Объединенного Государственного Политического Управления состоят особые войска в количестве, устанавливаемом Советом Труда и Обороны Союза ССР и подчиненные во всех отношениях председателю Объединенного Государственного Политического Управления или его заместителю». В то же время эти войска признаны составной частью Вооруженных сил страны. Это нашло отражение в статье 2-й Закона об обязательной военной службе, принятом 18 сентября 1925 г. ЦИК и СНК СССР: «В состав Красной Армии входят также части войск специального назначения: войска Объединенного государственного политического управления и конвойная стража СССР».

[37] Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник /Сост.: Кокурин А.И., Петров Н.В. – М., 2003. – С. 459–461.

аплодисментов. Коротка была его речь, но в ней было все, и весь зал был в напряжении, которое разрядилось в шумной овации. Тепло также встретили представителя 1-го полка.

В антракте осназовцы собрались вместе и дружно спели свою песню «Осназцы». Гулко разносились по всем коридорам:

Смело в бой, идем вперед,
Красные осназцы!
Капиталу смерть несем
От пролетарской власти!..

После была поставлена пьеса Горького «На дне».

Этот вечер надолго останется в памяти красного бойца ОСНАЗа.

В нашем единении с сотрудниками ГПУ сделан еще один шаг.

Красноармеец 1-й роты Осьминин»[38].

Тогда в стране проходила военная реформа. Хотя в войсках ГПУ–ОГПУ не было территориально-милиционных формирований (все части оставались кадровыми), произошла серьезная перестройка организационной структуры, порядка и методов обучения и воспитания личного состава.

На данном этапе было проведено изменение в штатной структуре и Отряда ОСНАЗ. 15 июня 1923 г. П. Кобелев назначается начальником-военкомом Отряда ОСНАЗ. Командиром 1-го отдельного полка стал М.С. Иванов. 25 декабря того же года этот полк сливается с Отрядом ОСНАЗ, и новому формированию присваивается наименование «Отряд особого назначения при коллегии ОГПУ»[39].

Вопросам совершенствования войск посвящено проходившее в Москве 11–13 апреля 1924 г. совещание руководящего состава погранохраны и войск ОГПУ.

В то время наметилась тенденция к созданию небольших частей, что уже не соответствовало потребностям войск. Совещание высказалось за сведение «мелких самостоятельных отдельных частей, прикрепленных к губотделам (дивизионов), в крупные войсковые части», что позволит «вполне рационально использовать вооруженную силу и, с другой стороны, облегчит проведение подготовки и повысит ее уровень». Было уделено внимание подготовке младшего комсостава, более рациональному сочетанию комплектования войск призывниками и добровольцами.

Вот тогда и реализована была идея создания дивизии ОСНАЗ. Инициатором и организатором этого дела, теперь уже одобренного Ф.Э. Дзержинским, стал начальник отдела погранохраны и главный инспектор войск ОГПУ Я.К. Ольский.

ХРОНИКА. ДОКУМЕНТЫ. ФАКТЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

ИЗ БОЕВОЙ ЛЕТОПИСИ 1(52)-го АВТОБРОНЕОТРЯДА

12 апреля Автоброневой отряд ведет первое сражение в г. Москве по ликвидации анархистов, штаб которых был расположен на Дмитровке. По штабу анархистов произведен выстрел из 3-х дм. пушки. Анархисты, видя безвыходное положение, сдались группами. В эту же ночь организация анархистов была ликвидирована.

(Апрель 1918 г. Постановление ВЦИК о ликвидации анархистской организации.) [1]

Отряд участвует в ликвидации восстания левых эсеров в боях за взятие Почтамта, где захвачена одна бронемашина.

(Июль 1918 г. Из дневника отряда.) [2]

Автоброневой отряд принимает участие в боях по обороне г. Поворино к гор. Борисоглебска (быв. Тамбовской губ.) в составе: 10 человек военнослужащих и 2

---

[38] На боевом посту. – 1922. – 24 ноября. – № 39.

[39] Приказ ОГПУ СССР № 525 от 12 декабря 1923 г.

бронемашин.

(Октябрь 1918 г. Из дневника отряда.) [3]

21 июня отряд выступает из г. Москвы на Южный фронт экспедиционным корпусом в составе: 35 человек. Вооружение: 1 танк, 1 бронемашина, 3 мотоцикла и 2 грузовых автомашины [4].

(Постановление Президиума ВЦИК № 10216 от 20.06.1919 г.)

По дороге на ст. Колодезная к отряду присоединяется команда в числе 12 человек, следовавшая с фронта в Москву, в отряде которой броневик «Стерегущий», грузовик «Фиат» и 2 мотоцикла «Клено».

(Распоряжение командира отряда. Из дневника отряда, 1919 г.)

1 июля отряд отправляется на ст. Волконская с задачей поддержать правый фланг 2-й бригады.

(Полевая записка начальника штаба корпуса за № 47 от 01.07.1919 г.)

2 июля в 2 часа ночи на ст. Волконская, выгружаясь, отряд получил распоряжение вновь погрузиться и вернуться в Жердевку, для следования в 8-ю армию.

(Телеграмма комиссара Особого Корпуса № 58 от 02.07.1919 г.)

2 июля отряд выступает на ст. Отрожка, куда прибывает 8.07 и поступает в распоряжение начальника правого боевого участка Острогожского района, 16-й дивизии.

(Приказ бронечастей 8-й армии № 119 от 07.07.1919 г.)

10.07.1919 г. к 3 часам утра автоброневой отряд находится на участке 139-го полка, где содействовал своим ударом 2-й бригаде 16-й дивизии, последняя, развивая успех, заняла высоту 66,9.

(Приказ по войскам правого боевого участка Острогожского района. 1919 г.)

13.07.1919 г. противник с рассветом повел наступление на высоту 66,9. Возложив охрану высоты на грузовую автомашину № 9 и бронемашину «Стерегущий», автоброневой отряд контрударом во фланг оттеснил противника. В результате боя противник понес большие потери.

(Словесное приказание начальника правого боевого участка Острогожского района.)

8 августа отряд с 4-м Кавполком двинулся на Б-Прокопец, преследует отступающего противника в направлении I М-Прокопец. Противник несет большие потери убитыми и ранеными.

(Приказ по 2-й стр. бригаде 16-й дивизии № Л/21 от 08.08.19 г.)

15.08.1919 г. часть автобroневого отряда несет оборону участка 1-й бригады, а часть высылается на хутор Гнилое для совместных действий с 141-м и 139-м полками, ведя наступление на хут. Жидкове. От активного действия наших частей противник в панике отступает. Жидкое занято. Отряд вместе с 139-м полком преследует отступающего противника в направлении Владимировки.

(Распоряжение командира 2-й бригады 16-й дивизии от 15.08.1919 г.)

20.08 отряд занял с. Никитовку и, двигаясь в направлении д. Чепухино, хут. Богатое, Заводский и Самарино, у села Подгорная встретил конное сопротивление противника, сосредоточившего силы около 2 полков пехоты и 1 полка кавалерии. Бой продолжался около 45 минут, и при поддержке 1-й бригады село Подгорное было взято, в результате чего был захвачен обоз противника.

(Приказание штаба 16-й дивизии за № 2385 от 19.08.1919 г.)

Отряд переходит в хут. Б-Лепяги, для прикрытия левого фланга 2-й бригады.

24.08.1919 г. для укрепления левого фланга 16-й дивизии отряд несет службу в хут. Теротино-Демино.

(Приказ от 24.08.1919 г. № 0117.)

7.09.1919 г. грузовики отряда с пулеметами под руководством Начдива-16 в районе Николаевка вступает в бой с противником: около полка кавалерии, офицерского полка кавалерии, офицерского полка пехоты, 6 орудий. Умелым огнем, маневром и самоотверженной работой состава противник был разбит, при этом захвачено в плен 200 человек, 6 орудий и 23 пулеметар[5].

(Из дневника отряда.)

1.11.1919 г. отряд поступает в распоряжение члена Реввоенсовета Южного фронта тов. Сталина и направляется в г. Серпухов.

(Телеграмма Главкома № 4807.)

8.11.1919 г. отряд направляется на ст. Подольск–Тула–Козлов–Воронеж и поступает в распоряжение 4-й кавдивизии, куда прибывает 19.12.1919 г.

(Телеграмма Нач.Вр.отд.Южного фронта № 258 от 07.11.1919 г. Приказ штаба 1-й Конармии № 1443 от 18.12.1919 г.)

7.05.1920 г. отряд поступает в распоряжение 11-й кавдивизии.

(Распоряжение начальника бронесилами 1-й Конной Армии.)

27.05.1920 г. отряд под Дзиньково разбивает противника численностью 150 человек.

(Из дневника отряда.)

31.05.1920 г. отряд в составе 2-й бригады в районе дер. Быстрик участвует в разгроме противника (300 чел.).

(Из дневника отряда.)

С 4 по 18.06.1920 г. отряд участвует в наступлении на гор. Бердичев, где у противника был отобран пулемет «максим» № 18932 и большое количество патронов.

(Из дневника отряда.)

17.05.1921 г. по приказу штаба 1-го боевого участка два взвода в составе 2 бронемашин, 6 пулеметных машин и 3 легковых получили задачу с 3-м полком ВЧК ликвидировать банду, занимавшую дер. Коньково; разведкой 3-го полка ВЧК обнаружено, что противник отступает из дер. Коньково в направлении села Березовки.

Для преследования банды выслана одна бронемашина и 2 пулеметных машины.

(Из дневника отряда 1921 г.)

4.06.1921 г. после жестокого боя в с. Бануры банда потеряла убитыми около 500 человек и 10 пулеметов. Остальная банда в 150 человек бежала в направлении Малой Сердобы. Отряд преследует банду.

(Из дневника отряда.)

6.06.1921 г. отряд, преследуя банду, прибыл на ст. Соловна-Ховаринская и, двигаясь на ст. Колыши, соединяется с кавбригадой т. Дмитриенко и совместно продолжает преследование.

(Из дневника отряда.)

9.06.1921 г. силы Антонова в результате настойчивого, неутомимого и героического преследования нашим отрядом разбиты и рассеялись мелкими группами по Кирсановскому уезду.

Сам Антонов в последнем бою с нашим отрядом под с. Чернушевка ранен в голову. Оставшиеся мелкие группы антоновских банд начинают вновь сгруппировываться в районе

с. Булыгина, что 20 верст севернее Кирсанова. Нашему отряду приказано дать последний бой этим группам и окончательно уничтожить их (оперативное приказание начальника 1-го боеучастка от 9 июня). Во исполнение чего командир отряда приказал: 1-му и 2-му взводам – 1-му взводу в составе броневика 2 боевых машин и 2-му взводу в составе 2 боевых машин и 1 легковой – завтра с рассветом выступить из Кирсанова по направлению с. Булыгино, где взводы получат соответствующие задачи.

(Выписка из журнала боевых действий Автобронеевого отряда им. Я.М. Свердлова – ВЦИК.)

13.06.1921 г. по приказанию вышестоящего командования Автобронеевой отряд убывает в г. Тамбов, и в 22 часа 30 минут отряд прибыл в г. Тамбов, где и расквартировался.

(Из дневника отряда.)

14.06.1921 г. отряду приказано произвести последний удар и уничтожить вновь образовавшуюся банду в юго-западной части Тамбовской губернии (1000 всадников местной Вохры), наименовав себя 1-й Армией Тамбовского края.

Отряд в составе: 7 бронемашин и 1 броневика выбыл в 18 час. 14.06 в направлении ст. Самнур, что в 43 верстах юго-восточнее г. Тамбова. По прибытии отряд поступил в распоряжение Начальника Особой группы.

(Из дневника отряда.)

17.06.1921 г. отряд с рассветом, преследуя противника, двинулся в село Комлыш, где ведет бой с бандой в 1300 сабель. После пятичасового усиленного боя противник обратился в бегство, оставив на поле боя до 100 человек убитыми и около 250 человек ранеными, оставив 500 лошадей. Остальная банда рассыпалась по берегу реки Хопер. Отряд, преследуя банду, получил задачу уничтожить ее в дер. Урюпинская.

(Из дневника отряда.)

18.05.1921 г. отряд занимает без боя Урюпинскую и переправляется через реку Хопер к хут. Батринов, Бубновский, затем в станицу Карагочины, где вступает с оставшейся бандой Богуславского, численностью 250 сабель, в бой. После нескольких часов боя банда во главе с Богуславским взята в кольцо и оттеснена к реке Хопер и беспощадно истреблялась огнем, частью расстреляна, частью потоплена в реке. Сам Богуславский, раненный в ногу, сбросив с себя вооружение, покинул лошадь и бросился в р. Хопер с надеждой спастись, но добит метким выстрелом из винтовки и погиб в реке. Бой кончился с полным уничтожением банды Богуславского. Отряд направился на ст. Урюпинская.

(Приказ отряду от 18.06.1921 г. за № 032/оп. 19.06.1921 г. отряд убывает со ст. Урюпинская в г. Тамбов.)

21.07.1921 г. Автобронеевой отряд в составе 86 человек, 7 боевых машин, 2 броневиков и др. убывает со ст. Москва в гор. Уральск в распоряжение Командующего войсками Заволжского Военного Округа на борьбу с бандитизмом (начальником эшелона назначен Лылин Филипп).

(Предписание ком. войск Тамбовской губ. № 46/оп – 1921 г.)

26.07.1921 г. отряд в полном составе по предписанию Председателя Губернского ЧК выступает из Уральска по направлению г. Джамбейтинска юго-вост. Уральска. Отряд переправляется вброд через реку Барбесштау. В 19.00 отряд идет вброд через реку Кеарак-Анкаты, в 20 часов через реку Инзарш-Узэк, в 22 часа – через реку Танас-Анкаты.

(Из дневника отряда.)

27.07.1921 г. в 15.00 Автобронеевой отряд вместе со сводным отрядом кавалерии и пехоты атаковал с трех сторон г. Джамбейтинск, где банда в количестве 1200 человек при 5 пулеметах засела в окопы и в полуразрушенные дома, идущие по окраинам города. Усиленной атакой и наступлением автобронеевого и сводного отрядов была обращена в бегство, оставив свой обоз на 120 подводах и 4 ст. пулемета и 5-й ст. пулемет за № 111 был

забран боевой машиной при преследовании. Банда была наполовину уничтожена и вытеснена из гор. Джамбейтинска. 28.07.1921 г. автоброневой отряд преследует банду, в районе реки Хамбэй и гор. Мало-Кучинска уничтожил банду полностью.

(Из дневника отряда.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выступая на VIII заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г. с обзором деятельности ВЧК за 15 месяцев, Ф.Э. Дзержинский, коснувшись разоружения анархистов, заявил: «...12 апреля в течение 3-х часов не стало анархистов, все у них было отобрано», и после этого преступность в Москве уменьшилась на 80% (ГАРФ, ф. 1235, оп. 21, д. 8, л. 1–2).

2. Происшедший 6–7 июля 1918 г. левоэсеровский мятеж – попытка захвата власти вооруженным путем, предпринятая левыми эсерами, выступившими против продовольственной политики Советов, создания Красной Армии, введения смертной казни по суду и против заключения Брестского мира. Об этом говорилось в резолюции, принятой на 3-м съезде этой партии 28 июня – 1 июля 1918 г. С целью срыва Брестского мира и вовлечения России в войну с Германией было организовано убийство германского посланника графа В. Мирбаха членами партии левых эсеров В.А. Александровичем (товарищ председателя ВЧК), Я.Г. Блюмкиным и И. Андреевым (сотрудники ВЧК). Последние двое проникли в здание германского посольства, предъявив удостоверение ВЧК (позже выяснилось, что подписи Дзержинского и Ксенофонтова поддельные, печать подлинная: ее поставил Александрович).

К этой провокации и мятежу левые эсеры готовились заранее. Формировались партийные дружины, заготавливалось оружие, продовольствие, санитарные средства, стягивались к Москве отряды из других городов. Главной ударной боевой силой мятежников был отряд (в литературе его называют полк) ВЧК под командованием Д.И. Попова, члена партии левых эсеров. После отъезда почти всего боевого отряда ВЧК под командованием С.П. Чернова (члена коллегии ВЧК) на Восточный фронт, где он отличался в боях на сызранском направлении, Попову под покровительством Александровича втайне от Дзержинского удалось навербовать в свой отряд деморализованных матросов, бывших разоруженных анархистов и множество случайных людей. Численность мятежников составляла около 1800 человек, на вооружении было четыре броневика, 6–8 орудий. Дзержинский, узнав об измене Попова, прибыл в отряд, но был там арестован. Принятыми мерами мятеж быстро ликвидировали части Московского гарнизона, рабочие отряды, отряд продармейцев под командованием Г.М. Зусмановича, отряд железнодорожной охраны, латышские части под командованием И.И. Вацетиса, бойцы Автобоевого отряда (они же несли охрану Большого театра во время заседаний V съезда Советов, где были арестованы лидеры левых эсеров). В ликвидации левоэсеровского мятежа участвовали также и бойцы-чекисты, оставшиеся твердо стоять на платформе Советской власти. Это отряды А.Я. Полякова (состоял из балтийских матросов) и самокатчиков. Они разоружили выставленную Поповым в здании ВЧК охрану, освободили от мятежников почтамт и телеграф, типографию в Ваганьковом переулке (ныне Малый Трехгорный), разоружили на станции Химки вызванный из Петрограда на подмогу левоэсеровский отряд моряков.

Общее военное руководство всей операцией осуществляли Н.И. Подвойский (председатель Высшей военной инспекции) и Н.И. Муралов (командующий войсками Московского военного округа).

(См.: Красная книга ВЧК, Т. 1, изд. 2-е, уточн. – М., 1989.)

3. В июне 1919 г. создалась угроза вторжения противника в направлении Поворино. Поворинский узел становился важнейшим пунктом сопротивления, где сосредоточены были силы Красной Армии Южного фронта, в т.ч. 16-я дивизия под командованием В.И. Киквидзе. Поворино – железнодорожный узел, через который расходились пути на Лиски, Балашов, Царицын. В составе Южного фронта действовало пять армий. Упомянутая ниже 8-я армия действовала в районе ст. Лиски, Валуйки, Поворино, участвовала в наступлении вдоль р. Дон, овладении Донбассом, освобождении Ростова, Нахичевани.

В Поворино располагался с конца 1919 г. оперативный центр обороны тыла Юго-Восточного фронта (образован 30 сентября 1919 г.), осуществляемой запасной

стрелковой бригадой войск внутренней охраны республики (ВОХР) под командованием Киkодзе (Поворинская группа войск ВОХР).

4. Приказ по 1-му Автобоевому отряду ВЦИК имени Я.М. Свердлова.

№ 1 поезд Москва–Козлов 21 июня 1919 г.

§ 1

По постановлению Президиума ВЦИК от 20 июня сего года за № 10216 1-й Автобоевой отряд имени Я.М. Свердлова ВЦИК в составе: одного танка, одного броневика, одной походной мастерской, одной походной кухни, одной цистерны, одной санитарки, двух грузовиков, двух мотоциклов с пулеметами, двух – без пулеметов и 35 человек команды выступает сего числа в 15 часов 30 минут из Москвы на фронт.

§ 2

Состав команды: начальник отряда Конопко Юлиан, заведующий технической частью Янсон Карл, заведующий хозчастью Соколовский Антон, механик походной мастерской Буш Иоган, писарь Дмитриев Григорий, фельдшер Ефимов Корней, шоферы – Розенштейн Уно, Алексеев Алексей, Власов Иван, Зеленкевич Станислав, Либек Арнольд, Анисимов Михаил, Шибанов Никита, Тимм Карл, помощники шоферов – Буш Карл, Хромогин Матвей, Зимогоров, слесарь Зеленкевич Мечислав, монтер Соболь Иосиф, мотоциклисты – Гроссман Ян, Игнатович Виктор, пулеметчики – Рязанов Петр, Тоут Ляуш, Сентнер Франц, Урбан Януш, Волков Федор, артиллерист Горшков Николай, повар Шафро Иосиф, телефонисты – Орезов Андрей, Лядов Николай, Алексеев Илья, Пумпур Карл, Бичули Анш-Рудольф.

§ 3

Комендантом поезда назначается т. Бичули Анш-Рудольф.

Начальник 1-го Автобоевого отряда имени

Я.М. Свердлова ВЦИК Конопко.

(ГАРФ, ф. 1235. оп. 94, д. 22, л. 217. Опубликован в кн.: Внутренние войска Советской республики. – С. 411.)

5. В отзыве о боевых действиях АБО начальника 16-й дивизии Р.П. Эйдемана, сменившего погибшего начдива В.И. Киквидзе, сказано: «...Во время пребывания в дивизии отряд показал себя стройной боевой единицей, действующей во всякой обстановке. Как командир отряда тов. Конопко, так и каждый из состава отряда проявили себя в совместных боях с частями дивизии умелыми, смелыми и инициативными бойцами...»

(Цит. по: Урусов Б. В рядах Первой конной /На боевом посту. – 2004. – № 3. – С. 40.).

В БОЯХ ЗА РОСТОВ

Вот уже несколько дней части Первой Конной армии вели бои за Ростов. Деникинцы упорно обороняли каждый выгодный рубеж, цеплялись за каждый населенный пункт. Но под напором буденновских войск начали отходить.

Командиры боевых машин Егор Архипов и Сергей Пискунов получили приказ ударить по отступавшей коннице противника. По глубокой балке, проваливаясь в снег, взбираясь по кручам, машина Архипова обошла село Большие Салы слева и заняла боевую позицию. Вскоре показалась вражеская конница.

– Приготовились! – крикнул Архипов Филиппу Лылину. – Но не торопись, подпускай их поближе!

Пулеметчик и сам не спешил. Когда белая конница приблизилась, он внезапно открыл огонь. Всадники растерялись и в замешательстве стали отступать.

Машина рванулась вперед, и пулемет вновь застрочил. Белые отошли в село, но там их встретили кавалеристы. Другого пути отхода у деникинцев не было, и они вновь повернули коней в сторону машины. А тут случилась беда – пулемет отказал. Лылин вынул замок и с досадой отбросил его в сторону.

Положение казалось безвыходным: до сотни белых с обнаженными клинками мчались прямо к машине. Что делать?

Решили биться до последнего. Расположились в кузове, приготовили гранаты. И в

самую критическую минуту, когда белые были уже в трехстах метрах, Архипов отыскал под брезентом запасной замок и подал пулеметчику. «Максим» снова застрочил.

Но белогвардейская конница, несмотря на потери, остервенело лезла вперед. И тут подоспела машина Пискунова. Теперь деникинцы очутились под перекрестным огнем. А впереди уже слышалось дружное «ура». Это красные конники пошли в атаку.

ПОХВАЛА КОМАНДАРМА

После успешного боя у хутора Волошино машины Пискунова и Дамбита продолжали наступать. Вскоре впереди показались два танка с открытыми люками. Экипажи расположились рядом. Машины бронеотрядовцев на полном ходу понеслись на врага. Деникинцы даже не пошевелились: видимо, они приняли эти машины за свои.

– Ни с места! – скомандовал Пискунов.

Четверо танкистов спохватились, бросились к люкам. Но было поздно, Лылин сразил их короткой очередью. Это отрезвляюще подействовало на остальных. Бойцы сняли с танков пулеметы, разоружили пленных, пополнили свой боезапас.

Деникинцы никак не хотели примириться с потерей танков. Вновь и вновь они шли в атаку. В это время по полю прокатилось мощное «ура». Лавина нашей кавалерии неслась на врага.

...После боя танки осмотрели С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов и О.И. Городовиков.

– Это ваши трофеи? – спросил Буденный.

– Так точно, – дружно ответили бойцы.

– А что это за машины?

– Английские «Рикардо», скорость 4 километра в час, – с видом знатока проговорил Пискунов.

– Не танки, а калоши какие-то, – заключил Семен Михайлович.

– Ну а вы молодцы, ловко их прибрали к рукам, – похвалил он бронеотрядовцев.

– А еще молодцы, что выстояли, не отдали обратно, – добавил Ворошилов.

– Всех к награде, – распорядился командарм.

В боях за Ростов родилось немало героев. Среди них С. Пискунов, А. Дамбит, Я. Катона, Д. Волков, Е. Архипов, В. Кищук и многие другие.

5 февраля 1920 г. командир Автобронеотряда в своем донесении реввоенсовету Первой Конной писал: «...В бою 8 января 1920 г. при общем наступлении Красной Армии под Ростовом-на-Дону отличились: ...Петров Василий и Пискунов Сергей. Пулеметчики... Урбан Януш и Алешкин Афанасий, несмотря на большой перевес противника у дер. Кутейниково, решительностью и самоотверженной работой вытеснили его из деревни и с малочисленным прикрытием преследовали противника на расстоянии 7 верст, причем тов. Алешкин, раненный, оставался все время в строю.

Тт. Дамбит Антон и Игнатович Виктор с пулеметчиками Волковым Данилой и Надь Янушем выбили противника из Армянских хуторов и под малочисленным прикрытием вступили в бой с целой неприятельской кавдивизией, в результате которого противник отступил, преследуемый машинами до Нахичевани».

У СТАНИЦЫ УРЮПИНСКОЙ

«16.06 с рассветом отряд выступает в Ржавченко, Костин-Отделец и дер. Поспеловка, где ведет бой с бандитами Богуславского численностью в 1600 сабель. После полуторачасового боя противник, потеряв убитыми 50 человек и ранеными 100, побросав весь свой обоз, 5 пулеметов, до 100 лошадей, оставил деревню. Отряд преследует противника, отступающего на Новый Хопер.

17.06 отряд, преследуя противника, двинулся в село Калмык, где вел бой с бандой в 1300 сабель. После пятичасового усиленного боя противник обратился в бегство, оставив на поле боя до 100 человек убитыми и около 200 человек ранеными, оставив 500 лошадей, остальная часть банды рассыпалась на берегу реки Хопер. Отряд, преследуя банду, получил задачу уничтожить ее в станице Урюпинской.

18.06 отряд занимает без боя Урюпинскую и переправляется через реку Хопер к хуторам Батраков, Бубновский, а затем в станицу Карагочины, где вступает в бой с оставшейся бандой Богуславского численностью в 250 сабель. После нескольких часов боя банда во главе с Богуславским взята в кольцо и оттеснена к реке, где беспощадно истреблялась огнем, частью расстреляна, частью потоплена в реке...»

Из журнала боевых действий Автобронеотряда им. Я.М. Свердлова

За исключительную храбрость в боях с антоновцами 58 бойцов и командиров отряда были награждены орденом Красного Знамени. Шофер Сергей Пискунов, помощник командира отряда Виктор Игнатович, командир взвода Антон Дамбит, начальники машин Арнольд Зилле, Александр Богданов, шофер Николай Несмеянов и пулеметчики Янош Катона, Франц Сентнер, Филипп Лылин и Гавриил Каменщиков получили ордена второй раз.

После кратковременной передышки, в июле 1921 г., отряд получил новое задание. На этот раз в уральских степях поднял мятеж бывший полковник царской армии Митрясов.

Враги узнали об отправке поезда с бронемашинами на Урал. На одном из перегонов произошло столкновение эшелона с паровозом. Два вагона были разбиты. Но пустить эшелон под откос контрреволюционерам не удалось. 25 июля автобронеотряд прибыл в Уральск.

КОНЕЦ БАНДЫ МИТРЯСОВА

Вечером семь автомашин и два «Остина» выступили из Верхне-Уральска к Джамбейтинску, где засели бандиты. Тяжелые броневики часто буксовали на плохих дорогах. Тогда решили заменить бронированные башни на жестяные. За счет этой «модернизации» маневренность и проходимость машин значительно повысились.

Свердловцы с ходу попытались ворваться в расположение мятежников. Но они сильно обороняли обрывистый берег реки. Бойцы оставили один броневик перед фронтом врага, а остальными силами ударили с тыла. Полтора часа длился бой на улицах города. К вечеру бандиты не выдержали натиска и отступили в степь. Они потеряли обоз в 120 подвод, 4 пулемета.

Еще одна ночь прошла в походе. Только в полдень второго дня усталые бойцы нагнали Митрясова. С ходу вступили в бой, бандиты не выдержали и стали удирать из деревни. В погоню устремились броневики и автомашины.

...За прудом, на окраине деревни, лежал раненый красноармеец Богданов.

– Скорее, – показывал он на камыши. – Там Митрясов и весь его штаб.

– Не усидят, – весело сказал красноармеец Крамс, поправляя пулеметную ленту.

И действительно, из камышей поодиночке начали выбегать бандиты, отстреливаясь на ходу.

– Смотрите, офицер, – указал Крамс рукой на человека в мундире. Несколько бойцов бросились его преследовать. Но тот быстро скрылся в степном колодце и повел оттуда отчаянную стрельбу. Пуля сразила Крамса. Остальные залегли.

Один из бойцов выдвинулся вперед и метнул гранату...

Спустя несколько минут в деревне наступила тишина. Чекисты вели под конвоем пленных из штаба Митрясова. Все собрались к колодцу. Сюда пришли и местные жители. Вытащили труп офицера.

– Это он, сукин сын, казачий полковник Митрясов, – сказал крестьянин, обращаясь к командиру отряда, и, погладив свою седую бороду, добавил: – Спасибо вам, сыночки, от всей деревни спасибо.

Мужественно и самоотверженно бились свердловцы в степях Южного Урала, громя банды Митрясова, Сарафанкина, Федотова, Авилова и других.

Приказом Реввоенсовета республики № 127 от 18 мая 1922 г. 20 человек «за боевые отличия, показанные ими в июле и августе месяцах 1921 г. в районе г. Джамбейтинска, при ликвидации банд в Уральской губернии», награждены орденом

Красного Знамени. В том числе помощник командира отряда В. Игнатович, бойцы С. Пискунов и Ю. Марцинк, удостоенные его в третий раз.

ЗА ПОДВИГИ

Сорок тысяч верст прошел автобронеотряд с боями по дорогам Гражданской войны. Участвовал во взятии десятков городов и сел. Захватил трофеи: 2 танка, 65 пулеметов, 7 орудий, свыше 4000 снарядов. В боях погибли 5 человек (трое из них навечно зачислены в списки АБО), ранены – 18 человек.

За мужество и стойкость, проявленные в боях в годы Гражданской войны, десятки бойцов и командиров награждены орденом Красного Знамени – высшей по тому времени наградой. 10 человек удостоены этой награды дважды, а 3 героя – трижды. Кроме того, 47 автобронеотрядцев награждены часами, 29 – портсигарами, 9 – именным оружием.

Во 2-ю годовщину Красной Армии ВЦИК наградил Автобронедивизион (бывший автоброневой отряд) им. Свердлова Почетным революционным Красным Знаменем.

«В борьбе с голодом, – писалось в еженедельном листке красноармейцев ОСНАЗ „На боевом посту“ в марте 1922 г. (№ 2), – наступил самый решительный момент. Близится время посева, а у сеятеля житницы нашей – Поволжья окончились последние запасы на пропитание и нет сил приступить к работе...

Осназец! Ты в авангарде революции. Сегодня величайший враг революционных завоеваний – голод. Бей по голоду! Жертвуй в пользу голодающих!

В марте бойцы и командиры ОСНАЗ собрали 31 925 825 рублей. За июнь сдано комиссии: муки 153 пуда, сахара 5 пудов 30 фунтов, денег – 239 265 000 рублей».

ПОЛИТРАБОТНИКАМ И КОМСОСТАВУ ОСНАЗ

Дорогие товарищи!

Вам, более чем кому-либо, ясна идея существования нашего отряда. Мы все время стараемся влить отборных товарищей красноармейцев в отряд вместо демобилизованных. Количество отряда мы увеличить не можем, но усовершенствовать его технически мы обязаны, мы должны. Кроме 3 родов оружия, имеющихся в отряде, мы решили добавить четвертое – авиацию. Сговорившись с начальником отряда тов. Климовым, решили купить три аэроплана: из них – два боевых и один – разведывательный, и к ним иметь своих летчиков, т. е. осназовцев. Для этого было предложено Автоброневому дивизиону из своей среды послать добровольцев, но хороших шоферов-механиков в количестве 8–10 человек...

Да, товарищи, наш отряд не велик, но мы должны стараться, чтобы он был качественно и технически велик. Политическо-партийная работа в отряде в вашем лице обеспечена. Командный состав то же самое. Постараемся вырасти с помощью товарищей-чекистов и технически, и тогда мы можем сказать, что не в количестве, а в качестве наш успех...

С коммунистическим приветом А. БЕЛЕНЬКИЙ.

На боевом посту, 1923, 14 апреля.

ПОЧЕТНЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ

«Боевые друзья!

Вы приняли эстафету боевой славы и доблести из рук тех, кто с оружием в руках защищал Советскую власть, кто через огонь Гражданской и Великой Отечественной войн гордо пронес победоносное ленинское знамя. Ваши отцы и деды прославились в боях, отстояли свободу и независимость Родины. Ныне она стала еще более могучей и прекрасной...» – эти строки написаны трижды Героем Советского Союза, Маршалом Советского Союза Семеном Михайловичем Буденным воинам одной из частей дивизии, в которой прославленный полководец является почетным красноармейцем.

«...Мы – солдаты на боевом посту, – писал далее Семен Михайлович, – и все то, что охраняем, нам дорого и свято. Каждый из нас должен зорко нести службу, в совершенстве овладевать своим оружием, боевой техникой, быть сильным, выносливым, поддерживать

крепкую воинскую дисциплину...»

На протяжении всей ее истории полководец проявлял глубокий интерес к жизни, боевой учебе и службе солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров.

«...Вам известно, что автобронеотряд в тревожном 1919 г. сражался против деникинских полчищ в составе Первой Конной армии, которой я командовал, – писал боевым товарищам С.М. Буденный в сентябре 1962 г. – Он прошел вместе с кавчастями от Воронежа до Майкопа, участвовал во всех боевых операциях. Деникинцы прозвали его „летучей смертью“. И не без основания. Ударную силу отряда составляли подвижные полуторатонные грузовики. Каждая такая машина была вооружена двумя станковыми пулеметами. Экипажи автомобилей состояли из преданных революции, по-настоящему храбрых людей. Машины, как правило, вырывались вперед кавчастей, перерезали пути отступления деникинской коннице и пехоте. Их налеты всегда приводили белогвардейцев буквально в ужас.

9 января 1920 г. Первая Конная армия стремительными ударами освободила Ростов-на-Дону – главный очаг южной контрреволюции. Как я уже писал в своей книге «Пройденный путь», нашему успеху в боях за Ростов очень помогли пулеметчики автобронеотряда имени Свердлова... Бойцы отряда проявили подлинное геройство, своими подвигами приблизили победу над белогвардейскими бандами. Многие из бойцов и командиров удостоились высоких правительственных наград. Отряд же награжден революционным Красным Знаменем «За подвиги».

Вот такие традиции и славу вы наследуете, боевые друзья!

Геройским прошлым Автобронеотряда имени Свердлова по праву можете гордиться.

Позднее Автобронеотряд влился в отряд особого назначения. С глубоким уважением вспоминаю эту боевую часть. Почему? Да потому, что 4 января 1922 г. я был зачислен почетным красноармейцем первого эскадрона кавдивизиона отряда...»

А случилось это так.

25 декабря 1921 г. бойцы кавалерийского дивизиона ОСНАЗ, возвращаясь в казарму, встретились с командармом Первой Конной. Семен Михайлович сразу же узнал среди них свердловцев – бойцов автобронеотряда, которые сражались против Деникина и белополяков. За храбрость они не раз получали от него благодарности. И вот теперь встреча с ним. Сразу же завязалась беседа. Вспомнили походы и бои. Расставаясь, кавалеристы пригласили С.М. Буденного в дивизион?

«Обязательно приеду», – обещал он.

И действительно, на другой день прославленный полководец прибыл в подразделение. Встреча была теплой, сердечной. Начальник отряда Климов познакомил собравшихся с биографией Семена Михайловича, рассказал о его боевых заслугах перед революцией, доблести и отваге и предложил бойцам избрать его почетным красноармейцем.

Под одобрительные возгласы и громкие аплодисменты С.М. Буденному была вручена красноармейская книжка.

Семен Михайлович горячо поблагодарил кавалеристов-осназовцев за внимание, заверил присутствующих, что в его лице отряд найдет примерного почетного красноармейца. Он призвал всех воинов-чекистов быть стойкими борцами за дело революции.

Затем выступили помощник начальника отряда Попович, командиры эскадронов. Они подчеркнули, что красные командиры – выходцы из рабочих и крестьян, они кровь от крови, плоть от плоти своего народа, верные и преданные сыны Родины.

Встреча подошла к концу. С. М. Буденный тепло простился с бойцами и уехал на заседание съезда Советов.

Вскоре был издан приказ по отряду особого назначения при президиуме ВЧК № 327. В нем говорилось: «...вверенный мне отряд посетил командующий Конной армией Семен Михайлович Буденный. Красноармейцы вверенного мне отряда, увидев в своей среде великого вождя-кавалериста, грозу всемирной контрреволюции, разбившего все контрреволюционные банды на фронтах, выразили желание всегда в своей среде слышать имя великого военного революционного вождя тов. Буденного. И тут же ему была вручена красноармейская книжка.

Приказываю тов. Буденного зачислить в списки 1-го отделения 1-го взвода 1-го

эскадрона кавдивизиона почетным красноармейцем...

Начальник и военком отряда КЛИМОВ».

7 января 1922 г. С. М. Буденный за боевые заслуги перед революцией был занесен на Красную доску отряда ОСНАЗ.

X ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ

Заслушав сообщение о значении X съезда Советов, военнослужащие ОСНАЗ единодушно шлют свой привет съезду. Работайте спокойно. Ваши решения будут проводиться в жизнь под надежной охраной.

Да здравствует X съезд Советов, хозяин советской земли!

Ответственный секретарь бюро ячеек ВИНОГРАДОВ

Нач. посекра отряда АВЕРЬЯНОВ

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР В ОТСТАВКЕ ПИСКУНОВ С.А. ВСПОМИНАЕТ[40]

Москва – Ростов-на-Дону

Сентябрь 1919 года. Молодая Советская республика находилась в «огненном кольце». В это тяжелое время 1-й Автоброневой отряд им. Я.М. Свердлова с остатками людей и машин прибыл с фронта в Москву на переформирование.

Личного состава в отряде было около 60 человек. Подавляющее большинство – молодежь, однако они имели значительный опыт боевой работы на фронтах. Этот маленький боевой коллектив состоял из различных национальностей. Среди отряда были: русские – Власов, Журавлев, Лылин, Пискунов (пишущий эти строки), Богданов, Волков, Шебляков, Корчагин, Ефимов, Алексеев; латыши – Дамбит, Марцинк, Гринберг, братья Иоган и Карл Буш, Битчул, Гроссман; литовцы – Соколовский, Зеленкевич; поляки – Конопко, Петрокас, Игнатович, Уданяк и др.

По переформировании к отряду были прикомандированы 25 человек русских и украинцев и 15 человек пулеметчиков – пленных венгров 1-й империалистической войны. Среди венгров были Катона, Матуца, Надь, Урбан, Гоут, Сентнер и др. Теперь отряд насчитывал в своем составе около 100 человек. Все мы были размещены в бывшей гостинице «Спорт» по Петроградскому шоссе. Люди были молодые, жили весело и много шумели. Шум был разноголосым, каждый говорил на своем родном языке, причем старался кричать как можно громче. Если посторонний заходил в гостиницу, то он ничего не мог понять, потому что он слышал русских, украинцев, литовцев, латышей, поляков, венгров. Доминирующим языком был русский.

В официальных случаях или при рассказе какой-нибудь истории все старались говорить на русском языке, за исключением венгров. Они усиленно изучали русский язык. Многие латыши хорошо говорили по-русски, однако у некоторых из них были и неправильные выражения. Например, латыш Дамбит говорил: «Положи стакан» вместо «Поставь стакан» или «Поставь шинель» вместо «Повесь шинель», ему клали стакан с водой и ставили шинель под общий веселый и громкий смех всех присутствующих, в том числе и Дамбита. Пытались говорить по-русски и венгры, что вызывало много недоразумений и смеха.

Весь личный состав был одет по-разному: одни в старых шинелях, другие в пиджаках, а значительное количество бойцов, в основном прибывших с фронта, в кожаных тужурках и брюках. Головные уборы были всякие – фуражки, кепки и шапки. Все были вооружены личными револьверами. По нашему мнению, предпочтение отдавалось лицам, одетым в кожаные тужурки и брюки с револьвером на правом боку, на поясе. Мы все почему-то верили, что так одетые наши бойцы очень нравились москвичам. Нам казалось, что и девушки скорее знакомились с обладателями тужурок, нежели с другими, обладавшими старыми шинелями или пиджаками[41].

---

[40] Центральный музей внутренних войск, оп. 1, д. 2, п. 5.

[41] По поводу кожаных курток шоферов АБО Президиум ВЦИК даже принял 14 мая 1918 г. специальное постановление: «Кожаные куртки, выданные членам автобоевого отряда, являются собственностью ВЦИК, и никто из уходящих товарищей не может брать с собой куртки» (РГВА, ф. 40698, оп. 1, д. 1, л. 3).

Питание наше в основном состояло из перловой крупы, которую мы называли «шрапнелью». Эта крупа была у нас на завтрак, на обед и на ужин. Из нее ежедневно готовили кашу и суп. Мясо было редкостью. Однажды начальник снабжения Соколовский, пользуясь тем, что 1-й автобоевой отряд организован ВЦИКом и тем, что он лично знал многих работников ВЦИК, достал в Кремле 15 бараньих туш, сливочное масло, немного сахара и других продуктов. Это было большим праздником. Три дня мы получали мясные обеды и ужины. Все мы были очень довольны и гордились, как своим отцом, ВЦИКом. Я с уважением вспоминаю всех товарищей, что у нас никаких пьянок не было. Такая обстановка сыграла большую роль в деле сплочения разнонационального состава отряда. Отряд жил единой семьей, и ни с чьей стороны не было никаких национальных упреков, укоров и тем более оскорблений. Более того, дружба этого коллектива в последующей боевой деятельности отряда сыграла огромную роль.

Гостиница «Спорт» не отапливалась, и во время ненастной погоды было холодно. Иногда ночью кто-нибудь вскакивал с постели и выходил в коридор, а затем, чтобы лучше согреться, выходил на улицу и давал волю своим ногам.

Несмотря на все тяжелые условия жизни, коллектив был дружным. Все жили с одной мыслью: скорее на фронт. Не было ни одного случая дезертирства, хотя двери гостиницы были всегда открыты. Не только дезертирства, дисциплинарных проступков не было, каждый считал своим долгом быть дисциплинированным и гордился этим. В этой спайке надо отдать должное группе бойцов, побывавших на фронте и сроднившихся в боях. Все мы жили интересами нашей Родины, попавшей в беду, и думать в это тяжелое время о каких-то личных делах считалось святотатством.

Вскоре настал день, когда всех нас собрали в одну комнату и объявили, что отряду присвоено название 1(52)-й Автоброневой отряд им. Я.М. Свердлова, командиром которого назначен наш фронтовик т. Власов и комиссаром – Костя Журавлев. Последний был комиссаром 1-го автобоевого отряда.

Тов. ВЛАСОВ был коммунистом, шахтером, мужчина огромного роста, лет 30 от роду. По виду его лицо не было энергичным, оно было добродушным. И действительно, он никогда не ругался и очень редко, в исключительных случаях, высказывал кому-нибудь надоевшему свое неудовольствие. Много было желающих вывести его из терпения, но Власов, обладая огромной физической силой, был непоколебимым. Образование его было низшим. Как старый солдат, он обладал военным опытом, но географической карты читать не мог. Когда назвали его командиром отряда, мы все обрадовались. Отдельные товарищи даже высказались вслух: «Хороший товарищ, с ним не пропадешь».

Тов. ЖУРАВЛЕВ комиссаром отряда был с нами на фронте, и поэтому по его адресу никаких выступлений не было.

Костю Журавлева все хорошо знали и уважали. Сам он был невысокого роста, тщедушным, но остроумным и с очень добродушным, открытым русским лицом. Он кропотливо вел политическую работу, держал нас в курсе всех событий как внутри страны, так и за ее рубежом. По всем вопросам он всегда помогал нам.

Командир отряда, потребовав внимание, объявил нам: «Товарищи, получено распоряжение об отправке отряда на фронт в распоряжение 1-й Конной армии т. Буденного». Все затихли и с радостью переглядывались между собой. Через несколько секунд все кричали, стараясь перекричать друг друга. Начались возгласы. Первыми были слова т. Лылина, который кричал: «Ура! Товарищи, это нас Ленин посылает. Да здравствует товарищ Ленин!» Все мы – русские, латыши, поляки и др. – говорили друг другу, что кому вздумается. Были слышны возгласы: «С буденновцами не пропадем! Дадим жару деникинцам! Да здравствует 1-я Конная!» Казалось, все стали богатырями. Одни лишь венгерцы вели себя сдержанно. Они не знали русского языка, ни тем более латышского или польского. Несколько товарищей кричали им, что едем на фронт, в Первую Конную армию. Один из венгерцев, тов. Тоут, неплохо говоривший по-русски, вынужден был стать переводчиком, и все венгерцы присоединились к общему ликованию.

Может быть, 5 или 10 минут длилось общее ликование перед тем, как командир отряда начал читать первый приказ о назначениях.

Он читал: начальником снабжения – т. Соколовский Антон. Главным механиком – т. Буш Иоган. Начальником связи – т. Гроссман. Лекарским помощником – т. Ефимов. Адъютантом – т. Битчул (как умеющий читать географическую карту). Старшим писарем – т. Буш Карл. Командир отряда перечислил всех командиров броневых и боевых машин, их помощников, пулеметчиков, запасных шоферов и пулеметчиков, кладовщиков и др. Затем он сказал, что для боевых действий отряду переданы 2 броневые машины системы «Остин» и «Фиат» и вместо 16 дано 14 боевых полуторатонных грузовиков системы «Фиат». Командир отряда сказал мне и Дамбиту, что машин для нас нет и их нужно нам самим доставать. Мы немного расстроились. Но делать было нечего, надо было как-то доставать машины. Не ехать же на фронт без машин! Тов. Власов добавил: «Не волнуйтесь, товарищи, ничего не поделаешь. Вы знаете, что наши заводы автомобилей не делают, и поэтому как-то надо выходить из положения». Мы в один голос заявили: не беда, две машины мы найдем.

На следующий день рано утром на Петроградском шоссе против гостиницы «Спорт» стояли 6 человек в кожаных тужурках и брюках, вооруженные револьверами. Это были: начальник боевой машины Дамбит, начальник боевой машины Марцинко (Дамбит взял его в помощь как рослого и здорового парня) и два пулеметчика. Со мной были мои помощники Дебляков и пулеметчики Лылин и Катона. Мы группой стояли на обочине шоссе и смотрели за движением. Нужный нам грузовичок не появлялся. По шоссе проезжали больше на лошадях. Иногда проскакивали легковые автомобили, но они нас не интересовали.

Изредка проходили и автогрузовики старых иностранных марок с резиновыми лентами на колесах, которые для боевых действий были, по нашему мнению, непригодны из-за плохой их проходимости по проселочным дорогам. Пулеметчик Лылин не стоял на месте, ходил взад-вперед и волновался. Наконец, он предложил пойти к Тверским воротам, мотивируя тем, что там больше движение. У Тверских ворот мы простояли около получаса, но ни одного необходимого нам грузовичка не увидели. Мы задержали однотонный грузовичок французской фирмы «Рено», но, когда его осмотрели, признали его непригодным. Затем прошли по Тверской до Охотного ряда. Движение автомашин по Тверской было очень редким, и мы были уверены, что не пропустили подходящую нам машину. От Охотного ряда я со своей группой наметил маршрут по Петровке, Каретному ряду, Долгоруковской, Лесной и Петроградскому шоссе, а Дамбит с своей группой решил идти по Никитской, Кудринской площади, Красной Пресне и Петроградскому шоссе. На углу Тверской и Охотного ряда мы простояли минут 15, поправили пояса, фуражки и разошлись по намеченным маршрутам. Проходя Петровку, мы не видели ни одной подходящей нам машины. Мы вышли на Каретный ряд, и вдруг Лылин вскрикнул: «Вот она! Бежим!» Мы быстро, как по тревоге, побежали к автомашине, стоявшей у тротуара. Бежали мы изо всех сил, боясь, что машина уйдет. Когда я подбежал к машине, Лылин уже стоял в кузове, за ним прыгнули в кузов Дебляков и Катона, а я сел рядом с шофером на сиденье. Я попросил шофера отвезти нас в гостиницу «Спорт». Шофер не соглашался. Через 5 минут шофер согласился отвезти нас, а еще через 10 минут машина стояла во дворе около гостиницы «Спорт», где проходила работа отряда по подготовке машин. Шоферу были выданы соответствующие документы, свидетельствующие о взятии машины на фронт, а мы немедленно приступили к ее подготовке. Нужно было установить треноги для пулеметов, сделать ящик в передней части кузова для хранения коробок с пулеметными лентами с общим количеством до 9 тысяч патронов, снять передние фары, так как они на солнце давали отблеск, что в бою не годилось. Осмотр машины и регулировка мотора были для всего отряда намечены в г. Подольске, где комплектовался наш поезд. Через два часа после нас Дамбит с своей группой тоже прибыл с машиной.

Таким образом, на вооружении 1(52)-го бронеотряда были два броневика, 16 боевых полуторатонных грузовиков итальянской фирмы «Фиат» с командой из четырех человек и вооруженных 2 пулеметами каждая, два грузовика для подвозки горюче-смазочных материалов и боеприпасов, одна легковая машина и несколько мотоциклов для связи. Полуторатонные грузовики не были бронированы, в их кузовах никаких мешков с песком тоже не было. Был обычный грузовик без передних фар и переднего стекла шофера. Этот грузовик был очень проходим по проселочным дорогам. По своей проходимости он почти равнялся проходимости буденновской тачанки. По отношению бронирования или другой защиты мы на основании боевого опыта считали, что бронированная машина для грунтовых

дорог является тяжелой и очень малопроходимой. Это подтверждалось тем, что наш броневик «Остин» за время боевых действий отряда с дивизией Киквидзе ни разу не снимался с железнодорожной платформы. Ни в одном бою наш броневик не участвовал. С другой стороны, мы также считали, что кавалерист и пехотинец воевали небронированными, так почему же мы не можем воевать на обычных автогрузовиках? Исходя из вышеуказанных положений мы твердо были уверены, что полуторатонный открытый, небронированный автогрузовик был самой лучшей боевой машиной того времени. Мы очень любили свои машины и считали свои соображения совершенно правильными. Дальнейшие боевые действия полностью подтвердили нашу точку зрения.

Наконец настало время отправки в Подольск. Всех нас и вместе с нами около 150 человек собрали в ресторане «Яр» (против «Спорта»), где с напутственной речью выступил представитель ВЦИК (фамилию не помню). В своей речи он сказал примерно следующее: «Товарищи! Вам известно, что наша республика переживает тяжелое время. Враги окружили нас со всех сторон. Империалисты многих стран поддерживают наших врагов. В настоящее время наша Коммунистическая партия и т. Ленин считают самым опасным и угрожающим Советской республике армии Деникина. Вы идете на фронт против деникинцев, и я считаю, что вы сделаете все от вас зависящее для разгрома этого еще сильного и опасного врага.

Помните, товарищи, что Советская республика в большой опасности. Помните, что ваши отцы, матери, братья и сестры смотрят на вас, как на своих избавителей. Разрешите и мне надеяться, что вы оправдаете доверие народа. (Голоса: «Оправдаем! Не подведем!») Товарищи! Прошу вас, не обижайтесь, что не смогли выдать вам шинелей, сапог и валенок. У нас нет этих вещей. Полагаю, что Первая Конная поможет вам в этом деде. Дорогие товарищи, желаю вам доброго здоровья и успехов в боях. До свидания».

На следующий день весь отряд был уже в г. Подольске, в распоряжении штаба Южфронта, находившегося в г. Серпухове. Для отряда были предоставлены: 23 платформы, на которые мы погрузили все автомашины и мотоциклы; 7 теплушек, где разместился личный состав, по 10–12 человек в каждой; 3 пульмана, в одном из которых помещалась мастерская с 2 токарными, 2 сверлильными станками, тисками и др. приспособлениями, в другом были запасные части, кое-какое обмундирование и продукты (хлеба по 100 г. на человека на 2 недели) и в третьем пульмане разместился штаб отряда; 2 цистерны, одна с бензином и вторая со спиртом; один вагон для боеприпасов. Для нашего поезда был специально выделен маленький, захудалый паровоз. В Подольске мы простояли неделю в ожидании станции назначения. За это время проверили все машины, отрегулировали моторы, перепроверили пулеметы и подготовились так, чтобы по прибытии на станцию назначения немедленно вступить в бой. На этой же неделе было проведено открытое партийное собрание, на котором присутствовали все бойцы. Собрание было торжественным. На повестке дня был один вопрос: о Ленинском призыве в партию. Первое слово было предоставлено нашему любимому комиссару т. Журавлеву. Журавлев встал, очень внимательно и с любовью посмотрел на нас и просто рассказал об общем тяжелом положении Советской республики, о врагах нашего народа, о том, что почти все коммунисты сражаются на фронтах, и о сущности ленинского набора в нашу Коммунистическую партию (большевиков). Затем он обратился к нам и спросил: «Кто желает вступить в партию большевиков?»

На его призыв около 25 человек изъявили свое желание о вступлении в партию. Я был в числе 25. Собрание кончилось, и через несколько дней мы были уже с партийными билетами в кармане.

Вскоре было получено распоряжение об отправке отряда в гор. Воронеж. Наш паровоз дал сильный гудок, и мы двинулись в путь. Путь был очень тяжелым. Только на третий день мы из Подольска прибыли в Тулу, пройдя за эти дни всего лишь 140 километров пути. Основная задержка в пути была из-за отсутствия дров.

Если не считать наших огорчений по поводу отсутствия дров, то мы ехали весело. Мы пели: «Смело товарищи в ногу», песни про Ермака и Стеньку Разина, «Вдоль по матушке по Волге», «Веди же нас, Буденный, смело в бой», «Наш паровоз летит стрелой, в коммуне остановка», и много других песен перепели мы на пути от Подольска до Тулы. Пели свои песни латыши, поляки и венгерцы. А как только остановка на какой-нибудь большой станции, на перрон выходили наши музыканты с гармошкой, гитарой и балалайками и

заводили круг. В круге первым появлялся наш признанный танцор Андрюша Щебляков и на удивление всем показывал класс русской пляски. Как правило, в пляску ввязывались местные девушки, и тогда круг расширялся, и многие из нас, даже не умеющие, плясали. Пляска, песни и частушки продолжались до тех пор, пока мы не услышим команды дежурного по отряду: «По вагонам, поехали!»

В Туле простояли почти целый день. За это время мы в поисках пищи обшарили все привокзальные окрестности. Наши «набеги» мало давали пользы, съестных продуктов на базаре почти не было, а население ничего не давало.

После Тулы мы ехали быстрее. Готовили шпалы, и наш паровоз довольно бойко тянул наш маленький состав к фронту. Гудок паровоза был чудесным. Путь от Тулы до Воронежа мы прошли за несколько дней. Из Воронежа нас отправили в Новый Оскол, где мы и присоединились к буденновцам. Отряд прикомандировали к 4-й Кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, начдив т. Городовиков. В тот же день мы разгрузили все наши боевые машины (бронемашины остались на платформах) и прибыли в штаб 4-й Кавдивизии. У штаба нас окружили конармейцы. Они осматривали машины и особенно внимательно смотрели на нас. Некоторые говорили: «Эй, хлопцы! Машины не бронированные, они похожи на наши тачанки. Только и разницы, что тут два, а на тачанке один пулемет». Мы отвечали: «Разница большая не только в пулеметах, но это же машина, и от нее не ускачешь на лошади». Были и такие суждения, что когда будет много снега, тогда этих машин и не увидишь, они отстанут от кавалерии. После всесторонней критики машин бойцы переводили свои рассуждения о нас. «Эй, парень, – обратился один конармеец к пулеметчику Лылину, – хорошо ли ты умеешь стрелять из своего пулемета? Был ли ты в боях на своем броневике?» Другой конармеец тоже подковырнул Лылина: «Что ты его спрашиваешь, он же рязанский (Лылин был пензенский), нигде он еще не был». Лылин только и ждал этого, он ответил им целой речью: «Сам ты рязанский (как будто рязанские ребята были плохими), что ты понимаешь в этом деле. В боях мы были и не раз гоняли беляков, которым очень тошно бывало от моего пулемета. Пулемет мы знаем (Лылин свободно собирал замок пулемета вслепую, в мешке), стреляем метко. Ты, парень, не суди о том, чего не знаешь, – обратился Лылин к своему противнику, – мы еще посмотрим, где ты будешь на своем коне, во всяком случае, будешь сзади». Буденновцы переговорили со всеми нами, не обошлось и без острых шуток по нашему адресу. В общем, разговор носил товарищеский характер. Буденновцы поверили Лылину и остались довольны новым пополнением.

С Нового Оскола начались боевые действия отряда. Почти ежедневно шли успешные бои с противником. Армии Деникина под ударами Первой Конной армии откатывались на юг. Через неделю наш неугомонный начснаб т. Соколовский прислал нам шинели, сапоги, валенки, солдатские шапки и др. обмундирование, полученное со склада 1-й Конной армии.

Вскоре все бойцы отряда были одеты в добротное, в большей части английское обмундирование. Теперь нам не страшна зима, говорили мы. Все повеселели. Наш отряд повысил боевую активность.

Конармейцы называли нас уже по-серьезному, а не в шутку, броневиками. Они перед боем нередко выкрикивали: «Вперед, ребята! Наши броневики уже ушли!» И подразделения 4-й кавдивизии смело неслись в атаку на врага. Очень часто мы начинали бой. Мы настолько осмелели, что с ходу врывались в расположение противника и начинали громить его из пулеметов. Помню один бой в районе г. Лисичанска. Нас было две машины и авангардный эскадрон конников, шедший в 2–3 километрах сзади нас. Впереди нас никого не было. Мы настигли противника в поле. Около 200 кавалеристов-деникинцев отступали правее нашей дороги, на расстоянии приблизительно одного километра. Оценив обстановку, мы решили отрезать эту группу, задержать их до подхода нашего авангарда. Так мы и сделали. Тем временем обстоятельство дела было доложено командиру нашего эскадрона. Последний передал свое решение дальше, а сам с эскадроном устремился к нам на помощь. Не прошло и получаса, как арьергард противника был уничтожен, мы устремились дальше и неожиданно для главных сил противника оказались у них «на плечах». Немедленно начался бой. Противник оборонялся и попытался контратаковать нас. Попытка противника не имела успеха.

В бой вступил наш эскадрон, и противник был задержан. К этому времени подошли основные силы нашего полка, которые и закончили полный разгром противника. В этом бою

несколько сот человек деникинцев были взяты в плен. Конармейцы с криками «ура!» приветствовали нас, мы, в свою очередь, в долгу не остались и тем же отвечали конармейцам. Настроение бойцов было повышенным, все рвались в бой.

Это настроение омрачалось, когда наши войска останавливались в населенных пунктах на отдых. Во-первых, деникинцы, отступая, бессовестно грабили население, забирая продукты, одежду и угоняя скот. Во-вторых, население почти поголовно было поражено страшной болезнью – тифом.

Зайдешь в хату и видишь тяжелую и безотрадную картину: на кроватях, на лавках и на полу лежат больные тифом старики, женщины, дети и вместе с ними бойцы.

Много конармейцев было выведено из строя по болезни тифом. Бойцы нашего отряда благодаря тому, что их одежда пропитана бензином, не болели тифом. Это обстоятельство хорошо спасало нас от тифа.

Были у нас и неудачные бои. Однажды в один из погожих, морозных дней нужно было захватить крупный населенный пункт – Дебальцево. Кавалерийский полк, к которому была в этот день прикреплена наша машина, шел по большой дороге, проходным порядком, колоннами. Наша машина и около 15 кавалеристов шли в 3–4 километрах впереди. С ходу переехав через переезд железной дороги, мы с ужасом увидели, что к этому же переезду по закругленному пути медленно подходит бронепоезд противника. По профилю местности бронепоезд нельзя было обнаружить до переезда. Мысль напряженно работает: что делать? Совершенно ясно, что на таком близком расстоянии с бронепоезда можно очень легко и безнаказанно уничтожить автомашину, вооруженную пулеметами, безвредными для него. Обстановка была не в нашу пользу. Необходимо было как можно скорее бежать, уйти от бронепоезда. Но как уйти? Если уходить по большой дороге, по которой мы шли к переезду, то благодаря открытой местности машина будет уничтожена артиллерией бронепоезда. Решение для нас казалось единственным, я, быстро развернув машину обратно, перескочил через переезд, свернул направо и быстро поехал вдоль железной дороги. Наши кавалеристы, по одному, галопом устремились к своим по большой дороге. Мы видели, как бронепоезд, остановившись на переезде, начал усиленный артиллерийский обстрел наших войск, и в то же время снаряды один за другим начали рваться вокруг машины. Мы поспешно удалились и были вне зоны обстрела бронепоезда.

Несколько осколков от снаряда попало в кузов нашей машины, но люди были невредимы. Мы остановились в поле и осмотрелись. На переезде стоял бронепоезд, и на линии железной дороги было значительное количество деникинцев, преграждавших путь нашим войскам. Мы стали смотреть, где наши войска, но, увы, ничего не было видно. Ясно было, что наши войска ушли в обход по другой дороге. День клонился к вечеру, и мы на машине, вчетвером, остались в поле совершенно одинокими.

Мы предположили, что наш полк ушел в район восточнее Бальцево. Долго мы искали дорогу в желаемом направлении, пока не набрели на небольшую проселочную дорогу. По этой дороге мы ехали уже ночью, без света. Небо было звездное, мороз 25 градусов, и сильный встречный ветер.

Кругом тишина, никого из бойцов-конармейцев и наших машин не было. Вдруг машина остановилась. Я прибавил газ мотору и почувствовал, что ведущие колеса буксуют и машина валится на правый бок. Пришлось остановить машину и сойти с нее вместе с помощником. Пулеметчики, укрывшись брезентом, сидели в кузове. Осмотрев машину, мы увидели, что правое переднее и заднее колеса находились в канаве, на весу, а рама кузова плотно лежала на снегу. Сошли пулеметчики, и мы вчетвером около часа принимали различные меры по вытаскиванию машины из канавы, но успеха не имели. Без помощи второй машины или без конармейцев, охотно в таких случаях помогавших нам, вытащить нашу машину было невозможно. Мы стояли около машины и чувствовали себя как бы в глубокой яме, кругом темно, и ничего не видно. Мы напряженно прислушивались в надежде услышать хоть какие-нибудь звуки, свидетельствовавшие о населенном пункте. Все напрасно, было тихо. Выхода не было, пришлось ждать утра. Были, конечно, и соображения бросить машину и вернуться пешком в расположение своих войск. Но беда была в том, что не было компаса, а карту читать не умели, и поэтому мы не были уверены, что придем к своим, а не к противнику. Такой вариант был непригоден, так как он мог кончиться смертью, а в лучшем случае позором. Бросить вооруженную машину – позор. В то же время, оставаясь

на месте, мы могли быть легкой добычей деникинцев. Делать нечего. Решили ждать утра. Во избежание разрыва рубашек цилиндров мотора воду из радиатора выпустили, забрались в кузов под брезент и начали говорить на темы, кому какая вздумается. Не знаю, сколько мы говорили, когда я почувствовал, что меня кто-то зверски катает по кузову, как какое-нибудь бревно, а не человека. Наконец, я услышал крик Лылина: «Сережа, дорогой, встань, ты ведь замерзнешь!» Я не поверил, что замерзаю, мне было очень тепло. А в моей голове не исчезла еще мысль, что я нахожусь дома, сижу на берегу речки и наблюдаю, как купаются и шалят дети. Затем я пришел в себя и вспомнил реальную обстановку. Теперь мы вдвоем немедленно стали будить остальных: я – пулеметчика Катона, а Лылин – моего помощника Деблякова. Как ни странно, через минуту Катон был на ногах и сказал мне: «Что такое? Что, что?» – и больше не мог говорить, он понял, в чем дело. Дебляков не вставал. Мы втроем начали катать его по кузову, но никаких результатов, он спал. Мы кричали ему: «Андрюша, ты замерз, вставай!» Мы решили снять его с машины, поставить на ноги и провести по дороге. Так и сделали, и, к нашей радости, Андрей заговорил, он был спасен. До утра мы больше не ложились, а утром пришла наша машина и отбуксировала нас в деревню.

Настал день 9 января 1920 г. Наш отряд расположен в деревне в 80 километрах от г. Ростова-на-Дону. Командир отряда т. Власов зачитал нам приказ по дивизии, в котором предписывалось к вечеру того же дня захватить Ростов-на-Дону, гнездо южной контрреволюции. В три часа утра мы двинулись в бой. В этот день у нас было две машины вместе. Впереди шел я, т. Дамбит за мной. На рассвете мы достигли какого-то хутора. Цепь наших кавалеристов, спешившись, вела перестрелку с противником, засевшим в хуторе.

Положение наших конников, находящихся в поле, на открытой местности, было очень невыгодным. Подъехав к группе всадников, стоявших на дороге на расстояния 2 километров от хутора, я узнал командира полка нашей 4-й кавалерийской дивизии. Командир полка попросил меня выбить противника из хутора, а остальное они доделают сами, без нас. Вместе с Дамбитом мы осмотрели хутор и прилегающие окрестности. Сколько деникинцев было на хуторе, мы не знали. Командир полка довольно неуверенно сказал нам, что их около 400 человек. Мы еще внимательнее осмотрели хутор и пути подхода к нему, и у нас созрело решение боевой задачи. Наша дорога шла стороной от хутора и уходила дальше, а от этой большой дороги к хутору шла дорога поменьше, но если по ней пойти, то войдешь в хутор с другого конца, с тыла. Это нам понравилось, и мы дали газ. Следом за нами для связи устремились 7 кавалеристов. В это время командир полка дал команду: «По коням!»

Через несколько минут наши четыре пулемета «максим» заговорили, сея смерть противнику, засевшему в хуторе. Хутор состоял из 40 дворов с широкой и прямой улицей. Нам было очень удобно вести обстрел. Противник не выдержал и в панике начал отход с хутора.

Кавалеристам только это и было нужно. Через 15–20 минут все было кончено. Около 200 человек пленных отправились в тыл, а остальные остались в снегу на хуторе и за хутором. Часть противника состояла из пехоты, и никому не удалось уйти. Окрыленные победой, мы вышли на основную дорогу и устремились вперед. За нами галопом неслись 7 кавалеристов. Через полчаса езды мы заметили километра за 3 впереди себя два танка и группу из человек 12, стоявших около них. Танки стояли в нескольких метрах от дороги, на снегу, с открытыми люками. Еще раз осмотрев местность, прилегающую к танкам, мы никаких войск противника не обнаружили. Справа от танков были расположены Армянские хутора.

Короткая команда пулеметчикам приготовиться к бою, и, передав условный знак второй машине, мы полным ходом понеслись к танкам. Неизвестно, что думали деникинцы-танкисты, или они приняли нас за своих, или еще что, но через 5 минут им была подана команда: «Ни с места!» Четверо из них, увидев нас, быстро рванулись к танкам, но глаз пулеметчика Лылина не дремал. Короткая очередь из пулемета, и четыре танкиста упали мертвыми в нескольких шагах от танков. Остальные танкисты немедленно подняли руки и сдались в плен.

Пленных было 6 человек. Тут же они были обезоружены и отведены на 100 метров в сторону от танков. На них направили пулемет Катона, приказали им стоять смирно, в противном случае они будут уничтожены. Вчетвером мы начали осмотр и разоружение танков, четверо других наших товарищей, помощники и по одному пулеметчику сидели на

машинах. Не прошло и 10 минут, как в кузова наших машин были уложены 4 пулемета, 12 револьверов, несколько гранат и патронных коробов с пулеметными лентами, снятыми с танков и с убитых и пленных танкистов.

В это же время на взмыленной лошади к нашим машинам прискакал наш кавалерист. Он оказался старым знакомым нам еще по Новому Осколу. Лылин поздоровался с ним, похлопал его по плечу, спросил: «Ну как, дружище, легко ли угнаться за нами или нет?» Кавалерист широко и дружески засмеялся и ответил: «За вами очень трудно угнаться». Он показал рукой на своего коня, заметил: «Видишь, как упарился мой бедный конь». Лылин в свою очередь заметил: «Вот видишь, а ты уверял нас в Осколе, что мы застрянем в снегу».

Во время этого разговора с кавалеристом я услыхал своего пулеметчика Катона, говорившего мне: «Товарищ командир, посмотрите, что там!» Он показал рукой направление. Я посмотрел в бинокль и увидел левее нас, по другой дороге, на расстоянии около 3 километров шли колонны войск. По длинным хвостам лошадей я узнал деникинцев. Первая колонна шла под некоторым углом к нашей дороге с целью выхода на нашу дорогу где-то впереди нас. Мы внимательно продолжали смотреть за колонной.

Установив машины у танков, мы в полном молчании стали ждать. Вдруг от колонны отделилось несколько десятков всадников и галопом поскакали прямо на нас. Мы ждали. На расстоянии 400 метров открыли огонь из 4 пулеметов. Всадники, потеряв несколько человек убитыми, вернулись обратно. Шло время, 5 минут, 10 минут, 15 минут, и, наконец, целое подразделение, около 300 кавалеристов, цепью понеслось на нас в атаке. Тягостное молчание. Вот я слышу крики кавалеристов, они с гиком неслись на нас. Расстояние между нами и кавалеристами уменьшается, вот 500 метров, 400 метров, и я командую: «Огонь!» Пулеметы злобно заработали. Я вижу падающих всадников, лошадей, бегущих в сторону без всадников. Пулеметы бесперебойно делают свое дело. Некоторые кавалеристы в 150 метрах от нас. Мы с помощником готовимся к броску ручных гранат.

Наконец заминка, лошади становятся на дыбы и не желают бежать на пулеметный огонь. Лошади поворачивают обратно, атака захлебнулась.

Всадники, пригнувшись к лукам своих седел, быстро удирали от нас. Пулеметы вдогонку еще злее вышибали из седел незадачливых вояк. Атака отбита. На поле в снегу осталось много трупов. Через несколько минут атака повторилась и снова была отбита. Третьей атаки противнику не удалось сделать, мы увидели лавины буденновцев, которые на большой площади в лихой атаке рубили противника. Мы уже не могли стрелять, потому что наши и деникинцы перемешались. Нам осталось только лично наблюдать эту грозную и незабываемую картину настоящей кавалерийской рубки. Через час было уже тихо. Противник разгромлен. Мы заметили кавалькаду всадников. Это были тт. БУДЕННЫЙ, ВОРОШИЛОВ, ГОРДОВИКОВ и их полевой штаб.

Подъехав к нам, Буденный подошел к танкам, за ним подошли все. Осмотрев танки, Буденный спросил нас: «Вы захватили танки?» Мы ответили утвердительно. «Как они называются?» – «Это английские танки „Рикардо“, скорость хода которых 4 км в час». – «Это не танки, а калоши какие-то», – сказал т. Буденный. Потом он посмотрел на нас и сказал: «Молодцы, ребята, что ловко прибрали их к рукам. Всех броневиков представим к награде орденом Красного Знамени. Правильно, Климент Ефремович?» – «Правильно, – ответил т. Ворошилов. – Хорошо, что они забрали танки, но очень хорошо, что они не сдрейфили и этим помогли бойцам разгромить главные силы противника», – добавил т. Ворошилов.

Вся кавалькада села на лошадей и поехала по дороге на Ростов. Мы в свою очередь, обогнав их, устремились вперед. На первом привале мы уже знали содержание приказа 1-й Конной армии.

В приказе было сказано:

«У Армянских хуторов главные силы противника разбиты, взято в плен около 4 тысяч человек, взяты пушки и обозы противника. Путь на Ростов открыт».

После привала, это было в 20 км от Ростова, все войска 4-й кавдивизии устремились вперед. Когда мы обгоняли конармейцев, они кричали нам, а мы им: «Даешь Ростов!»

Захват Ростова был настолько неожиданным, что все военные штабы и учреждения не успели эвакуироваться. Лишь немногим офицерам и чиновникам удалось унести свои ноги. В самом деле, эвакуация Ростова, по-видимому, не намечалась, так как все белогвардейские

газеты за этот день заверяли своих читателей, что 1-я Конная армия разбита и находится далеко от Ростова. Поведение офицеров и др. белогвардейцев также свидетельствовало о незнании обстановки.

Были случаи, когда при продвижении по улицам и переулкам города буденновцы слышали крики от пьяных офицеров: «Какой части? Почему не отдаете чести?» Буденновцы отдавали им честь саблями, и многие белогвардейцы теряли свои головы. В этот день продолжался еще праздник Рождества Христова, поэтому во многих домах города были приготовлены праздничные ужины. Все эти ужины были приготовлены как бы для буденновцев, которые после тяжелого боевого дня охотно этим воспользовались. Бойцы нашего отряда ужинали за большим общим столом, заставленным многими очень вкусными блюдами и бутылками с вином.

Рассказывали, что тт. Буденный и Ворошилов попали в гости, где должна была ужинать военная и гражданская знать. Вся знать была убрана куда следует, а руководство 1-й Конной хорошо поужинало со своими командирами.

Надо помнить и то, что в этот день многие бойцы 1-й Конной армии пали смертью героев. В нашем отряде был убит главный механик Иоган Буш и ранено трое: начальник боевой машины т. Архипкин[42], пулеметчики – венгр т. Надь и русский т. Волков. Иоган Буш был похоронен с почестями в г. Ростове, Архипкин вскоре вернулся в строй. Надь ампутировали обе ноги, и Волкову ампутировали одну ногу.

ЗАПИСКИ ДАНИИЛА ВОЛКОВА[43]

Я, ВОЛКОВ Даниил Никифорович, родился 24 декабря 1893 г. в бедной крестьянской семье в деревне Петрищево Тарусского уезда Калужской губернии. Отец мой всю жизнь работал пильщиком на лесопильном заводе Грибаново – ст. Алексин, мать – в деревне по крестьянству. Наше крестьянство состояло из двух душ, земли, лошади, коровы. Я с раннего возраста ввиду малоземелья и бедности семьи начал трудовую деятельность: летом пас скот в селе Истомино, а зимой ходил в сельскую школу. В 1907 г. был привезен братом в Москву и отдан в ученье в булочную Котова. Здесь я был мальчиком, с утра до поздней ночи чистил железные листы, формы, катал платки, вытряхал мучные мешки. По окончании ночной работы ходил в разноску: носил на голове корзины с горячими булочными изделиями по трактирам, чайным и вокзальным буфетам. Работа была очень тяжелая, круглосуточная, в особенности заготовка дров для булочных печей, которые надо наколоть и натаскать в пекарню. Брат, оставляя меня, приказывал: «Смотри, Данилка, не балуйся, уважай хозяина и слушайся старших. В булочной ты будешь сыт, каждый день будешь кушать горячие калачи и сдобные булочки». От непосильного труда калачи и булки были не радостью и казались хуже деревенского хлеба, испеченного матерью из ржаной и овсяной муки. Хозяин еще имел бакалейную лавку, в которой приходилось работать: подносить муку, сахар и разные товары. Проработал два года мальчиком, был переведен в дощечники. Тоже было нелегко. В 1910 г. я перешел на работу в булочную Филиппова булочным подручным, работал до сентября 1913 г. В 1913 г. был призван на военную службу, отправлен в город Тулу и зачислен в 11-й Псковский полк в пулеметно-учебную команду. В августе 1914 г. началась империалистическая война, полк был отправлен на германский фронт под город Ковно. Потом наш полк был переброшен к Иваногородской крепости, Августовские леса и далее в Карпаты, Перемышль, обратное отступление; бежали без остановки до Владимира-Волынского и дальше до Бродских лесов. Во время Первой мировой войны я был дважды ранен. Будучи солдатом, потом взводным командиром, старшим унтер-офицером, подпрапорщиком, за геройство и храбрость был награжден четырьмя Георгиевскими крестами 1, 2, 3, 4-й степени и четырьмя медалями. В начале 1916 г. под деревней Сапапова я был ранен, из полевого госпиталя меня направили в Москву, в госпиталь. По выздоровлении госпитальная комиссия предоставила двухнедельный отпуск, в госпитале мне выдали за два месяца за Георгиевские кресты 24 руб. – по 12 руб. за месяц. В доме о моем приезде из

---

[42] Правильно – Архипов.

[43] Автобиография хранится в фондах музея ОДОН. Полностью публикуется впервые (частично публиковалась в газете «На боевом посту» 18 и 27 июня 1966 г.).

родителей никто не знал. Увидя меня, мать даже от радости заплакала, встречая меня на пороге дома. На моей груди блестели четыре Георгиевских креста, четыре медали. На следующий день о моем приезде знала вся деревня. Узнал и становой пристав, правление которого находилось недалеко от нашего дома и который пришел с урядником и двумя стражниками (казаками).

Отец, заметив их приближение к дому, спросил: «Сынок, ты имеешь отпускное свидетельство?» Я быстро надел гимнастерку, т.е. оделся по форме строевого устава. Становой пристав поздоровался и пожал мне руку. Урядник и два казака стояли смирно, держа руку под козырек. Пристав обратился к отцу, называя по имени и отчеству, сказал: «Спасибо за героя-сына». К вечеру приходили соседи, товарищи, старушки. Увидя столько крестов на груди, осеняли себя крестом и целовали Георгиевские кресты, приговаривали: «Батюшка Георгий Победоносец помог разбить германцев».

Январь 1917 г. Наш 11-й полк находился в окопах. Зима стояла суровая. Морозы достигали 30 градусов, солдаты от недоедания обовшивели, были плохо обуты и одеты, заболевали тифом. Февральская революция застала нас в окопах. 3 марта 1917 г. я со своим пулеметным взводом командирован в Тарнополь за получением фуража. На улицах города мы встретили колонны рабочих, солдат с красными знаменами, на плакатах надпись: «Долой войну!» В колоннах пели революционные песни: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног». В других колоннах пели: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов».

Нам, солдатам-пулеметчикам 11-го полка, надоела война, мы ненавидели царский режим, принимали все меры к тому, чтобы его свергнуть. Вот и сбылась наша мечта, царь Николай был свергнут. Об этом узнали в Тарнополе. Мы от всей души приветствовали. Вернувшись в пулеметную команду, нас встречали солдаты-пулеметчики, расспрашивали обо всем случившемся. Что мы видели и слышали, я им рассказал. В полку было известно, до окопов оно не дошло, в ротах-командах собирались солдаты, открылись митинги, на которых избирались, организовывались солдатские комитеты. Некоторые офицеры сами снимали свои погоны, а с других срывали солдаты, в некоторых ротах возникали драки между офицерами и солдатами. Солдаты бросали винтовки, снимали со своих плеч погоны и уходили из рот. В конце марта 1917 г. на полковом совещании от пулеметной команды было избрано пять солдат, в том числе и я был делегатом полкового совещания солдатских депутатов. На совещании ораторы призывали солдат, офицеров не бросать оружия, подчиняться избранным Советам солдатских депутатов. И так начинался 1917 г. в борьбе за власть Советов, я стал добровольцем, активным участником этой борьбы с оружием в руках.

В конце 1917-го и начале 1918 г. на солдатском комитете меня избрали помощником командира вновь сформированного добровольческого летучего отряда. На этом же заседании меня приняли в кандидаты РКП(б).

Пулеметный отряд получил назначение в Петроград в распоряжение Петроградского гарнизона, но так и не доехал до Петрограда. В районе Невеля было приказано срочно разгрузиться. Район был охвачен заревом пожаров, горели дома помещиков, стога с необмолоченным зерном, сортные дворы, ж.-д. пакгаузы. Прибывающие эшелоны из Петрограда на ст. Невель задерживались нашим отрядом, бежавших солдат с фронта и казаков из охраны Керенского обезоруживали. Отказавшихся сдать оружие и коней приказано расстреливать. Разоружившихся направляли в комендантское управление. На отряд возлагалась охрана и наведение порядка на ж.-д. в районе Невеля. Задержанным солдатам царской армии разъяснялось: не бросать оружия, с оружием в руках вступать в ряды Красной гвардии, на защиту Родины.

Всю Гражданскую войну мы с оружием в руках защищали молодую Советскую республику. В то время солдаты были плохо одеты, голодны, многие из нас обуты в лапти.

В районе Красной Горки я был контужен при взрыве ж.-д. полотна. Был отправлен в госпиталь, где мог только очнуться, но ничего не слышал, была полная глухота. Спросил рядом лежавшего раненого товарища: где же я нахожусь? Ответил: на медпункте; но ничего не смог сообразить, кругом осмотрел, себя ощупал, вроде все цело, но сильно болели голова и грудь. Так хотелось что-нибудь поесть, но ничего не было покушать, на второй день дали нам суп из манной крупы и маленький сухарь. Боль в голове не утихала. В небольшом помещении раненых так было много, и все они от боли стонали. Через несколько дней в

госпитале я заболел брюшным тифом. По выздоровлении был направлен в Москву в выздоравливающую команду в Дом Курникова на Каляевской улице[44]. В подвальном помещении, помещение не отапливалось, был страшный холод, окна заморожены, на подоконниках лежал лед, спали на общих нарах, не снимая шинелей, которые не грели. Питание состояло из супа, мороженной картошки, заправленной гнилой чечевицей, одной осьмушки хлеба с какой-то примесью вроде мелкой мякины. Примерно на пятый день из выздоравливающих заболело несколько человек брюшным тифом, в том числе заболел и я возвратным тифом. В начале марта 1919 г. из госпиталя отпустили меня на поправку на родину на 2 месяца.

По выписке из госпиталя вместо моей шинели одели меня в рваный черный полушубок и рваные ботинки с грязными обмотками, гимнастерка защитная из разных заплаток, черный картуз с лаковым козырьком. Из Москвы до Алексина еле-еле добрался, т. к. поезда ходили очень плохо, и те были переполнены мешочниками, едущими искать хлеба. До Петрищево пришлось идти пешком, снег раскис, превратился в воду. Ботинки мои наполнились водой, ноги до колен были мокры. Домой старался прийти как можно позже, ночью, чтобы никто не встретился, стеснялся показать свое обмундирование. Деревней прошел – меня никто не заметил, т. к. было очень темно, а в деревне не было керосина, время позднее, почти все спали. Подхожу к дому, из дома залаяла наша собака Тюльпан, которая узнала мой голос, подбежала, стала ласкаться. Дома все как будто спали; но нет, не спали, был виден малюсенький огонек, это горела крохотная коптилочка, снаружи света и не заметишь. Посмотрел в окошко, вроде кто-то разговаривает, постучал в дверь, послышался голос: «Кто там?» Голос отца. «Это я, Данила». И слышу, отец сказал матери: «Авдотья, Данила пришел». Отворилась дверь сеней избы, и сразу мать спросила: «Откуда бог принес тебя?» – «Из Алексина». – «И как же ты дошел в такую слякоть? Скорей разувайся». И я стал снимать все мокрое, отец подает валеные сапоги, мать – белье и говорит: «Милый мой сынок, полезай скорей на печку». А сама стала убирать мое обмундирование, при свете коптилки никак не может поверить, что же со мной случилось, определяя по снятой одежде, и говорит: «Кто же тебя так снарядил в такое страшилище, милый мой сыночек, до чего же ты довоевался и одежонки себе не заслужил». Отец говорит, что хорошо, что жив-то остался, одежду наживем, полезай на печку, грей ноги. Влез на теплую печку и скоро заснул. Утром на следующий день слышу, мать тихо толкает: «Сынок, вставай, слава богу, вижу тебя живым». И заплакала, и еще раз повторила: «Где же тебя в такое страшилище снарядили?» Говорю: «В госпитале». – «Значит, ты был ранен?» – «Нет, болел тифом».

Эта встреча мне запомнилась на всю мою жизнь. На стене весело в большой рамке мое фото 1916 г.: снимок в окопах в шинели, полна грудь крестов и медалей, на глазах матери снова появились слезы. В доме хлеба не было, но все же к чаю испекла мать лепешек из неочищенной протертой картошки вместе с шелухой; получились хорошие лепешки. Вместо чая была заварена ромашка. Деревня питалась разными травами, щавелем, кочетками, анисом, желудями, попурями, липовым цветом, пили клиповику. Деревня буквально голодала и превращалась в сплошных мешочников, уезжающих за хлебом в разные губернии: Тульскую, Орловскую, Курскую и другие. Зерно, муку и другие продукты, хлеб – все это покупалось только в обмен на вещи, продававшие денег не брали, а только требовали разные вещи. Пальто, костюмы, обувь, белье, золотые, серебряные вещи, если нет никаких вещей, то с тобой и не разговаривают, обмен товара производили на зерно, муку. У моих родителей этого не было. Жизнь с каждым днем становилась все труднее и труднее. В деревне организовываться стали группы на поездку за хлебом. Поехали и мы с отцом за Тулу, в р-н Черные Грязи; деревня большая, народу мешочников с мешками много, а у нас нет никаких вещей, и с нами никто не хочет разговаривать. Подошли к дому, крытому железом, на крыльце стоял солидный мужчина. Мы еще к нему не подошли и слышим: «Меняю зерно и муку на серебро, золотые вещи». У меня с собой были кресты, медали; он увидел у меня золотой крест Георгиевский, говорит: «Вот крест возьму». Сторговались – за крест золотой дал нам два мешка муки. Три креста и четыре медали в 1918 г. пожертвовал на построение Красной Армии.

После всего в деревне я пробыл очень мало, в деревнях Тарусского уезда кулаки и

[44] Бывшая Долгоруковская ул.

другие антисоветские враждебные элементы всячески пытались сорвать работу по оказанию помощи частям Красной Армии и по мобилизации сил рабочих и крестьян на отпор врагу. В начале мая, не дожидаясь окончания отпуска, отправился в Тарусский военкомат, был принят в формировавшийся заградительный добровольческий отряд. В военкомате я встретил однополчанина-пулеметчика моего взвода, он был член ревкома и начальником отряда ЧОНа. Предложил мне организаторскую работу как булочнику. Организовать пекарню, чайную при вновь организующемся городском клубе. За эту работу охотно я взялся, но не прошло и месяца, начался призыв коммунистов и кандидатов в Красную Армию. По запросу Калужского губвоенкомата надо откомандировать имеющихся добровольцев-пулеметчиков в распоряжение калужского горвоенкомата. В губвоенкомате пробыли двое суток, на третьи сутки нас направили десять тов.пулеметчиков в Москву, в распоряжение ВЧК (Лубянка, 2). Из 10 товарищей я был назначен старшим. С пакетом явился на 2-й этаж начштаба (фамилию забыл). Спросил: «Где ваши люди?» – «Возле подъезда». Со мной послал товарища, который нас повел во двор дома. Я построил людей, к нам подошел высокий худощавый товарищ, спросил, откуда прибыли, ему доложили, что из калужского губвоенкомата. Спросил, коммунисты есть, нас оказалось трое, остальные беспартийные. У всех спросил воинское звание, из 10 товарищей я один был старший унтер-офицер и полный Георгиевский кавалер. Высокий худощавый сказал мне: «Вот это хорошо, – показал на меня: – Его направьте на автокурсы с тем, чтобы обучал шоферов пулеметному делу и сам изучал автодело».

Итак, из десяти я один был направлен на автокурсы. По окончании распределения приказали накормить. Столовая была в доме 12, обедали: суп пшенный с консервами, кусок хлеба, накормили досыта. Тут же после обеда поехал в автошколу, явился к начальнику школы т.Гловенко, который говорит: «Мне о вас уже сообщили». Я ему сказал: «Что-нибудь плохое?» – «Нет, только хорошее, в старой армии были в пулеметно-учебной команде. Да, вы как бывший взводный командир будете обучать автокурсантов пулеметному делу, в свободное время будете изучать автотехнику». А времени так мало оставалось для изучения автомашин. Желание было большое познать автомобильное дело, я чувствовал, что этого требует война. Курсы мне понравились: дисциплина была строгая, повсюду требовалась большая аккуратность и четкость на занятиях. В казарме было чисто, тепло, питание из двух блюд: суп из сухой картошки, чечевичная каша «Шрапнель» и хлеба одна осьмушка (это каждый день), вечером был кипяток. Все это мы считали за большое счастье. Недолго пришлось побывать курсантами, поверхностно ознакомились с мотором, научили держать руль – «баранку». Запомнился висевший в зале плакат: «Тише ход на повороте, реже тормоз нажимай, чаще смазку проверяй». Так и не пришлось окончить автокурсы. Повсюду шла Гражданская война, тучи войны подвигались все ближе к Москве, повсюду возникали бандитские налеты, становилось все мрачнее, война все больше разгоралась. Фронт все ближе подходил к Москве. Деникин, Мамонтов подходили к Орлу. Штаб Южного фронта прибыл в г. Серпухов.

В первых числах сентября 1919 г. автокурсы прекратили занятия, пошли все на фронт, меня с двумя товарищами направили в Автобоевой отряд имени Я.М. Свердлова: как добровольцев несколько человек направили в третий Дом Советов в распоряжение командира Автобоевого отряда тов. Конопко и зам.командира тов. Соколовского по техчасти. Ком. отряда спросил нас: «Небось кушать хотите?» Мы в один голос: «Да, хотим, если возможно, покормите, мы еще ничего не ели». Тов. Соколовский позвал повара Котона: «Накорми их досыта, тов. Котона». Повар налил по котелку мясного супа и по куску мяса, большой кусок хлеба. Повар сказал: «Этот хлеб и каша пшенная привезены из Тамбова, если будет маловато супа, подбавлю». К кухне подошел человек в засаленном комбинезоне, спросил: «Новички, шоферы?» – «Нет, мы с курсов шоферов, пулеметчики». Добавил: «Ну как, заправились?» Сказали: «Так вы нас вкусно покормили, такой заправки мы не смогли и припомнить и подумали, это, наверное, нас заправили на неделю, а то и больше». Соколовский стал нас знакомить с порядком отряда, с товарищами, подъехавшими из Кремля, – привозили запчасти и что-то другое. Я подумал, какой хороший командир и коллектив, нас это больше воодушевляло, я подумал, с таким коллективом не пропадешь. В этот же вечер с тамбовского фронта вернулся отряд. Мы подружились и с ними. Прибывшие фронтовики немного пробыли в Москве, на второй день из Кремля стали пополнять отряд

автомашинами и снаряжением: пулеметами, патронами, горючим, запчастями, которых было мало; дано указание в течение двух суток исправить автомашины, получить новые. Проверка и ремонт машин, оружия, подготовка шли день и ночь, не чувствуя никакой усталости. Ремонт боевых машин был закончен, все было готово к отправке на фронт. При распределении я и Януш вновь назначены на автомашину тов. Игнатовича. Он был начальником боевой машины, а механиком – Иоган Буш. На каждой боевой машине было по два пулеметчика. Водитель, один заместитель, а всех автомашин «Фиатов» 15 боевых и три броневика «Остина».

Вспоминается, осень была суровая, сентябрь и начало октября шли обильные холодные дожди со снегом. Закончилась подготовительная работа по комплектованию всем необходимым. Отряд был готов. Осталось получить боевое назначение. Приказ получили: Южфронт, в распоряжение 1-й Конной армии. По прибытии в г. Серпухов, где расположился штаб Южфонта, отряд был задержан, дано распоряжение оставить отряд в резерве штаба фронта, командир отряда Конопко и все бойцы запротестовали против резерва. Командир Конопко был арестован. Вновь из Москвы получено распоряжение. Отряд должен следовать в распоряжение 1-й Конной армии. Таков был приказ Кремля. Погрузка отряда боевых автомашин на платформы была закончена молниеносно, в течение нескольких часов. Несмотря на проливной дождь со снегом, к утру машины все были покрыты снежным льдом. Это было примерно 10 октября 1919 г. В Серпухове мы пробыли около двух суток. В то время политуправление выдало нам партийные билеты, а у кого были кандидатские карточки, обменяли на партбилеты. Из отряда многие были приняты в кандидаты РКП(б), отряд в то время состоял из 95% коммунистов и добровольцев, – вот каков был отряд, ехавший на борьбу с Мамонтовым, Шкуро, Деникиным, а часть отряда была оставлена для охраны Кремля.

Примерно на следующий день после формирования дано указание Южфронту о немедленном направлении на Воронежский фронт в распоряжение 1-й Конной армии; по пути на фронт еще раз проверка, т.е. уточнение, чтобы каждый знал свою боевую машину и водителя машины, а их было 15 и 3 броневика. Были следующие товарищи: Игнатович, Пискунов, Несмеянов, Дамбит, Архипов и другие. За машинами было закреплено по два пулеметчика. Надь Януш и я были на машине Игнатовича. От Серпухова до Воронежа путь был довольно трудный, т. к. были сильные снежные метели, снегопады, пути ж.-д. засыпало снегом, и паровоз наш был не в силах тащить эшелон, несколько раз останавливался на пути следования, т. к. не хватило топлива, приходилось паровозу преодолевать большие трудности, линия заносилась сугробами снега. Путь был тяжелым. В Воронеж прибыли примерно числа 25–27 октября 1919 г. 1-я Конная армия была в Воронеже. По прибытии в Воронеж на привокзальной площади было многолюдно, вокзальное помещение переполнено солдатами. Наш эшелон остановился на первой линии вокзала, ожидая дальнейшего распоряжения. В начале нашего прибытия ожидали бронеотряд, состоявший из одних бронемашин, а тут оказалось только три бронемашины и 15 автомашин. Бронемашины их очень радовали, в их лицах было много радости, они были готовы нас на руках носить.

Вскоре последовало распоряжение разгружаться, одни солдаты старались помочь нам, а некоторые в стороне стояли, наблюдали, в наш адрес бросали реплики: «Обождали бы выгружаться в такой снегопад, засыпит ваши автомашины снегом, и придется звать на помощь откапывать из-под снега». С нашей стороны были тоже ответные реплики: «Просим не беспокоиться, у нас есть чем отогреть и самим нагреться, и можем вас погреть в трудную минуту. Товарищи конники, вы беспокойтесь о своих сапогах, чтобы они не примерзли к стременам». Как говорится, пошутили и поострили друг другу. Разгрузка автомашин продолжалась недолго, в течение одного часа все было закончено, и машины готовы в любой поход, невзирая на снегопад, все было направлено на то, как бы занять ст. Касторная и прилегающие населенные пункты. Приказано ожидать особого распоряжения. Оно последовало в этот же день. Наш отряд, 4-я, 6-я дивизии и другие части вышли из Воронежа, наступая на противника, не давая останавливаться, в направлении ж.-д. полотна. Путь был трудный, т. к. дорог не было, все занесено бушевавшей снежной метелью, видимость была очень плохая, машины шли, не видя дороги, с большой осторожностью, зорко следили за появлением противника. Во время нашего продвижения вдоль ж.-д. пурга стала стихать, с трудом добрались до бугроватой лощины, видимость стала хорошей, машины были

облеплены снегом, пурга нам помогла пройти совершенно открытое поле, наше продвижение было незаметным, остановились в лощине, где было безопаснее. Я, забравшись на самую вершину бугра, с которого было видно как на ладони, и рассматривая сторону противника, обнаружил бронепоезд, который был незаметен простым глазом; он стоял в кювете, по-видимому, прислан из ремонта со ст. Касторной. Открывать огонь из пулемета было бы бесцельно – для нас и автомашин была верная гибель. С наступлением темноты мы благополучно ушли, не обнаружив себя, о чем было сообщено в штабы 4-й и 6-й дивизий, но там тоже не было артснарядов для обстрела бронепоезда. Расположились недалеко от населенного пункта. Не помню название, это в направлении ст. Касторная. Обсудили силу бронепоезда противника и маневренность – большое превосходство боевой техники и численность регулярных войск. На следующий день получили задание во что бы то ни стало пройти в тыл населенного пункта противника, взорвать мост и прилегающее ж.-д. полотно. Задание было выполнено: мост и полотно взорвали, и бронепоезд на этом участке больше не показывался. Следуя в направлении в глубь района ст. Касторная при взаимодействии с 4-й, 6-й кавдивизиями тт. Гордовикова и Тимошенко, получили задание захватить бронепоезд. Для захвата бронепоезда пошли добровольцы, наша машина тов. Игнатовича, Пискунова, Несмеянова, точно не помню, один броневик Павлика Новикова, Лылина, в общем, нас было одиннадцать чел. Вторая группа из 4-й, 6-й кавдивизий. Наши машины зашли в тыл противника на одной ж.-д. станции (не помню ее название). Бронепоезд был взят в полной исправности, т.е. на полном ходу, команда поезда была застигнута врасплох, одни решили бежать, но были уничтожены, оказавшие сопротивление тоже расстреляны. Нач. поезда – поручик – был взят в плен нашим отрядом. Принялись осматривать паровоз, а мы занялись пулеметным оружием. В поезде было много боеприпасов, пулеметные ленты и артснаряды. Пушки и пулеметы были в полной боевой готовности. Нам, пулеметчикам, нужны были пулеметные ленты и патроны, т. к. в отряде их было очень мало. Наши артиллеристы тоже имели большой недостаток в снарядах, а на бронепоезде их было в большом количестве; бронепоезд нашими был отведен в нашу сторону для формирования. Часть патронов была передана отряду, артснаряды – артиллеристам 4-й, 6-й дивизий. Взорваны мосты, и полотно ж.-д. самим же пришлось восстанавливать. Бронепоезд для наших войск сыграл большую роль в продвижении в направлении ст. Касторная. Из их же бронепоезда стали бомбардировать белогвардейцев, укрывшихся на ж.-д. узлах района ст. Касторная. С каждым днем все сильнее и ожесточеннее развертывались наступательные бои всех родов войск, конечно, и не без помощи взятого бронепоезда. Не выдержав нашего стремительного натиска, белогвардейцы стали отступать, оставляя на поле боя много убитых и раненых. Много было взято пленных. При взятии ст. Касторной было захвачено несколько эшелонов с боеприпасами, в которых так нуждались наши войска.

Ст. Касторная была важным ж.-д. узлом, и поэтому здесь были сосредоточены все имеющиеся силы. Бои продолжались и днем и ночью. Нашему автобоевому отряду приходилось участвовать на разных тыловых направлениях противника, невдалеке от ж.-д., где часть наших автомашин и броневиков продвигалась вдоль ж.-д. полотна, где ожидался бронепоезд противника, с тем чтобы наш бронепоезд его сразу уничтожил. Так и было сделано, это по счету был второй бронепоезд противника.

Это происходило примерно в середине ноября 1919 г. Ст. Касторная и прилегающие к ней населенные пункты были взяты, противник был разбит. Захвачены большие трофеи: пулеметы, орудия, винтовки, вагоны с фуражом и продовольствием. Противник на ст. Касторная бежал в направлении Старого Оскола. Наш отряд получил двухдневный отдых для осмотра и приведения в порядок автомашин, для пополнения горючим, боеприпасами для дальнейшего наступления на белых, отступавших в направлении Старого Оскола. На следующие сутки после освобождения ст. Касторная (это был ноябрь 1919 г., примерно 16, 17) наши машины тт. Игнатовича, Каспорета, оказывая боевую поддержку 11-й кавбригаде, совместно с 6-й кавдивизией стали продвигаться невдалеке от ж.-д., не теряя связи с 4-й и 11-й кавдивизиями. Наши машины действовали обходным путем с заходом в тыл в населенных пунктах в направлении ст. Старый Оскол. Неоднократно машины Игнатовича, Каспорета подвергались артиллерийскому обстрелу с бронепоезда белых. Части 4, 6, 11-й дивизий, настигая бегущего противника, оказывали нам поддержку, т. к. отступающий противник оказывал сопротивление. Отступая, белогвардейцы навязали нам рукопашный

бой, но все же при помощи наших пулеметов заставили противника отступить. Расстреливая противника с тыла, наши конники быстро окончили бой, захватив большие трофеи, обозы с оружием, хлебом и боеприпасами. Противник на поле боя оставил сотни убитых и раненых, пленных солдат. В окрестности ст. Старый Оскол и района ж.-д. разъездов разгорались ожесточенные бои. Нашими машинами и всем отрядом была проделана большая боевая работа в тылу противника. Совершив большие походы по окружению Оскола, совместно с конными дивизиями с ожесточенными боями гор. Оскол и станция были взяты. Противник оставил эшелон с награбленным имуществом, нами было захвачено на путях ж.-д. много эшелонов, в них боеприпасы, лошади, фураж, продовольствие, много пленных, даже не успевших выгрузиться; был взят бронепоезд деникинской армии. Эшелон, подходивший к ст. Оскол, был застигнут врасплох, находившиеся в нем солдаты, боясь расстрела наставленных пулеметов по сторонам ж.-д., бросались из вагонов в снег и бежали кто куда. По пути из города в снегу были брошены повозки, имущество бежавших из города. По дороге шли раненые солдаты, по обочинам лежали убитые.

По дороге заехали в деревушку недалеко от Оскола пополнить водой радиаторы, т. к. в них кипела вода. Зашли в первый попавшийся дом с краю. В нем не оказалось ни одной живой души. Деревня была пуста. По-видимому, деникинцы народ куда-то угнали, а которые не уходили, расстреливались на месте. Впервые на пути мы встретили ужасную картину: в домах лежали расстрелянные женщины, мужчины, дети. Деникинцы отступали из Старого Оскола в направлении Нового Оскола. Это был конец ноября 1919 г. Метели все усиливались, становилось с каждым днем холоднее. В Старом Осколе наш отряд пополнил запасы горючего, боеприпасов. Несмотря на сильный холод, автомашины работали как часы.

Возникавшие повреждения устранялись на ходу. Пулеметы стреляли без задержки. Команда отряда чувствовала себя бодро. Со стремительным прорывом продолжали наступление на Новый Оскол. Бронемашина Павлика, машины тт. Игнатовича, Каспорета, Архипова продвигались по неизведанным проселочным дорогам с бригадой тов. Книги, продолжая стремительное наступление на Новый Оскол. Наша машина и машины автоотряда нагоняли противника, который удирал. В первых числах декабря 1919 г. противник остановился в одном населенном пункте (названия деревни не помню). Утром второго дня противник перешел в контрнаступление. Незаметным объездом мы разгадали замысел противника. На машинах стали делать тыловой обход деревни с противоположной стороны. Открыли трехсторонний пулеметный огонь из шести пулеметов, контратака противника была сорвана. Конница 6-й дивизии, при которой были наши автомашины, преследовала и расстреливала конницу Мамонтова. Вскоре на пути нашего продвижения мы обнаружили сквозь снежную пургу движущийся состав, облепленный снегом. Это оказался бронепоезд противника. Повернув машины в противоположную сторону, скрылись за бугор, молниеносно перескочили линию ж.-д. и укрылись за оврагом. По этому оврагу продвигалась ударная группа 6-й дивизии. Бронепоезд прошел, не заметив наши части, и скрылся в районе населенного пункта и ж.-д. станции. Артиллерия 6-й кавдивизии сделала несколько выстрелов по ж.-д. станции. Ответных выстрелов не последовало. С наступлением темноты станция была взята. Мамонтовская кавалерия бежала, на станции оставила много раненых солдат. Пурга не утихала, противник отходил в направлении Нового Оскола. Преследуя отход противника, автоотрядовцы на машинах стремительным ходом отрезали пути бегущему противнику, уничтожали его пулеметным огнем. Чем ближе подходили наши части к Новому Осколу, тем противник сильнее оборонялся, в особенности в районе самого Нового Оскола. Около двух суток шла ожесточенная борьба в окружении Нового Оскола. Наш отряд принимал активное участие в боевых действиях, обходя с флангов, с заходом в тылы противника, создавая панику, расстреливая пулеметным огнем. При взятии Нового Оскола наш автоотряд сосредоточил всю автотехнику, которая работала без отказа, несмотря на холод и снежные метели, когда невозможно было определить дорогу; все было ровным полем, т. к. канавы были засыпаны слегка снегом. Все это требовало большого напряжения, умения маневрировать машиной. От малейшего недосмотра замерзали радиаторы. Ко второй половине дня в первых числах декабря 1919 г. Новый Оскол был взят. Автоотряд совместно с 6-й кавдивизией вошли в город. На улицах города было пусто.

Нашим двум машинам и бронемашине Павлика дано распоряжение срочно выехать в направлении Купянска – Валуйки, преследуя мамонтовское войско, отступавшее вдоль

железной дороги в сторону Купянска. Наша боевая задача была перехватить противника и отрезать пути на Купянск.

Зайдя во фланг противнику, открыли пулеметный огонь из четырех пулеметов. Там самым оказали большую поддержку 1-й конбригаде т. Книги, которая вела наступательный бой. Противник в замешательстве стал бросаться в разные стороны. Наша бронемашина вышла навстречу противнику и в упор расстреливала наступающую конницу. Оставшиеся солдаты противника, в беспорядке бросившиеся бежать, были рассеяны. Было захвачено много пленных, на поле боя оставалось много убитых и раненых солдат.

В населенном пункте много осталось пленных, повозок с награбленными вещами, продовольствием, артиллерийские ящики со снарядами, пять полевых орудий в полной исправности, много ружейных патронов, которыми пополнили свои запасы. По окончании боя мы вернулись в Новый Оскол. Нас ожидал отряд для заправки машин горючим и получения лент для пулеметов. Наутро следующего дня резко изменилась погода, наступила сильная оттепель, проселочные дороги покрылись гололедицей. Машины автоотряда на подъеме стали буксовать. На колеса пришлось надеть цепи. В течение часа работа была окончена. Догнав штаб 4-й кавдивизии, которая шла в направлении Валуек, автоотряд совместно с 4-й кавдивизией с боем продвигался вдоль линии ж.-д. Задача автоотряда – перерезать линию ж.-д., окружить ж.-д. станцию Валуйки, зайдя в тыл противника, открывать пулеметный огонь, создавать панику. Примерно в середине декабря 1919 г. вечером заняли ст. Валуйки. В занятии ее принимали участие все автомашины совместно с бойцами 4-й кавдивизии. При взятии ж.-д. станции захватили эшелоны с зерном, военным снаряжением, боеприпасами, фуражом.

К утру погода изменилась, наступило похолодание, дороги покрылись льдом, снег в поле покрылся ледяной коркой. Для автомашин дорога улучшилась, а для коней очень ухудшилась. В Валуйках переночевали, заправили автомашины горючим, пулеметные ленты набили патронами. Наутро автоотряд совместно с 4, 6, 11-й кавдивизиями продолжал наступление, преследуя противника в районе Купянка, Дебальцево, Илловайская. Автоотряд все время находился в наступательных боях вместе с передовыми ударными группами, выделенными из разных дивизий. Ударная группа, развивая стремительное наступление на Купянск – Сватово, с ожесточенными боями освобождала от противника населенные пункты, а также реку Северский Донец. Наши машины Игнатовича, Каспорета, Несмеянова, Архипова быстро продвигались вдоль ж.-д. линии в направлении реки Северский Донец, держа связь с 4-й кавдивизией. Поставлена задача трем нашим машинам – зайти во фланг противника и отрезать путь деникинцам-казакам через ж.-д. мост ст. Рубежная. Машины автоотряда Игнатовича, Несмеянова, Дамбита, Каспорета, бронемашина Павлика, выполняя боевую задачу, обошли ст. Рубежная, опередили противника и заняли переправу через ж.-д. мост и прилегающую дорогу, и благополучно добрались до указанного рубежа. Развернув автомашины на перекрестке дорог, идущих к ж.-д. линии, ожидали встречи с противником. Не прошло и часа, появилась небольшая группа верховых и повозки противника, которые немедленно были уничтожены пулеметным огнем. Не прошло и получаса, со стороны противника до нас донеслись крики «ура!». Остальные машины отряда действовали на других флангах ст. Рубежной. Нарастающая стрельба, гул и крики «ура!» все ближе и ближе приближались к нашим рубежам; вскоре в открытом поле появилась большая группа, скачущая рысью в нашем направлении. Я и мой напарник затаили дыхание: на нас скакала рысью конница противника. Подпустив на близкое расстояние, я открыл пулеметный огонь по приближавшемуся противнику, который шел цепью. Строй противника был нарушен сразу, противник бросился в разные стороны и был обстрелян перекрестным пулеметным огнем. Куда бы противник ни бросался, его повсюду встречали наши пулеметчики, наши машины и бронемашины были сосредоточены на участках переправ. Поле боя в течение непродолжительного времени покрылось трупами убитых солдат, лошадей, нагромоздившимися повозками. Противник и на нашем направлении был в кольце окружения под пулеметным огнем. Он был парализован, потерял всякую надежду на спасение, 4-я, 6-я кавдивизии вели наступательные бои, противник был обращен в бегство, бросая все свое снаряжение. Численность противника в нашем расположении с каждой минутой увеличивалась, мы подпускали его на близкое расстояние и пулеметным огнем уничтожали. Скачущая конница противника, выходя на открытое место, стремилась

прорваться к переправам.

Патроны были на исходе. Противник бросился бежать обратно на лесную опушку. Сюда была направлена бронемашина Павлика; с лесной опушки противник был выбит. Конница противника стала бросаться в реку Северский Донец. Бронемашина, зайдя с фланга, пулеметным огнем обстреляла группу противника, скопившуюся на берегу Северского Донца. Тем самым все пути к переправам были отрезаны. Конница противника бросилась в заболоченный Ольховый лес, стараясь укрыться от атак нашей конницы, нашего пулеметного огня, наших машин. В лесу заболоченная почва, покрытая тонким льдом и запорошенная снегом, стала проваливаться под ногами лошадей, и они тонули в снежной грязи болота. Противник, видя лесную гибель, стал бросаться в Донец, решив переправиться через реку по льду. Лед оказался слабым, лошади проваливались и уходили под лед. Машина, где был я и венгр Надь, занимала ответственный участок на стыке двух дорог, по которым шли отступающие части противника к переправам и ж.-д. мосту через Северский Донец. Это было в декабре 1919 г. Бой, продолжавшийся около 4 часов, окончился. Пулеметная стрельба прекратилась, вода в кожухах пулеметов перестала кипеть, стали остывать стволы. Мерзли от холодного пола кузова ноги, руки примерзали к пулемету. Запас патронов был израсходован. Находящийся в машине неприкосновенный запас пулеметных лент был тоже израсходован. Вместо патронов в кузове образовалась гора расстрелянных гильз и пустых лент. Бои стихли на нашем боевом участке. Собрались все боевые машины отряда, каждый стал делиться о боевых действиях. Командир и военком отряда поблагодарили нас за отличную боевую выдержку, смелость и успех по уничтожению врага. Бойцы отряда получили благодарность от командира кавдивизии тов. Гордовикова, который сказал: «Спасибо вам, товарищи свердловцы, за блестящее выполнение боевых заданий». Почему-то в этот момент я вспомнил: а сколько я прошел на своем жизненном пути, будучи солдатом старой армии, как участник Гражданской войны, как бывший разведчик пулеметной команды, а ныне пулеметчик автобоевого отряда. Таких смертельных атак довелось мне пережить немало. Почему-то я всегда был в этих случаях смел и активен и думал, как бы нам ни было трудно, холодно и голодно, что должны бороться и побеждать, как бы ни была страшна смерть.

Я с Игнатовичем доложил командиру отряда, что неприкосновенный запас израсходован до единого патрона. Сев в машины, поехали на поле боя искать патроны. В некоторых повозках были испорченные пулеметы, без замков и затыльников, приемников, пулеметные ленты были изрезаны на несколько частей. Такими путями приобретали патроны и другие боеприпасы, с убитых снимали с патронами сумки и набивали пулеметные ленты.

На протяжении наступательных боев мы остро нуждались в боеприпасах. Также были захвачены повозки с продовольствием, несгораемый сундук с документами и другие вещи.

В районе Рубежная и Переездная была уничтожена большая деникинская группа солдат и конница противника. На поле боя противника оставлено большое количество раненых, убитых солдат, лошадей. На участке невдалеке были обнаружены среди убитых солдат два генерала, полковник, подпоручик, два штабс-капитана. 23 декабря 1919 г. погода стояла солнечная, но довольно морозная. С утра 24 декабря 1919 г. наш отряд переправился через Сев. Донец по ж.-д. мосту; прогоны моста, промежутки шпал были забиты вплотную досками. По полотну ж.-д. моста свободно переправилась конница наших дивизий, по этому же настилу переправились наши автомашины и броневики, которые переправлялись последними. До моста автомашины продвигались медленно, по шпалам, более трех километров. С трудом добрались до переезда, поспешно перебрались через ж.-д. кювет. На пролегающую небольшую площадку машины продвигались на первой скорости. По окончании перехода тщательно проверили ходовую часть, рессоры, к вечеру прибыли в Лисичанск, в нем же расположилась ударная группа 4-й, 6-й кавдивизий. Автомашины еле-еле добрались до территории завода «Русские Краски», т. к. горючее было на исходе.

И опять возникла задача: имевшийся резерв горючего, израсходованный до грамма, во что бы то ни стало дополнить, а это не так было легко. В поисках горючего участвовали шоферы и все свободные бойцы. Пулеметчики занимались своим делом – набивкой пулеметных лент патронами, отобранными у убитых солдат. Всю ночь продолжались поиски горючего. Отыскали начальника грузового движения и сцепщика вагона. С их помощью отыскали две цистерны с бензином, которые были загнаны в тупик пакгауза и которые

Мамонтов не успел сжечь и взорвать. С наступлением рассвета до половины дня не смогли из тупика вывести цистерны к платформе, куда бы могли свободно подходить машины для заправки. Горючим заполнили все имеющиеся резервные бочки. Оставшийся бензин в двух цистернах передали заводскому управлению под сохранную расписку. Рано утром 26 декабря 1919 г. из Лисичанска направились с резервной частью в направлении ж.-д. ст. Попасная, Дебальцево, Илловайская в направлении Новочеркасска и Ростова. Совместно с наступательной ударной конной группой 4-й, 6-й кавдивизий продолжали наступательные бои, которые с каждым днем и часом все увеличивались за овладение ж.-д. станциями прилегающих населенных пунктов Донбасса.

Армии Деникина, Мамонтова оставляли район за районом. Наша конница не успевала их преследовать. Противник на некоторых ж.-д. станциях и в населенных пунктах переходил в контратаку, но повсюду имел поражение, бросая на поле боя раненых, повозки с разным снаряжением.

Примерно 29–30 декабря 1919 г. совместно с ударной конной группой 4-й, 6-й кавдивизий мы овладели ж.-д. ст. Дебальцево, в ожесточенном бою захватили много боеприпасов и ж.-д. эшелон с разным грузом, фуражом, обмундированием. Противник недолго оборонялся и был обращен в бегство. Наши автомашины стремительным ходом нагоняли врага и расстреливали пулеметным огнем. Стремительным наступлением наша Красная Армия освободила Донбасс от деникинской армии. 1 января 1920 г. наш автоотряд совместно с ударной конной группой занял ж.-д. станцию Илловайская и продолжал наступление на Ростов-Новочеркасск, в направлении Ростова и Нахичеваня, не доходя до армянского селения Салы. Конница пластунских казаков расположилась в населенном пункте Салы. Нам было приказано заехать с двух флангов. Машины Игнатовича, Пискунова заняли балку. Не прошло и нескольких минут, как послышались крики «ура!», и на снежном поле заблестели клинки, началась страшная атака. На поле боя поднялась снежная пыль. Группа за группой из селения Салы выскакивали пластунские казаки в черных бурках. Я и мой товарищ открыли из четырех пулеметов ураганный огонь.

Не прошло и часа, как противник бросился на левый фланг, но был также встречен ураганным огнем наших пулеметов. На поле боя образовалась черная куча убитых пластунских казаков. Из населенного пункта вышел большой танк, по-видимому, увидел наши машины и повернул в нашу сторону, но немедленно был подбит огнем артиллерии. Вслед за ним вышел второй большой гусеничный танк. Стал подцеплять первый уже подбитый танк, чтобы увести его, но был подбит нашей артиллерией. Бой продолжался. Вдалеке слышны крики «ура!» и пулеметная стрельба. Не теряя времени, надо было обстрелять населенный пункт, откуда выскочила большая группа казаков в черных бурках. Мы быстро выехали из балки прямо в тыл пластунцам и открыли ураганный пулеметный огонь. Пластунцы были уничтожены нашим пулеметным огнем. Прошло немного времени, крики «ура!» умолкли, и затихла стрельба пулеметов. Стало темнеть, мы с Игнатовичем подъехали к стоявшим невдалеке подбитым нами двум танкам противника. Рискуя быть убитыми, мы рассуждали между собой: вот если бы имел наш отряд два таких грозных танка, которых мы еще ни разу не видели! Я говорю Игнатовичу: «А может, наш механик Буш найдет небольшие повреждения? Вот был бы он с нами!» (Буш – это наш автомеханик отряда, который сразу определил бы их пригодность.) Подошли вплотную. В танках тишина. Обойдя танки, к нашему удивлению, определили и без механика, что танк исправить нельзя, т. к. артснаряд сделал свое дело, попадание было хорошее. В танках было тихо, мы взобрались на поверхность танка, хотелось нам открыть верхний люк, но они были вмяты. Сбили засовы, открыли люки. Я опустился вовнутрь танка, забрал ящики с пулеметными лентами. Экипажи танков были живы, но не могли говорить, т. к. они не слышали – были оглушены. Наши кавалерийские дивизии заняли населенный пункт Салы. Наши машины автобоевого отряда с ударной группой дивизии разгромили пластунскую казачью группировку. Нами в ожесточенном бою был освобожден населенный пункт. В бою был ранен наш пулеметчик Алешин. Боевые машины автобоевого отряда, оставляя населенный пункт, быстрым ходом вышли из глубокого снега балки вперед нашей ударной группы, заходя с флангов противника, отрезая пути отхода пластунских казаков, уничтожая их из пулеметов.

В начале вечера 8 января 1920 г. мы совместно с ударной группой заняли окраины

Нахичеваня. Мы с Игнатовичем так увлеклись преследованием в погоне за пластунцами, что оказались в центре площади Нахичеваня. Проходящая публика не обратила на нас никакого внимания, по-видимому, нас приняли за деникинцев. В Нахичевани все было спокойно, в магазинах производилась торговля, проходили трамваи с переполненными вагонами городской публикой. Газетчики, продавая газеты, кричали о разгроме Красной Армии в районе Донбасса. Мы остановили машину у трамвайной остановки, где стоял газетчик. Я моментально выскочил из кабины, подбежал к нему, вынул из кармана деникинскую двухсотрублевую бумажку и получил две пачки газет, примерно штук тридцать. Быстро Игнатович развернул машину, и мы покинули площадь города, помчались в расположение нашего отряда и конной группы. Сообщили, что видели в городе, и передали газеты в штаб 4-й кавдивизии, а часть газет оставили для отряда, передали командиру и военкому отряда т. Журавлеву.

В Нахичевани все было спокойно, граждане города не знали о том, что через час-полтора конница Красной Армии займет Нахичевань. Вечером, с заходом солнца, 8 января с боем при взаимодействии 4-й кавалерийской дивизии и автобронеотряда был занят город Нахичевань. Жители города не ожидали появления нашей конницы и автобронемашин. Их газеты давным-давно сообщили о том, что Красная Армия разбита в районе Донбасса, отброшена от Ростова и Нахичевани на 100 км. Появление на улицах города красной конницы и автобронеотряда было большой неожиданностью. Навстречу нам шла трудовая колонна в штатской одежде. В руках ломы, топоры, лопаты, кирки. Не обращая на нас внимания, они поравнялись с нашими красноармейцами. Кто-то из наших спросил: «Товарищи, далеко ли путь держите?» В колонне сразу получилось замешательство, кто-то из толпы крикнул звонким голосом: «Окопы копать, оборону ставить!» Но, видно, спохватились, с кем разговаривают, немедленно остановились, бросили свой инструмент, стали разбегаться в разные стороны. Кто-то из конников скомандовал: «Прошу, товарищи, не разбегаться, стрелять буду!» Всю группу направили в штаб дивизии для выяснения.

С вечера всю ночь до утра по Нахичевани курсировали наши машины и конные патрули. В разных направлениях слышалась незначительная ружейная стрельба, в домах была абсолютная темнота. Кроме военных патрулей, конармейцев, на улицах города никого не было. Пискунов, Богданов, Лылин во время дежурства и обхода занимаемого квартала заметили трех оседланных лошадей, привязанных к дереву. Прошли несколько шагов в сторону стоявших лошадей, как из-за угла на них набросились три офицера Дроздовского полка. Я заметил группу и говорю Игнатовичу: «Смотри, что за люди дерутся втроем?» Одни в шинелях, другие в кожанках, невдалеке три привязанные лошади. Рукопашная драка все усиливалась. Я говорю Игнатовичу: «Это наших бьет кто-то!» Подбежали и видим: у Богданова и Лылина лица в крови, у Пискунова воротник оторван. По-видимому, драка продолжалась недолго. Как видно, силы были равны. Все шестеро были изрядно «поцарапаны». Мы с Игнатовичем подбежали с наганами в руках. Но ни в одном из них не было патронов. Пришлось угостить несколькими ударами нагана по головам офицеров Дроздовского полка. Стоявших на привязи оседланных лошадей забрали и передали в штаб дивизии, а карабины взяли для себя. Дроздовцы притворились мертвыми, но мы этому не поверили. Богданов, Лылин из их же карабинов пристрелили их. При занятии Нахичевани в отряде было ранено три товарища, а Пискунов, Лылин и Богданов были спасены.

По указанию командира отряда наша машина вышла на окраину города, граничившую с дорогой, идущей из Ростова в Нахичевань. Было известно, что из Ростова вышли 17 санитарных машин в Нахичеванский госпиталь за ранеными офицерами. Вскоре появилась колонна санитарных машин, которые медленно двигались с закрытыми глушителями и потушенными фарами. Все санитарные машины мы пропустили и немедленно поверх машин открыли пулеметный огонь. Санитарные машины остановились. Так были взяты 17 машин и доставлены вместе с водителями и санитарами в штаб дивизии. Примерно около пяти часов утра в Нахичевани и Ростове был погашен электросвет. Вся кавдивизия и наш отряд должны оставить город. Мы с Игнатовичем выезжали последними, а машина Архипова почему-то далеко отстала, забуксовала, замерзла бензиновая трубка. Я механика Буша спросил, что случилось с машиной Архипова. «Он никак не может завести, а пулеметчики Новиков и Надь не могут открыть крышку пулемета и вынуть из приемника перекосившуюся ленту». – «Волков, – сказал командир отряда, который знал меня как отлично знающего

пулеметчика, – поди выясни, в чем дело там с пулеметами». Я быстро вскочил в кузов машины и подъехал к остановившейся машине и устранил неисправности в пулеметах. Автомеханик Буш и Архипов все возились с мотором, тот никак не заводился заводной ручкой, т. к. в машине сгорел стартер. Как только завели машину и заработал мотор, Архипов и я быстро сели в кабину, Буш и два пулеметчика вскочили в кузов, и мы быстро поехали догонять уехавший из города отряд и конармейцев. Архипов очень нервничал, т. к. мотор работал с перебоями. Архипов вел машину в направлении армянского собора, с колокольни которого я заметил странное моргание – то белый, то синий. Я показываю Архипову на моргающие огоньки: «Смотри: подают сигналы, наверно, ловят нашу машину. Мы попали в деникинскую засаду». Свернули влево за угол дома, завернуть не успели, наблюдаю за миганием огней. Белый, синий, вдруг показался красный продолжительный. Архипов не успел повернуть машину, как вновь заморгал учащенно красный огонек, и моментально по нашей машине застрочил пулемет. Противник усиленно продолжал обстреливать остановившуюся нашу машину, которая попала под усиленный обстрел деникинских пулеметов. Машина не прошла и пяти метров, как заглох мотор. В кузове застонали Буш, Надь. Я вскочил в кузов, схватился за ручки, нажимая кнопку пулемета, но пулемет не стрелял. Пулеметы не работали. Буш и Надь лежали и сильно стонали. Я не успел выпрыгнуть из кузова, как почувствовал боль в ноге. Возле машины, кроме меня, никого не оказалось. Автомеханик Буш и пулеметчик Надь остались в кузове машины. Я не успел отбежать и десяти шагов, как меня настигла пулеметная очередь. Я упал на мостовую. Пулеметная стрельба продолжалась. Дальше я не смог двигаться, истекая кровью. Очнувшись, стал чувствовать сильную боль и холод, хотел повернуться, но не смог, шинель и брюки примерзли к мостовой. Было очень холодно, я весь был запорошен снегом. Чувствую, что весь закоченел, на лицо откуда-то дул теплый пар. Я протянул руку, почувствовал тепло, оказывается, я лежу недалеко от водосточной решетки. Старался подползти поближе, но не смог. Вдали была чуть слышна орудийная пулеметная стрельба. Я стал вспоминать, почему оказался на мостовой. Кто-то тихо стонал: это Буш и Надь. Чувствую сильную боль и холод в груди. Лежа на животе, из шинели вынул наган и маузер, переложил их в карман, а билет и воинское удостоверение разорвал на мелкие кусочки и опустил в водосточный колодец. Вскоре прекратилась пулеметная стрельба, но увеличился гул приближающейся автомашины. Вначале я обрадовался и с болью приподнял голову, чтобы посмотреть в ту сторону, откуда слышался шум, и увидел, что медленно продвигается броневик с опознавательными знаками – треугольник и череп со скрещенными костями. Он подошел, остановился возле машины, в которой лежали раненые Буш и Надь. Послышались глухие удары. Стоны прекратились. Деникинские варвары подошли ко мне. Один из солдат ногами встал на мою спину, а второй шарил по карманам окровавленной шинели и засаленных брюк. Из карманов взяли наган и маузер. Оба они были без патронов. Я набрался терпения, сил, затаив дыхание, сделался мертвым. Слышу, они между собой открыли спор из-за маузера, не поделили, тем самым отвлеклись от меня и больше не тормошили мои карманы. Чувствую движение бронемашины, которая движется на меня. Мысленно подумал: сейчас раздавит меня, вот и конец моей жизни. Но колесо соскользнуло с обледеневшего бугорка, прошло, минуя мое тело. Благодаря обледеневшему бугру машина не задела плеча.

Наши оставили Нахичевань, значит, оставили и нас, тяжелораненых. Что будет с нами дальше? Деникинские солдаты раненым солдатам Красной Армии помощи никакой не оказывают. Единственная помощь – добивают прикладами или прикалывают штыками и раздевают догола. Думаю, если не замерзну, такая же участь меня ожидает. Чувствую, у меня все постепенно холодеет. Стали коченеть руки. Почему-то в голову лезут разные мысли: вспоминаются трудные переходы карпатских гор, переправа через реку Сан, как под нашими ногами ломался лед во время перехода. Наша пулеметная команда разведчиков и 8-я рота шли по пояс в воде, намокшие солдаты замерзали в снеговых окопах, так как вся солдатская одежда сохла от тепла своего тела и сильного мороза. Нас, пулеметчиков, согревали и сушили наши лошадки-кони, а два пулеметчика из моего взвода замерзли. Думаю: неужели придется замерзнуть или перестреляют деникинские солдаты?

Сверху ярко светило зимнее солнце, согрело своими лучами мою спину, а в животе было очень холодно от мостовой. Я лежал и ждал своего конца. Вдруг послышался стук колес пулеметной тачанки, снова забилось мое сердце, глубоко вздохнул и мысленно тихо

сказал: вот и пришел мой последили час. Слышу, раздался голос. Возле меня остановилась пара лошадей, запряженных в пулеметную тачанку. Позади стоит пулемет. Слышу их разговор: «Пойдем посмотрим, чья-то стоит разбитая машина». Услышав голоса, сразу как будто стало легче. Мысленно подумал: наши вернули обратно город. Подойдя ко мне, стали шевелить голову, брать руки, шепча: «Ты жив?» Я затаил дыхание. Подошел другой, стали разговаривать, ругать деникинцев: «Что, сволочи, наделали со свердловцами, раздели наголо, искололи штыками, на спинах все изрезали на мелкие ремешки». Я глубоко вздохнул и сказал: «Да, я остался жив». Кому отвечаю, не знаю. Не успел головы повернуть, как уже лежал на тачанке. Я спросил, почему не взяли моих товарищей Буша и Надя? Последовал ответ: «Мы собираем живых, ваши товарищи мертвые, их подберут другие».

Вскоре я оказался в теплом большом бараке. С носилок сняли и положили на пол. Быстро подошли две девушки в белых косынках с красным крестом. Не снимая с меня шинели, быстро разрезали валяный сапог. Раны промыли, оказали первую помощь, перевязали и положили ногу в шину. Я почувствовал большое облегчение. Вскоре барак заполнили тяжело раненными красноармейцами. Стоны не умолкали. Поздно вечером нас перевели в госпиталь в Нахичевань. Все мы были красноармейцы, нас поместили в двух больших палатах. А в эту ночь мне сделали операцию: удаление косточек с наложением гипса. Те самые девушки, которые оказывали нам первую помощь, в бараке были медработниками белогвардейского госпиталя (бывший Красносельский). В нем много лежало раненых солдат деникинской армии. Вскоре из большой палаты я был перенесен в палату вытяжных аппаратов. По окончании гипсования сестра сказала: «Теперь все будет хорошо, господин Крестьянский», и показывает мне дощечку с надписью: «Крестьянский 275-й маршевой роты Дроздовского полка». Я промолчал, ничего ей не ответил, только посмотрел на нее и закрыл глаза. В аппаратной палате кроме сестры никого не было. Я подумал: стало быть, так было нужно, я ее любезно поблагодарил от имени всех наших раненых за оказанную нам первую медпомощь в бараке и в госпитале. Она смущенно улыбнулась и тихо сказала: «Если только не шутите». Я ответил: «Нет». – «И вам наше большое спасибо за освобождение нас. Если нет секрета, скажите ваше имя. Меня зовут Надежда Николаевна Кукуева, прошу, не забывайте, господин Крестьянский», – ответила она. Я медленно закрыл глаза, кто-то вошел в палату. Кукуева спросила: «Господин Крестьянский, что с вами, вам плохо?» Я вспомнил дом 7, что стоит у Яузского моста, и маленький бульвар, куда по воскресным дням я и мои братья и товарищи ходили пить чай и играть на бильярде. Я старался не терять надежды на излечение тяжелых ран и возвращение в родную Москву. Да и сестра сказала: «У вас теперь есть надежда, и будет хорошо. Одна наша к вам просьба: забудьте на время свою фамилию. Вот ваша история болезни, которая висит на кровати: рядовой Крестьянский 275-й маршевой роты. Прошлой ночью наша Красная Армия и конница Буденного отступили. Оставили Ростов и Нахичевань. Деникинская армия заняла Ростов. Больных и легко раненных солдат Красной Армии сегодня срочно из госпиталя эвакуировали. Тяжело раненные оставлены в госпитале ввиду сильных морозов». Сестра строго меня предупредила: «Сейчас в эту палату положат троих казаков, помни: господин Крестьянский 275-й маршевой роты».

В течение ночи госпиталь был переполнен тяжело раненными деникинскими солдатами. Оставшиеся солдаты нашей армии частью были зарублены, а другие выброшены из госпиталя на мороз. Кровати занимались ранеными солдатами деникинской армии. Солдаты и офицеры Дроздовского полка проверяли палаты, не осталось ли в госпитале солдат Красной Армии. Солдаты-деникинцы из наших прикроватных тумбочек забирали хлеб, сахар, который и так был большой редкостью. И я в эту минуту сообразил, как только в палатах госпиталя появились деникинцы, подумал: вот почему Н.Н. серьезно меня предупредила – при появлении деникинцев укройся, закрой глаза и будь без памяти, иначе нас могут разоблачить, и мы вместе погибнем. Я день и ночь твердил, чтобы не забыть, – Крестьянский 275-й маршевой роты. Как только я узнал от Н.Н., что деникинцы из палат госпиталя выбрасывали на мороз с отрубленными головами, руками солдат Красной Армии, от страха и боли закрыл глаза, затаил дыхание, лежал день за днем в напряженной тревоге, ожидая смерти, которая долгое время кружилась над головами многих наших товарищей, лежавших прикованными к госпитальным койкам. Прошло не так много времени, но нам показалось это вечностью. Красная Армия, конница Буденного разгромили деникинские

войска, сгруппировались под Ботайском, Ростовом и Нахичеванью.

Деникинские войска сбежали, а из госпиталя сбежал весь старший медперсонал. Они забрали медикаменты, продовольствие. Санитары, няни, медицинские сестры. Надежда Николаевна вошла в нашу палату, в которой было четверо раненых, для очередной утренней перевязки. Лежавший в углу командир эскадрона всегда спрашивал о фронтовых делах сестру, няню или санитаров. Сестра Н.Н. сказала: «Я не хотела вас и себя огорчать, но должна сообщить печальную новость: наши отступили. Красная Армия снова захватила Ростов, Нахичевань». Лежавший в углу палаты командир эскадрона деникинской армии (фамилию я не помню) с волнением заговорил: «Сестрица, милая, помогите, помогите мне скорей умереть». – «Зачем вам умирать? Вы еще молоды, вас ожидает хорошая жизнь». – «Нет, все равно солдаты Красной Армии или казаки конницы Буденного придут в госпиталь и всех нас, солдат Белой армии, уничтожат». – «Успокойтесь, эскадронный командир, вас никого не тронут, солдаты Красной Армии глубоко сознательны и с ранеными, кто бы они ни были, не учиняют расправы, жестокости, в госпитале тем более».

Кроме тяжелых ранений, у меня было обнаружено двухстороннее крупозное воспаление легких. После окончательного разгрома деникинцев и им подобных полчищ в первой половине марта 1920 г. Конная армия и автоброневой отряд возвратились в Ростов. Из Ростова Конная армия и автоброневой отряд уходили на польский фронт для ликвидации войск Пилсудского панской Польши, которая занимала Украину. С каждым днем самочувствие мое улучшалось. Сращение костей шло хорошо. Врачи обещали скоро освободить меня от вытяжного аппарата. Двухстороннее воспаление легких постепенно проходило. Кризис миновал, все стало хорошо. Врачи и сестра нашего отделения Н.Н. Кукуева, делая нам перевязки, радовали меня, говорили, что раны заживают, здоровье улучшается. «Осталось еще немного, и мы вас эвакуируем в Москву. Я адрес дам, и вы побываете у моей мамаши, надеюсь, и мы скоро вернемся в Москву». В конце апреля 1920 г. из госпиталя начали эвакуировать раненых, т. к. прибывали все новые и новые раненые из Киева, с украинского и польского фронтов. С первым санитарным поездом и я был эвакуирован в Москву. Как сейчас вспоминаю сообщение Н.Н. о моем эвакуировании. Сколько у меня было радости! День был солнечный, в вагоне было тепло, светло. В эвакуации нас из госпиталя принимала активное участие Н.Н. Кукуева – сестра хирургического отделения. Перед отъездом я спросил тихонько Н.Н.: «Скажите, под какой фамилией вы меня эвакуируете?» – «Крестьянский Д.Н. 275-й маршевой роты остается до тех пор, пока не будет выписан из госпиталя». Уходя из вагона, Н. Н. двоих из нас, ею спасенных, расцеловала и пожелала счастливого пути, скорейшего выздоровления.

Санпоезд из Нахичевани отправился поздно ночью. Вместо Москвы, как нам говорили, санитарный поезд прибыл в Саратов. С поезда нас погрузили на два парохода, на которых мы плыли до Самары. По пути в Самару один из наших пароходов наскочил на какой-то металлический предмет, которым в пароходе пробило дно носовой части. Скоро нижняя часть парохода стала наполняться водой. Пароход постепенно погружался в воду. Среди раненых на пароходе поднялась паника. Катастрофа произошла ночью. Раненые, находящиеся в нижней части парохода, погибли. Об этом рассказали очевидцы, которым удалось спастись. Это в основном были раненые, которые могли ходить и находились в верхней части парохода. Они были погружены на пароход, который пришел на помощь. Частично погрузили и на наш пароход. Шум не смолкал до самой Самары. Одни говорили: «Нас нарочно всех хотели потопить». В Самару приплыли на третьи сутки. Выгрузили с парохода и поместили в эвакогоспиталь. Всем сменили повязки. На второй или третий день из Самары эвакуировали санпоезд в Оренбург. Из Оренбурга – в Ташкент. В пути следования на наш санпоезд недалеко от Ташкента напала банда басмачей. Остановили поезд, забрали все продукты, медикаменты, белье, обмундирование. Машиниста и помощника машиниста забрали с собой. Так наш поезд простоял до поздней ночи. Утром пришел второй паровоз и подвез санпоезд до первой станции. В Ташкент прибыли на следующей день, к вечеру были в ташкентском госпитале недалеко от Воскресенского базара. Разместили нас на первом этаже. Постельное белье грязное, от матрацев пахло гнилой травой, подушки из свалявшегося хлопка, от которого исходил разложившийся запах падали. Встретили нас очень плохо. На душе у нас стало тревожно, невольно вспомнили человеческое отношение Надежды Николаевны, которая оказывала нам первую медпомощь. По пути в Ташкент, лежа в купе,

вспоминали, каким чудом мы остались в живых. «Это все благодаря нашей медсестре Н.Н. За каким чертом везут нас в такую даль?» Медсестра, сидевшая рядом с нами, слушая нас, сказала: «Ташкент, говорят, город хлебный, а в Москве хлеба нет, голод, и поэтому всех раненых направляют сюда».

Госпиталь, в который нас положили, был переполнен разными больными, преимущественно местными больными с самострелами и с другими заболеваниями вплоть до тифозных. Прошло не так много времени, меня освободили от гипсовой повязки. Сняли гипс, ногу положили в металлическую шину и разрешили понемногу ходить на костылях. Мой товарищ по несчастью – бывший командир эскадрона (фамилию не помню) конной бригады тов. Книги. После третьей перевязки он почувствовал себя плохо. Он был ранен в правую руку и левую ногу. Лицо у него сделалось бледное, я спросил: «Что с тобой?» Он сказал: «Мне сделали во время перевязки укол, чтобы не так было больно, боль усилилась. Дежурный сказал, надо терпеть». На следующее утро унесли в перевязочную, и больше я его не видел. Сестра сказала, что он отправлен в палату для тяжелобольных. Я всяческими путями старался узнать, что же с ним случилось, но так и не выяснил. В металлической шине я проходил дней пятнадцать, а может, и больше, потом сняли, разрешили понемногу наступать. Из госпиталя тех, у кого зажили раны, немедленно эвакуировали в губернские города, ближайшие к месту жительства. Раны мои заживали хорошо, сращение костей шло нормально – так говорили врачи, но имеется небольшое смещение костей на три-четыре сантиметра. Медсестра нашего хирургического отделения мне говорит: «У вас все хорошо. Вам немного остается здесь быть. Как только закроется рана, мы вас отправим в Москву». Во время очередной перевязки врач хирургического отделения нас осматривал, сказал медсестре, кого подготовить на эвакуирование. «Можно выписывать и Крестьянского, запишите его на следующую комиссию для предварительной подготовки к эвакуации». У меня и моих товарищей сразу повеселело на душе. Да и Гражданская война шла к концу. С поляками война заканчивалась, заключили мир, это мы так думали...

Эвакуационная комиссия заседала через каждые десять дней. На следующей комиссии после осмотра один из присутствующих врачей посмотрел на мое ранение и сказал: «У вас, Данила Никифорович, все хорошо». Показал на меня сестре и сказал, что можно записать на эвакуацию. Прошло не более трех дней, назначенным на эвакуацию необходимо сделать прививку. Прошло время, сестра записала мое местожительство – Москва, фамилию. Я сестре и говорю: «У меня двойная фамилия – Волков-Крестьянский». – «Значит, вы большевик?» На это я ничего ей не ответил. Она сказала: «Будет записано так, как вы прибыли в наш госпиталь». Показывает историю, которая будет приложена к списку на эвакуацию. Кроме истории о ранении, других подтверждающих документов не было. На следующий день во время утреннего обхода дежурный врач попросил сестру готовить больных для эвакуации. После обеденного перерыва нас по одному стали вызывать на перевязку, во время которой делали вливание прямо в рану и туго бинтовали. Перед перевязкой было радостное настроение, сразу что-то пропало, я почувствовал что-то неприятное, почему-то кольнуло в сердце, и так чувствительно оно забилось, стало грустно. После перевязки и вливания я почувствовал – на поверхности раны стала появляться боль и повысилась температура. Дежурная сестра и врач ответили, что это так и должно быть, все утихнет, стали проверять пульс, сестра ставит термометр, температура более 39. Боль все усиливалась. Сняли повязку, я увидел: возле раны получилась опухоль, покрылась сильной краснотой. Все было смазано белой мазью, а в бедро сделали укол, боль утихла. Я быстро уснул. Наутро сестра пришла в палату, стала делать перевязку, сняла старую повязку. На ноге опухоль и краснота увеличивались, вновь смазала мазью и забинтовала, но не так туго, как в первый раз. Боль и температура также продолжались, сделала укол опять в бедро.

И так вместо эвакуации меня отправили в изолятор с высокой температурой. Я спросил врача, что случилось с моей раной. «Ничего нет страшного, – ответил врач, – небольшое рожистое воспаление. Наверно, вы почесали рану, и вот от этого и занесли инфекцию». Мне так стало обидно, что я занес себе инфекцию. Изолятор находился в другом полуподвальном помещении. Как я узнал позже, его называли подвалом смертников, в котором пачками умирали. Мне каждый день в рану вставляли единственный тампон, пропитанный йодом, и мазали йодом место красноты. Нога стала черной. В подвале всегда было темно, слышны одни стоны и писк крыс, которые грызли раненых.

В это время из Москвы в Ташкент прибыла комиссия для расследования восстания в Ташкентских ж.-д. мастерских. И проверки госпиталей, в которых находились раненые. Во главе был комендант Кремля. Мы о комиссии ничего не знали. Комиссия опрашивала раненых из изолятора. Нас перенесли на первый этаж. Комиссия-консилиум. В палате один из раненых меня стал расспрашивать, откуда приехали, мы сказали – из подвального изолятора, из нашего смертника. Я попросил передать комиссии, чтобы она зашла в нашу палату. «Скажите им, здесь раненый из кремлевского отряда Я.М. Свердлова Волков-Крестьянский». Кто был в комиссии, фамилию я не помню. После прихода комиссии было установлено заражение. Немедленно были наложены резиновые жгуты выше раны, стали немедленно готовить к операции. Для спасения жизни оставался один выход – ампутация. От ступни до ранения колена – все почернело и омертвело. Выход оставался один – умереть с ногой или оставаться живым, но без ноги. Решение принял последнее – жить без ноги. Через несколько минут меня перенесли к операционному столу и дали книгу, в которой я должен расписаться, что согласен. В книге написано: «Я, Крестьянский Д.Н., согласен на ампутацию правой ноги выше колена». Я расписался – Д. Волков. Тут же стали давать наркоз. Вдруг приостановился хирург, спросил: «Как вас зовут: Даниил Никифорович? Фамилия Волков?» Вижу, среди них получилось замешательство, спросили: а где же больной Крестьянский? Все затихли в замешательстве. Хирург еще раз меня переспросил. Я также ответил: «Волков», – и добавил: «Крестьянский». Хирург сказал: «У вас двойная фамилия! Да надо так и писать и расписываться в книге через тире». Я подписал – Крестьянский. Он повернул голову к медперсоналу и дал им понять: приступать давать наркоз. Я так нанюхался, что с утра до двух часов ночи не мог пробудиться.

Проснувшись, открываю глаза, смотрю, все кругом кружится, в голове сильная боль, все мутит. В палате темно, стон раненых, принесенных с операции, стоны не умолкали. Постепенно стал приходить в себя, повертываю с трудом голову. Спросил рядом стоявшую сестру: «Скажите, где я нахожусь?» – «В палате». Закрываю глаза, выпрямляю руки, протягиваю их к ноге, стал ощупывать, так как чувствую, пальцы все шевелятся, но ноги нет, на культю положен тяжелый груз. Хотел его сбросить, но сестра отвела мои руки, сказав, нельзя сбрасывать, это положен песок для растяжения и выпрямления культи и чтобы наложенные швы не расходились. Боль не утихала. Сестра сделала укол, а для сна дала выпить лекарство. И я снова погрузился в сон.

Проснулся среди дня. В окно ярко светило солнце, а песчаный груз давил на мою больную культю. С таким песчаным грузом надо пролежать не менее семи суток, до первой перевязки. Но перевязку пришлось сделать раньше срока, примерно на пятые сутки, так как появилась сильная боль, а повязка вся стала мокрая от кровоподтеков. Во время снятия первой повязки оказалось, что при ампутации неправильно были наложены швы, которые не срастались, расходились. Конечность кости выходила из прорванной кожи. При ампутации ноги кожа была укорочена, а конечность кости удлинена, и получилось оголение костной ткани. Рана не срасталась, получился воспалительный процесс. Врачи были вынуждены назначить вторую срочную операцию для укорачивания кости путем отпиливания. При повторном оперировании врачи расписки на согласие не потребовали, как это было при первой ампутации. Под сильным наркозом – а его было мной принято в короткий срок четыре – сделали вторую операцию. После второй ампутации головные боли были неимоверные, чувствовал себя очень скверно. В душе я был озлоблен на бессердечное отношение к нам, раненым, со стороны врачей, медперсонала. После комиссии, которая обследовала госпиталь, более или менее был налажен порядок. Часть врачей была уволена, но нашему брату-красноармейцу пришлось расплачиваться жизнью...

После второй ампутации, примерно на третьи или четвертые сутки, мои боли стали постепенно забываться. При обходе врач посмотрел повязку и говорит: «Все хорошо». И нервы как будто стали успокаиваться, и отношение как будто к нам изменилось. На восьмые сутки меня взяли на перевязку. Присохшую марлю сестра смочила раствором и так осторожно снимала, что я не почувствовал боли. Хирург сказал: «Теперь все будет хорошо, швы снимать обождем, пусть окрепнут». После этого обхода я почувствовал какую-то облегченность, даже трудно и вспоминать, как нас в то время калечили, мучили тяжелыми операциями. Сколько было пережито! Как только выдержали нервы и хватило терпения!

Палаты госпиталя так осточертели нам, а в голове стали появляться разные мысли.

Одна мысль не выходила из ума. Вот если я все же буду выписан из госпиталя, приеду в свою деревню, и что же в ней я буду делать без ноги? На костылях в деревне ужасно плохо прыгать: летом в грязи утонешь, а зимой из снега не вылезешь. Я вспомнил про дядю, брата моей матери, который потерял ногу в японскую войну. Он был тоже ранен под Порт-Артуром и попал в плен к японцам, и там ему отрезали ногу до колена, и я все это видел, как он мучился. Вытесывал из липы он деревяшку, обил войлоком, чтоб было мягко колену, или делал самодельные костыли, для чего выбирал из хвороста прямую березу или осину. Затем раскалывал пополам или из прямой толстой палки в виде косья, верх обматывал тряпкой, чтобы было мягче под мышками. Все это я видел и сейчас вспоминал, как мой дядюшка Андрей мучился, стараясь как бы лучше приспособить деревяшку и костыли. Бывало, придем с двоюродным братом к дядюшке и помогаем ему делать и стругать деревяшки, как бы лучше ему сделать и удобнее ему было ходить. Но деревяшка, как она была, так и оставалась деревяшкой, как бы мы ее не разукрашивали черной краской, а придумать лучшего не смогли. Нога у дяди была отрезана по колено, и то ему было трудно ходить. А у меня отрезали выше колена, осталось всего четырнадцать сантиметров, это очень меня мучило.

Прошло около трех недель. Пришло время снятия швов, раны зарубцевались, швы срослись. Врач хирургического отделения разрешил понемногу ходить. Принесли костыли и постепенно стали приучать стоять и ходить на костылях возле койки. В руках костыли: руки дрожали, нога в колене совершенно отказывалась держать, так и подгибалась, и сильно дрожали руки и нога. Как только я стал на костыли, все во мне затряслось. Голова закружилась, в голове все потемнело. Головокружение продолжалось долгое время, но я все же продолжал тренироваться возле койки, несмотря на все трудности и головокружение. Не обращая внимания на возникшие боли, я учился ходить с помощью костылей. Вскоре у меня под мышками и на ладонях рук от костылей получились сухие мозоли, которые вызывали страшную боль. Много нас было с ампутированными руками и ногами в госпитале. Но мысль, как буду жить, не выходила у меня из головы. И как бы скорей выбраться из госпиталя. Решил твердо: больше не давать и не соглашаться ни на какие вливания и уколы. По ходу лечения раны мои заживали, становилось все в порядке.

Понемногу стал привыкать ходить на костылях. Сначала около койки, потом по палате. Отказался от посторонней помощи нянь. У нас, раненых красноармейцев, была большая заинтересованность почитать газету, книгу, из газет хотелось узнать, что делается на фронтах, как идет Гражданская война и т.д. Но в госпитале не имели и понятия о книгах и тем более о газетах. И лежали мы, как на далеком острове, от всех оторванные, ни с кем не имея связи. Мысли в голове стали вертеться по-другому; в лечении все как будто налаживалось. Но мы, раненые, боялись одного, самого страшного – эпидемического заболевания, которое многим из нас принесло бы большое несчастье. Вот этого мы боялись теперь больше всего. И как-то чувствовалось – недолго оставаться придется в госпитале, если не заболеем чем-либо.

Лечение мое подходило к концу, да и делать с нами нечего как будто стало. Врачи свое дело выполнили! Опять забегали мысли в моей голове. Я снова вспомнил о деревне, где родился и провел свое детство. Уходя на фронт после ранения в мае 1919 г., я оставил в ней стариков: мать и отца, любимую девушку. И живы ли они сейчас? Ведь в то время в деревнях свирепствовал тиф. Я ничего не знал о них, а они обо мне. Ведь сообщить о себе не мог я с мая 1919 г., как ушел из деревни добровольцем в ЧОН при тарусском горвоенкомате. Забыл про мать, отца, у которых я был самый любимый сын. Они обо мне не имели никаких известий. Все время я был на передовой линии фронта, потом был тяжело ранен и даже находился в тяжелом состоянии, прикованный к постели. Эпидемические болезни продолжали свирепствовать!

Я все же заболел тифом. Эти кошмары остались в моей памяти по сей день. Нас возили из города в город, из госпиталя в госпиталь. Я не хотел писать своим, да и не думал остаться в живых. Долгое время думал, следует ли писать о себе! Да о чем и писать было? Хорошего пока ничего не предвиделось, писать о своем тяжелом ранении не хотелось. Не следует писать и о том, вследствие чего я остался без ноги! Для матери это будет второй тяжелый удар. Этим я ей напомню о ее родном брате, о моем дяде, который вернулся из японского плена без ноги. Поэтому решил не расстраивать до тех пор, пока не окрепну и не привыкну

ко всем окружающим трудностям. Не раз задумывался, неужели и мне предстоит такая нехорошая скитальческая жизнь, когда я выйду из госпиталя, как у моего дяди. Думаю, нет, этого не должно быть. Хотя впереди предстоят большие трудности, с которыми надо бороться и затратить много сил и труда. Предстоит ожесточенная борьба, чтобы мы жили лучше, чем жил мой дядя и много других инвалидов, вернувшихся с Первой мировой войны, которые ходили на деревяшках собственного изготовления. Решил о себе ничего не сообщать.

Наступил март 1921 г. Ярко, по-весеннему светило солнце. В Ташкенте наступала уже настоящая весна, обильно цвел миндаль, быстро оживала природа, повсюду зеленела трава. В госпитале, в котором мы находились, смертность продолжалась. Умирали в большинстве случаев молодые бойцы, которым еще было бы положено и они должны были жить. В то время мне исполнилось 27 лет. В конце марта или в начале апреля я написал и отослал письмо в Москву на имя тов. Ф.Э. Дзержинского, в котором коротко изложил обо всем со мной случившемся, написал как доброволец и солдат-пулеметчик автобронеотряда им. Я.М. Свердлова ВЦИКа и ВЧК. После отправления письма я стал думать, дойдет ли оно до Москвы, и передадут ли товарищу Ф.Э. Дзержинскому, и каков же последует ответ. Надежды мои оправдались: в один из дней с нянечкой в палату вошел небольшого роста с седенькой бородкой мужчина в накинутом на плечи белом халате. Я сидел на койке, няня показала на меня. В этот момент сестра нас записывала на эвакуацию. Сестра спрашивает, в чем дело. «Ему принесли телеграмму». Вначале я напугался, но спросил, откуда телеграмма. Старичок ответил, что из Москвы: «Велено вручить вам лично, телеграмма оплачена, с обратным ответом прошу расписаться». В тот момент как я был рад, со мной вместе радовались мои товарищи по палате. Медперсонал госпиталя заинтересовался полученной мною телеграммой. Товарищи мне желали скорейшего возвращения в отряд. Просили сообщать день выезда, номер санпоезда.

Группа нашей палаты была назначена на эвакуацию во вторую очередь. Наутро 1 мая вскоре после обеда началась погрузка, и закончилась она поздно вечером. Ужинали уже мы в вагоне санпоезда. В ночь на 2 мая наш эшелон был отправлен из Ташкента в Москву. В нашем вагоне в пути заболели три товарища. Все признаки на тиф. А всего в поезде – семь человек. По прибытии в Оренбург рано утром наш санпоезд остановился у платформы эвакогоспиталя, у здания бывшего пакгауза. Встали как обычно, ожидали утреннего завтрака. Сестра объявила: «Товарищи, приготовьтесь, скоро пойдем завтракать». Голоса: «Куда? Вот эвакогоспиталь». Сестра обратилась к заболевшим: «Вам принесут, вы лежите. А вы пойдемте со мной». Мы вышли из двери вагона прямо в госпиталь. Завтрак состоял из пшенной каши, кусочка черного хлеба, кружки чая и около двух чайных ложек сахара. Перед началом врач сообщил нам: «Покушайте, и сейчас же все по очереди пойдемте в баню. У кого не сняты повязки, сестра выдаст вам клеенчатые мешочки для прикрытия бинтованных ран». Предварительно побрили, остригли нас, а потом в бане было выдано чистое белье. После бани старую повязку сняли, раны забинтовали новыми бинтами. Из бани поместили нас в большой барак, в котором посредине установлен был большой стол, за которым завтракали, обедали, около стен были установлены заправленные койки. Врач сказал: «Можете до обеда отдохнуть после бани, а после обеда вам будет сделана противотифозная прививка». Голоса: «Зачем она нам, в госпитале нам много делали разных прививок, от которых многие уже умерли». Врач: «От наших прививок никто не умирал и не умрет. В нашем поезде заболели тифом семь человек, которые будут оставлены в Оренбурге до выздоровления». Вскоре после обеда стали нас вызывать в отдельную комнату, в которой много было врачей, производили прививку. После прививок нас задержали на трое суток. Из Оренбурга отправили в Москву другим поездом. От Оренбурга до Москвы продвигались медленно. На каждой большой ж.-д. станции были продолжительные стоянки в связи с получением продовольствия. В большинстве получали вместо продуктов готовую пищу: завтрак, обед, ужин. Для получения питания наш эшелон ставили на запасный путь. В Москву нас привезли на 30-е сутки, 3 июня 1921 г.

Эвакогоспиталь находился в пакгаузе Рязанской ж.-д. между Гавриковым пер. и Красносельской ул. Из вагонов направили нас прямо в санпропускник, который был в этом же пакгаузе. Сначала стали брить, стричь, потом направили в баню. После бани сняли повязки и вновь забинтовали чистыми бинтами. Взамен грязного белья выдали чистое. Здесь

же выдали верхнее обмундирование 3-й категории: гимнастерка, брюки в сплошных заплатах и загрязненную шинель, дали один ботинок с двумя обмотками. По окончании санобработки подали обед. После обеда, как положено, «мертвый» час. Все разделись и легли на койки. Я не раздевался и не ложился, сел на койку, стал примерять ботинок и рассматривать шинель. И стал думать: второй раз меня так снаряжают. Но сейчас еще хуже, в первый раз снарядили в полушубок и в два рваных ботинка. А сейчас один, вместо второго – пара костылей. Все это хозяйство приставил к койке, и сразу так стало что-то грустно и тяжело. Что же делать дальше? Вот уже начались третьи сутки, как я нахожусь в московском эвакогоспитале. Из отряда никто не встречает, наверное, телеграмму мою сестра не отправила, и ее не получили, и никто не приходит из товарищей. Но оказалось, что Игнатович, Богданов, доктор Ефимов второй день меня ищут по всем эвакогоспиталям, но в справочной канцелярии этого эвакогоспиталя отвечали: в списках прибывших фамилии Волков нет. В списке значился Крестьянский-Волков Д.Н. За дверью нашей палаты в коридоре послышались мужские голоса и спор с просьбой разрешить им посмотреть, быть может, это и есть Волков. И ответ: «Сейчас нельзя, приходите после „мертвого“ часа». По-видимому, они настояли. Разговор притих, отворилась дверь. В помещении, где мы находились, было так темно, во всем бараке горели только две небольшие электролампочки, что почти не видно, кто вошел.

Вошли четверо мужчин, двое из них были в белых халатах, а двое товарищей в кожаных куртках, прямо идущих в мою сторону. Вначале я перепугался, чувствую, по всему телу пробежала какая-то дрожь и сильно закололо в сердце. Один, в белом халате, спросил: «Кто здесь тов. Крестьянский-Волков?» Я даже вздрогнул, быстро повернулся в сторону приближавшихся. Быстро взял костыли и встал. Товарищ в халате сказал: «Сидите, сидите». Это был тов. Ефимов-Фауст. Игнатович, Богданов сказали в один голос: «Сиди, не вставай, наш дорогой Данилушка, вот наконец-то мы тебя и разыскали». Богданов сказал врачу эвакогоспиталя: «Вот и нашли мы своего дорогого Волкова». Стали крепко обниматься, целоваться. От волнения я в тот момент не смог и слова сказать. Спазмы сдавили горло. От волнения я не мог даже перевести дыхание. Игнатович и Богданов попросили доктора Ефимова заняться моим оформлением на выписку меня из госпиталя. Ефимов ушел оформлять, а Игнатович и Богданов остались со мной. Оформление документов продолжалось до позднего вечера.

В автобоевом отряде, который находился на Садово-Черногрязской, дом 8, все уже давно знали о моем возвращении. Как только машина подошла к воротам, тт. Конопко, Соколовский, Пискунов, Дамбит – собрался, в общем, весь отряд – встретили меня с огромной радостью и восторгом, обнимали, целовали. От такой встречи я забыл обо всем тяжелом, пережитом горе. Конопко, Соколовский, Игнатович для меня создали наилучшие условия, поселили меня в отдельную комнату, прикрепили Ефимова, а товарища Струнькина, моего земляка-калужанина, поселили со мной для оказывания мне какой-либо помощи. За оказанную заботу и внимание я был сердечно благодарен, благодарен и по сей день.

На следующий день, 4 июня, меня зачислили в список отряда на все виды довольствия. Выдали мне новое обмундирование, как говорится, одели с головы до ног, а то, что выдано было мне в госпитале, облито бензином и сожжено. Взамен получил шинель, кожаную куртку, брюки, гимнастерку с малиновыми петлицами, кожаную фуражку, ботинки с кожаными гетрами. И 4 июня я стал не Крестьянский, а Волков. Соколовский, Игнатович повседневно знакомили меня с товарищами из отряда. Несмотря на свою инвалидность, принимал самое активное участие в занятиях, участвовал в проводимых субботниках, в политучебе и т.д., с товарищами вместе выезжал на парады, нес дежурства внутри отряда. Я усиленно старался находить себе работу с тем, чтобы позабыть пережитое свое горе. Во всем мне помогали товарищи всего отряда. Прошло не так много времени, раны постепенно зажили, зарубцевались швы, окрепли. Д-р Ефимов, который каждый день не давал мне покоя разными опросами в отношении ранения, успокаивал: еще недельку подождем, другую и вместо костылей сделаем протезы. А что это такое, я не имел никакого понятия! Что такое протезы? Я не видел и не имел о них никакого представления.

Через неделю меня показали хирургу санчасти ОСНАЗ на предмет протезирования, врач осмотрел, ощупал изуродованную культю и в заключение сказал: «Почему у вас порваны швы, это вторая ампутация? Мне она не нравится». Я спросил: «Почему?» – «Культе вашей требуется необходимая операция: укорачивание кости, она жмет на рваные

швы. При хождении на протезе все время будут намины и натирания. Поверхность касается конечности кости, которая вас будет все время беспокоить». И стал быстро что-то писать. От горя я ничего ему не смог сказать, по дороге в отряд спросил Ефимова: что же теперь мне делать? «Протез можно заказывать облегченного типа. С этим письмом завтра поедем в протезную мастерскую заказывать протезы».

Заказ приняли, сняли мерку. Д-р Приоров заявил нам, что для изготовления протеза необходима кожа, сталь для шин и замша для внутренней и наружной оклейки, т. к. мастерская таких материалов не имеет. Ответ зав. мастерской нас озадачил, в особенности опечалил меня. Хозяин мастерской был немец, и мастера-протезисты немцы. Протезная мастерская, находившаяся в Брюсовском пер., была единственная в Москве. Ефимов и я вернулись в отряд ни с чем. Конопко, Соколовский, Игнатович, Пискунов (в то время был секретарем партийной ячейки) меня порадовали: «Волков, это все пустяки! Кожа, замша, шинная сталь будет найдена, и протезы будут сделаны, и ты будешь скоро ходить». Антон Матвеевич Соколовский проявил большую активность, все, что нужно было для изготовления протезов, достал. В течение трех недель протезы были изготовлены, но стоимость их была великая. Я в то время не смог бы их приобрести, у меня не было на это никаких средств, но мне помогли А.М. Соколовский, Юлий Конопко, Виктор Викентьевич Игнатович, Сергей Аверьянович Пискунов и многие другие товарищи. Если бы не оказанная мне помощь, долгое время прыгал бы я на костылях. Еще раз большое им спасибо. В мастерской при получении протезов д-р Приоров примерил их, и один я надел прямо с ботинком. Стал прохаживаться по приемной. Примерно я ходил минут двадцать. Вместо костылей мне дали палочку, доктор сказал, что, если будет больно, придется потерпеть, пока все ткани окрепнут. Из мастерской приехал с одним протезом и перестал держать костыли в руках. Очень трудно было привыкать, были большие кровяные мозоли, а ссадины причиняли страшные боли. Шло время, все пережито, а боли остались до сего времени.

По прибытии в Москву в отряд я никому о себе не писал в течение пяти месяцев: ни матери, ни братьям, которые жили в Москве. Во время празднования Октябрьской годовщины в отряде производили фотографирование. Меня сфотографировали в разных видах. Получившиеся фотокарточки я послал в деревню матери и двум братьям в Москву, сообщил, что я жив и продолжаю служить в автобоевом отряде. В отряде меня поправили, одели, обули и протезы мне изготовили, и я стал похож на солдата, но только без винтовки, а с палочкой. И ходить стал почти как и все, но немного прихрамывая. В один из воскресных дней я попросил своего земляка Струнькина поехать со мной на Каляевскую ул., где проживала мать спасшей мне жизнь медсестры Н.Н., которую я решил повидать и отблагодарить за Н.Н. В квартире матери не оказалось, была дальняя родственница, которая рассказала нам, что мать Н.Н. уехала в Саратов, а Надежда Николаевна, была в полевом госпитале. С большой болью мы выслушали этот рассказ и поблагодарили родственницу за оказанное нам внимание. С Каляевской я попросил Струнькина поехать со мной на Устинскую набережную, где проживали мои братья, которые считали, что меня давно нет в живых. Около двух лет я о себе им не писал, и они давно считали меня погибшим. Подходя к дому, увидел, что навстречу нам идет женщина. Я ее не узнал, но она меня сразу узнала. Это была жена брата. От неожиданной встречи она так и закричала, заплакала и повела нас в квартиру. От неожиданности брат так и не смог встать с кровати, на которой сидел, и тоже заплакал. Через несколько минут уже начались задушевные разговоры. «Хотя мать тебя и записала в поминание и поминала все время за упокой, но мы ей говорили, что ты живой и должен скоро приехать. Вот и сбылось: ты и вернулся хорошим, и самое дорогое для нас это то, что тебя видим живым. Скажи, матери-то о себе сообщил?» – «Еще нет, сначала пришел к вам». – «Скажи же скорей, где тебя так хорошо одели, обули?» Жена брата спросила: «Данила, ты, видимо, много испытал горя, видно, здорово был ранен?» – «Да, Анна Егоровна, очень здорово, ты даже издали меня заметила». – «Как не заметить, смотри, как хромаешь». – «Еще раны болят, да и не привык к ходьбе. Все время лежал, теперь буду хромать всю свою жизнь». Брат приподнялся с кровати, сказал Анне Егоровне: «Довольно расспрашивать, скажи спасибо богу, в живых остался». И наклонился к моим коленям, стал их ощупывать. «Это вместо живой дали». – «А ты же все веселый, как и был всегда. Анна, поди-ка скорей сходи к Егорычу. (Егорыч был братом жены брата и хороший друг их дома.) Скажи ему – Данила воскрес из мертвых!» Вернулись Анна Егоровна и ее брат и другие ее

родственники. Все не верили своим глазам: «А мы тебя и перестали ждать, за упокой поминали». Потом, не говоря ни слова, вышли, но вскоре вернулись. Принесли сумку, из которой вынули железную грелку со спиртом, половину буханки хорошего хлеба, большой кусок украинского сала и много кусков сахару. «Мы Данилушку ждали все время, и цыганка нам говорила, и предсказывали карты: Данилушка жив, находится в казенном доме, болен. Его мамаша нам не верила, и картам, и поминала за упокой и за здравие. Вот мы и увидали его с крестами, живым, таким веселым, каким и был раньше. Давайте выпьем за его дальнейшее здоровье, за победу над контрреволюцией и за уничтожение оставшихся саботажников». Я добавил к ее словам: «спекулянтов и им подобных». Егорыч работал проводником на железной дороге. В то трудное время железнодорожники были заядлые спекулянты, они имели всевозможные продукты и спиртные напитки. А труженики не имели в запасе и куска хлеба, не говоря о другом.

И так началось задушевное чаепитие, задушевные разговоры, расспросы, где находился я долгое время! «Дорогой брат и дорогие знакомые, всего сразу не расскажешь, на это надо несколько дней, а у меня остается мало время для рассказа. При следующей встрече постараюсь рассказать обо всем подробнее». И коротенько сказал им, что 8 мая я был выписан из госпиталя, не так давно прибыл в Москву, а 4 июня добровольно поступил на военную службу в свой автобоевой отряд, где и сейчас нахожусь и откуда приехал навестить их со своим товарищем Струнким. Мы поблагодарили брата и всех, Егорыча и в особенности Дарью Ивановну за железную грелку со спиртом, которая нас согрела, за украинское сало и за хлеб, чай, сахар. Такой вкусной закуски я давно не видел. За все им большое спасибо.

Через некоторое время я зашел невестить брата, вернее, мать, которая к нему приехала из деревни. Я пришел повидаться со своей матерью. Конечно, при встрече было много слез. Ведь мы не виделись с ней около двух лет, и она не имела обо мне никаких известий. Я попросил брата и Анну Егоровну сходить к Егорычу. Но мне сказали, что Егорыча посадили за спекуляцию на 15 лет. Дарья Ивановна грешит на нас с товарищем, скажи ей, пусть она нас в аресте Егорыча не считает виновными, мы к этому непричастны.

Примерно в конце сентября наш отряд вернулся с Уральского фронта, где заканчивал свою последнюю операцию по ликвидации банд главарей Митрясова и Сарафанкина, орудовавшей в уральских степях. Они грабили населенные пункты, расстреливали ни в чем не повинных мужчин, отказавшихся вступать в их банду. Над женщинами учиняли насилие и т.д. Автобронеотряд быстро расправился с бандитской шайкой главарей Митрясова, Сарафанкина. Во время окружения автобронеотрядом деревни, в которой находился штаб Митрясова и Сарафанкина, был уничтожен сам Сарафанкин, который спрятался в колодце, где его убили бомбами, брошенными в колодец. Главарь шайки Митрясов был убит позже, спустя несколько дней в следующей деревне, где были ранены Лылин и Новиков.

В начале октября 1921 г. автобронеотряд возвратился с окончательной победой в Москву, привезли небольшой трофей – отобранные у митрясовской и сарафанкинской банды несколько верблюдов, лошадей, баранов, военное снаряжение, пулеметы и патроны. На Октябрьские праздники был заколот один молодой верблюжонок и передан на кухню. Какой же был вкусный праздничный обед из двух блюд! Старых четырех верблюдов подарили зоопарку, лошадь-матку темно-рыжей масти подарили Н.И. Несмеянову, огромного барана оставили на следующие праздники.

О событиях по ликвидации этих банд (они были для отряда последними на Уральском фронте) могут более подробно рассказать участники этих боев, товарищи, непосредственно принимавшие активное участие: Дамбит А.К., Пискунов С.А.. Кищук В.С., Несмеянов Н.И., Соколовский А.М. и многие другие бойцы автоброневого отряда. Об уральском фронте в отряд было привезено много фотоснимков, на которых были запечатлены боевые эпизоды сражений в селах и населенных пунктах в степях Уральска.

При возвращении из Уральска по дороге в Москву на одной ж.-д. станции повстречался в грязной, оборванной одежде беспризорный. На вид молодой парень, сидевший у стены вокзала. Он быстро рисовал картинки разноцветными карандашами. Многие из нашего эшелона заинтересовались. В том числе был сам командир отряда, кто-то сказал: «Хорошо бы нам в отряд такого парня, он бы нам нарисовал картины Уральского фронта». Парень был глухонемой, но хорошо умел писать и рисовать. Глухонемой был по специальности

художник-самоучка, быстро было принято решение забрать его. Конопко приказал: «Отведите его ко мне в вагон, накормите, напоите его». Глухонемому понравился наш прием и наше отношение к нему. Он согласился ехать с нами в Москву. Конопко дал команду выдать глухонемому обмундирование, одели его в солдатское, а рвань его была выброшена из вагона. Так был привезен глухонемой художник, которому было поручено со снимков и фото писать для автобронеотряда масляными красками на полотне большие картины Уральского фронта и других фронтов. В отряде была создана большая картинная галерея боевых эпизодов отряда. Много картин находилось в музее, в это время находящемся в Безбожном переулке, в здании пограншколы.

Отряд возвратился в Москву с окончательной боевой победой. Война окончена. Отряд стал расквартировываться на зимовку в доме № 8 Садово-Черногрязской ул., бывшем прохоровском особняке. Впервые мы услышали слова командира и военкома тов. Милютина: «Товарищи, нам приказано подготовить весь автобронеотряд к участию в параде на Красной площади в день празднования 5-й годовщины Октябрьской социалистической революции». Это сообщение нами было встречено с огромной радостью. С большим воодушевлением все до единого принялись за подготовку машин к параду. Несмотря на большую неисправность, машины были блестяще подготовлены. Все 15 автомашин и два броневика были в полной боевой готовности. На каждой из машин поставлено по два пулемета. Колеса были чисто промыты, но не покрашены, не было нитрокраски, но они были так чисты, что нигде не осталось ни одной фронтовой грязинки. Все было подготовлено, как и положено, в самый кратчайший срок, по-фронтовому. Самая наилучшая из 15 машин была у водителя Н.И. Несмеянова, проехавшего на ней по фронтовым дорогам более двенадцати тысяч километров без ремонта. Макет этой машины установлен в комнате Славы.

Автобронеотряд на Красную площадь въезжал с Никольской ул. Первой шла машина Несмеянова с Красным боевым знаменем отряда. Две следующие машины вели тт. Игнатович, Пискунов, и дальше шли по две машины в ряд, последними шли два броневика. Все автомашины прошли по Красной площади блестяще. Отряду была объявлена благодарность. Вернувшиеся с парада были в большом восторге. Ком. отряда Конопко и политкомиссар В.И. Милютин поздравили нас с праздником 5-й годовщины Октября, поблагодарили за отличную службу, потом все пошли обедать. Обед был праздничный, из двух блюд. К обеду было выдано по сто граммов спирта. На первое – суп гороховый с верблюжатиной, на второе – каша овсяная с бараниной. Все было приготовлено вкусно, да и такой обед был у нас впервые. Вечером нам была показана кинокартина «Скорбь бесконечная», в которой был показан голод в Поволжье. Это было в годы Гражданской войны. На почве голода возникла сильная эпидемия: тиф, сибирская язва, чума, оспа. Жители Поволжья умирали целыми деревнями. Все было съедено в хозяйстве, ели собак, люди, которые могли передвигаться, бросали свое хозяйство, дома, уходили сами не зная куда. В пути погибали, замерзали в снегу. На безлюдных дорогах их встречали стаи голодных волков, которые загрызали и съедали людей. На дорогах оставалась только растерзанная одежда. «Скорбь бесконечная» запомнилась нам и осталась в моей памяти по сей день. После просмотра кинокартины из зала никто не выходил. Командир отряда сказал: «Товарищи, с переходом нашего отряда на мирную военную службу перед нами стоит большая, ответственная задача: охранять мирный труд нашего советского народа, повышать свое техническое знание, быть технически хорошо образованными водителями, знать технику и части мотора, его взаимодействия. Теперь мы можем спокойно работать, учиться и быть политически грамотными. Нам надо учиться, учиться и учиться».

На следующий день после праздника все приступили к техническому осмотру боевых машин, которым был нужен капитальный ремонт. Стал вопрос: где же производить ремонт машин? Необходима мастерская, но таковой нет. При особняке были конюшни, каретный сарай. Было решено переоборудовать их под слесарную и кузнечную мастерские и теплый гараж. Соколовскому, главному механику Алексееву, Несмеянову, Эпштейну, Игнатовичу, Кищуку поручили достать необходимое оборудование для указанных мастерских. В течение двух недель все оборудование было приобретено, завезено и установлено в намеченный срок. Мастерские оборудованы, и начат ремонт. Машины ставились поочередно на капремонт. По вечерам проводились политзанятия и обучение автотехнике, пулеметоустройству. По вечерам военком Милютин В.И. проводил беседы, воспоминания.

Два раза в неделю проводились политзанятия, читали лекции на разные темы по международным вопросам. Аверьянов – начальник политотдела ОСНАЗа – был постоянным лектором, которого мы обычно слушали с большим вниманием и любовью.

Первая послевоенная зима в Москве прошла быстро. Весна была ранняя, снег растаял рано. В начале апреля было уже тепло. В течение зимы автомашины были отремонтированы. Все машины заново покрашены и готовы к любому походу. Все было готово к празднованию 1 мая. В нашем саду на территории прохоровского особняка, который занимал автобронеотряд, стояли столетние липы, которые уже были одеты зеленой листвой. В саду обильно зеленела трава, на которой паслись кролики Соколовского, а в последующие годы он разводил свиней. Территория сада и строения особняка были обнесены высокой кирпичной стеной, около которой под липами были разбиты солдатские лагерные палатки, куда уже перешли жить. В зимних квартирах было решено произвести восстановительный ремонт особняка, как внутри, так и снаружи. Вскоре после майского парада, который прошел прекрасно, автомашины капитально отремонтированы, кузова у всех машин окрашены и выглядели как будто их получили с завода. И так проходило время первого полугодия. То были трудовые будни восстановления автомашин.

В ремонте здания принимали участие бойцы всех специальностей: маляры, штукатуры, лепщики, бетонщики, художники, столяры. Была восстановлена вся художественная живопись. По окончании ремонта командир отрада Конопко ушел в отпуск, военный комиссар Милютин заболел и был отправлен в Кремлевскую больницу. Конопко и Милютин в отряд больше не вернулись. На их места были присланы Харламов – командир отряда, любивший выпить, и Шипов – нач. политчасти отряда, которые в начале своего пребывания, не познакомившись с народом отряда, показали свое гордое высокомерие. Они отменили пропуска, увольнительные записки в город, показав себя политическими и техническими слепцами. Их не интересовали ни техническое оборудование, ни мастерские, ни проведенная колоссальная работа по восстановительному ремонту всего особняка, на который было любо посмотреть, ни восстановленная живопись, произведенная руками солдат отряда. Они даже не поинтересовались такой большой работой, сколько в эту работу было вложено солдатского труда бойцов автобронеотряда. После отмены увольнительных пропусков в город в отряде создались большие неприятности во взаимоотношениях. Вот пример. Зиль[45] долгое время разыскивал свою семью: мать, отца, жену, сына. После долгих поисков он получил извещение о месте нахождения семьи, которая находилась в Поволжье. Из Поволжья была переброшена в Севастополь, где находилась в ужасных условиях. Зиль просил отпуск на десять дней для устройства семьи. Командир отряда отказал. Второй отказ для Зиля послужил смертью. Зиль вернулся в комнату, где была его койка, написал записку и покончил свою жизнь самоубийством выстрелом в правый висок из нагана. Но на Харламова и Шилова это не подействовало, они готовили списки для увольнения из отряда старых солдат не по возрасту, а добровольцев – основателей 1-го автобронеотряда, пришедших в Петроград в 1918 г. О массовом увольнении кадрового состава узнал Кобелев и начальник политотдела ОСНАЗа тов. Аверьянов. Увольнение было отменено, разрешены и выдачи увольнительных пропусков. Вскоре после отмены их распоряжений Харламов и Шипов из отряда подались на учебу. На их место был прислан Гумелевский, который не изжил своих старых замашек офицера царской армии. Он, как командир, был черствой души по отношению к своим подчиненным, не знал автотехники, а самое главное, людей, с которыми пришел работать. А нас, коммунистов, было около 80%, которые любили свое дело, отлично знали всю автотехнику, все, что должен знать солдат учебной команды. Командир отряда этого не знал. Иногда высказывал: «Довольно, отпартизанились, надо забыть свою партизанщину, это вам не 18–19-е годы, а 1922 год».

Коллектив отряда был дисциплинированным во всех отношениях, не терял звания высокой сознательности воина Красной Армии. В то же время мы сами были примером в труде, политучебе и технике. Показывали пример молодым воинам, прибывшим в автобронеотряд, своим бережным отношением к автотехнике, которую доверили нам. Строго сохраняли дисциплину, порядок общежития. Так, был произведен ремонт здания, где помещалось общежитие. Во время капитального ремонта одно из больших помещений

[45] Правильно – Зилль.

второго этажа переоборудовали под кинозал для проведения культурных мероприятий отряда. Клубу присвоили имя М.И. Калинина. Командование отряда по воскресным дням разрешило демонстрировать платные кинокартины, изредка устраивать концерты. В первые дни открытия клуба граждане, посетившие наш клуб, впервые поднимаясь по мраморной лестнице на второй этаж, были очарованы изумительной красотой, не видевшие такого блеска за все годы военной разрухи. Мраморные стены блестели своей белизной в фойе (он же – читальный зал), по углам были установлены торшеры с большими золотистыми абажурами, на потолке висели многорожковые люстры, на стенах были бронзовые бра. Все это озаряло зал сверкающим хрусталем. Красота помещения привлекла большое количество посетителей в наш киноклуб, они задавали множество вопросов, писали свои отзывы. Один из них: «Дорогие наши воины, приносим вам наше большое спасибо за всю красоту, сделанную трудом ваших рук». Дежурившие без конца отвечали на множество вопросов: кто производил восстановительный ремонт, неужели сохранились у вас такие специалисты, художники своего дела? Игнатович, который дежурил, отвечал: «Мы народ боевой, на все способны, сумели победить наших врагов и сумеем восстановить разрушенное. Можете любоваться восстановленным. Наши слова с делом не расходятся: это сделано руками солдат нашего отряда».

Гумелевский оценил нами проделанный труд, осознал свой недостаток и непонимание в автотехнике. Много было в книгу отзывов записано, было много внесено фотоснимков. Вскоре в отряд был прислан из главного управления автоброневых сил на политработу член ВКП(б) с 1916 г. тов. Алтухов, который умел хорошо говорить, был хорошим оратором. Быстро освоился и подружился с коллективом, и вскоре мы избрали Алтухова секретарем партийного бюро. Быстро стали налаживаться автозанятия и политучеба, постепенно стали сглаживаться ранее имевшиеся недостатки, которые тяготили нас, старых кадровых «броневиков». Вскоре совместно с командиром отряда были разрешены нам по воскресным дням увольнительные отпуска в город до девяти часов вечера. По воскресным дням, когда в клубе демонстрировались кинокартины для всех желающих, т. е. по платным билетам, наши товарищи из отряда стали знакомиться с посетителями, завязывалась дружба, знакомства, которые впоследствии перешли в близкие отношения, в настоящую любовь. Таким образом, многие из наших поженились, Игнатович, Дамбит, Пискунов, Лылин и многие другие живут с семьями по сей день счастливой жизнью, как говорится, душа в душу, и не нарадуются.

Несмотря на тяжелые 1922, 1923, 1924 годы, поженившиеся товарищи стремились демобилизоваться или уйти на учебу. На их место приходили молодые. В отряде с каждым годом становилось все меньше старых бойцов, к началу 1924 г. осталось не более 30%, и те готовились поступить в военные училища на учебу. Отряд стал жить мирной жизнью. Время и годы бежали быстро. Наш отряд обновлялся новым молодым пополнением примерно на 75%. Мой друг Струнки, с которым мы вместе жили в комнате, поехал в отпуск в деревню и там женился, а вскоре демобилизовался по болезни. На его должность зав. продовольственным складом отряда назначили меня.

К концу 1922 г. и в последующие 1923–1924 гг. жизнь стала налаживаться. Повсюду начались работы по восстановлению разрушенного народного хозяйства республики и, главное, города Москвы. Автобронеевой отряд за это время полностью заново восстановил свое автохозяйство. Все было отремонтировано и заново восстановлено. Старым бойцам бронеотряда без дела жить стало скучно, так как мы бездельничать не привыкли. Наша страна нуждалась в специалистах по восстановлению народного хозяйства. В феврале 1923 г. Конопко прибыл из Алтайского края, зашел в отряд навестить своих сослуживцев, старых отрядовцев, рассказал нам, как он организовал сельхозкоммуну, а сейчас приехал в командировку получать автомашины для коммуны, по указанию тов. Орджоникидзе он получил пять автомашин, вот машины есть, а водителей нет, и в коммуне нет водительского состава и большая нужда – нет слесарей, кузнецов. Он приглашал Соколовского и мне несколько раз предлагал поехать с ним в Алтайский край работать в качестве начснаба во вновь организованную им коммуну. Многие ранее демобилизовавшиеся поехали с ним работать в коммуну. В то время в Москве была страшная безработица, биржа была переполнена безработными. В начале 1923 г. в отряде было более свободно с отпусками, поженившимся предоставлялись льготы и разрешалось проживание с женой в отряде или за пределами отряда у жены, по ее месту жительства, в пределах Москвы.

Игнатович, Лылин, Несмеянов, Катона, Соколовский поселились с женами на территории отряда, а Богданов, Урбан, Станкевич, Матусса, Алешин и другие перешли жить к своим женам и вскоре демобилизовались. Оставшиеся, на них глядя, стали писать рапорты на имя командира ОСНАЗа Кобелева, Аверьянову с просьбой об увольнении из отряда или демобилизовать по болезни. И так в течение 1922–1923 гг. в отряде началась постепенная демобилизация старшего возраста. Попов, Соболь, Пискунов, Дамбит, Каспорет и много других товарищей, которым давно срок демобилизации истек, старались поступить на учебу. Стало известно о том, что автоброневой отряд в скором времени переводится с Садово-Черногрязской на казарменное положение в Покровские казармы. Нам многим известна была казарменная жизнь. Да и кому же хочется уходить из такого прекрасного особняка опять в старые бывшие царские загрязненные казармы? К этому времени в отряде оставалось очень мало «старых добровольцев». Оставались Алексеев, Несмеянов, Кищук, Архипов, я – Волков, пом. командира по техчасти Соколовский, ряд других товарищей – основателей автобронеотряда, участников двух войн: Первой мировой и Гражданской.

В конце 1922 г. я познакомился с девушкой, которая проживала в доме по соседству с отрядом. В начале нашего знакомства в свободное время мы встречались по воскресеньям в нашем клубе на просмотрах кинокартин. Иногда и в другие свободные дни, которых так было мало. Она работала в управлении железнодорожного транспорта. Девушка понравилась мне своей скромностью, простотой, в то же время была строга, сурова во взглядах и разговорах, любила справедливость. Такие были у нее качества, за это я ее уважал и в то же время полюбил, как самого близкого друга и товарища, с которым как будто были знакомы много лет. Во время наших встреч мы всегда были рады друг другу. Встречи продолжались. Каждая встреча постепенно нас сближала, мы стали чаще встречаться. Как будто полюбили взаимно друг друга. Каждая наша встреча меня заставляла все больше задумываться о многом, если бы наша дружба осталась бы навсегда, это было бы совсем хорошо. Это было бы счастьем для меня. Но одного я не мог забыть: о пережитом, о тяжелых ранах, полученных в Первой мировой и Гражданской войнах, которые оставили мне неизлечимую рану, которая осталась на всю мою жизнь. Все же я старался избавиться от этого. При наших встречах старался быть жизнерадостным, веселым. Неоднократно я встречался с ее матерью, бывал в их квартире. Ее мать, рабочая-ткачиха шелкоткацкой фабрики, ныне фабрика «Красная Роза», – скромная, простая работница, с доброй душой, но со странным характером. Мне нравилась ее строгость. Она, как мать, замечала, что я ухаживаю за ее дочкой. Это было действительно так, я был не уверен в их согласии, видя мою неполноценность. Как только я об этом вспоминал, тут же сразу во мне появлялась мысль о моем недостатке и зачем я пришел, без приглашения. Темы разговоров были разные, но о женитьбе и не было разговора. Старался не затрагивать этого вопроса, так как для этого у нас не было повода. Жизнь и время создавали большие трудности для совместной жизни, а их было много, неопределенно они возникали на каждом шагу, но это не мешало нашей дружбе. Настал 1924 год. Я бы назвал его годом переломным в моей жизни. Я много думал, как дальше мне продолжать свою дальнейшую жизнь. Жить так, в отряде, нельзя. Впереди не было у меня никаких перспектив для повышения знаний. И, откровенно говоря, все окружающее, одно и то же, стало сильно надоедать. Я стал чувствовать себя угнетенным, стал много задумываться, искать новые пути к самостоятельной жизни с тем, чтобы стать в ряды полноценных товарищей и быть полезным человеком, приносить пользу новому обществу. Для этого нужны были знания. Во-первых, быть грамотным, а я имел трехлетнее, да и то незаконченное сельское образование; и этого было недостаточно. Я считал необходимым его восполнить, не теряя времени, поступить на общеобразовательные курсы и хотя бы получить неполное среднее образование. Без образования, считал, жить будет трудно. Шел 1924 год, после празднования 1 мая я окончательно решил заняться учебой, которая не выходила из моей головы. На свое здоровье я не обращал внимания, чувствовал, вроде все в порядке, и думал, все будет хорошо.

Примерно в июне или в июле проходил очередной медосмотр. Во время прохождения врачебно-контрольной комиссии много мне задавали вопросов. Больше всего мной интересовался невропатолог, он тщательно осматривал меня, после осмотра заявил: «Мне не нравится ваша нервная система, заниматься учебой рановато, и даже категорически вам запрещаем. Вам надо лечиться, а не учиться. Вам не зря установили вторую группу

инвалидности с назначением пожизненной пенсии в размере 30 руб. 85 коп.». Относительно же учебы, так и не довелось мне поступить на общеобразовательные курсы. Вместо курсов рекомендовали мне изменить обстановку и лучше оставить военную службу. После такой врачебной рекомендации и совета я снова стал им мало верить. Но их совет, как говорится, накручивал себе на усы, которых у меня не было. Подумал о демобилизации. Но в Москве в те времена была безработица. Московская биржа была переполнена безработными. Но меня это почему-то не страшило, рассчитывал устроиться в пекарню, т. к. я из пекарни уходил на военную службу. Временно поживу у братьев, которые проживали в Москве и имели жилую площадь. С этой стороны я был обеспечен. В июне 1924 г. я демобилизовался из рядов Автобронеотряда им. Я.М. Свердлова. Выдали мне, как и всем демобилизованным, комплект нового обмундирования: гимнастерку с малиновыми петлицами, шерстяные брюки, две пары нового белья, шинель, ботинки с гетрами. И самое дорогое, что в то время для меня было, – это, как исключение, я получил месячный продовольственный паек: сахар, чай, крупы, мясные консервы. В общем, получил все, что положено для суточного питания. Вместо хлеба выдали муку. Пенсию выдали за два месяца. Выданные мне продукты были доставлены по адресу моего места жительства: Яузский бульвар, дом 11.

Около двух месяцев прожил я на квартире брата, ничего не делая. Я два-три раза в неделю ходил в горком партии, добиваясь посылки меня на работу. Вот так я и узнал, что такое безработица и как в то время было трудно жить рабочему без работы. Потом в горком партии стал я ходить ежедневно. По-видимому, я так им надоел и обычно слышал один и тот же ответ: «Ну зачем же вы сегодня опять пришли? Мы вас вызовем». Не ожидая их вызова, я усиленно добивался работы. В первых числах ноября все же я добился путевки для переговоров в Московский союз потребительских обществ. Я был направлен в отдел хлебопечения, где получил отказ. Отделу хлебопечения требовались булочные подручные, а другого ничего не было. Так и было мне сказано. Ни с чем вернулся в горком. Время было позднее, обратно вернул путевку, просили зайти завтра с утра. Пришел, как было сказано. В отделе кадров горкома было заготовлено письмо в запечатанном конверте, адресованное на имя председателя МСПО, лично тов. Сорокину. Что было в нем написано, не знаю. Тут же тов. Сорокин позвонил зав. отделом хлебопечения Ульяновскому, у которого я был вчера, и сказал: «Сейчас зайдет к вам тов. Волков, бывший булочник, ранее работавший у Филиппова». В заключение разговора было ему сказано: «Предлагаю принять», а на путевке написал: «Принять. Сорокин». Ульяновскому подаю подписанную путевку горкома. Ульяновский с ехидной улыбкой предложил мне две должности. Одна из них ответственного дежурного в 4-й пекарне по приему готовой продукции, и вторую должность – старшего продавца кондитерского отделения этой же пекарни. Предложенная работа была ответственная и в то же время тяжелая для меня и трудная, но знакомая. Та и другая работа связаны все время с движением, а я не так хорошо еще привык ходить на протезе. Несмотря на свои трудности, дал согласие пойти работать в магазин старшим продавцом. Вспоминая сейчас, даже становится страшно думать и рассказывать, с каким трудом и болью в душе было дано согласие. Но меня это не устрашило, так как я привык к трудностям.

Среди булочников, кондитеров много было бывших меньшевиков, эсеров, анархистов. Встречались они и в 4-й пекарне и, конечно, подсмеивались над коммунистами. Нас в пекарне было всего девять человек. Вскоре меня избрали секретарем партячейки. Партийное бюро выдвинуло меня членом комиссии по строительству 1-го хлебозавода на территории 4-й хлебопекарни, на Валовой ул. Пекарни частных хозяев из-за неисправности печей, пекарных помещений и отдельных цехов закрывались и передавались в распоряжение МСПО. С каждым днем увеличивалось количество таких пекарен. В Москве их было много. Это приводило к резкому сокращению хлебобулочных изделий. Весь процесс работы происходил ручным способом. Ввиду недостатков печного хлеба в Москве горком партии предложил МСПО увеличить выпечку хлебобулочных изделий. Встал вопрос о срочных и восстановительных ремонтах бывших заброшенных пекарен. Недалеко от 4-й пекарни, на Коровьем валу, стояла в заброшенном состоянии бывшая первая городская хлебопекарня. Это была самая большая пекарня в Москве, она имела 48 хлебобулочных печей, но которые были в полуразрушенном состоянии. В самом помещении был размещен конный парк и конюшни, эта пекарня имела прозвище Кобелий двор. В мае 1925 г. на бюро замоскворецкого райкома ВКП(б) было предложено МСПО в Замоскворецком районе

построить хлебозавод, срочно приступить к восстановлению бывшей первой городской пекарни по Коровьему валу: предложить конному парку выехать в трехдневный срок, освободить помещение пекарни от имеющегося имущества. Партбюро и местком выдвинул мою кандидатуру заведующим по восстановительному ремонту первой городской пекарни. Партбюро, местком заверили меня, что во всем будут оказывать мне непосредственную помощь в повседневной работе. Замоскворецкий райком поддержал мое выдвижение. Зав. отделом хлебопечения о моем назначении в райкоме не возражал, не возражал и его заместитель по кадрам Огородников, с которым я работал булочным подручным до призыва в 1913 г.

Огородников в то время работал булочным пекарем в бывшей пекарне Филиппова. Какое могло быть совпадение! Я подумал: опять попал в нехорошее подчинение. Но Огородников не признался. Я напомнил ему, что мы вместе работали у Филиппова. «Вы булочным пекарем, а я булочным подручным». Но он не вспомнил это. Тогда я ему привел второй случай встречи: когда, встретившись на вокзале в г. Серпухове, вместе нанимали ямщика, он ехал к себе в село Гурьево, а я на призыв. Сказал ему: «Подумай хорошенько, может, вспомнишь!» Я ушел. Выходя из помещения, подумал, почему же он не признался и ни о чем со мной не поговорил о прошлом, настоящем? А могло бы быть много разговоров! Он мог бы помочь мне своим советом, видя по моим документам, что я недавно демобилизовался из армии и что я принимаю на себя такую непосильную восстановительную работу, не имея хозяйственного опыта. У меня сразу явилась мысль – тяжеловато мне с ним придется работать. Вся надежда была на партком пекарни. Моим помощником был выдвинут Васильев, член месткома, беспартийный, бывший хлебный пекарь, хорошо знающий построение хлебных и булочных печей. До войны он работал в этой пекарне хлебным пекарем и хорошо знал эту пекарню. Мы совершенно были незнакомы и не знали друг друга. Мне как члену партии, а ему как беспартийному доверили и поручили восстановительные работы по ремонту пекарни.

В начале мая была создана приемочная комиссия по приему пекарни от конного парка. Здание пекарни занимало целый квартал Коровьего вала. Внутри помещение было непохоже на бывшую пекарню. Все было загромождено и завалено мусором, навозом и кирпичным щебнем. Некоторые печи были совершенно разрушены. Посередине пекарни стоял разбитый остов парового котла. Внутри помещения было много птичьих гнезд, летали и кричали ласточки, галки, воробьи, ворковали голуби, как будто ругали нас, чувствуя, что мы пришли их выселять. Итак, пекарня была принята. Приемочная комиссия предложила заведующему конным парком помещение пекарни освободить к 10 мая, складское помещение не позднее 15 мая 1925 г. Здание пекарни комиссия приняла в течение одного дня. Все было закончено, комиссия подписала приемочный акт, подписала и пожелала нам успеха в проведении скорейшего ремонта. Прощаясь, пожали руки друг другу, и комиссия на этом закончила свое дело. Для меня и моего помощника оставила нам на память один экземпляр акта бывшего кобыльевого двора пекарни. На следующий день, не теряя ни минуты, стали требовать немедленно освободить помещение, ускорения составления сметы на все строительные работы по ремонту пекарни. Много пришлось поработать в эти дни. Пришлось настойчиво требовать к завозу строительных материалов и рабочих специалистов у 1-го хлебозавода. В ремонте много приходилось перестраивать заново, так был заново построен паровой котел, сделана паронефтяная топка. К 1 октября все восстановительные работы были закончены. Печи опробованы. Проведена выпечка ржаного хлеба и булочных изделий. Пекарня была принята комиссией и сдана в эксплуатацию. С 1 ноября пекарня начала работать на полную мощность, и она получила порядковый номер 18-й.

Жизнь моя пошла своим чередом. С начала апреля 1924 г. и до половины 1926 г. у меня было много трудных моментов, которые постепенно изживались в повседневном труде. Жизнь моя постепенно улучшилась. В этом, 1925 году, совершились три в моей жизни перемены: во-первых, я устроился постоянно работать, во-вторых, получил жилплощадь – отдельную комнату с удобствами, и третье – это событие, по-моему, было самое важное и главное: осуществилась наша долгожданная мечта трехлетней дружбы, мы поженились, началась самостоятельная радостная жизнь, которая продолжается сорок третий год, то есть до настоящего дня. В 1929 г. у нас родилась дочка. Мы ее назвали Надеждой. Наша Надя окончила Московский институт инженеров транспорта. Мы живем душа в душу, любим,

уважаем друг друга.

В начале восстановительного и окончательного ремонта мною были сфотографированы все работы процесса ручного труда: приготовление теста, т. е. мешание его, выпечка ржаного хлеба и других булочных изделий. Временами просматриваю фотографии, вспоминаю и сравниваю прошедшие 37 лет. Сколько приходилось затрачивать человеческого труда на одну выпечку! И так работали повсюду рабочие хлебобулочной промышленности до 1930-х гг. Так я проработал заведующим 18-й пекарней МСПО до конца декабря 1930 г. Ныне 18-я пекарня именуется заводом по выпечке кондитерских изделий им. М. Горького.

По рекомендации райкома партии я перешел на работу в лечебную комиссию при МК ВКП(б). 18-ю пекарню сдал своему помощнику тов. Васильеву Г.В., который был назначен заведующим пекарней. Тов. Васильева в 1927 г. приняли в партию. С 1 января 1931 г. по август 1934 г. я работал помощником секретаря лечебной комиссии при МК ВКП(б) по обслуживанию партийного и советского актива гор. Москвы и области. В те годы лечебную комиссию возглавляли нештатные работники. Зарплату получали ответственный секретарь и помощник секретаря лечебной комиссии. Председателями были и возглавляли лечебную комиссию старые члены партии: тт. Филер, Лепешинский, Шиллерт, Емельян Ярославский, Литвин-Седой. В 1934 г. постановлением Народного комиссариата здравоохранения РСФСР об упорядочении работы в лечебных комиссиях и учреждениях должны были возглавить лечебные комиссии люди, имеющие медицинское образование с определенным стажем врачебной деятельности. Согласно постановлению в конце 1934 г. моя должность упразднилась как неимеющего медицинского образования. Я был переведен на другую работу – управляющим делами ЦК Союза сельхозмашиностроителей во Дворец труда. Здесь я работал с сентября 1934 г. по ноябрь 1937 г. до переезда ЦК Союза в гор. Харьков. Согласно постановлению ЦК партии профсоюзы должны быть ближе к производству. В Харьков я не поехал и был райкомом направлен в деткомиссию ВЦИК в распоряжение тов. Семашко, который назначил меня директором базы Кожтекстильторга по снабжению детских домов, колоний. Заведывал базой я до конца, до ликвидации деткомиссии и базы в 1939 г. Райком партии по моему желанию направил меня в распоряжение хлебобулочного комбината. Комбинат меня направил заведующим 38-й пекарни высокосортных изделий (Трубная ул.). В 38-й пекарне я проработал до начала Великой Отечественной войны 1941 г. Был эвакуирован из Москвы как инвалид-пенсионер в Ташкент. Здесь я работал с 1941 г. по 15 октября 1943 г. управляющим делами Наркомата социального обеспечения Узбекской ССР. В то же время был председателем бытовой комиссии инвалидов Отечественной войны одного из крупных районов гор. Ташкента. На одном из совещаний среди заместителей начальника особого отдела тов. Турдыева, с которым я работал, меня заинтересовала знакомая фамилия Дамбит А.К. По окончании совещания я спросил тов. Турдыева о Дамбите А.К. «Если это тот, то мы вместе служили в одном Автоброневом отряде им. Я.М. Свердлова ВЧК-ГПУ». Рассказал о внешнем виде. Тов. Турдыев ответил мне: «Это наш командир эскадрильи тов. Дамбит, очень хороший специалист». Товарищ Турдыев снимает телефонную трубку. «Мы сейчас узнаем». – «Дамбита нет, – ответили. – Будет не скоро». Звонит по второму телефону, сообщили: точно, он служил в Автоброневом отряде ВЧК-ГПУ. Вот его телефон. На следующий день, придя на работу, позвонил по телефону. Ответ: «Дамбит у телефона». – «Очень приятно, с вами говорит Волков». – «Какой?» Небольшая пауза. Говорю: «Крестьянский сын, точно». – «Откуда ты взялся?» – «Из наркомата». Разговор был недолгим, но радушным. «Запиши мой адрес, завтра приезжай обязательно, есть о чем поговорить». Действительно, разговоров было много. На следующее утро встретил жену Несмеянова, рассказал, что видел вчера Дамбита. Она так и ахнула: «Он живой?.. А это была у нас с ним первая встреча за 19 лет». 15 октября 1943 г. я по получении пропуска из Ташкента уехал в Москву, а тов. Дамбит остался в Ташкенте.

По прибытии в Москву как положено зарегистрировался, встал на учет, получил продкарточки и 3 ноября 1943 г. поступил на работу в лечебную комиссию при МК ВКП(Б) помощником заведующего спецсектора по хозяйственной части и заведующим складом медицинского оборудования и мягкого инвентаря по оборудованию спецсанаторий, поликлиник и домов отдыха. На этой должности я проработал в спецсекторе с 3 ноября 1943 г. по 30 ноября 1958 г. Ввиду слияния двух складов, сокращения подсобных рабочих я ушел по собственному желанию на отдых, на пенсию.

В 1959 г. в санатории Кемери я встретился с Пискуновым и Дамбитом, и вновь восстановилась наша старая дружба. В 1959 г. я снова включился в общественную работу комиссии содействия по месту своего жительства. С 1960 г. я работаю членом товарищеского суда, также третий раз избираюсь в нарсуд.

После Гражданской войны наше поколение принимало активное участие в восстановлении разрушенного народного хозяйства, в индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства. Именно старшее поколение обеспечило вам хорошую жизнь и возможность учиться и работать и трудиться на благо общества.

В конце 1919 г. за боевые заслуги в годы Гражданской войны я награжден боевым орденом Красного Знамени, почетным боевым оружием «браунинг» с надписью: «Герою Автоброневого отряда им. Я.М. Свердлова. От президиума ВЧК-ГПУ», тремя медалями: «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «Восьмисотлетие Москвы».

Бывший пулеметчик Автоброневого отряда им. Я.М. Свердлова, член КПСС с 1919 г., персональный пенсионер союзного значения

(Волков Даниил Никифорович)

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Аверьянов Сергей Тимофеевич (1892–1961), рабочий-металлист, большевик с 1910 г. Партийную работу вел в Москве. Арестован в 1916 г. за участие в стачке. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Член Московского городского продкомитета. Участник Гражданской войны. В 1918–1919 гг. – военком 2-го Пермского пехотного полка, затем школы инструкторов, батальона красных коммунаров на Восточном фронте. С апреля 1920 г. – военком 65-й (впоследствии 87-й) бригады войск ВОХР. С августа 1921 г. – начальник политсекретариата Отряда особого назначения при коллегии ВЧК, затем работал в политсекретариате войск ВЧК. В 1925–1926 гг. – начальник административного отдела Моссовета. В 1927–1929 гг. – начальник политотдела дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. Затем направлен на учебу.

В 1929–1933 гг. учится в Промакадемии, одновременно экстерном оканчивает Архитектурно-строительный институт. Однако по партийной мобилизации вновь возвратился на военную службу. В звании бригадного комиссара возглавляет Центральную партийную комиссию при политотделе ГУПВО ОГПУ-НКВД.

В июле 1937 г. в обстановке начавшихся массовых репрессий был снят с работы. Состоял в резерве ГУПВО. Уволен 7 сентября приказом НКВД СССР. Некоторое время велось следствие, определившее его судьбу, после чего он смог поступить на работу. Трудился в системе Наркомата текстильной промышленности, затем в области гражданского строительства. С 1955 г. – персональный пенсионер.

Награжден: орденом Красного Знамени, тремя медалями (в том числе «За оборону Москвы»), знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ» и «Почетный текстильщик».

Березин Яков Давыдович (1890–1957), родился в с. Рышканы Бельцского уезда Бессарабской губернии, окончил гимназию и коммерческое училище. Работал экономистом на писчебумажной фабрике в Подольской губернии. Член РСДРП(б) с июля 1917 г. Был председателем волостного и уездного советов зампред Бессарабского ЦИК. Участник Гражданской войны, установления Советской власти в Молдавии. В бою с румынскими войсками был тяжело ранен, после излечения направлен на работу в Московскую чрезвычайную комиссию, где занимал должности пом. секретаря, секретаря МЧК, участвовал во многих операциях по ликвидации бандитизма в столице. В 1921–1924 гг. работал председателем правления госпромышленного объединения «Трестпуть» НКПС. Ф.Э. Дзержинский, выступая 17 декабря 1922 г. на торжественном заседании по случаю 5-летия ВЧК-ГПУ, сказал: «И сейчас многих из нас, бывших чекистов, Советская власть и партия поставили на хозяйственное. Известен многим сотрудникам наш администратор тов. Березин – ныне председатель правления Трестпути. Это тот самый Трестпуть, который сегодня вручил как шеф знамя нашему доблестному Первому полку». Березину при этом были вручены нагрудный знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ» и грамота Коллегии ГПУ.

Накануне, 12 декабря 1922 г., командир полка П. Кобелев и нач. политсекретариата М. Горбачев прислали Березину следующее сообщение: «Общее собрание военнослужащих четвертого дивизиона Первого отдельного полка войск ГПУ избрало Вас депутатом в Московский совет. Красноармейцы, политсостав и командно-административный состав просят Вас принять это избрание».

В дальнейшем вновь работал в системе ОГПУ, сначала в ПП ГПУ по Юго-Востоку (г. Ростов-на-Дону), затем помощником начальника адморуправления ОГПУ. В 1927 г. награжден почетным боевым оружием, в 1932 г. вторым знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ». С 1924 г. направлен на работу в ВСНХ СССР, был особоуполномоченным при председателе, секретарем парторганизации. Заочно окончил Московский электро-машиностроительный институт. Становится завотделом Главэлектро ВСНХ, затем в системе Наркомата топливной промышленности работает управляющим Донэнерго (г. Харьков), управляющим Уралэнерго (г. Свердловск), директором Челябинский ГРЭС. За большой вклад в электрификацию страны награжден орденом Ленина. С 1935 г. – управляющий треста «Эмбанефть» (г. Гурьев). В 1937–1939 гг. – начальник строительства энергоподстанций Центроэнергостроя, с 1 августа назначен начальником строительства Семеновской ТЭЦ в Москве. В ночь на 5 августа арестован. Через семь месяцев освобожден. Вернули орден Ленина, восстановили в партии.

В 1940–1941 гг. – управляющий трестом «Электрострой», в период войны – начальник строительства оборонного завода Наркомата авиационной промышленности, восстанавливал Сталиногорскую ГРЭС, с 1943 г. возглавлял трест «Мосэнергомонтаж». В 1951–1953 гг. – директор Перловского завода, затем – персональный пенсионер союзного значения.

Взентек Казимир Иосифович (1889–1937?), родился в г. Ченстохове (Польша) в семье рабочего. С 14 лет работал на заводе, где и отец. В 1905 г. вступил в Социал-демократическую партию Польши и Литвы. В 1907 г. арестован, заключен в тюрьму, затем сослан в Нарымский край. В 1911 г. возвратился, продолжал революционную работу, за что в 1912 г. был снова арестован, сидел в тюрьме до 1916 г. После освобождения работал на московских заводах рабочим-паяльщиком. Активный участник Октябрьской революции, боев с юнкерами. После Октября – начальник районной милиции. Окончил Курсы красных командиров, командовал взводом и ротой в 52-й стр. дивизии на Западном фронте. В дальнейшем пом. командира Отряда ОСНАЗ войск ВЧК-ГПУ в Москве. Приказом РВС СССР № 50 от 1 марта 1924 г. освобожден от занимаемой должности с зачислением в резерв РККА; некоторое время состоял при штабе РККА и приказом № 70 от 24 марта 1924 г. уволен в бессрочный отпуск.

Взентек знал Дзержинского с 1905 г. Вместе с ним сидел в тюрьме. В газете Отряда ОСНАЗ «На боевом посту» № 36–37 (ноябрь 1922 г.) опубликованы его воспоминания «Как я принимал участие в освобождении тов. Дзержинского» (речь идет об освобождении из Бутырской тюрьмы в 1917 г.).

После демобилизации в 1924 г. работал дипкурьером до 1931 г., затем на разных должностях до 1936 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

Волков Даниил Никифорович , родился в крестьянской семье в деревне Петрищево Тарусского уезда Калужской губернии 24 декабря 1893 г. Отец работал на лесопильном заводе пильщиком, мать занималась домашним хозяйством. После сельской школы был отвезен в Москву и отдан в ученики пекаря, затем работал в булочной Филиппова. В 1913 г. началась его военная служба в 11-м Псковском пехотном полку генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского. В составе пулеметной команды этого полка участвовал в Первой мировой войне. Полк входил в 17-й армейский корпус 8-й армии, которой командовал генерал-адъютант А.А. Брусилов. В период оборонительных и наступательных боев дважды ранен, удостоен Георгиевских крестов и медалей всех четырех степеней (полный Георгиевский кавалер)[46]. Был унтер-офицером, произведен в подпрапорщики.

О том, как воевали пулеметчики, свидетельствует приказ по 11-му Псковскому пехотному полку № 158 от 28 мая 1915 г.:

«Начиная со 2 мая пулеметная команда в полном своем составе беспрерывно и

[46] РГВИА, ф. 2625, оп. 1, д. 622, л. 56, 88; д. 628, л. 61; д. 617, л. 119.

бессменно находится на позиции и во всех боях, а особенно 6 и 7 мая пулеметчики, несмотря на ужасный артиллерийский огонь, всегда встречали врага из своих пулеметов и тем способствовали блестящему отражению всех атак. Несмотря на большие потери и на крайнее утомление, не было ни одного случая, когда пулеметчик не открыл бы вовремя огонь. Неприятельская артиллерия часто засыпала землей и попортила три пулемета, но пулеметчики немедля откапывали засыпанные пулеметы, прочищали их и немедля открывали огонь.

Было два случая, когда кожух пулеметов, пробитых неприятельской пулей, отказывал действовать, но пулеметчики не терялись, затыкали щепкой или тряпкой дыру и продолжали стрелять, скашивая цепи противника.

Приписываю такое доблестное действие пулеметной команды с распорядительностью начальника команды капитана Богданова, младшего офицера прапорщика Галкина и доблести всего состава команды.

Объявляю благодарность начальнику команды капитану Богданову, прапорщику Галкину, а всем молодцам нижним чинам – искреннее спасибо.

Командир полка полковник Музеус»[47].

В 1919 г. вступил в автобоевой отряд, в составе которого участвовал в боях. Под Ростовом был тяжело ранен, чудом выжил. Несмотря на то что остался без ноги, добился возвращения в строй к своим старым боевым товарищам-автобронеотрядцам. Демобилизовался в 1924 г. Трудился на разных должностях до 30 ноября 1958 г. Персональный пенсионер союзного значения. Награжден орденом Красного Знамени, почетным боевым оружием, медалями.

Горбачев Михаил Георгиевич (1893–1958), родился в с. Богородицком Орловской губ. в семье рабочего-переплетчика. Окончил сельскую школу, учился переплетному делу, два года батрачил и четыре года работал переплетчиком в Харьковских мастерских. С 1914 г. мобилизован в армию, службу проходил в самокатной роте 1-го самокатного батальона. Участвовал в революционных событиях, происходивших в армии в Петрограде. В 1918 г. вступил в РКП(б).

В составе самокатчиков из 2-го самокатного батальона Петроградского военного округа 27 марта 1918 г. переведен на службу в боевой отряд ВЧК. Вскоре становится военкомом отдельного батальона специального назначения, который с 26 мая 1921 г. именуется 1-м отдельным батальоном войск ВЧК. В дальнейшем начальник политсекретариата 1-го Отдельного полка войск ГПУ, зам. начальника политотдела Дивизии особого назначения.

В 1925 г. переходит на работу в аппарат Центрального комитета ВКП(б). С 1953 г. – персональный пенсионер, полковник в отставке.

Награжден орденом Ленина, орденами Красного Знамени (трижды), Отечественной войны, Красной Звезды, медалями.

Ефимов Николай Алексеевич (1897–1937), участник Гражданской войны. В РККА с 1918 г. В войсках ВЧК – с 1921 г., начальник штаба войск ВЧК республики. В последующие годы зам. начальника вооружений РККА, начальник Главного артиллерийского управления, член Военного совета НКО СССР. Комкор. Незаконно репрессирован. Реабилитирован.

Игнатович Виктор Викентьевич (1897–1943), в Гражданскую войну – шофер бронемашины, пом. командира Автобронеотряда ВЦИК имени Я.М. Свердлова. После войны – на хозяйственной работе, персональный пенсионер. Награжден тремя орденами Красного Знамени.

Климов Григорий Владимирович (1893–?), родился в крестьянской семье, окончил реальное училище в г. Ростове и там же Высшие счетоводно-бухгалтерские курсы. На военной службе с 1913 г. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В Русской армии – командир роты, фельдфебель при Учебной команде вольноопределяющихся. Член РКП(б) со 2 апреля 1917 г. Избран председателем исполкома военно-революционного комитета 116-й пех. дивизии. 21 июня 1917 г. был подвергнут аресту за отказ идти в наступление. В дальнейшем (до марта 1918 г.) председатель исполкома Медведского гарнизона, командир 175-го запасного полка; инспектор Всевобуча Полтавского губвоенкомата (февраль –

[47] Там же, д. 615, л. 90, 91об.

сентябрь 1919 г.), затем на аналогичной должности при Челябинском губвоенкомате, командир территориального полка, начальник боевого участка (октябрь 1919 г. – 12 апреля 1921 г.), там же был начальником всех коммунистических отрядов губернии. Начальник инспекторского отдела Управления войск ВЧК республики. С 23 июля 1921 г. вступил в командование Отрядом ОСНАЗ. 11 декабря 1921 г. Отряду ОСНАЗ от имени Президиума ВЧК вручено Красное Знамя.

Конопко Юлиан Владиславович, родился в г. Плоцке (Польша). Профессия – каменщик. В годы Гражданской войны командовал Автобронеотрядом ВЦИК имени Я.М. Свердлова. Был дважды удостоен ордена Красного Знамени.

Когда грянула революция, Юлиану Конопко было 29 лет. Семь лет к тому времени он отслужил в армии. Сначала в 22-м саперном батальоне, затем в 1-й запасной автомобильной роте. Будучи солдатом авторемонтных мастерских, Конопко активно участвует в Октябрьском вооруженном восстании. Состоял в числе комиссаров охраны Смольного в Петрограде. В качестве шофера выполнял поручения ВЦИК, был избран председателем гаражного комитета при автоотделе ВЦИК. С февраля 1918 г. формирует автоброневой отряд, который стал одним из прославленных подразделений Красной Армии.

Под его командой АБО сопровождает переезд СНК из Петрограда в Москву. В апреле 1918 г. участвует в ликвидации анархистской «черной гвардии», а в июле – в подавлении левоэсеровского мятежа в столице. Член РКП(б) с 1919 г. Юлиан Конопко был строгим, волевым командиром. Отряд бросали из дивизии в дивизию, с одного фронта на другой. Как приданная боевая сила он был грозен для врага.

Несколько броневиков нередко выручали и спасали целые полки. Заполучить 1-й АБО стремились многие начдивы. Правда, командовать Конопко было весьма трудно. У него всегда был свой план боевого использования, и он добивался успехов именно благодаря этому, убеждая военачальников в своей правоте.

В конце Гражданской войны Конопко некоторое время исполнял обязанности коменданта Польревкома в Минске, а затем снова командовал своим детищем. Но здесь наступают перемены в подчиненности отряда, который все время имел определенную автономию, подчиняясь Президиуму ВЦИК. Отряд вливается в состав войск внутренней службы республики и с января 1921 г. – в войска ВЧК. Во главе АБО участвовал в ликвидации антоновского восстания. Был ранен в ногу, но оставался в строю.

Юлиан Конопко мог гордиться своим отрядом. 25 января 1923 г. Президиум ВЦИК за боевые подвиги на фронтах Гражданской войны удостоил АБО почетным революционным Красным Знаменем.

Много лет отдав военной службе, Конопко прошел две войны. Но подошел и его черед. В 1923 г. ушел в запас дважды краснознаменец, боевой командир. Талант организатора, руководителя, воспитателя остался при нем и еще более раскрылся в его деятельности на хозяйственном фронте. Для него это тоже был фронт. Несколько лет Конопко заведовал автобазой Госбанка СССР. В 1929 г. состоялось решение о мобилизации ста тысяч коммунистов для укрепления колхозов. Из числа бывших партизан, участников Гражданской войны Юлиан Владиславович создает коммуну и вместе с ними едет в Старо-Бардинский район Алтайского края поднимать сельское хозяйство страны. Потянулись к нему и бывшие сослуживцы.

В товарных вагонах везли свои пожитки, кое-какой инвентарь, семена. Председателем коммуны избрали Юлиана Конопко. Он с присущей ему ответственностью и энергией старался оправдать это доверие. День и ночь на ногах, то и дело приходилось ездить в Барнаулгубисполком, губземотдел, доказывать, добиваться для новой артели техники, тягловой силы, стройматериалов. Он пишет бывшим сослуживцам, коллегам, просит помочь поставить новый колхоз на ноги. Труд не пропал даром. В колхозе появилась мельница, застучали топоры, зазвенели пилы, начали возводить фермы, школу, клуб, детский сад. Вскоре о колхозе заговорила краевая газета и отметила большой вклад бывшего командира автобронеотряда Ю. Конопко. На собрании благодарные труженики приняли решение впредь называть свое детище колхозом имени Ю.В. Конопко.

После этого Юлиан Владиславович два года был начальником участка на строительстве Беломорско-Балтийского канала, а с 1935 г. – на строительстве канала Москва–Волга.

Энергии этого человека могло хватить на множество полезных дел. За что бы ни

брался, везде добивается успеха. Его знали многие военачальники, чекисты, наркомы... Наступила пора, когда многих из них стали называть «врагами народа». Творилось невероятное, непонятное. Хватали таких людей, крупных руководителей, военных и особенно активных участников и героев Гражданской войны. И никто не мог остановить этот карающий невинных людей меч. Он доставал всюду: на малых и больших должностях. Юлиан Конопко в это время работал начальником транспортного отдела Каргопольского ИТЛ. Каждый большой лагерь – это крупное строительство, огромный механизм, в котором использовался подневольный труд. Чтобы «обеспечить план», тоже понадобились крупные организаторы, инженеры, квалифицированные специалисты. Таких, конечно, много было среди заключенных, но НКВД им мало доверял, и только по мере уменьшения таких кадров на воле ГУЛАГ вынужден был черпать силы из своих же лагерей. О чем думал тогда Юлиан Конопко, узнавая об очередных жертвах репрессий? Даже здесь, находясь, по сути дела, в лагере (хотя и не в качестве зэка), он не мог чувствовать себя в безопасности, как-то переждать, пережить это страшное время. Его два ордена, предмет гордости, память о былых боях и подвигах, таили в себе уже какую-то опасность. Воевал вместе с кем?.. С Тухачевским? Федько? Уборевичем? Работал с Енукидзе? Аванесовым? За такое знакомство несдобровать. Как и многие, он не хотел верить, что и за ним придут. Но пришли. 8 марта 1938 г. В чем же его обвинили? В том, что он активный участник шпионско-террористической организации... харбинских меньшевиков и эсеров, занимался шпионажем в пользу Японии (?) и выполнял установки организации по подготовке террористических актов против руководителей партии и правительства. Это что же, шпионил, когда создавал коммуну в Алтайском крае? Кто же его завербовал? Оказывается, это сделал «резидент японской разведки» Шульц, с которым как с давним соседом Конопко был когда-то дружен. Заявление о признании вины написано рукой следователя, ведшего дело. Под ним стоит подпись Ю. Конопко. Теперь-то мы знаем, какой ценой выбивались такие признания. Все обвинения оказались сплошной фальсификацией как в отношении Шульца, так и Конопко. Но в результате 17 мая 1938 г. Юлиан Конопко, герой Гражданской войны, был расстрелян в Москве в Лефортовской тюрьме.

Реабилитация пришла много лет спустя: доброе имя воина-интернационалиста, дважды краснознаменца Юлиана Конопко возвращено истории.

Корнев Василий Степанович (1889–1939), по профессии сельский учитель, участник Первой мировой войны, поручик. Большевик с 1917 г. В августе 1917 г. избран председателем полкового комитета, в декабре т.г. – членом военно-революционного комитета Румынского фронта. За революционную деятельность был арестован. Ему грозила смертная казнь, но удалось вызволить его из тюрьмы.

С 1918 г. – председатель Рязанского губисполкома и губкома РКП(б), губернский военком. Организовал отпор вторгнувшимся в пределы губернии войскам Мамонтова и Шкуро, для чего сформировал и возглавил пехотную дивизию.

С января 1920 г. – харьковский губвоенком. С 20 марта т.г. – зам. председателя Военного совета войск ВОХР. С 16 апреля 1920 г. – зам. народного комиссара внутренних дел по управлению войсками ВОХР и начальник войск. С 20 июля т.г. – член коллегии ВЧК. С сентября 1920 г. – командующий войсками внутренней службы (ВНУС) республики, одновременно зам. председателя Комитета обороны г. Москвы. Командующий войсками ВЧК республики (январь–февраль 1921 г.), одновременно (с 29 января 1921 г.) – начальник милиции республики. С февраля 1921 г. – зам. председателя Комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей. В 1922 г. направлен на работу в Сибирь, где работал председателем Сиблессиндиката, затем председателем Томского, позднее – Омского губисполкомов. В 1929–1930 гг. – зам. наркома внутренних дел РСФСР, а также работал в ВСНХ. В 1933–1938 гг. возглавлял строительство Ташкентского текстильного комбината.

Член ВЦИК и ЦИК СССР. Награжден орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени.

Арестован 20 сентября 1938 г., скончался в больнице Бутырской тюрьмы в Москве 9 июня 1939 г. Дело было прекращено 25 июня 1939 г. за смертью. Реабилитирован 31 июля 1956 г.

Ляшкевич Иван Максимович (1891–1971), участник Гражданской и Великой Отечественной войн. В конце 1917 г. сформировал отряд, который участвовал в разгроме

контрреволюционных сил в Твери, затем нес службу по охране Кремля в Москве. Зам. командира, а затем командир 1-го Социалистического рабоче-крестьянского партизанского отряда ВЦИК, в составе которого участвовал в боях на Восточном фронте. С июля 1919 г. – командир 190-го батальона войск ВОХР. После Гражданской войны был начальником погранотряда, с 1927 г. – командир отдельного кавалерийского дивизиона войск ОГПУ (г. Семипалатинск), в 1930–1932 гг. – командир 3-го полка дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, затем преподаватель Высшей пограничной школы. После окончания Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе (1939 г.) служил в Советской Армии. После Великой Отечественной войны – директор совхоза, в последние годы жизни – персональный пенсионер. Полковник. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, медалями.

Ляшкевич И.М. Отряд ВЦИК /В кн.: Москвичи на фронтах Гражданской войны. Воспоминания. – М., 1960. – С. 120–131.

О нем см. в кн.: *Серафимович А.С.* Военные рассказы. – М., 1936.

Марцинк Юлий Янович, родился в 1899 (1903?) г. в семье батрака в д. Райдзун (Латвия). Окончил 3 кл. сельской школы, был пастухом, потом рабочим-слесарем. Участник Гражданской войны в составе Автобоевого отряда ВЦИК. Трижды награжден орденом Красного Знамени.

(В приказе РВС СССР № 320 от 4.09.1924 г. во изменение приказов РВСР по личному составу армии: 1922 г. № 154 – считать награжденным орденом Красного Знамени шофера Автобронеотряда имени Я.М. Свердлова Марцинк Юлия Яновича (а не Марцина Юлия Францевича), 1922 г. № 127 – начальника машины того же отряда Марцинк Юлия Яновича считать награжденным вторично орденом Красного Знамени; 1923 г. № 56 – пом. комвзвода того же отряда Марцинк Юлия Яновича считать награжденным в третий раз).

После демобилизации в 1923 г. работал шофером автобазы НКВД, в постпредствах СССР в Финляндии, Италии, Чехословакии. С 1932 г. член ВКП(б). После возвращения из-за рубежа некоторое время работал на автобазе Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. 26 июня 1938 г. арестован, находился под следствием до января 1940 г. Ему была выдана справка, что он «содержался в Бутырской тюрьме НКВД. 7 января 1940 г. Из-под стражи освобожден в связи с прекращением его дела». Поступил на работу шофером в Наркомат автомобильного транспорта. Когда началась Великая Отечественная война, добровольно вступил в народное ополчение. Освобожден от военной службы по состоянию здоровья. С 1942 г. работал шофером в Наркомате пищевой промышленности.

Недоля-Гончаренко Леонид Владимирович (1897–1964), участник революционного движения и Гражданской войны. Член большевистской партии с 1915 г. В РККА с 1918 г. В войсках ГПУ – с 1922 г. Начальник политотдела войск ГПУ Московского округа, затем на партийной работе. В годы Великой Отечественной войны – спецкорреспондент фронтовой газеты. Член Союза писателей СССР.

Ольский (Куликовский) Ян Каликстович (1898–1937), родился в д. Бутримонис Трокайского уезда Виленской губернии в семье врача. Учился в гимназии. С июня 1917 г. вступает в РСДРП(б), активный участник Октябрьской революции в Петрограде. На партийной работе в Литве и Белоруссии – 1918–1919 гг. С августа 1919 г. – направлен на работу в ЧК. Возглавляет особый отдел 16-й армии. В 1921–1923 гг. – председатель ЧК-ГПУ Белорусской республики. С 1923 г. – начальник отдела погранохраны (ОПО) ГПУ республики, одновременно пом. начальника контрразведывательного отдела (КРО) ГПУ. Начальник ОПО и главный инспектор войск ОГПУ (1923–1925 гг.).

Один из инициаторов и организаторов Дивизии ОСНАЗ. В дальнейшем работает зам. нач., начальником КРО ОГПУ СССР, затем – начальником Особого отдела ОГПУ. В связи с протестом против действий зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды, ориентировавшего периферийные органы на массовые аресты бывших офицеров, раздувания дела о несуществующих «заговорах», был по решению Политбюро ЦК ВКП(б) наряду с другими протестантами уволен из органов ОГПУ. Работал управляющим Моснарпита, затем в системе Наркомвнуторга. Арестован 31 мая 1937 г. 27 ноября того же года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания, приговор приведен в исполнение в тот же день. Реабилитирован 19.11.1955 г.

Пискунов Сергей Аверьянович (автобиография):

Я, Пискунов Сергей Аверьянович, родился в 1898 г. 8 октября, в селе Война быв.

Севского уезда Орловской губернии. (В настоящее время Брянская область.) Мои отец и мать, два старших брата, их жены и дети были крестьяне и занимались сельским хозяйством. В 1910 г. количество членов нашей семьи было 16 человек. Хозяйство: одна хата с двором, 7–8 десятин земли, две лошади, корова, две свиньи, несколько овец, десяток гусей, два десятка кур. В свободное от сельскохозяйственных работ время отец или старшие братья занимались извозом: покупали доски и везли их, например, в гор. Фатеж Курской губернии. Там продавали их, покупали хлеб или еще что-нибудь и продавали населению, производившему доски. Примерно за две недели зарабатывали на двух лошадях до 10 рублей. Кроме этого, отец занимался мелочной торговлей продовольственными товарами. В 1915 г. отец имел мукомольную мельницу с двигателем в 12 лошадиных сил. В 1917 г. мельницу национализировали, а в 1918 г. ее, как мелкое предприятие, возвратили отцу обратно. В 1919 г. отец продал мельницу за сто пудов хлеба, конную молотилку и 5 ульев пчел. В 1920 г. 62 семьи, в том числе и мой отец с семьей, выделились и переехали на постоянное жительство во вновь организованный поселок имени Тургенева, в семи километрах от села Война. В 1928 г. в поселке образовался колхоз, членом которого стала и семья отца. В 1932 г., при ликвидации кулачества, за выселение нашей семьи голосовало 4 человека, а за оставление 56 человек. Вся наша семья до конца их жизни были членами колхоза.

В 1906 г. я начал учиться в сельской школе и окончил ее в 1909 г. С 11 лет начал работать по сельскому хозяйству. В 1915 г. уехал в Кривой Рог, где в течение года работал поденщиком по подвозке и погрузке руды, за 20–30 копеек в день. В январе 1917 г. стал солдатом Первой запасной автомобильной роты в Петрограде.

Вместе с солдатами роты активно участвовал в Февральской революции на стороне восставших против самодержавия. В июле того же года в качестве шофера я был откомандирован на фронт, в 1-й тяжелый артиллерийский дивизион, находившийся в районе гор. Крейцбург, в ста двадцати километрах от Риги. В дивизионе работал на автогрузовике по подвозке снарядов. С октября 1917 г. до апреля 1918 г. артдивизион находился в районе города Остров, недалеко от Пскова, где и участвовал в боях против немцев. В мае 1918 г., по демобилизации, я вернулся домой, в село Войну. В 1919 г. я стал красноармейцем, по мобилизации, автороты гор. Орел. В феврале был в Воронеже шофером боевой автогрузовой машины 1-го автоотряда. Вместе с отрядом участвовал в боях против деникинцев в районе гор. Калач и ст. Бутурлиновка. На станции Таловая меня назначили начальником автобоевой машины – полуторатонный грузовик итальянской марки «Фиат», вооруженный двумя пулеметами «максим». Несколько месяцев я работал со своей командой (два пулеметчика и второй шофер) в распоряжении командира пехотного полка (номера полка не помню). Мы хорошо помогали в боях красноармейцам полка.

В июле 1919 г. я стал начальником той же автобоевой машины 1-го автобоевого отряда ВЦИК имени Я.М. Свердлова. С этим отрядом воевал против деникинцев и белополяков в рядах дивизии имени Киквидзе и в рядах 4, 6 и 1-й кавалерийских дивизий Первой Конной армии. В боях мы активно помогали конармейцам.

В октябре 1919 г. я вступил в ряды нашей коммунистической партии и нахожусь в ней до настоящего времени. Все поручения партийных организаций выполнял активно.

После мира с белополяками отряд был откомандирован в Москву в распоряжение Коллегии ВЧК. Ф.Э. Дзержинский переформировал отряд в Автобронедивизион имени Я.М. Свердлова и отправил его в город Тамбов по борьбе с антоновщиной. После ликвидации антоновщины автобронедивизион разгромил и банды в Уральской области (Казахстан).

За личные отличия в боях Гражданской войны, осенью 1921 г., я был в третий раз награжден орденом Красного Знамени.

В 1924 г. я был демобилизован из армии. Поступил на работу шофером «Скорой помощи» при институте имени Склифосовского в Москве. Днем я работал, а вечером учился на рабфаке при Московском Высшем техническом училище (МВТУ). В 1927 г. по окончании рабфака я стал студентом МВТУ. В 1929 г., по решению ЦК партии, меня с третьего курса МВТУ перевели на третий курс Инженерной Академии ВВС РККА имени Жуковского. После ее окончания работал в Военно-Воздушных Силах. Работал инженером авиабригады, военным представителем, начальником отдела, заместителем начальника управления и начальника заказов и приемки самолетов ВВС Советской Армии. В 1942–1945 гг. был

начальником авиаотдела Закупочной Комиссии СССР в Вашингтоне. В 1944 г. мне было присвоено военное звание генерал-майора инженерно-технической службы. В 1945 г. я вернулся на работу в управление заказов ВВС Советской Армии. В 1952 г. назначен начальником инженерного факультета Военного инженерного училища ВВС гор. Рига. В декабре 1955 г. из армии демобилизован. Живу в Риге и работаю по общественной линии. По состоянию здоровья работать на заводе или в учреждении не могу.

За период службы в Советской Армии награжден: орденом Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, шестью медалями и четырьмя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Латвийской ССР.

Розен Михаил Иосифович (Осипович) (1886–1937), родился в г.Мстиславль Могилевской губ. Участник революционного движения с 1899 г. Член РСДРП(б) с 1905 г. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1908 г. отдан в солдаты. За революционную агитацию арестован и посажен в крепость. После освобождения в 1909 г. находился под надзором полиции. Вскоре вновь был арестован и сослан в Иркутскую губ. Возвратился из Сибири в 1911 г., продолжал партийную деятельность на Украине. В 1914 г. мобилизован в армию. Неоднократно участвовал в боях. Георгиевский кавалер. С 1917 г. – член Петроградского совета, участвует в организации Красной гвардии, отражении корниловского наступления, штурме Зимнего дворца. Активный участник Гражданской войны. Командует 2-й Новгородской дивизией, член РВС 7-й армии. В 1919 г. слушатель Академии Генерального штаба. В 1920 г. на Западном фронте командует 13-й и 55-й стр. дивизиями, на Южном фронте – 42-й стр. дивизией. В 1921 г. некоторое время возглавляет войска ВЧК. Один из инициаторов создания Отряда ОСНАЗ при Президиуме ВЧК. В дальнейшем командует соединениями Красной Армии. За разгром Крымской группировки Махно приказом РВСР № 12 от 20.01.1922 г. награжден орденом Красного Знамени. С 1923 г. на ответственной хозяйственной и административной работе. Арестован в 1937 г., приговорен к заключению в ИТЛ на 5 лет; во время отбытия наказания вновь осужден и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Соколовский Антон Матвеевич (1887–?), родился в Ковенской губ., м. Шиблово Россианского уезда, в крестьянской польской семье. Первая профессия – кузнец. На военной службе с 1908 г. Участник Первой мировой войны. С 1918 г. – пом. начальника автобоевого отряда, в составе которого участвовал в боях на фронтах Гражданской войны. В 1919 г. вступил в РКП(б). В дальнейшем проходил службу в Автобронедивизионе Отряда ОСНАЗ, отдельном бронетанковом дивизионе ОДОН. В связи с болезнью в 1929 г. уволен на пенсию, но вскоре снова поступил на службу в 1-й мотомеханизированный полк ОДОН-ОММДОН имени Ф.Э. Дзержинского (зав. гаражом, техник автопарка, ст. шофер). На пенсии с декабря 1934 г. Награжден орденом Красного Знамени, именным оружием (дважды).

Студеникин Порфирий Кузьмич (1880–1945?), родился в г. Новочеркасске в казачьей семье. Окончил 6 классов и техническое училище, работал техником на Владикавказской ж.-д. С 1902 г. на военной службе в 17-м Донском казачьем полку. В 1904 г. за распространение революционных прокламаций арестован и разжалован из унтер-офицеров в рядовые. Уволен с военной службы, работал на железной дороге. За участие в боевой дружине и организацию забастовки был осужден на два месяца тюремного заключения. В ноябре 1905 г. вступил в РСДРП(б). Продолжал работать рабочим и техником-строителем на разных железных дорогах. Участник Гражданской войны. В боевых действиях против сил Дутова был ранен и контужен. Воевал на Восточном фронте, будучи военкомом полка. В 1919 г. перенес контузию, после излечения командовал бригадой 35-й дивизии 2-й армии, затем некоторое время находился при штабе 5-й армии, позже – в распоряжении Сибревкома, затем в 1920 г. назначен командиром 35-й бригады войск ВОХР Приуральского сектора. В 1921 г. – начальник войск ВЧК Западной Сибири, с июля по декабрь 1921 г. – начальник Управления войск ВЧК республики. В 1922 г. – уполномоченный Комиссии помощи голодающим (Помгол), в дальнейшем на руководящей работе на железнодорожном транспорте. В 1928–1931 гг. руководил строительством Грознефти, затем начальник треста в г. Саранске, нарком коммунального хозяйства Мордовской АССР (1935–1937 гг.), председатель Саранского горсовета депутатов трудящихся. По ложному обвинению был арестован, исключен из рядов ВКП(б) как «враг народа». В 1940 г. освобожден из-под

стражи и восстановлен в партии ввиду прекращения дела. В последние годы жизни персональный пенсионер.

Филиппов Сергей Степанович (1884–?), родился в крестьянской семье в Смоленской губ. Участник социал-демократического рабочего движения, неоднократно подвергался репрессиям за революционную деятельность. В 1918 г. – председатель Ельнинского уездного совдепа, возглавлял Ельнинский комитет РКП(б). С 1919 г. – председатель Смоленского ГЧК, 12 октября 1919 г. утвержден начальником Западного сектора войск внутренней охраны республики. С сентября 1920 г. – помощник командующего войсками внутренней службы Московского округа. С января 1921 г. – начальник дивизии особого назначения войск ВЧК. Он же сформировал отряд ОСНАЗ. В апреле 1921 г. – врид начальника войск ВЧК.

Глава II. ОТДЕЛЬНАЯ МОТОСТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ ИМЕНИ Ф.Э. ДЗЕРЖИНСКОГО 1924–1941 гг.

ОТ ДОНа ДО ОМСДОНа

7 июня 1924 г. Отряд ОСНАЗ переформировывается в Дивизию особого назначения (ДОН) при Коллегии ОГПУ. Командиром-военкомом дивизии особого назначения был назначен П.Г. Кобелев, начальником политотдела – С.Т. Аверьянов, в июне 1925 г. его сменил В.П. Лапшов (в Отряде ОСНАЗ он служил с 1921 г.), затем начподив стал М.М. Гай (август 1925 г. – февраль 1927 г.); помощником командира дивизии был М.С. Иванов, которого сменил И.И. Полисонов, начальником штаба – П.И. Смирнов.

Штаб дивизии располагался тогда в здании Б. Лубянка, 10. Кавалерийский дивизион – М. Лубянка, 12 (в здании бывшей мужской гимназии), рядом – в доме № 13 – квартировался пехотный дивизион, АБД оставался на Садово-Черногрязской, д. 8 (бывший особняк фабриканта Прохорова). Полк – в Покровских казармах.

В состав ДОН в 1925 г. вошли Суздальский дивизион и полк Охраны учреждений Наркомата (располагался на Большой Бронной, 23).

Службу «финансового» полка проиллюстрируем эпизодом, послужившим основанием для приказа ОГПУ № 169 от 6 июля 1925 г.:

«Благодаря сознательному отношению к службе, проявленному красноармейцами 3-го полка дивизии ОСНАЗ при Коллегии ОГПУ при крушении поезда на перегоне ст. Байкал–Михелево, в составе которого находился вагон с ценностями НКФ, несмотря на то что вагон был разбит, ценности разбросаны и два красноармейца получили ранение, все принятыми энергичными мерами ценности были спасены и полностью доставлены на место».

Зам. Наркома финансов Н.П. Брюханов объявил благодарность шести красноармейцам и каждому выдал по одному червонцу золотой монетой («У нас Георгиевских крестов нет... А вот получайте, ребята, по советскому золотому червонцу. Пролетарий чем богат – тем и рад»).

И все же помимо службы, боевой подготовки, огромное место по-прежнему занимает идеологическая обработка личного состава, на это была направлена вся идейно-воспитательная и культурно-просветительная деятельность политорганов, партийных и комсомольских организаций, тому же служат литература и искусство, печать.

Делается это все умело, доступно, профессионально, с использованием многообразных форм и методов работы на основе накопленного опыта и разработанных приказов, директив, инструкций и, конечно, решений партийных съездов, конференций, постановлений и указаний ЦК ВКП(б). Документы, характеризующие содержание и эффективность этой работы, показывающие подлинную близость воинов и народа, весьма интересны и часто поучительны.

Обратимся опять же к публикации в газете «На боевом посту», в которой речь идет о связи осназовцев с деревней:

«Мы с деревней держим крепкую связь.

Осназовец, узнав жизнь города, рабочего, крепит смычку города с деревней.

Нет доказательней языка, чем язык цифр. А цифры говорят вот что. Мы послали в деревню около 4000 букварей.

Мы выписываем в деревню больше тысячи газет и журналов.

Мы посылаем через комиссию связи еженедельно более 800 прочитанных газет и журналов.

Мы, правда, нерегулярно, но все же посылаем и другую литературу.

Газета «На боевом посту» получает десятки писем от демобилизованных с благодарностью.

Мы видели в своих стенах около 200 селькоров, которые рассказали про свою жизнь. Мы выпустили специальный номер газеты «На боевом посту», где поместили 30 заметок селькоров с их впечатлениями о посещении нашей казармы и о жизни деревни.

В стенах клуба мы видели больше сотни сельских учителей – участников учительского съезда.

Мы поддерживаем связь с сотнями демобилизованных.

И теперь, когда мы идем на маневры, когда мы столкнемся, мы окажем ей необходимую помощь.

Мы приготовляем шесть радиоприемников, которые оставим в деревне. Мы оборудуем там Ленинский уголок в одной из изб-читален. Мы везем с собой кинопередвижки. С нами едет агроном. Мы собрали ряд библиотек по методике работы избы-читальни. Мы, кроме этих книжек, оставим в деревне и другую литературу.

Но можем ли мы этим ограничиться?

Конечно, нет. Каждый осназовец, придя в деревню, должен еще сам рассказать про ленинское дело, про ленинские заветы, про смычку, про жизнь Красной Армии, про задачи рабочего и крестьянина.

Лицом к деревне, так лицом к деревне!

Осназовец, будь и в деревне ленинцем!»[48]

Осенью того же года в районе г. Рузы, с. Клементьево-Введенское личный состав ДОН участвовал в окружных маневрах Московского гарнизона. Об этом есть документальное свидетельство. Это приказ Особого отдела ГПУ Московского военного округа № 185 от 13 сентября 1925 г.:

«С 3 по 11 сентября Дивизия особого назначения при коллегии ОГПУ участвовала в двусторонних маневрах частей Московского гарнизона.

Командование дивизии и штаб возглавляли одну из сторон, задача которой заключалась в обороне против подавлявшего численностью противника.

По данным разбора проведенных операций и по общему заключению главного руководства работой командования и штаба действие и поведение войсковых частей Дивизии ОСНАЗ являлись во многих отношениях образцовыми и примерными для других частей, участвовавших в маневрах.

Проведенные маневры показали, что дивизия, несмотря на малое время, затраченное на тактическую подготовку, благодаря постоянной перегруженности тяжелыми нарядами и не имея опыта участвовать в больших маневрах в прошлом, по сравнению с другими частями действовала блестяще.

Объявляя изложенное частям войск ОГПУ Московского округа и поздравляя дивизию с успешным окончанием маневров, по указанию заместителя председателя ОГПУ приношу от лица службы красноармейцам, командирам и политработникам дивизии ОСНАЗ благодарность.

Начальник ОО ГПУ МВО Мейер»[49].

В июне 1925 г. в дивизию вошел дивизион, сформированный для охраны Верхне-Уральского политизолятора, а с 20 мая 1926 г. – Особый Соловецкий полк, охранявший Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН); этот полк входил в состав

---

[48] На боевом посту. – 1925. – 5 апреля.

[49] Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941 гг. Документы и материалы. – М., 1977. – С. 237.

дивизии до июля 1928 г.

Всего тогда в дивизии состояло четыре полка, кавдивизион, автобронедивизион и в период 1926–1928 гг. – отдельные дивизионы (Ярославский, Нижегородский, Вятский, Воронежский, Тульский), несшие охрану объектов по месту дислокации. В Москве части дивизии охраняли ЦК ВКП(б), радиостанции имени Коминтерна и Октябрьскую, МОГЭС, Ольгинский химический завод и другие объекты. Получается – от ЦК до Соловков...

Дивизию называли правительственной. Сюда часто наведывались высокие гости.

6 февраля 1925 г. на строевой смотр в связи с первоначальным обучением молодых бойцов 1903 г. рождения в дивизию пожаловали В.Р. Менжинский и Г.Г. Ягода. 8 июля того же года лагерный сбор ДОНа посетили М.В. Фрунзе и К.Е. Ворошилов, а 12 июля – С.М. Буденный[50].

Вообще, к руководителям страны у воинов было почтительно-восторженное отношение. В свое время с осназовцами встретились и сфотографировались видные тогда партийные и государственные деятели: А.И. Рыков, Н.И. Бухарин, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, С.М. Киров, А.С. Енукидзе, Г.К. Орджоникидзе, Н.К. Крупская, Н.А. Кубяк, В.Р. Менжинский. Святым было отношение к В.И. Ленину и при его жизни, и после смерти. В частях о вожде напоминали Ленинские уголки и комнаты. Такие же чувства испытывали к И.В. Сталину. Сложным было отношение к Л.Д. Троцкому (речь идет о времени до его изгнания из СССР). Те, кто во времена партийных дискуссий позволил себе голосовать за троцкистскую платформу, потом очень сожалели, каялись, имели неприятности, а то и жестоко поплатились за это. Некоторые отделывались партвзысканиями, пережили немало огорчений, еле удержавшись на своих постах (как, например, М.Г. Горбачев).

Известно, что Троцкий скептически, а скорее негативно относился к войскам ГПУ, считая само существование их неоправданным, предлагая эти части и пограничную охрану резко сократить. Об этом он высказался в письме от 9 ноября 1922 г. на имя Сталина для Политбюро. Известно также, что на Западе немало упражнялись, пытаясь «армию Дзержинского» противопоставить «армии Троцкого». Лгали и клеветали.

Какие только не приклеивали воинам-чекистам ярлыки, называя их и «преторианцами партии», и «янычарами революции»...

А сами воины называли себя «гвардией пролетариата».

ИМЕНИ ДЗЕРЖИНСКОГО

Со своим командующим осназовцы встречались на парадах, видели его, неся службу на постах или сопровождая в поездках. С уважением относились к нему, даже с гордостью, слушая или читая обращенные к ним его приветственные слова. Это выражалось и в адресованных ему письмах, и в актах избрания его почетным красноармейцем.

Еще в период Гражданской войны, будучи начальником охраны тыла Юго-Западного фронта, обращаясь к войскам внутренней охраны республики, он писал:

«...Товарищи! Вы – стража революции. Более ответственной и почетной роли для честного революционера нет и быть не может. Окажитесь же достойными этого почетного звания. Железная дисциплина, неукоснительное исполнение каждого приказа и объединение сил в великом и святом деле.

Все на места! Все на дело объединения революционного фронта с революционным тылом!..»[51]

По документам и публикациям, воспоминаниям можно заметить, что в Отряде ОСНАЗ и Дивизии особого назначения существовал культ Дзержинского. Впрочем, подобное отношение к личности «пролетарского якобинца», как называл его Ленин, было достаточно распространенным явлением в тогдашних чекистских и партийных кругах.

Насыщенная яркими эпизодами революционная биография Дзержинского, его горячая

---

[50] На боевом посту. – 1925. – № 173, 176.

[51] Известия ВУЦИК. – 1920. – 26 мая; Внутренние войска Советской республики. – С. 349, 350.

самоотверженность, соседствующая с холодным аскетизмом, безмерная самоотдача идее, которой он беззаветно служил и посвятил жизнь, многогранная и ответственная, полная беспокойства и тревог деятельность на посту руководителя самого грозного ведомства, – все это не могло не вызвать разного, порой полярного к нему отношения. Соратники по борьбе – уважали и боготворили, противники – клеймили и поносили.

О нем имеется обширная литература. И не только восторженная. Личность привлекательная для историков и писателей. К негативным оценкам Дзержинского на Западе, особенно в эмигрантской литературе, сегодня добавилась критика в его адрес и в отечественных исследованиях и публицистике. И это вполне естественно: известная историческая личность, расцвет деятельности которой проходил в бурную переломную эпоху, неизбежно несет на себе печать того времени. Ее не следует идеализировать и тем более обожествлять, но и упрощать, пренебрегая при этом сложностью и противоречиями жизни, не учитывать разные внешние обстоятельства, личные качества и свойства характера тоже нельзя. И уж совсем плохо, когда в ущерб истине подыскивают и используют негодные, непроверенные и недоказанные, а еще хуже, сфальсифицированные сведения. В отношении Дзержинского появилось много инсинуаций. Низвергнуть памятник еще не значит вычеркнуть имя из истории.

Каждая эпоха по-своему относится к прошлому. Политике свойственно либо идеализировать его, либо отрицать. Но проходит время, и по закону диалектики происходит отрицание отрицания...

Наверное, лучший способ правильного познания, а следовательно, и наиболее близкого к истине понимания и оценки действительности – это объективность. Она должна сопровождаться при этом личной ответственностью, добросовестностью и чувством долга.

Бесспорно одно: Дзержинский не щадил себя в трудной и опасной жизни профессионального революционера, в напряженной работе первого чекиста, на постах наркома внутренних дел, председателя Московского комитета обороны, наркома путей сообщения, председателя комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей, председателя ВСНХ.

С его именем связаны становление и строительство пограничных и внутренних войск, их боевая и служебная деятельность.

Авторитет Дзержинского был велик. Его неожиданная смерть вызвала массу откликов.

Собравшиеся на траурный митинг лагерного сбора воины Дивизии ОСНАЗ с участием представителей ОГПУ и частей Московского гарнизона выразили скорбь по поводу этой утраты, заверив, что готовы «защищать то дело, ради которого жил, боролся и умер Феликс Эдмундович Дзержинский». В резолюции траурного митинга также говорилось:

«Тов. Дзержинский является организатором отряда самокатчиков, из которого вырос ОСНАЗ, а посему просим командование дивизии возбудить ходатайство перед коллегией ОГПУ о присвоении Дивизии звания „имени Ф.Э. Дзержинского“[52].

Добавим к этому, что Дзержинский с надеждой и вниманием относился к своему детищу. Он говорил, что «Дивизия ОСНАЗ является последним резервом партии и Советской власти, резервом, который она бросит на фронт в самую решительную минуту»[53]. Так оно и случилось четверть века спустя в октябре сорок первого...

19 августа 1926 г. был издан приказ ОГПУ № 173, в котором сказано:

«В целях увековечения памяти безвременно скончавшегося организатора, строителя и вождя революционной армии бойцов-чекистов, председателя Объединенного государственного политического управления т. Феликса Эдмундовича Дзержинского присвоить его имя Дивизии при коллегии ОГПУ...

Удостаивая дивизию имени покойного вождя, коллегия ОГПУ выражает твердую уверенность, что осназовцы будут с честью носить его имя, своей повседневной работой по обеспечению революционного порядка доказывая преданность тому великому делу борьбы, за осуществление которого отдал свою жизнь т. Дзержинский.

---

[52] На боевом посту. – 1926. – 1 августа.

[53] На боевом посту. – 1927. – 19 мая (из доклада начальника войск на совещании командного состава Главного управления погранохраны и войск ОГПУ).

Председатель ОГПУ Менжинский»[54].

ХРОНИКА. ДОКУМЕНТЫ. ФАКТЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

ФРУНЗЕ И ВОРОШИЛОВ ПОСЕТИЛИ ЛАГЕРНЫЙ СБОР

8 июля выстроилась наша часть и пошла к главной трибуне для встречи товарища Фрунзе.

Через некоторое время приехал товарищ Фрунзе в сопровождении тоже испытанного бойца тов. Ворошилова.

Тов. Фрунзе стал ходить по рядам, расспрашивать красноармейцев, как им служится, хорошо ли относится начальство к ним, какие харчи у них.

После этого мы подошли к трибуне поплотней, чтобы всем было слышно.

Тов. Белов сказал:

– Собрание наше открыто, слово предоставляется тов. Фрунзе.

Раздались аплодисменты и громкое «ура».

– Красная Армия с каждым годом все крепнет, – начал тов. Фрунзе, – но мы должны быть еще крепче, потому что окружены со всех сторон врагами. Западные государства видят развитие нашей промышленности и скалят зубы...

– Да здравствует Красная Армия! – кончил товарищ Фрунзе. – Будьте всегда готовы для защиты СССР и своих интересов.

В знак готовности – громкое и продолжительное «ура» прокатилось по Октябрьскому полю.

После тов. Фрунзе выступили тов. Ворошилов и курсанты пехотной школы, которые преподнесли адрес тов. Фрунзе.

Красноармеец А. КОЛОБКОВ. На боевом посту. 1925

БЕЗМОЛВНАЯ СХВАТКА

Красноармеец Кейтон неслышно придвинулся к перилам площадки, слегка склонился, наблюдая за вошедшим в здание ОГПУ. Тот медленно потянул руку за борт плаща...

Внезапный удар снизу в подбородок отбросил вахтера к стене. Вошедший прыжком настиг его и рванул за кобуру револьвера...

Не успел Кейтон вскинуть винтовку, как вахтер и неизвестный уже покатились по полу. Мгновения решали исход смертельной схватки. Стремительно, как на штурмовой полосе, Кейтон перегнулся через перила лестницы и прыгнул с площадки второго этажа в вестибюль. Он увидел спешащего на помощь отделенного командира Верещагу, край серого плаща и ствол револьвера. Кейтон успел перехватить руку врага и всю силу разгибающегося тела вложил в удар головой...

С перекошенным от боли лицом неизвестный осел на пол. Короткая безмолвная схватка закончилась.

Задержанный оказался матерым преступником, пытавшимся совершить диверсионный акт. Все воины, участвовавшие в этой схватке, награждены часами с надписью «От коллегии ОГПУ».

«ПРОЛЕТАРИАТ НЕ ЗАБУДЕТ...»

На перегоне между станциями Байкал–Михелево из-за неисправности пути товарный поезд потерпел крушение. Вагон, в котором находились воины-дзержинцы, сошел под откос. Все бойцы получили серьезные травмы. Ценности, которые они сопровождали, рассыпались по откосу.

Превозмогая боль, красноармеец Моргунов обошел место аварии и наметил, где нужно расставить посты для охраны груза. Некоторые из бойцов не могли передвигаться.

---

[54] Ф.Э. Дзержинский и внутренние войска. – М., – 1988. – С. 272, 273.

Моргунов, взваливая их на плечи, разносил по постам. Так с помощью красноармейца Виноградова он работал в течение двух часов.

...Почти через сутки со станции Байкал прибыла помощь. Из всего эшелона, потерпевшего крушение, ничего не пропало. Груз был доставлен в полной сохранности.

За инициативу и самоотверженность при спасении и охране государственных ценностей, высокое сознание своего служебного долга красноармейцам Ф. Моргунову, Г. Виноградову, И. Суркову, М. Иванову, Я. Савкину, И. Веселову была объявлена благодарность от Народного комиссариата финансов Союза ССР и выдана награда.

Вручая бойцам по золотому червонцу и благодаря их, командир сказал:

– Пролетариат никогда не забудет вашей бескорыстной службы.

ТАКОВА СОЛИДАРНОСТЬ

В двадцатые годы воины дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, как и все командиры и красноармейцы войск ОГПУ, с горячим интересом следили за борьбой трудящихся капиталистических государств против эксплуатации, за свои политические свободы. Повсеместно организовывался сбор средств в фонд оказания помощи бастующим пролетариям.

Газета дивизии имени Ф.Э. Дзержинского «На боевом посту» 19 сентября 1926 г. сообщала по поводу одного из таких событий, происшедших в Англии:

«За весь период забастовки английских горняков военнослужащие полка, несмотря на незначительное получение жалованья, в особенности красноармейцы, уже три раза произвели добровольное пожертвование в пользу английских горняков, которое выражается в следующих цифрах:

9-й дивизион – 37 руб. 14 коп.

10-й – 36 руб. 65 коп.

11-й – 99 руб. 14 коп.

12-й – 93 руб. 43 коп.

Итого всем полком внесено 266 руб. 36 коп.

Вот солидарность военнослужащих полка к английским горнякам.

СУХОТИН».

В начале 1927 г. дивизию ОСНАЗ посетили лидеры международного рабочего и коммунистического движения, участники проходившего в Москве VII расширенного пленума Исполнительного комитета Коминтерна (22.11 – 16.12.1926 г.): П. Семар, Б. Шмераль, Сэн Катаяма, Э. Тельман, Эрколи Пальмиро и др. Об этом сообщила газета «На боевом посту» 14 января 1927 г. (№ 258).

Пьер Семар (1887–1942), генеральный секретарь французской компартии, один из ее основателей, член ИККИ. Один из руководителей французских профсоюзов. Арестован во Франции в 1939 г., выдан германским оккупантам, казнен ими в 1942 г.

Богумир Шмераль (1880–1941), председатель чехословацкой социал-демократической рабочей партии (1914 – 1917), один из организаторов компартии Чехословакии (1921 г.), член ЦК КПЧ, сенатор Национального собрания (1935 – 1998), член ИККИ и Президиума ИККИ (1922–1935).

Сэн Катаяма (1859–1933), сын крестьянина, один из основателей компартии Японии. В 1884 г. уехал в США, где трудился на разных работах и учился, окончил Йельский университет. Возвратился на родину в 1896 г., участвовал в организации первых японских профсоюзов, становится редактором первого рабочего журнала «Рабочий мир», опубликовал в 1901 г. труд по истории рабочего движения в Японии. С 1914 г. жил в эмиграции, участвовал в создании компартий США, Мексики, Канады. Он автор более 700 работ по проблемам японского и международного рабочего движения. С 1922 г. член ИККИ и президиума ИККИ. Похоронен в Москве на Красной площади у Кремлевской стены.

Эрнст Тельман (1886–1944), председатель компартии Германии с 1925 г. В 1903–1917 гг. – член с.-д. партии, с 1920 г. – в КПГ. В период ноябрьской революции 1918 г. состоял в Гамбургском рабоче-солдатском совете. Участник Гамбургского восстания 1923 г. С того же года член ЦК КПГ. Председатель Союза красных фронтовиков с 1925 г. Депутат рейхстага

(1924–1933), выдвигался кандидатом в президенты на выборах в 1925 и 1932 гг. Член ИККИ и Президиума ИККИ. 3 марта 1933 г. арестован гестапо и заключен в тюрьму Моабит в Берлине. Убит в концлагере Бухенвальд 18 августа 1944 г.

Эрколи – один из псевдонимов **Пальмиро Тольятти** (1893–1964), генерального секретаря итальянской компартии (с 1926 г.); с 1922 г. – член ЦК ИКП. Член ИККИ с 1924 г., Президиума ИККИ – с 1928 г. В 1940–1944 гг. жил в СССР, занимал посты в итальянских правительствах (1944–1946). С 1948 г. – председатель парламентской группы ИКП. Крупный теоретик и практик рабочего движения. В 1964 г. в память о нем назван г. Тольятти (быв. Ставрополь Куйбышевской обл.).

Некоторые из них были избраны в разное время почетными красноармейцами РККА.

«ТАМ ВДАЛИ, ЗА РЕКОЙ...»

Отгремела Гражданская война. Прошумело время лихих конных атак, походов и боев... Защитники старого строя, свои и чужие, были разбиты, остатки их бежали за границу...

Наступил 1924 год. В это время я уже был кандидатом в члены Коммунистической партии, работал заместителем секретаря Курского горкома комсомола. Одной из наших задач была организация проводов призывников-комсомольцев в Красную Армию мирного времени. Коммунисты и комсомольцы тогда были призваны досрочно, чтобы овладеть военным делом и сменить бойцов, уставших в Гражданской войне.

Пришел и мой черед. Хотелось поскорее надеть шинель с малиновыми клапанами на груди, шлем с красной звездой.

Я пришел в военкомат, где мне сказали, что направляют меня в войска ОГПУ.

И вот я прибыл с маленьким деревянным сундучком, на дне которого лежали пара белья, вырезки из газет да конторская книга с записями моих стихов, к начальнику политсекретариата товарищу Аверьянову. Собралось нас человек десять курских, ярославских и смоленских ребят. Мы оробели, когда вошли в его кабинет, еще больше оробели, когда Аверьянов вышел из-за стола и пожал каждому из нас руку. Он сказал, что служить будем не в обыкновенной воинской части, а в Отряде ОСНАЗ при коллегии ОГПУ. Председателем этой коллегии был Феликс Эдмундович Дзержинский.

Вышли мы из кабинета начальника политсекретариата отряда с таким чувством, как будто нас поставили часовыми охранять солнце, чтобы его не заслоняли тучи.

Так началась наша срочная служба...

Служить в войсках ОГПУ, конечно, было труднее, чем в обычных частях Красной Армии. Кроме боевой учебы приходилось нести караульную службу, выполнять небезопасные чекистские задания.

Нас, кандидатов в члены партии, обычно назначали не на посты, а в группу вызова. Это означало, что на полные сутки, а то и неделю, смотря по ходу дела, мы поступали в распоряжение оперативных работников.

Помню одну такую ночь. Мы вдвоем с товарищем на заднем сиденье старенького французского «Рено» ездим по спискам адресов с заданием отбирать незаконно хранящееся оружие.

Все шло хорошо. Большинство адресатов добровольно сдавали под расписки наганы, патроны, некоторые извинялись, что не успели зарегистрировать оружие, и приглашали даже выпить стакан чаю.

Однако тяжелый случай произошел в трехэтажном длинном особняке с коридорами гостиничного типа. Там нашего адресата не оказалось дома, и мы, как всегда в таких случаях, остались в засаде ждать, когда он придет. Однако в конце коридора появилось сразу четверо неизвестных. Я бросился к двери комнаты, из-за которой вытянулась рука с наганом. В каком-то яростном ослеплении стволом винтовки ударил бандита по руке и выбил наган...

По условному сигналу товарища шофер машины, оставленной за два дома от места операции, завел мотор. Это значит, что он помчался за подкреплением.

Начало рассветать. Кто-то тихо открыл окно на втором этаже и перекинул через подоконник ногу, но наши выстрелы заставили быстро убраться с подоконника. Нас стали обстреливать из разных окон, но из-за боязни высовываться промахивались.

С рассветом наше положение становилось все более опасным. Надежда была только на

жильцов дома, которые помогут нам разоружить бандитов. Однако выручил нас все-таки шофер, прибывший со взводом красноармейцев. Они оцепили дом, и бандиты вынуждены были сложить оружие.

...Интересно, что при всей занятости по службе мы развернули большую культработу в подразделениях. Политруки только радовались этому. Они знали, что и стенгазеты будут оформлены, и частушки к вечеру самодеятельности отрепетированы, и заметки в отрядную газету «На боевом посту» написаны.

За Краснопресненской заставой, где сейчас стоят кварталы многоэтажных домов, раньше было огромное Ходынское поле. Простиралось оно от Ваганьковского кладбища до села Всехсвятского, где сейчас станция метро «Сокол».

К западной стороне поля подходила ровная лесная полоска. Под невысокими старыми деревьями стройными рядами стояли белые красноармейские палатки, за ними – домики командиров, кухни, лазареты – все, что относится к службам войскового тыла. В этом лесу располагался наш лагерь Конного полка особого назначения при коллегии ОГПУ.

Здесь и обрела большую жизнь моя песня «Там вдали, за рекой...».

Меня всегда тянуло к искусству. Я с интересом бывал на творческих вечерах пролетарских писателей, поэтов и очень хотел, чтобы счастье поскорее пришло в дом каждого человека труда на Земле.

Однажды командир полка Мамушкин и комиссар Гужов созвали комсомольское собрание и стыдили нас за то, что в строю поем песни старой царской армии. Помню, как мы оправдывались, что новых строевых песен нет. На том собрании я набрался смелости сказать, что у меня есть песня, которую сам сочинил. Заставили принести и прочесть. Слова свои, а мотив частично позаимствовал из напевов, которые довелось слышать в Курске от старых политических каторжан. Песня понравилась, и командир полка приказал сегодня же разучить ее.

Теплым летним вечером старшина Чупраков вывел роту, скомандовал сомкнуть ряды, загнуть фланги в кружок, вызвал меня к себе на середину круга с огромной конторской книгой, в которую я записывал свои стихи, и я срывающимся голосом стал читать первый куплет новой песни:

Там вдали, за рекой,
Зажигались огни,
В небе ясном заря догорала.
Сотня юных бойцов
Из буденновских войск
На разведку в поля поскакала.

По команде «На месте шагом – марш!» красноармейцы, покачиваясь в такт песне, запели, сначала нестройно, потом все громче и смелее. Я стоял рядом со старшиной.

Второй куплет читал уже громче, но все еще волновался, боясь, что какое-нибудь слово у меня неладно придумано...

Они ехали долго
В ночной тишине
По широкой украинской степи,
Вдруг вдали, у реки,
Засверкали штыки –
Это белогвардейские цепи.

Особенно я помню, при сочинении этого куплета не нравилось длинное слово «белогвардейские». Долго пытался тогда втиснуть в строку другие слова: «вражьи», «коварные», «белобандитские», но ничего более точного придумать не мог, а теперь мне казалось, что на этом слове произойдет какая-то заминка.

Однако рота пропела все свободно, как будто иначе и сказать было нельзя. Тут я совсем приободрился и, выкрикивая слова громче, чем следует, прочел новый куплет:

И без страха отряд
Поскакал на врага,
Завязалась кровавая битва.
И боец молодой
Вдруг поник головой –
Комсомольское сердце пробито.

Кто-то из второго взвода кашлянул и пробубнил:
– Пробито? Нехорошо – лучше «сердце разбито», так во всех песнях поется...
Я от досады выкрикнул каким-то девичьим голосом:
– Пу-у-улей пробито!
Рябой и всесильный старшина Чупраков сердито посмотрел на второй взвод и зыкнул:
– Разгово-оры! Петь, как написано, – пробито! Понятно?!
Последний куплет я заканчивал уже совсем уверенно:

Он упал возле ног
Вороного коня
И закрыл свои карие очи:
«Ты, конек вороной,
Передай, дорогой,
Что я честно погиб за рабочих!»

На этом заканчивалась песня. Пятого куплета о том, как

Сотня юных бойцов
Из буденновских войск
Из разведки домой возвращалась.

тогда не было – эту хорошую концовку потом присочинили в народе.
Н. КООЛЬ

Кооль Николай Мартынович (1902–1974), автор известной песни «Там вдали, за рекой...». Родился в с. Волок Боровического уезда Новгородской губернии в семье мелкого арендатора. Он дитя двух народов: отец – эстонец, мать русская. Она умерла, когда сыну было три года. Отец разорился, и семья оказалась в бедственном положении. Николаю пришлось пасти скот и, недоучившись, пойти в батраки. Спасаясь от голода, отец покинул родное село. Добрались до Белгорода. Там юноше пришлось работать у частных хозяев пекарем. В 1921 г. вступил в РКСМ, учился в Курской совпартшколе, сотрудничал в местной печати. Он увлекся литературным творчеством, писал басни, частушки.

На военной службе с 1924 г., сначала в 6-м полку Отряда ОСНАЗ, затем в 3-м полку Дивизии особого назначения войск ОГПУ.

Здесь сочиненная им песня получила путевку в жизнь. Правда, авторство его было признано лишь спустя четверть века. Служба проходила до поры до времени успешно. В 1928 г., будучи политруком, на конных соревнованиях в честь 10-летия РККА был удостоен именным оружием. Но здесь же политрука 1-го дивизиона Н. Кооля подстерегла неожиданная неприятность. Комячейка обвинила его в поддержке «правого уклона» и добилась исключения из списков дивизии. Еще на военной службе поступил на заочное отделение Московского государственного университета (окончил четыре курса).

В 1931 г. он снова на военной службе, на этот раз на Дальнем Востоке политруком эскадрона 9-й кавдивизии, начальником военно-ветеринарной школы. Был на хорошем счету, его дважды избирали депутатом Хабаровского горсовета депутатов трудящихся. В 1935–1937 гг. был директором Хабаровского музыкального техникума. Однако в 1937 г. по навету его исключили из партии и уволили. Он возвратился в Москву и добился восстановления в партии, но только в качестве кандидата. В 1938–1941 гг. работал заведующим учебной частью школы взрослых Кировского района.

Когда началась война, добровольно вступил в народное ополчение, но вскоре был отозван и направлен командиром роты в формирующийся Эстонский национальный корпус.

С ним прошел всю войну, участвовал в боях под Москвой, Великими Луками, Нарвой, освобождал Прибалтику. Был дважды ранен, награжден медалями. Демобилизовался в 1946 г., работал преподавателем русского языка и литературы во Всероссийском заочном техникуме Министерства финансов. Занимался переводами на русский язык эстонского народного эпоса «Калевипоег» и книг эстонских авторов. В 1957 г. ему вернули партстаж с 1924 г.

В Центральном музее внутренних войск есть экспозиция, посвященная Н.М. Коолю.

ВСТРЕЧА С ГОРЬКИМ

14 июня Алексей Максимович Горький побывал в осназовском лагере.

Горький, внимательно осмотрев несколько ленполянок, палатки, лагерный клуб, сценплощадку, беседовал с красноармейцами и несколько времени слушал политзанятие в дивизионе.

Алексею Максимовичу понравилось оборудование лагеря, дающее бойцам возможность учиться и разумно проводить отдых.

Один из осназовцев на вопрос Горького: «Сколько у вас красноармейцев?» бойко ответил:

– Это военная тайна.

Алексей Максимович остался доволен ответом и подчеркнул, что дисциплина – основа боеспособности части – у нас имеется.

Позднее в «Красной кузнице» осназовцы слушали доклад писателя.

Красноармеец ВОИНОВ. На боевом посту. 1928.

ДЗЕРЖИНЦЫ – СЕЛУ

Подлинная дружба дзержинцев с рабочими и крестьянами закалилась в совместном труде на благо Родины. Бойцы и командиры помогали создавать и укреплять колхозы, работали на уборке урожая, оказывали помощь в подготовке специалистов для колхозной деревни, вместе с народом не раз боролись со стихийными бедствиями.

В 1929 г. 13 наших красноармейцев после увольнения в запас организовали в Саратовской области коммуну имени ОСНАЗа. В этом же г. 12 бойцов поехали на курсы председателей колхозов. Кроме того, было подготовлено 25 колхозных работников, 25 руководителей потребительских кооперативов, 9 заведующих избами-читальнями, 7 антирелигиозников, 27 работников низовых органов Советской власти.

В 1929 г. герой Гражданской войны, дважды краснознаменец, бывший командир Автобронеотряда им. Я.М. Свердлова Ю.В. Конопко организовал колхоз в районе Бийска. Единодушным решением артели было присвоено имя Юлиана Владиславовича Конопко. В короткое время колхоз стал самым богатым на Алтае. Над ним шефствовало издательство «Рабочая Москва». Был у колхоза и зарубежный шеф – комитет города Нанси французской коммунистической партии.

Зимой 1930 г. из состава дивизии выделяется несколько разных по количеству отрядов для борьбы с бандитизмом в Нижне-Волжском и Северном краях, в районах Центральной Черноземной области, на Урале, в Башкирской АССР, Нагорном Дагестане.

Вместе с тем бойцы и командиры вели широкую агитационно-массовую работу среди крестьян, проводили беседы о международном и внутреннем положении, разъясняли политику партии в области коллективизации, помогали местным активистам укреплять Советскую власть, строить колхозы.

Действия дзержинцев в оперативных командировках были высоко оценены коллегией ОГПУ. В приказе ОГПУ № 270 от 20 августа 1930 г. говорилось: «Окруженные многочисленными местными кулацкими и зарубежными бандитами, оперируя в чрезвычайно трудных и непривычных условиях горной местности, совершая большие переходы, перенося всяческие лишения и теряя в столкновениях с бандитами своих лучших товарищей, отряды войск ОГПУ при активной поддержке местного совпартактива и бедняцко-середняцкой части деревни, нанося бандитам решительные войсковые удары, умело применяя чекистские

методы борьбы и проводя широкую разъяснительную политическую работу среди трудящегося населения, быстро и энергично выполнили возложенные на них задачи».

За проявленные при выполнении оперативного задания коллегии ОГПУ стойкость, мужество и героизм, за высокую политическую сознательность и преданность делу пролетарской революции всему красноармейскому и начальствующему составу дивизии этим же приказом была объявлена революционная благодарность.

Коллегия ОГПУ отметила умелое руководство начальствующего состава и решительность действий бойцов и наградила особо отличившихся: пистолетом «маузер» П.В. Сазонова и И.С. Яновского, серебряными часами с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией – от коллегии ОГПУ командиров отделений А. Исправникова, И. Белова, С. Романова, курсантов В. Канторова и Р. Зингера.

За успешное проведение операции по ликвидации бандитских формирований отряду дивизии под командованием тов. Н. Яценко от Дагестанского ЦИК была вручена грамота.

Командир отделения дивизии – член правительства СССР

Тов. ПАВЛОВ Михаил Николаевич, рабочий-формовщик, командир отделения стрелкового полка, беспартийный, родился в городе Санкт-Петербурге в 1907 г. Отец его работает в Ленинграде на заводе им. Ленина на протяжении 25 лет.

Окончив начальное обучение, тов. Павлов в 1923 г. поступает в школу фабрично-заводского ученичества, которую оканчивает в 1926 г., после чего работает на ленинградских заводах им. Карла Маркса и им. Ленина в качестве формовщика. Член союза металлистов с 1923 г.

В ноябре 1929 г. Павлов призывается в Красную Армию и попадает в ряды нашего соединения. Успешно окончив полковую школу, тов. Павлов назначается командиром отделения.

Как курсант и затем командир отделения т. Павлов является стойким, дисциплинированным во всех отношениях бойцом-чекистом. За короткий срок он подготовил отделение образцово. Отделение т. Павлова ударное. Во время месячника смотра в полку отделение заняло первое место и представлено к премированию. Товарищ Павлов – примерный ударник, имеет три поощрения за образцовое несение службы.

Дзержинцы активно участвовали в общественно-политической жизни столицы, подмосковных городов. Многие из них избирались депутатами в Советы, в состав местных партийных и руководящих комсомольских органов.

VI съезд Советов в марте 1931 г. избрал командира отделения Павлова Михаила Николаевича членом ЦИК СССР.

ПОДВИГ АЛЕКСЕЯ МОРОЗОВА

Отделенный командир Алексей Морозов с группой курсантов, преследуя банду, к полудню вышел к селению Балталы. Оглядел местность. «Окружить бы аул, запереть все входы и выходы, да людей маловато, – думал Морозов. – Значит, – решил он, – надо перекрыть только горные тропки и оседлать дорогу, ведущую в селение».

Вскоре в намеченных местах были выставлены секреты.

– Выбирайте место поудобнее, – наставлял курсантов командир отделения, – получше замаскируйтесь. Ни одна живая душа не должна пройти мимо вас.

А сам с пулеметом залег у дороги. По обе стороны от нее расположились еще шестеро красноармейцев. Вполне возможно, что бандиты захотят пробиться именно здесь – дорога из аула сразу же уводила в горы.

Вдруг из пыльной улочки выскочил всадник. Он несся прямо на засаду. Вихрем взлетел на пригорок и остановился. Привстав на стременах, оглянулся по сторонам, прислушался. Не заметив ничего подозрительного, снял с плеча карабин и, клацнув затвором, тихонько тронул лошадь.

А невдалеке от него, в селении, над дорогой медленно плыло тяжелое облако пыли, послышалось ржание коней. Сомнений не было: банда покидала село.

Тем временем всадник почти вплотную подъехал к засаде. Сейчас он обнаружит ее и даст знак своим. И тогда...

– Огонь! – шепотом скомандовал Морозов лежавшему поблизости курсанту.

Треснул выстрел. Бандит как-то неестественно покачнулся и выпал из седла. К нему на помощь рванулись двое, отделившись от общей группы. Но, очевидно, сообразив, в чем дело, повернули назад.

«Сейчас начнется, – подумал Алексей. – Надо продержаться хотя бы до полудня. Потом придет помощь».

– Приготовиться к бою! – пронеслось по цепи.

Отделенный командир Морозов поудобнее улегся за пулеметом. И тут же в прорезь прицела увидел скачущих врагов. Стиснув до боли зубы, он открыл огонь.

Наткнувшись на свинцовый ливень, бандиты спешились. Часть из них, прячась за ячменными копенками, решила обойти красных бойцов. Морозов разгадал этот маневр врага, сорвал его. И тогда как дождь посыпались пули, с визгом отскакивая от валуна, за которым лежал Алексей.

– Не возьмете, гады, – процедил сквозь зубы Морозов и, подхватив пулемет, переполз на несколько метров влево, очутился за другим камнем. Бандиты, видимо, решив, что покончили с красным пулеметчиком, поднялись в атаку.

Как коса по траве, прошлась по ним пулеметная очередь Алексея Морозова. Потом еще одна и еще...

И тут вражеская пуля впилась в плечо. Рука повисла как плеть. Стало трудно удерживать пулемет. Однако отделенный командир не прекращал огня. Вражеская цепь становилась реже, но оставшиеся в живых подходили все ближе.

Новое ранение в грудь на мгновение лишило сил Алексея. Перед глазами поплыли красные круги. Сквозь мутную пелену Морозов с трудом различал мечущиеся фигурки врагов. Но какой-то внутренний голос настойчиво твердил ему: «Надо держаться...» И пулемет снова заговорил.

Боль, словно жгутом, опоясала грудь Алексея. Напрягая последние силы, он с трудом перевернулся на спину. В глаза ударили яркие лучи солнца. Оно стояло прямо над ним в зените. «Значит, полдень, – мелькнуло в сознании Морозова. – Скоро придут наши».

А издалека уже доносился цокот копыт. Это спешила подмога.

* * *

Приказом ОГПУ от 12 сентября 1930 г. Алексей Морозов навсегда зачислен в списки части.

ИЗ ПРИКАЗА ОГПУ С ОБЪЯВЛЕНИЕМ БЛАГОДАРНОСТИ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ЧАСТЕЙ ВОЙСК ОГПУ, УЧАСТВОВАВШИМ В ЛИКВИДАЦИИ БАНДИТИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В ЗАКАВКАЗЬЕ

№ 270, г. Москва 20 августа 1930 г.

...Руководимое зарубежной белогвардейщиной, поддерживаемое закордонными бандами, разжигая религиозные предрассудки и национальную рознь и умело используя допущенные местными властями перегибы, обнаглевшее кулачество некоторых районов Северного Кавказа и пограничных местностей Закавказья от террористических актов перешло к открытому вооруженному противодействию мероприятий Советской власти.

С целью быстрой и решительной ликвидации в указанных районах проявлений бандитизма и установления в них революционного порядка распоряжением коллегии ОГПУ туда были направлены оперативно-боевые отряды войск ОГПУ: из Москвы – части Отдельной дивизии особого назначения [имени] Ф.Дзержинского, из Харькова – дивизион 6-го кавполка войск ОГПУ, из Ленинграда – окружная школа младшего начсостава и из Минска – школа 1-го Белорусского полка войск ОГПУ.

...За проявленную при выполнении оперативного задания коллегии ОГПУ стойкость, мужество и героизм, за высокую политическую сознательность и преданность делу пролетарской революции всему красноармейскому составу вышеуказанных частей... объявляю благодарность.

Одновременно считаю своим долгом отметить четкое, безотказное выполнение своих обязанностей, сознательное понимание своего долга и высокую дисциплинированность, пролетарскую выдержанность всего личного состава частей Отдельной дивизии особого назначения [имени] Ф.Дзержинского, находившихся в оперативной командировке в Центрально-Черноземной, Уральской облас[тях], Нижне-Волжском и Северном краях.

Приказываю в кратчайший срок представить к наградам особо отличившихся бойцов и начальствующий состав упомянутых частей.

Приказ прочесть на всех заставах, в комендатурах, взводах, дивизионах, командах и на судах пограничной охраны и войск ОГПУ.

Заместитель председателя ОГПУ С. Мессинг

(Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941 гг. Документы и материалы. – М., 1977. – С. 281, 282.)

19 июня 1930 г. в бою с бандой пал смертью храбрых красноармеец кавполка ОДОН им. Ф.Э. Дзержинского, секретарь ячейки ВКП(б) и кандидат в члены Московского Совета Петр Михайленко. Приказом ОГПУ № 301 от 12 октября 1930 г. он навечно зачислен в списки части.

ПРИКАЗ ОГПУ В СВЯЗИ С НАГРАЖДЕНИЕМ ОРДЕНАМИ ТУРКМЕНСКОЙ ССР ЧАСТЕЙ ВОЙСК ОГПУ ЗА ОТЛИЧИЯ В БОЯХ С БАНДАМИ

№ 780, г. Москва 23 декабря 1931 г.

В боях с бандами в Туркмении личный состав 62-го, 85-го отдельных дивизионов, 10-го кавполка и мотомехотряда Отдельной дивизии особого назначения [имени] Ф.Э. Дзержинского ВОГПУ проявил высокие политические и боевые качества и своими решительными действиями, умело сочетая оперативно-боевые и политические мероприятия, способствовал успешной ликвидации бандитизма в Туркмении.

Постановлением ЦИК Туркменской ССР 62-й, 85-й отдельные дивизионы и 10-й кавполк ВОГПУ за боевые действия по ликвидации бандитизма в Туркмении награждены орденом Трудового Красного Знамени, а мотомехотряд Отдельной дивизии особого назначения [имени] Ф.Э. Дзержинского ВОГПУ – орденом Красного Знамени и Боевым Знаменем.

Приказ прочесть на всех заставах, во взводах, дивизионах, командах, комендатурах и на судах пограничной охраны и внутренних войск ОГПУ.

Заместитель председателя ОГПУ Г. Ягода

(Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941 гг. Документы и материалы. – М., 1977. – С. 314.)

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

24 июня 1932 г. был издан приказ № 588 Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) об открытии Реутовского лагеря.

Части дивизии имени Ф.Э. Дзержинского наконец получили возможность осуществлять летний период обучения в условиях своего лагеря (до этого вынуждены были пользоваться лагерными сборами РККА либо другими временными местами сезонных выполнений планов боевой подготовки в пригородах Москвы:

ИЗ ПРИКАЗА ОГПУ О ЗАЧИСЛЕНИИ НАВЕЧНО В СПИСКИ КАВАЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА ДИВИЗИИ ИМЕНИ Ф.Э. Дзержинского КОМАНДИРА ДИВИЗИОНА П.В. СПИВАКА И ПОМКОМАНДИРА ВЗВОДА А.Ф. ТОЛСТОВА, ПОГИБШИХ В БОЮ С БАНДОЙ

№ 120, г. Москва 20 июля 1933 г.

В декабре 1932 г. в боевых операциях в Чеченской обл. геройски погибли командир дивизиона кавполка Отдельной дивизии особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского Спивак и помкомвзвода того же полка Толстов.

Получив со своим отделением задание изъять забаррикадировавшихся в доме и отстреливавшихся главарей банды, т. Толстов приступил к выполнению боевой задачи. В завязавшейся перестрелке т. Толстов, показывая всему отделению пример личной храбрости, был смертельно ранен в голову.

Подоспевший к месту боя командир дивизиона т. Спивак, принявший руководство действиями отделения, также был смертельно ранен пулей бандитов.

Решительные действия тт. Спивака и Толстова обеспечили успешное завершение операции.

Отмечая мужественное поведение в бою командира дивизиона т. Спивака и помощника командира взвода т.Толстова, геройски погибших за дело пролетарской революции, приказываю:

Зачислить тт. Спивака и Толстова навсегда в списки кавполка Отдельной дивизии особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского.

Управлению делами ОГПУ принять меры к обеспечению семей погибших пенсией.

Приказ прочесть всему личному составу погранохраны и войск ОГПУ.

Заместитель председателя ОГПУ Г. Ягода

(Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941 гг. – Документы и материалы. – М., 1977. – С. 341, 342.)

СЛУЖБА – ДНИ И НОЧИ

Дзержинцы несли службу по охране XII Всероссийского, III и VI Всесоюзных съездов Советов, XV Московской губпартконференции, Всесоюзного съезда колхозников-ударников, Московской областной конференции в 1934 г., Первой Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Дивизия обеспечивала революционный порядок во время встречи челюскинцев и парада в их честь на Красной площади 19 июня 1934 г.; во время пуска в эксплуатацию метрополитена в 1935 г.; во время демонстрации в честь утверждения Конституции СССР 6 декабря 1936 г.; во время возвращения в Москву экспедиции т. Шмидта с Северного полюса в 1937 г.; в день встречи героического экипажа самолета АНТ-25 – тт. Чкалова, Байдукова и Белякова, совершившего беспосадочный перелет из СССР в США через Северный полюс; во время демонстрации по случаю выборов в Верховный Совет СССР и открытия 1-й сессии Верховного Совета СССР; в день встречи папанинцев, а также по обеспечению порядка в дни всех революционных праздников и торжеств.

Каждый раз, когда в массово-политических мероприятиях участвовали тысячи граждан, дзержинцы стояли на посту по охране государственной безопасности и общественного порядка, проявляя при этом высокую политическую сознательность, верность воинскому долгу.

НЕПОДКУПНОСТЬ

К красноармейцу Яценко, стоявшему на контрольно-пропускном пункте, подошла интересная на вид девушка.

– Как мне увидеть товарища Нестерова?

– Скажите его адрес, и я вызову, – ответил боец.

– К сожалению, не помню ни его телефона, ни номера кабинета. Поищите, пожалуйста, а я обожду у входа или, если можно, здесь, рядом с вами.

Это показалось часовому подозрительным. Он внимательно осмотрелся и увидел, как недалеко от поста через проволоку перелезает другая женщина. Яценко окликнул ее. А в это время стоявшая рядом бросилась бежать. Но боец не растерялся. Он схватил ее за руку и с помощью подоспевших красноармейцев задержал и вторую неизвестную.

Не ожидая такого оборота дела, беглянка стала просить часового отпустить ее:

– А уж я в долгу не останусь, заходите ко мне домой, вот адрес...

Но Яценко был тверд и неумолим. Он сдал задержанных начальнику караула.

В дальнейшем было установлено, что обе имели намерение проникнуть на объект по заданию иностранной разведки. Но коварный замысел был сорван бдительностью и умелыми действиями часового.

КАЖДЫЙ – УДАРНИК!

Важным средством в борьбе за повышение политических и военных знаний явилось социалистическое соревнование, наиболее распространенной формой которого в тридцатые годы было ударничество.

В 1931 г. общее число ударников достигло 91 процента к личному составу.

На вооружение частей и подразделений поступает большое количество новой боевой техники. По сравнению с 1930 годом в 1932 г. огневая мощь пулеметов возросла в 10 раз, артиллерии – на 100 процентов. Количество боевых бронемашин увеличилось в 5,5 раза, автомашин в 2,5 раза.

В апреле 1934 г. дивизия переименовывается в мотомеханизированную.

В подразделениях начался массовый поход за овладение боевой техникой. Он вызвал широкую волну социалистического соревнования, выявил немало рационализаторов и изобретателей. В эти годы ими были изготовлены приборы для чистки пулеметов и винтовок, фильтрации жидкостей, применяемых для чистки оружия. Сконструированы ультракоротковолновая радиостанция с дальностью действия 3 км, прибор для управления взрывами на расстоянии.

Бойцы и командиры глубоко изучали оружие, боевые машины. В подразделениях успешно осваивался новый курс стрельб, вводились регулярные стрелковые тренажи. Осенние стрельбы 1933 г. показали, что кропотливая учеба дала хорошие результаты.

В декабре 1933 г. дивизия подписала договор с некоторыми пограничными частями и включилась в соревнование по боевой и политической подготовке, несению службы, сбережению техники. Лучших показателей в нем достигли кавалерийский и мотомеханизированный полки.

ДАЕШЬ РЕКОРДЫ!

В 1931 г. во Всесоюзных соревнованиях пограничных войск и войск ОГПУ футбольная команда дивизии заняла первое место.

В 1933 г. спортсмены дивизии отличились в соревнованиях на первенство пограничной охраны и войск ОГПУ. Станковые пулеметчики в лыжном переходе на 10 километров со стрельбой заняли первое место. Младший командир О. Коломейцев и красноармеец А. Сафин лидировали в поднятии тяжестей, первое место по боксу досталось младшему командиру И. Гурову, лучшим по гимнастике стал красноармеец С. Лебенков.

В 1932 г. кавалерийский полк, участвуя во Всесоюзном смотре массовой физкультурной работы среди частей пограничной охраны и войск ОГПУ, занял первое место и был награжден денежной премией.

Осенью 1932 г. проходили VI Всесоюзные стрелковые соревнования «Динамо». Команда дивизии завоевала большинство первых мест.

В феврале 1934 г. 12 лучших физкультурников дивизии под командованием младшего командира В. Серинова отправились в трудный 700-километровый лыжный переход. С полной боевой выкладкой бойцы ежедневно проходили по 60 и более километров. Переход был завершен через две недели.

Не менее напряженным был конный пробег на 745 километров, в котором участвовал взвод кавполка под командой И. Сашина. По результатам перехода взвод оказался первым в войсках.

На Всесоюзных соревнованиях по многоборью в 1934 г. честь дивизии отстаивал взвод А. Котова. Он занял первое место.

Зимой 1935 г. отделение младшего командира Н. Перевозникова, участвуя во Всесоюзных соревнованиях, преодолело дистанцию в 50 километров и успешно выполнило

упражнение из винтовки. Спортсменам по праву досталось первое место. Дивизии было вручено переходящее Красное знамя.

56 дзержинцев в 1935 г. прошли парашютную подготовку и совершили прыжки с самолета.

ОТ ГОРЬКОВСКИХ ПРОЛЕТАРИЕВ

В 1933 г. трудящиеся Горьковского края в ознаменование 15-й годовщины Рабоче-крестьянской Красной Армии передали дзержинцам 20 танкеток Т-27, приобретенных на средства, собранные в порядке добровольных отчислений. На каждой машине была сделана надпись: «В XV годовщину РККА от горьковских пролетариев».

Лучшие экипажи обязались отлично освоить их, бережно относиться и умело использовать в борьбе с врагами Родины.

Активная работа воинов среди местного населения вызвала глубокое уважение к ним со стороны трудящихся. Рабочие некоторых московских предприятий брали шефство над дзержинцами.

В тридцатые годы шефами дивизии были коллективы заводов «Калибр», «Динамо», «Красная Пресня», «КИМ», трамвайного парка имени Русакова, типографии имени Воровского.

Делегации шефов регулярно посещали части, интересовались учебой, жизнью, культурным и общеобразовательным ростом бойцов.

За достигнутые успехи в службе, боевой и политической подготовке частям неоднократно вручались шефские знамена.

СИНЬЦЗЯН

Ситуация на северо-востоке Китая складывалась таким образом, что здесь сталкивались интересы самого Китая (проживавшее здесь мусульманское население – уйгуры и дунгане, стремившееся к независимости, часто восставало), Японии и Великобритании, чьи усилия были направлены на ослабление китайских позиций в Синьцзяне, и Советского Союза, поскольку в этой провинции находили приют басмаческие формирования, разбойничавшие на советской территории. В 1933 г. начальник штаба Синьцзянского военного округа гоминьдановский генерал Шэн Ши-Цай попросил помощи Советского правительства в восстановлении порядка в провинции.

Такая помощь была оказана: в январе 1934 г. в Синьцзян были введены части Красной Армии и войск ОГПУ. Восстание было ликвидировано. Однако весной 1937 г. оно снова разгорелось. В конце августа две сформированные группы – Ошская и Нарынская – вынуждены были опять прийти на помощь китайским властям для борьбы с повстанцами. В составе Нарынской группы действовали танкисты дивизии имени Ф.Э. Дзержинского под командованием капитана И. Хорькова, о чем рассказывают публикуемые воспоминания.

О СЛУЖЕБНОЙ КОМАНДИРОВКЕ ОТДЕЛЬНОЙ ТАНКОВОЙ РОТЫ, ВЫДЕЛЕННОЙ ИЗ СОСТАВА ТАНКОВОГО ПОЛКА ИМ. Ф.Э. ДЗЕРЖИНСКОГО (август 1937 г. – февраль 1938 г.)

В начале 1937 г. (11.03.1937 г.) из танковых дивизионов, входивших в состав 1, 2, 3-го мотострелковых и кавалерийского полков дивизии, был сформирован танковый полк с местом дислокации в лагере Реутово.

Командиром полка был назначен майор Брагин.

На вооружение полка поступили танки БТ-7А и плавающие танки Т-38.

Командный состав полка прошел переподготовку при Академии моторизации и механизации Советской Армии.

На занятиях были изучены: материальная часть и вооружение танков и их тактическое применение. Проведено практическое вождение и стрельбы из танкового оружия.

Аналогичные занятия были проведены с младшими командирами и рядовыми.

Совершенствование боевой подготовки подразделений полка, практическое вождение и боевые стрельбы были завершены в начале 1937 г. на стрельбище дер. Новая и на полигоне Академии в Солнечногорске.

В июле 1937 г. по решению командования из состава танкового полка была сформирована отдельная танковая рота в составе: 1, 2, 3-го танковых взводов (по 5 танков в каждом взводе и танк командира роты – всего 16 танков БТ-7А), взвода разведки (5 танков Т-38), ремонтной мастерской типа «А» и необходимого количества автомобильного транспорта.

Командиром танковой роты был назначен капитан Хорьков И.М., политруком роты – ст. лейтенант Климков Н.Я., зам. по технической части – ст. лейтенант Куцанов М.Н., командиром 1-го взвода – лейтенант Князьков Б.Г., командиром 2-го взвода – лейтенант Коляко Н.Т., командиром 3-го взвода – лейтенант Ковалевский А.Н., командиром взвода разведки – лейтенант Миропольский А.Н. и начальником мастерской – воентехник 2-го ранга Курочкин Н.Н.

Танковые техники взводов: лейтенант Сердюков И.Р., воентехник 2-го ранга Шуплетов Н.И. и младший воентехник Штакалов К.И.

Танковой роте был придан на усиление саперный взвод из состава саперной роты дивизии, командир взвода – лейтенант Родин Н.Е., и рация АК-5.

Отдельная танковая рота с приданными подразделениями, погрузившись на ст. Реутово в железнодорожный эшелон, 01.08.1937 г. убыла на станцию Кант Киргизской ССР, где поступила в распоряжение командира конной группы – полковника Норейко Н.К.

Конная группа имела задачу – оказать интернациональную помощь Коммунистической партии Китая в провинции Синьцзян.

Получив задачу, танковая рота, совершив марш по маршруту Кант–Рыбачье–Нарын и преодолев Памирские горы через Туругартский перевал, вышла в пределы Китая.

Переход гор был крайне трудный, по неустроенным горным дорогам, где можно проехать на телеге или арбе, а движение на танке было крайне опасно. Тем не менее Памирские горы были преодолены успешно, без всяких происшествий.

Этому успеху способствовала отличная подготовка механиков-водителей в вождении танков. Особо умелой выучкой в вождении танков по горным дорогам отличались механики-водители – младшие командиры: Руснак В.С., Солдатов И.В., Шаповалов и другие.

В составе конной группы танковая рота двигалась скачками от рубежа к рубежу, участвовала в освобождении городов-крепостей: Маралбаши, Кашгар, Яркенд, Хотан – и далее до границы Китая с Индией.

Стены крепостей высотой 8–10 метров и толщиной 5–6 метров занимались войсковыми гарнизонами.

В трудных условиях Памирских гор, пустыни Такла-Макан с караванными путями, в условиях жары и безводья личный состав роты показал высокие морально-боевые качества, выносливость в преодолении тяжелых условий походно-боевой жизни, образец высокой воинской дисциплины, организованности, взаимовыручки.

Пустыня Такла-Макан – солончаковая, с высокими подпочвенными водами. На первый взгляд (неопытного человека) пустыня имеет вид бескрайних просторов непаханого поля. Но стоит остановиться на караванной дороге танку или автомашине, как они начинают вязнуть в топкой почве. Так и случилось с танковой колонной на первой остановке в пустыне.

Командир роты капитан Хорьков И.М., ехавший впереди на автомашине рации АК-5, остановил танк командира 1-го взвода лейтенанта Князькова Б.Г., двигавшегося в голове колонны. Наклонившись с башни танка для получения распоряжения от командира роты, я заметил, что танк начал вязнуть в почве, и подал команду водителю младшему командиру Анисимову на движение вперед, но было уже поздно, танк прочно зарылся в почву. То же произошло и с двумя другими подошедшими танками. Остальные танки без остановки движения за рацией АК-5 во главе с командиром роты, обойдя застрявшие танки, с ходу ушли вперед, ибо так требовала обстановка. Экипажам трех застрявших танков, помимо работы по их вытаскиванию, пришлось познакомиться со смерчем в пустыне Такла-Макан.

Поднявшийся ураганный ветер со столбами пыли и песка с большой примесью глауперовой соли вызывал рвоту и понос у состава экипажей. Ураган длился всю ночь. Порывы ветра чувствовались по качке танка, а если необходимо было выйти из танка, то

нужно было крепко держаться за танк или привязывать себя к танкам. За ночь, проведенную в условиях урагана, силы личного состава так измотало, что трудно было узнать друг друга.

Двое суток потребовалось экипажам трех танков, чтобы вырыть пологие выходы танкам из ям. Копаешь выход, а танк садится все ниже и ниже, а надо отрыть и отбросить землю и от бортов танка, чтобы земля не задерживала движение.

Но вот танк сел на твердый грунт, осадка его в грунт прекратилась, можно выбираться из ямы глубиной более 2,5 метра.

Выбираться из ямы надо, но как?

Поедешь на подъезд и опять застрянешь в вязком грунте. А в пустыне ни деревца, ни куста.

Вот здесь-то мы и вспомнили добрым словом нашего более опытного командира роты капитана Хорькова И.М., который приказал нам на полки танка, где устанавливаются запасные бензобаки (а на колесном ходу – гусеницы танка), положить по четыре пятиметровых бревна. Некоторые товарищи возражали против этих бревен: зачем, не надо. А вот сейчас эти бревна пригодились. Уложили подъем из ямы поперек бревнами, танк встал на эти бревна. Водитель включил 2-ю скорость, дал полный газ, и первый танк ушел догонять ротную колонну. Так поочередно поступили и с двумя другими танками. Мощности у двигателя танка хватало в избытке (по 40 лошадиных сил на тонну веса танка).

При совершении марша в пустыне поднимается густая стена пыли, повисающая облаком над дорогой, что заставляет при безветренной погоде значительно увеличивать дистанции между машинами. Была в этом и положительная сторона: в стане противника распространился слух: «Идет колонна танков – видимо-невидимо, да какие страшные».

Однажды нам вблизи одного из населенных пунктов пришлось переправляться вброд через реку, так как мост был разрушен. Зрелище от переправы быстроходного танка через водную преграду вообще эффектное.

Когда первый танк на большой скорости устремился через реку – поднялся столб воды, и из этого столба выскочил танк, выбрасывающий мощным вентилятором фонтаны воды из трансмиссии.

Все наблюдавшие за переправой жители попадали на землю, а когда переправился второй, а за ним третий танк, вскочили и бегом укрылись в кишлаке. Проезжая по кишлаку, мы не увидели ни одного жителя.

Финалом оперативно-боевой деятельности конной группы и входившей в ее состав танковой роты было пленение крупной группировки противника у границы Китая и Индии с захватом большого каравана с награбленным имуществом (до 25 тысяч верблюдов и ишаков).

После окончания выполнения оперативно-служебных задач, связанных с длительными маршами в условиях солончаковой пустыни и высокой жарой, личному составу роты было разрешено произвести ремонт и техническое обслуживание танков. Танки совершили пробег более трех тысяч километров по горным дорогам и караванным тропам пустыни без должного профилактического обслуживания.

Имея из ремонтных средств только мастерскую типа «А», личный состав роты успешно справился с задачей по ремонту боевой техники. Работали все – от солдата до заместителя командира роты по техчасти, – проявляя инициативу, смекалку и изобретательность в работе.

Очень плохо было с обеспечением ремонта танков запасными частями, особенно с обеспечением подшипниками и гусеничными траками.

Работа танков в условиях пустыни, в лесовой пыли крайне ускорила износ трущихся механизмов, деталей и привела к их преждевременному износу. Цилиндры двигателя, поршни и кольца сильно износились, вследствие чего резко упала мощность двигателей. В гусеничной ленте движителя износилось и вышло из строя до 15% траков. Пальцы траков износились так, что имели форму коленчатого вала.

Танк БТ-7А – колесно-гусеничный, со скоростью движения на колесах – до 100 км/час, а на гусеницах – до 70 км/час.

Вследствие неполной обеспеченности гусеничными траками всех танков роты на обратном пути к нашей границе при движении в пустыне по караванным путям до Памирских гор пришлось часть танков ставить на гусеничный ход, перебрасывать их на

переход вперед и возвращать недостающее количество траков экипажам танков, оставленным на предыдущей стоянке. Так и двигались перекатами до перехода через Памирский хребет. Спускаться с Памирских гор было решено на колесном ходу, хотя это было сложно и рискованно. Можно легко было свалиться в пропасть, а такие случаи были с автотранспортными машинами тыловых подразделений конной группы.

Танк при движении на колесном ходу имеет одну пару ведущих колес и крайне непослушное рулевое управление вследствие того, что между ведущими и управляемыми колесами имеются две пары ведомых (поддерживающих) колес.

Движение усложнялось и зимними условиями перехода в горах. Привлеченные саперные подразделения значительно расширили и улучшили горную дорогу, она стала значительно лучше, чем мы видели ее в первый раз, но все-таки это горная дорога и небезопасная.

Движение на колесном ходу имело и свои положительные стороны. Увеличивалась скорость движения. Не нужно было делать остановки в пути для переброски траков гусениц части танков, оставленных на переходе. Танки двигались общей колонной, а личный состав жил единым распорядком дня.

Крайне трудным был переход через Памирские горы на основательно изношенных танках. Только умелая организация перехода командным составом, искусство водителей в вождении танков, дисциплина и организованность всего личного состава роты смогли преодолеть все трудности и успешно выполнить поставленную задачу.

За время командировки в роте не было нарушений воинской дисциплины и аморальных явлений, никаких ЧП.

В назначенный вышестоящим командованием срок танковая рота в полном составе прибыла к месту погрузки в железнодорожный эшелон на ст. Кант.

За отличное выполнение оперативно-служебных задач, высокую дисциплину и организованность личный состав роты получил положительную оценку от руководства конной группы и руководителя операции.

Так закончилась служебно-оперативная деятельность отдельной танковой роты, выделенной из состава танкового полка дивизии им. Ф.Э. Дзержинского.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1938 г. «За образцовое выполнение специальных заданий Советского правительства» была награждена большая группа военнослужащих, в том числе из состава отдельной танковой роты. Были награждены:

орденом Красной Звезды – капитан Хорьков И.М., мл. воентехник Штакалов К.Т.;

медалью «За отвагу» – ст. лейтенант Климков Н.Я., лейтенант Коляко Н.Т., лейтенант Миропольский А.Н., младшие командиры: Рублевский Н.И., Козлов М.И., лейтенант Куцанов М.Н., воентехник 2-го ранга Курочкин И.Н., лейтенант Сердюков И.Р.;

медалью «За боевые заслуги» – лейтенант Князьков Б.Г., младшие командиры: Руснак В.С., Солдатов И.В.

В период Великой Отечественной войны мне пришлось встречаться с генерал-майором Норейко Н. К. На мой вопрос «Как вы оцениваете действие отдельной танковой роты, входившей в состав конной группы, которой вы командовали в 1937–1938 гг.?» он сказал: «Это было отличное подразделение с высокой организованностью и дисциплиной, успешно выполнявшее возлагаемые на него задачи».

Таков отзыв заслуженного генерала о боевых действиях воинов-дзержинцев.

Ветераны дивизии имени Ф.Э. Дзержинского – участники Великой Отечественной войны:

Полковник в отставке Б.Г. Князьков

Капитан в отставке Н.И. Рублевский

ДИВИЗИЯ ПОД СУДОМ

Шквал политических репрессий 30-х годов, обрушившийся на армию, пограничные и внутренние войска, нанес чувствительные удары по командным кадрам дивизии. Жертвами большого террора стали все, кто в разное время командовал дивизией.

В 1928 г. П.Г. Кобелев получил новое назначение, дивизию возглавил М.П. Фриновский, затем А.А. Масловский, его сменил С.И. Кондратьев, в апреле 1936 г. командиром-военкомом дивизии стал П.В. Торощин. Все они были репрессированы. Фриновский, достигший самых больших высот в служебной карьере, ставший начальником Главного управления пограничной и внутренней охраны, а затем и заместителем Народного комиссара внутренних дел и одновременно начальником Главного управления государственной безопасности, получивший звание комкора, а позже и командарма, оказался зловещей фигурой среди сталинских клевретов из НКВД, повинный в фальсификации многих дел и гибели невинных людей, в том числе лиц командного состава из пограничных и внутренних войск. Под меч репрессий попали многие командиры и политработники ОМСДОН. Среди них начальники штаба дивизии: И.И. Миронов, И.К. Барков, П.И. Смирнов (некоторые из них были арестованы, уже будучи назначенными на другие должности), пом. начштаба Н.А. Лебедев, начальник политотдела Ю.С. Гольхов, зам. комдива по технической части Я.В. Мамушкин, командиры-военкомы кавполка М.Я. Газен и М.О. Янкелевич, командир 2-го полка Ф.В. Ассен-Аймер, командир отдельного танкового батальона П.В. Бубнов, его помощник по техчасти Б.И. Вилькицкий, начальник отдела штаба дивизии бывший автобронеотрядец Я.Х. Каспарет.

Подверглись расправе пом. начштаба 3-го полка капитан Ф.Г. Смирнов, майор Л.Я. Чукарин (штаб дивизии), командир саперной роты капитан П.С. Леонтьев, пом. капельмейстера оркестра дивизии техник-интендант 1-го ранга А.В. Волков и другие командиры и начальники. Это были авторитетные, квалифицированные, честно работавшие люди. Они погибли безвинно. Драматичны были судьбы жен и детей репрессированных. Некоторые из них разделили участь своих мужей и отцов. А кто-то из сыновей погиб на войне, защищая Отчизну...

При арестах совершенно не считались с авторитетом и прошлыми заслугами. Часто это выглядело неожиданно и страшно. Особенно непонятным и нелепым в военной среде было исчезновение уважаемых и даже любимых командиров, которых только вчера правительство наградило орденами. Например, 14 февраля 1936 г. ЦИК СССР наградил большую группу военнослужащих, среди них были удостоенные ордена Красной Звезды комбриги Кондратьев С.И., Торощин П.В., Масловский А.А., бригадный комиссар Гольхов Б.С. А через некоторое время их имена оказались под запретом. Случалось и так, что командиру сегодня присвоили очередное звание, завтра он становился очередной жертвой репрессий. Еще более драматичная ситуация складывалась при выдвижении на вышестоящую должность. ОМСДОН, будучи кузницей командно-политических кадров, давала немало выдвиженцев для войск, в том числе и для центрального аппарата. Много командиров-омсдоновцев было направлено и назначено на ответственные должности в Управление коменданта Московского Кремля, среди них: комбриг Кондратьев С.И., начштаба полка спецназначения капитан Алексеев-Тимофеев И.А. (бывший начштаба 1-го ммп), адъютант УКМК капитан Грицак М.М. (бывший ст. пнш 3-го ммп), комбат ПСН капитан Собчук Г.Т. (бывший помнач. отдела штаба ОММДОН), ст. политрук Смирнов Ф.И. (бывший пом. по политчасти ком. 2-го ммп); бывшие омсдоновцы: комполка ПСН майор Азаркин П.И., пом. коменданта Кремля капитан Хурцев С.Ф., нач. караульной службы УКМК капитан Ганжерли Г.И., комполка ПСН полковник Скляренко Г.К. (быв. ком. 2-го ммп) и др. Вскоре эти люди, испытывавшие чувство гордости и удовлетворения от оказанного им доверия служить в столь почетном и престижном месте, станут жертвами затеянного дела о «заговоре» в охране Кремля.

В материалах, относящихся к репрессиям 30-х годов, в частности, в ряде протоколов допросов лиц руководящего состава войск НКВД СССР, содержатся явно навязанные и выбитые путем незаконных методов ведения следствия показания о существовании мифического «заговора в войсках НКВД» и намерении его участников «поднять вооруженный мятеж в Москве, использовать для того части Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения НКВД».

Впрочем, в серьезность подобных показаний организаторы большого террора и чистки в военной среде не поверили, иначе расформировали бы дивизию, а не доверяли бы ей охрану важнейших объектов, в том числе ЦК ВКП(б).

ДОМ У ПОКРОВСКИХ ВОРОТ

Прочитав этот заголовок, читатель, верно, вспомнит трифоновский Дом на набережной. Закономерная ассоциация. Речь пойдет о судьбе жителей одного из московских домов начала советской эпохи. На его фасаде, в отличие от Дома на набережной, нет мемориальных досок. Здесь жили люди не столь именитые. В основном высший, старший и средний комсостав пограничных и внутренних войск. А судьбы похожи. Эпоха уравнивала. Кому посчастливилось перешагнуть через мрачные 30-е годы, могли стать героями, выжить или погибнуть на войне. А многих еще сравнительно молодых, красивых и талантливых, преданных Отечеству людей ждала трагическая участь: войти в расстрельные списки или сгинуть во чреве гулаговских лагерей.

В старом московском районе почти на перекрестке Маросейки, Покровки и Покровского бульвара, рядом с торцом Покровских казарм в 1936 г. по проекту архитектора Л.З. Чериковера был возведен восьмиэтажный многоподъездный Г-образный дом. Он должен был как-то разрядить жилищную проблему в войсках НКВД столицы. Жилье тогда командно-начальствующему составу предоставляли, как правило, казенное, вместе с мебелью (на ней даже бирки металлические прикреплялись с инвентарными номерами). Перевели в другой город служить – выезжай с семьей, освободи жилье, сдай числящиеся за тобой шкаф, стол, стулья, кровати... С теми, кто не соглашался переезжать, поступали круто. Тем более что все было в своих руках: и трибунал, и особое совещание, и места заключения. К примеру, помощник по политчасти командира дивизиона 2-го полка Отдельной дивизии особого назначения Вьюрков и инструктор политотдела той же дивизии Смирнов за отказ выехать к новому месту службы (оба хотели учиться в Москве, жена Смирнова в это время ждала ребенка) 3 августа постановлением коллегии ОГПУ были приговорены к трем годам заключения, о чем весь командно-начальствующий состав пограничных и внутренних войск в назидание оповестил приказ № 269 от 20 августа 1930 г.

У военного человека жизнь скитальческая, приходится ехать куда пошлют, да и с жильем туговато. А в 36-м некоторым очень повезло. Дом быстро заселили. Высокому начальству дали отдельные квартиры, а всем остальным пришлось довольствоваться коммуналками: по нескольку семей в квартире с общей кухней. Но и этим были довольны. Многие жили в бараках, общежитиях, а то и в казармах, снимали угол у частных лиц, нередко в общих квартирах, далеко от места службы, порой за городом, у черта на куличках. А тут, можно сказать, в центре города, под окнами бульвар, полно магазинов, три кинотеатра. Детворе было где развернуться. Учились в ближайших школах. Зимой катались на коньках на Чистых прудах или на санках и лыжах чуть подальше – на Рождественском бульваре с его крутым спуском к Трубной площади. Но в основном жизнь ребят протекала, как и в большинстве московских домов, во дворе. В военной среде принято соблюдать субординацию. Но детей это никак не касалось. Во дворе все были равны. Да и в квартирах тоже. Жили дружно, не заносились. Кипела общественная работа, жены старались занять детей чем-либо полезным.

Атмосфере дружелюбия способствовало то, что жильцы знали друг друга по службе в Главном управлении пограничных и внутренних войск, Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения и других частях. Места службы располагались рядом – на Лубянке, а для некоторых прямо под боком – в Покровских казармах, где квартировали части ОМСДОНа.

Беда пришла в этот дом неожиданно, внезапно и очень скоро почти опустошила его. В конце 30-х она постучалась во многие квартиры. Раздался ночной стук и в квартиру № 49. Здесь жила семья Барановских. Глава семьи комбриг Семен Давидович несколько лет возглавлял Высшую школу войск НКВД. Сын безземельного белорусского крестьянина, он своим трудолюбием, упорством, тягой к знаниям сумел многого достичь. Участник Первой мировой войны, окончил школу прапорщиков, награжден Георгиевским крестом за храбрость, произведен в поручики. Участник Гражданской войны. В РККА командовал ротой, батальоном, полком. В 1922 г. окончил Военную академию. С 1923 г. – в погранохране и войсках ОГПУ. Один из первых организаторов военно-учебных заведений пограничных и внутренних войск. Служил помощником Отдельной дивизии ОСНАЗ, начальником и военкомом 1-й школы погранохраны и войск ОГПУ в Новом Петергофе, с 1934 г. возглавлял Высшую погранШколу – главную кузницу командных кадров войск.

Награжден орденом Красной Звезды, премирован автомашиной.

Незадолго до трагической развязки его перевели в Читу начальником Управления пограничных и внутренних войск Восточно-Сибирского края. Семья оставалась в Москве, так как старший сын учился в Московском авиационном институте, а младший болел и нуждался в квалифицированной медицинской помощи. И вдруг 8 мая 39-го в квартиру Барановских пришли с обыском. Узнали страшную весть – отец арестован.

Барановского полгода томили и истязали в одной из московских тюрем, грозили, если он не признается в том, что готовил Высшую школу к антиправительственному выступлению в столице, то расправятся с семьей. Семен Давидович мужественно держался. Жена Галина Георгиевна обивала пороги приемной НКВД на Кузнецком мосту, не получая вразумительного ответа. А муж в это время был здесь, рядом... 20 января состоялся суд. Барановский себя виновным не признал, заявил, что двадцать один год честно служил Родине и ни в чем не виноват. Но Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла смертный приговор. Из дома семью выселили в г. Бабушкин.

Когда началась война, старший сын Аркадий, студент 4-го курса МАИ, записался добровольцем в народное ополчение, участвовал в битве за столицу, был ранен под Калинином. Последнее письмо пришло в апреле 42-го, а последней весточкой о нем стала похоронка.

Второй сын, Игорь, пошел работать на завод слесарем, одновременно учился в автомеханическом техникуме при ЗИСе. После войны окончил авиатехнологический институт, но полтора года никуда не мог устроиться. Только после реабилитации отца стал работать инженером по специальности.

В 38-й квартире жила семья полковника Мамушкина Якова Васильевича, начальника отдела техники штаба дивизии. В 1938 г. он был арестован и в следующем году расстрелян. Его обвинили в сознательном подрыве боевой готовности техники дивизии, участии в антисоветской деятельности вместе с другими «заговорщиками»: бывшим командиром дивизии С.И. Кондратьевым и бывшим начальником штаба дивизии, а затем начштаба внутренних войск Московского округа Н.И. Мироновым и другими.

В квартире № 5 жила семья Торощиных. Глава семьи комбриг Павел Васильевич Торощин был арестован 29 июля 1938 г. Такая же судьба постигла и двух его предшественников – П.Г. Кобелева и С.И. Кондратьева.

В доме жили многие высшие руководители пограничных и внутренних войск, тогдашняя элита этих формирований. Это были люди, прошедшие Первую мировую и Гражданскую войны. Активные строители нового, провозглашенного Октябрьской революцией социалистического общества, защитники Отечества, преданные народу большевики. Но их предали, ложно обвинив в предательстве, мифических заговорах, подменив систему правосудия дорогой на эшафот...

Среди тех, кто оказался на этой дороге, жители квартиры № 2 дома у Покровских ворот комбриг Иван Трофимович Луганец-Бовкун (Орельский) и его жена Нина Валентиновна. Волей судьбы он сменил мундир пограничника на костюм дипломата: он стал послом СССР в Китае. 11 июля 1939 г. в «Правде» появилось сообщение о гибели полпреда, его жены и шофера Чуприна. В некрологе, подписанном руководством НКВД, говорилось о больших заслугах И.Т. Луганца-Орельского, «крупного советского дипломата», смерть которого наступила в результате «нелепого случая». На самом деле все перечисленные лица стали жертвами специально разработанной операции с инсценировкой автокатастрофы на шоссе Кутаиси–Цхалтубо...

В доме все жильцы знали начальника войск Николая Кузьмича Кручинкина, участника Первой мировой и Гражданской войн, бывшего прапорщика, ставшего комдивом. На его гимнастерке поблескивали три ордена. Это был умный, волевой и деятельный военачальник. Он много читал, хорошо рисовал, имел множество друзей, был отличным семьянином. В середине 30-х годов он стал заместителем начальника пограничных и внутренних войск, а с апреля 1937 г. возглавил эти войска. В большой мере благодаря и его заботам закладывается, входит в строй и заселяется дом у Покровских ворот. Получила ордер на квартиру в нем и семья Кручинкиных. И кто бы мог тогда подумать, что спустя немного времени в одну из тревожных ночей раздастся стук в дверь и этой семье будет предъявлен другой ордер – на производство обыска.

Глава семьи уже в это время был арестован в Киеве. 29 января 1938 г. последовал приказ НКВД СССР о назначении комдива Кручинкина начальником Управления пограничных и внутренних войск УССР. С тяжелым чувством прибыл Николай Кузьмич на Украину, где он должен был сменить своего друга комдива Андрея Генриховича Лепина, освобожденного от должности. Менее двух месяцев пробыл на новом посту Кручинкин. В марте 1938-го и за ним пришли...

Маховик репрессий раскручивался все сильнее. Он ударял и по семьям. Жена Кручинкина Клавдия Александровна как ЧСИР («член семьи изменника родины») получила восемь лет Карлага и отбывала срок в «Алжире» – Акмолинском лагере жен изменников родины. Дети – их было двое – попали в Даниловский детприемник, откуда с большим трудом их удалось вызволить тете – Таисии Александровне Косолаповой, вырастившей и воспитавшей ребят.

В квартиру Кручинкиных № 64/46 вселился с большой семьей новый начальник войск комдив Александр Антонович Ковалев, переведенный из Ленинградского округа. Судьба его оказалась драматичной и загадочной. В 1939 г. при разделении Главного управления пограничных и внутренних войск на шесть самостоятельных главков он не получил назначения ни в один из них. Официально он был уволен «в запас НКВД» в мае 1939 г. Уже шла война, когда А.А. Ковалев поехал в командировку в Горьковскую область и... не вернулся. До сих пор нет точного объяснения, что с ним произошло. Семью не тронули, но и ничего толком не объяснили. Возможно, он покончил с собой из-за неопределенности своего положения.

В 47-й квартире жила семья Ульмеров. Комбриг Вольдемар Августович Ульмер, бывший заместитель начальника ГУПВ и затем ответственный сотрудник НКВД СССР, начальник оперативного отдела главка, был одним из самых образованных и эрудированных командиров. В семью беда пришла 30 апреля 1939 г., когда арестовали Вольдемара Августовича. 16 февраля 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР, отлично сознавая, что концы с концами не сходятся, выносит «мягкий» приговор: десять лет лагерей. Все-таки шел сороковой год, волна репрессий немного стала спадать, смертными приговорами по горло насытились. Потомок шведов из Ревеля, сын рабочего, участник двух войн, бывший начштаба известной Богучарской дивизии Красной Армии, служивший затем в пограничных и внутренних войсках, с отличием закончивший Военную академию РККА, дважды орденоносец, премированный за свое усердие и достигнутые успехи легковым автомобилем, оказался под стражей. Жена и трое детей не теряли надежды на его скорое возвращение, хотя их всех выселили в один из домов на 3-й Мещанской улице.

Старший сын, Георгий, студент, доброволец, погиб на войне. Весть об этом дошла до отца, узника ГУЛАГа. Сохранилось его письмо семье:

«...вместе с вами скорблю о нашем мальчике, о нашем первенце. Боль потери велика. Эта потеря – первая смерть в нашей семье. Я обнимаю тебя, родная. Поплачем вместе над нашим мальчиком. Память о нем сохранится в наших сердцах. Жорж! Милый, хороший мальчик. Он погиб смертью храбрых на поле боя, как подобает солдату, патриоту своей Родины, как подобает комсомольцу. Это великая честь – умереть, защищая свою Родину от фашизма. На коленях, как великую милость, я принял бы право защищать свою советскую страну с оружием в руках. Я завидую Жоржу. Я, который был солдатом великой Красной Армии 21 год. Умереть, уничтожая врага, плечом к плечу с братьями по Красной Армии, с которыми вместе дрался в Гражданскую войну, – мое пламенное желание, моя мечта...»

Но мечта так и осталась мечтою. Комбриг не дожил до победы, не узнал он и свободы: умер в лагере в 1943-м.

Не пощадили и комиссаров. Корпусной комиссар Лев Борисович Рошаль знал почти каждую семью в этом доме, и его знали все. Он вступил в партию большевиков в 1917-м. Едва избежал расстрела, уготованного ему польскими легионерами. За боевые заслуги на Южном фронте был удостоен ордена Красного Знамени. После Гражданской войны – начальник Гомельской губернской милиции. Был на ответственной партийной работе в аппарате ЦК ВКП(б), некоторое время даже помощником генсека. С 1928 г. секретарь Иркутского окружкома, а в 1931 г. возглавил Казахстанский крайком ВКП(б). Затем семь лет был начальником политотдела пограничных и внутренних войск. В 38-м арестован, в 40-м расстрелян. Реабилитация пришла лишь в 56-м.

Бригвоенврача Ивана Ивановича Шеплетто в доме на Покровке уважали все. Добрый, отзывчивый, он никому не отказывал в помощи. Делал это бескорыстно, искренне радуясь, когда облегчал болезни. Лечил в основном травами, которыми запасся во время памирской экспедиции. Происходил Иван Иванович из семьи русских интеллигентов, был разносторонне развит и одарен многими талантами. Отлично рисовал (одно время чуть не стал профессиональным живописцем), прекрасно пел, играл на нескольких музыкальных инструментах, любил спорт (как-то даже завоевал первенство Москвы по фигурному катанию на коньках). В погранвойсках он был инициатором многих спортивных соревнований по лыжам, верховой езде, конькам. А еще его знали как составителя Военно-медицинского справочника, интересного докладчика на научных конференциях. В одном из декабрьских номеров 1938 г. газета «Красная Звезда» поместила его портрет и не пожалела место, чтобы подробно изложить содержание его научного сообщения на одной из медицинских конференций.

И вот такого человека посадили, да еще и целую группу медработников, обезглавив, по сути дела, накануне войны медико-санитарную службу пограничных и внутренних войск. Жену Антонину Михайловну арестовали вслед за мужем, как ЧСИР дали восемь лет, которые она отбывала в Карлаге. Детей выселили, но недолго и им дали пожить на воле. Валентина вынуждена была уйти из Института физкультуры, некоторое время преподавала в школе, в 45-м ее арестовали. Сын Юрий, унаследовавший от отца способности к живописи, доказал свое право учиться в Московском институте прикладного и декоративного искусства, но тоже был арестован. Сидел во внутренней тюрьме на Лубянке, потом полтора года в Лефортове, после чего сослан в Воркуту, где работал на шахтах и в разных конторах, потом организовал кукольный театр, создавал для него декорации. Юрий Иванович стал членом Союза художников. На выставке в Манеже экспонировался выполненный им портрет отца.

...Да, много пережил и перестрадал дом на Покровке. Но за пределами очерка остались судьбы других обитателей этого дома. Сергей Тимофеевич Аверьянов, бригадный комиссар, участник Гражданской войны, краснознаменец, бывший омсдоновец, ответственный секретарь Центральной партийной комиссии пограничных и внутренних войск. Пожалуй, это один из немногих, а может быть, и единственный уцелевший от вознесенного над его головой карающего меча репрессий. Из войск уволили, из квартиры не выселили. Работал в системе легкой промышленности. Был почетным чекистом, стал почетным текстильщиком.

Те, кого не коснулись репрессии, продолжали честно служить в пограничных и внутренних войсках. На их долю выпали другие испытания.

Сначала постучалась в двери финская война. Орденоносцами возвратились отличившиеся капитан Петр Гагаркин и лейтенант Георгий Арбузов (о его героизме дом узнал, прочитав опубликованный в «Правде» очерк А. Безыменского), политработник Петр Бутенко.

А на пороге уже стояла другая война, еще более грозная, принесшая куда больше горя и потерь.

В 1939 г. произошло знаменательное событие в жизни Советских Вооруженных сил: 3 января Указом Президиума Верховного Совета СССР были утверждены текст новой военной присяги и Положение о порядке ее принятия. 23 февраля 1939 г. – в 21-ю годовщину Красной Армии и Военно-морского флота – все советские воины дали клятву верности Родине.

В этот день приняли военную присягу также дзержинцы.

1 сентября 1939 г. на внеочередной сессии Верховного Совета СССР был принят новый Закон о всеобщей воинской обязанности.

В ознаменование 15-й годовщины дивизии имени Ф.Э. Дзержинского и за образцовое выполнение боевых оперативных заданий, а также за выдающиеся успехи в боевой и политической подготовке Указом Президиума Верховного Совета СССР дивизия награждена орденом Ленина.

ОТМЕЧЕНЫ РОДИНОЙ

В связи с 15-летием дивизии 54 красноармейца, командира и политработника были отмечены орденами и медалями.

Орденом Красного Знамени – политрук М.Т. Перевалов, батальонный комиссар А.А. Ракчеев; орденом Красной Звезды – комбриг П.А. Артемьев, полковники А.А. Забалуев, А.В. Иванов, М.П. Марченков, полковой комиссар С.С. Прокофьев и др. – всего 11 человек. 16 дзержинцев заслужили орден «Знак Почета», 24 – медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

В «ЗИМНЮЮ ВОЙНУ»

Во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в боевых действиях участвовали стрелковый батальон капитана П.А. Гагаркина, артиллерийская батарея капитана А.М. Кушнира. В суровых условиях лютой зимы воины проявили несгибаемую волю к победе, мужество и героизм.

Официальная пропаганда внушила населению, что северный сосед, политика его правительства сами спровоцировали войну. В действительности дело обстояло гораздо сложнее. Но солдаты делают свое дело – они выполняют приказ.

Войскам НКВД предназначалась весьма серьезная роль: обеспечить охрану тыла действующей армии, пресечь действия диверсионных групп противника. Для этой цели был введен институт помощников командующих армиями по охране тыла и сформировано из пограничных и внутренних войск восемь полков (из них один учебный).

Но как часто бывает, практическая деятельность войск охраны тыла выходит за пределы определенных, первоначально запланированных задач. Частям и подразделениям пришлось действовать и в условиях окружения, и вступать в бой с численно превосходящими силами противника. «Зимняя война» преподнесла немало неожиданных «сюрпризов», столкнувшись с которыми надо было не растеряться, выстоять, выдержать и победить.

Отличившиеся в боях воины были отмечены орденами и медалями. Двенадцати воинам было присвоено звание Героя Советского Союза. В числе их посланцы из 8-го мотострелкового полка войск НКВД старший лейтенант А.Г. Лужецкий, лейтенант И.М. Кобзун и красноармеец Г.В. Кузякин.

Интересно сравнить умелые действия Ивана Кобзуна с пулеметчиками из команды, где отличился полный Георгиевский кавалер Даниил Волков в Первую мировую войну. Те затыкали пробитые пулями кожухи своих «максимов» щепками и тряпками, приводя их в действие, аналогично поступил и Кобзун со своим пулеметом: он замазывал пробоины хлебными мякишами, на морозе они затвердевали, для крепости обматывал еще их бинтами, и таким образом вода из кожуха не выливалась, ствол не накалялся – пулемет действовал!

За образцовое выполнение боевых задач на Северо-Западном фронте три полка войск НКВД (4, 5 и 6-й) стали Краснознаменными, 1883 бойца и командира награждены орденами и медалями.

Из воинов дивизии имени Ф.Э. Дзержинского высоких наград удостоены:

ордена Ленина – капитан Кушнир Александр Миронович, командир батареи Отдельного артиллерийского дивизиона, командир орудия Жадан Иван Лукьянович;

ордена Красного Знамени – лейтенант Арбузов Георгий Николаевич, пом. нач. штаба 2-го мсп ОМСДОН, ком. отделения Атаманов Василий Иванович (3-го мсп ОМСДОН), лейтенант Белокриницкий Валентин Григорьевич (в то время слушатель ВПШ), ст. политрук Бутенко Петр Трофимович, военком 1-го батальона 2-го мсп ОМСДОН, капитан Гагаркин Петр Андреевич, командир 1-го батальона 2-го мсп ОМСДОН, младший лейтенант Николов Лотка Григорьевич, командир взвода 1-го мсп ОМСДОН, красноармеец Петров Петр Николаевич (2-го мсп ОМСДОН), лейтенант Родионов Василий Иванович, командир взвода 2-го мсп ОМСДОН, красноармеец Харламов Николай Константинович (2-го мсп ОМСДОН), политрук Янушевский Мечеслав Иванович, политрук батареи отдельного артиллерийского дивизиона ОМСДОН;

ордена Красной Звезды – красноармеец Овчинников Василий Иванович (2-го мсп ОМСДОН);

медали «За отвагу» – красноармейцы 2-го мсп ОМСДОН Василенко Петр Иванович и Дубин Дмитрий Васильевич;

медали «За боевые заслуги» – военфельдшер Ковалев Иван Корнеевич, лекарский помощник 2-го мсп ОМСДОН и командир отделения того же полка Преснов Константин Александрович.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1940 г. 4, 5 и 6-й полки, а также 73-й Ребольский погранотряд были награждены орденом Красного Знамени. В связи с расформированием указанных полков их личный состав передан в формирующиеся 14-й и 15-й мотострелковые полки и 12-й отдельный стрелковый батальон ОМСДОН, в связи с чем, согласно приказу НКВД СССР № 391 от 31.05.1940 г., передавались также ордена и грамоты: 4-го полка 15-му кмсп, 5-го – 14-му кмсп, 6-го – 12-му косб. В дальнейшем уже в ходе Великой Отечественной войны последний был переформирован в 9-й мотострелковый полк 2-й отдельной мотострелковой дивизии особого назначения войск НКВД, которой стал именоваться Краснознаменным (впоследствии – 1-й кмсп ОМСДОН).

В феврале 1940 г. был сформирован отряд особого назначения войск НКВД во главе с командиром ОМСДОН генерал-лейтенантом П.А. Артемьевым. «Несмотря на тяжелые зимние условия, – говорилось в приказе НКВД СССР № 359 от 17 мая 1940 г., – командно-начальствующий и рядовой состав отряда проявил мужество и доблесть в выполнении заданий правительства и поставленной командованием задачи», за что девять человек были награждены знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ-НКВД, двадцати военнослужащим объявлена благодарность. Среди них были и воины ОМСДОН.

ТАМ, ГДЕ НУЖНА ОТВАГА

31 января 1939 г. на утренней заре с полной боевой выкладкой бойцы двинулись на лыжах к передовой. Переход был не из легких: он длился непрерывно почти полтора дня. Люди отмахали не один десяток километров по незнакомой местности со всеми мерами маскировки и предосторожности. Прибыли на передовую. Ее старожилы радушно встретили подмогу. В ходе трудных многодневных боев ряды красноармейцев уже заметно поредели. На их лицах лежала усталость.

– Узнав, что мы дзержинцы, люди как-то теплели сердцем, – говорит Бутенко. – Словом, крепко рассчитывали на нас...

Ночью того же дня батальон занял отведенный рубеж, вступил в непосредственное соприкосновение с противником.

Первые бои были жаркими, ожесточенными. Опыт только приходил к дзержинцам. Но со временем, понюхав пороха, они научились искусно бить коварного, хорошо вооруженного врага, умело разгадывать его тактику.

– Бывало, идешь лесом, – вспоминает Петр Трофимович, – слышишь одиночный выстрел. Пуля свистит у самого уха. Укроешься, смотришь – никого. Но стоит высунуться из-за укрытия – снова огонь по тебе. Откуда? Оказывается, шюцкоровец в белоснежном халате забрался поудобнее на дерево, устроился за его стволом и ловит на мушку бойцов, особенно одиночных. Надо откровенно признаться, что поначалу мы побаивались таких «кукушек», но вскоре научились безошибочно обнаруживать: ночью – по вспышкам огня, днем – по снегу, осыпавшемуся с веток деревьев. Ну и, конечно, тут же «снимали» их.

...День ото дня бои становились все яростней. И вот как-то в самый разгар их отказала связь комбата с одной из рот. Восстановить ее под непрерывным огнем противника да в лютый мороз – дело непростое. Но красноармеец Валентин Нехороший вызвался сделать это сам, без приказа.

В тот день ему неоднократно приходилось участвовать в боевом деле. Все обходилось удачно. Но под вечер, возвращаясь на командный пункт с группой стрелков, Нехороший попал в засаду.

Горстка дзержинцев не дрогнула. Валентин возглавил ее прорыв и, первым поднявшись в атаку, принял на себя основной огонь финнов.

Проявление сыновней преданности Родине было делом обычным. Далеко за пределы фронта, а точнее – по всей стране разнеслась слава о батарее капитана Афанасия

Мироновича Кушнира, прямо на передовой получившего орден Ленина. Ему самому и его героическим людям был посвящен очерк в газете «Правда».

Нелегкая участь выпала на долю роты Кузьменко. Несколько дней бойцы отбивали атаки значительно превосходящих сил противника. Но даже когда погиб командир и рота потеряла до трети личного состава, она не сдала боевого рубежа. Здесь мне особенно запомнился младший командир Подсотник. Он водил бойцов неоднократно в контратаки, несмотря на ранение, оставался в строю. Запомнился и пулеметчик Чудинов – смелостью, решительностью.

А наша стойкость, самоотверженность объяснялись в первую очередь высокими морально-боевыми качествами. Коллектив состоял из преданных сынов Родины.

Хочется вспомнить еще одного командира – лейтенанта Арбузова, о нем также писала «Правда» в специальном очерке. Молодой, энергичный, решительный офицер штаба батальона. Однажды в ходе наступления он оказался на правом фланге одной из рот. Противник открыл жестокий огонь по нашим целям. Командир взвода, несколько бойцов были сразу убиты. Остальные залегли. И атака на вражеский дзот, сковывавший наступление главных сил, стала захлебываться. В эту критическую минуту в самой горячей точке боя и оказался Арбузов. Он решительно повел за собой красноармейцев и, захватив важный опорный пункт врага, помог развить успех.

Призывное слово командиров и политработников, их личный пример вели бойцов на врага с удвоенной силой, воодушевляли на подвиги. Их авторитет в бою был высок и непререкаем.

– Прошло столько лет, – говорит Петр Трофимович, – а перед моими глазами отделенный командир Давыдов, тяжело раненный, не покидающий позицию, твердящий с непоколебимой верою: «Держитесь храбро. Только вперед! Умру – считайте коммунистом».

Вот так сражались с финнами бойцы и командиры батальона. Они отлично выполнили боевое задание командования.

За проявленные героизм и мужество 22 человека были награждены орденами и медалями. Комбат Кушнир и командир орудия Жадан получили орден Ленина, комбат Гагаркин, комроты Белокриницын, офицеры штаба Арбузов, Николов, замполитрука Капустин были отмечены орденом Красного Знамени. Этот орден принял из рук Михаила Ивановича Калинина и П. Т. Бутенко. Но не сразу, а после излечения.

Как и полагается в бою, комиссар был всегда там, где горячее всего.

Тринадцать долгих месяцев боролись врачи за его возвращение в строй. Постепенно затянулись страшные раны. Он принял участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками под Москвой, трудился в части, восстанавливавшей автоброневую технику.

Последние десять армейских лет Петр Трофимович находился в должности секретаря партийной комиссии при политотделе дивизии имени Ф.Э. Дзержинского.

Уволившись в запас, полковник П.Т. Бутенко продолжал трудиться в одной из организаций столицы старшим инженером.

К боевым наградам ветерана добавились еще две медали за доблестный труд.

ПРОРЫВ

В самый разгар боя отказала связь командира батальона с одной из рот. Восстановить ее под обстрелом противника, да еще в жестокий мороз – труднейшее дело. Но за него смело взялся красноармеец Валентин Нехороший.

– Справитесь с задачей? – вопросительно посмотрел на бойца капитан Гагаркин.

– Справлюсь, товарищ капитан, – твердо отчеканил Валентин. – Разрешите действовать?

– Идите.

И буквально через две-три минуты с несколькими стрелками, выделенными для его прикрытия, скрылся в лесу.

Командир был спокоен за подчиненного: он не подведет.

А в это время Валентин полз по глубокому снегу. Кругом рвались вражеские мины, свистели пули. Смертельная опасность подстерегала бойца на каждом метре, но он продолжал проверять линию. И вот обрыв найден. Минута-две, и концы провода сращены.

В тот день красноармейцу Нехорошему пришлось несколько раз восстанавливать связь. И уже под самый вечер, когда он с группой стрелков возвращался в расположение подразделения, стряслась беда – они попали в окружение.

Горстка дзержинцев не дрогнула перед нависшей опасностью и стойко держалась под натиском противника, пытаясь прорвать кольцо окружения. Неимоверными усилиями воинам удалось это сделать. Но пробиваясь к своим, они понесли тяжелую утрату – вражеская пуля насмерть сразила Валентина.

Советская Родина высоко оценила подвиг красноармейца В.Д. Нехорошего. Он был посмертно награжден орденом Красного Знамени, а впоследствии навечно зачислен в списки родной роты.

ГЕРОИЧЕСКАЯ БАТАРЕЯ

Трое суток непрерывного боя. Простые слова. Но сколько борьбы и героизма в каждой минуте этих дней!

Каждая минута – испытание на выдержку, на умение быстро действовать, ловко сманеврировать, все учесть, молниеносно найти решение. Каждая минута может решить исход сражения.

Трое суток непрерывного боя – это четыре тысячи триста двадцать таких минут...

Но трое суток прошло, и первая же минута четвертых суток поставила новую задачу перед капитаном Афанасием Мироновичем Кушниром, командиром батареи.

Противник наглел. Позиция была еще не изучена, потому что лишь полчаса назад ее заняли. Рядом с батареей расположились отряд стрелков, кавалерийский взвод и обоз.

С левого фланга неистовствовали вражеские ручные и станковые пулеметы. Сто метров отделяли финнов от наших бойцов. Нельзя было медлить.

В ту минуту решал все ответный залп. И по первому слову Кушнира «Огонь!» двадцать четыре снаряда смели картечью наступающие цепи шюцкоровцев... Враг бежал на дальние позиции.

Наиболее слабым местом был правый фланг – широкая поляна. Необходимо было тут же перегруппироваться. И капитан по-новому расставил бойцов. Подошедшая рота стрелков и взвод другой роты тоже заняли указанные им укрытия.

Едва была организована оборона, ливень мин обрушился на участок, занятый нашими бойцами. В эту минуту решали все ободряющее слово и личный пример.

– Слушай мою команду! – крикнул Кушнир.

Бесстрашно двигаясь от одного окопа к другому, стал разъяснять всем, как обороняться от мин. Приказ и шутка, призыв и объяснение были его оружием. Оно зарядило бодростью и решительностью сердца подчиненных.

А враг подползал. С правого фланга двигалась рота белофиннов, с левого – взвод, в лоб – рота. По всему участку свирепствовал огонь пулеметов, минометов и автоматов.

Для ответного залпа по бандитам орудие надо было выкатить на новую позицию.

И вот потащили его под градом пуль советские люди. Бесстрашно сблизились с противником на шестьдесят метров.

...Вся площадь нападения была залита ответным ливнем картечи. Неприятель замолк – и в наступившей тишине раздались стоны и панические крики убегающих врагов. Пятнадцать орудийных гранат разнесли в дым кучу белофиннов, не успевших откатиться...

Наступил самый критический момент боя. Силы врага были велики. Белофинны снова пытались прорвать правый фланг обороны.

С левого на правый фланг пушку ползком потащили лейтенант Тищенко, командир орудия Жадан, наводчик Черненко и замковый Мягкий. Не успело орудие открыть огонь, как был убит заряжающий, ранены комвзвода и командир орудия. Но никто из оставшихся в живых не отошел от пушки. Ее выстрелы снова обратили врага в бегство...

Вскоре подошло к Кушниру подкрепление: две роты и обоз. И капитан повел вперед огромную колонну, первым двигаясь на броневике. Впереди был взорван мост. Вся площадь вокруг него – под обстрелом мин.

Через несколько километров банда врагов перерезала колонну надвое.

Кушнир решил уничтожить белофиннов стремительным сжатием двух частей своей

разорванной колонны. С возгласами «За Родину! Ура!» бойцы с двух сторон бросились на шюцкоровцев. Враг был зажат в железные тиски. Советские люди победили и на этот раз.

Орденоносец Афанасий Кушнир провел огромную колонну сквозь огонь и стужу. Командиры и бойцы выдержали сотни набегов, пережили непрерывный обстрел, десятки раз ходили в атаку.

Они на плечах подымали грузовики, ползком перетаскивали орудия, с налету одолевали горы, отважно шли по сугробам. Они действовали смелостью и хитростью, выдумкой и дерзанием. В каждую минуту боя находили самое верное решение, молниеносно его выполняли. Во имя любимой Родины громили врага, совершая чудеса храбрости с единственной целью: «Победить!».

Это и есть подвиг.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ Правда, 1940, 1 февраля.

ТРУДНЫЙ ПЕРЕХОД

В первых числах февраля 1940 г. заместитель наркома внутренних дел комдив И.И. Масленников, ознакомив меня с обстановкой на советско-финском фронте, сообщил, что по решению директивных органов в районе ст. Лоухи Мурманского отделения железной дороги сосредоточивается особая группа лыжников из состава пограничных войск. Численность группы около десяти тысяч человек. Отдельные лыжные батальоны начнут прибывать в указанный район в ближайшие дни. Мне было предложено включиться в работу по созданию штаба группы и штабов подгрупп за счет выделяемых для этой цели офицеров из Управления пограничных войск, Высшей пограничной школы, Военно-технического училища и Отдельной дивизии особого назначения.

Через несколько дней вызванное в Генеральный штаб Красной Армии руководство группы получило задачу: двигаясь в направлении Лоухи, Кестеньга и далее через Пяозеро на Коусамо, скрыто сосредоточить войска группы на границе с Финляндией в готовности к наступлению на Коусамо. Для выполнения поставленной задачи было признано целесообразным иметь в составе группы три подгруппы трехбатальонного состава каждая, с разведывательными и саперными подразделениями. В непосредственном подчинении группы оставались артиллерия, отдельная разведывательная рота и саперный батальон. Подгруппы, как и сама группа, именовались по фамилиям командиров – Артемьева, Клешинина, Никифорова, Забалуева.

Сосредоточение войск группы в районе ст. Лоухи закончилось в установленный срок (лишь с некоторым опозданием служб и подразделений тыла). Но ознакомление с личным составом прибывших батальонов выявило неожиданную вещь – более половины пограничников не умели ходить на лыжах. Потребовалась большая организаторская работа штаба и политотдела группы, возглавляемых комбригом Богдановым и полковым комиссаром Прокофьевым, энергия командиров всех степеней, чтобы в оставшееся до выступления время и в первые дни перехода научить всех бойцов пользоваться лыжами.

Выход в заданный район, до которого насчитывалось около 200 километров, осуществлялся в исключительно суровых погодных условиях – при 40–50-градусных морозах, по глубокому, до полутора метров, снегу, в метели и при полном отсутствии на пути движения и в районе сосредоточения населенных пунктов (за искл. м. Кестеньга). Марш совершался тремя отдельными колоннами с интервалами между ними до трех километров. Артиллерия находилась при средней колонне. Впереди действовала общевойсковая и инженерная разведка, в задачу которой входила и прокладка основной лыжни по заранее определенному штабом группы азимуту.

По ходу движения средней подгруппы прокладывался колонный путь, необходимый для движения средств усиления и тылов, а на рубеже ночлега делалась соединяющая колонны рокада. В рыхлом снегу боец деревянной лопатой мог расчищать за час площадку около 30 кв. м. На постройку снежного шалаша с настилом внутри из еловых веток каждое отделение бойцов затрачивало до 20 минут. При свечах температура воздуха в шалашах поднималась до 9 градусов.

С учетом перечисленных выше условий суточный переход группы не превышал 30 км.

...На третий день перехода на одном из приданных группе самолетов я прибыл в штаб

9-й армии, где встретил командира особого корпуса, действовавшего на Кандалакшском направлении, комдива Батова. Командующий 9-й армией комдив В.И. Чуйков ознакомил нас с обстановкой в полосе действия его армии и сообщил о готовящемся наступлении, в котором предполагалось участие и нашей группы. В штабе армии состоялась также моя встреча с представителями пограничных войск тт. Аполлоновым и Телегиным.

В установленный срок войска группы сосредоточились в заданном районе и приступили к оборудованию исходного рубежа для наступления. Частые снежные метели заносили колонные пути, затрудняя материально-техническое снабжение войск. Положение было поправлено выделением в распоряжение группы тысячи оленьих упряжек. В первых числах марта группа перешла в оперативное подчинение 9-й армии. В поступившей из штаба армии директиве ставилась задача на предстоящий переход войск группы в наступление, готовность которого определялась исходом 12 марта. Выделялись силы и средства авиационной поддержки наступления и представитель ВВС для организации взаимодействия.

Около двух часов 13 марта, занимая исходное положение на заранее подготовленном рубеже, личный состав вместо ожидаемой команды на движение вперед получил приказ об отмене наступления. Стало известно, что 12 марта подписан советско-финляндский мирный договор.

Обратный переход в район ст. Лоухи был совершен с несравнимо меньшей затратой сил и энергии. В первой половине апреля 1940 г. группу расформировали. Значительная часть рядового и офицерского состава была обращена на укомплектование новых частей Ленинградского пограничного округа. Так, из подгруппы полковника Клешнина был сформирован Койвистский пограничный отряд в составе трех комендатур, которым Клешнин командовал до назначения его на должность начальника Ленинградского пограничного училища.

Из воспоминаний генерал-полковника в отставке П.А. Артемьева.

Биографические справки

Комбриг П.Г. Кобелев . В документах истории внутренних войск Советского государства часто упоминается имя Павла Кобелева. Рядовой-самокатчик, командир отряда ВЧК, комбат, в 26 лет комполка, в тридцать – командир-военком Отдельной мотострелковой дивизии им. Ф.Э. Дзержинского, начальник внутренних войск Московского, затем Северо-Кавказского округов – таков его послужной список. Участник гражданской войны, краснознаменец, коммунист с 1919 г., комбриг, замечательный командир и воспитатель. Его любили красноармейцы, уважало начальство. Кобелев был инициатором многих интересных начинаний. В полку он организовал школу музыкантов-подростков, многим помог стать на ноги, выйти в люди.

Однако сведения о военной службе Кобелева до 1917 г. крайне скудны. В газете «На страже революции» № 7 от 17 декабря 1922 г. помещена заметка «Будем знакомыми», в которой сообщаются биографические сведения о Кобелеве. В ней, в частности, говорится:

«Кобелев Павел Георгиевич – наш командир полка, родился 2 июня 1894 г. в г.Курске в бедной мещанской семье. Окончил 3 отделения церковно-приходской школы, 2 класса городского училища, после чего поступил в 4-х классную Курскую торговую школу, но за недостатком средств вышел из 3-го класса и поступил на бесплатные землемерные курсы, которые и окончил в 1915 г.

В августе 1915 г. уехал на северо-западный фронт в качестве рядового самокатчика-пулеметчика взвода, где и пробыл до 7 июля 1917 г. На фронте все время был рядовым и только при Керенском был произведен в ефрейторы. В Февральскую революцию был в окопах под Двинском, где впервые был избран депутатом на корпусной съезд от 2-х самокатных рот, с этого момента начал принимать активное участие в работе войсковых комитетов.

В Октябрьскую революцию деятельное участие принимал самокатчиком, держа связь между восставшими частями Петроградского гарнизона. 23 февраля 1918 г. был демобилизован из царской армии и тут же поступил добровольно на службу в ВЧК,

находившуюся тогда в Питере, рядовым самокатчиком. В апреле т.г. был назначен тов. Дзержинским на должность начальника отряда самокатчиков, в каковой пробыл до ноября м-ца 1918 г., т.е. до создания из 3-х боевых отрядов ВЧК Отдельной роты, причем был назначен комвзвода, позднее помкомроты, после комроты Отдельной ВЧК. За время службы при ВЧК-ГПУ несколько раз получал благодарности и награды от ВЧК за усердную службу перед Советской властью. Товарищ Кобелев состоит членом РКП с 1918–1919 г. В чисто боевой работе деятельное участие принимал в борьбе против бандитов и контрреволюционеров. Активно участвовал в подавлении левоэсеровского мятежа в Москве 6 июля 1918 г. и ликвидации банд анархистов».

Был он одним из первых организаторов и активистов войскового коллектива спортобщества «Динамо», вел большую ответственную работу как депутат Моссовета. Под его командованием дивизия имени Ф.Э. Дзержинского стала одним из лучших воинских коллективов по боевой и политической подготовке, состоянию дисциплины, спортивным результатам. Служба складывалась хорошо, авторитет Павла Георгиевича Кобелева рос. Ничто, казалось, не предвещало близкой трагедии. Но в НКВД на самом высшем уровне уже решался вопрос о вскрытии и разоблачении очередного «военного заговора». На этот раз в войсках самого этого ведомства.

Начались повальные аресты в дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. Один за другим исчезали командиры и комиссары полков. За тюремной решеткой оказались командиры бригад, комиссары, начальники штабов других частей.

В сетях НКВД оказались тыловики, штабисты, вооруженцы, врачи, даже капельмейстеры...

30 декабря 1938 г. взяли под стражу комбрига П.Г. Кобелева и препроводили в тюрьму. Начались изнурительные допросы, очные ставки, выбивания признания и одни и те же вопросы: «Ты руководил заговором в войсках НКВД? Ты хотел свергнуть правительство? Ты хотел уничтожить товарища Сталина?» Так продолжалось более года. 24 января 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР на основе совершенно бездоказательных материалов следствия признала Кобелева Павла Георгиевича, начальника штаба ВВ Московского округа, Смирнова Павла Ивановича, командира бригады войск НКВД, дважды краснознаменца Лунева Александра Георгиевича, командира-военкома 236-го полка войск НКВД Гильфонда Александра Михайловича виновными в том, что они являлись участниками антисоветской террористической организации, и приговорила их к расстрелу с конфискацией имущества и лишением воинских званий. На другой день смертный приговор был приведен в исполнение. Выдуманный заговор понадобился тем, кто состряпал это дело для того, чтобы расправиться с самыми лучшими и опытными военными кадрами. Кадрами, преданнейшими народу и преданными людьми, которым они доверяли. Руководители НКВД выполнили заказ тогдашнего руководства страны и в своем рвении не щадили никого. Шло повальное истребление так называемой «ленинской гвардии», лучших военачальников, командиров производства, деятелей культуры...

Жертвой этого произвола стал и Павел Георгиевич Кобелев. Реабилитирован 22 сентября 1956 г.

Комбриг А.А. Масловский . Комбриг Адам Александрович Масловский (1892–1938), родился в Минской губ. в рабочей семье, стеклодув, браковщик леса. Окончил 4 класса городского училища, школу прапорщиков. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Подпоручик русской армии. Стал красногвардейцем. В РККА с 1918 г. В 1920 г. вступил в РКП(б). Окончил Военную академию РККА (1925 г.). Службу проходил на разных командных должностях. Командовал ротой, батальоном. Был ранен. В 1921 г. назначен командиром 164-го отдельного батальона войск ВЧК. В 1926–1930 гг. был помощником начальника Управления погранохраны и войск ОГПУ Северо-Кавказского края. Участвовал во многих боевых операциях. В 1930–1932 гг. – начальник штаба, врид командира-военкома ОДОН имени Ф.Э. Дзержинского (01.03–31.08.1931 г.), одновременно – начальник инспекции войск ОГПУ Московского округа. Затем служил в Средней Азии, участвовал в борьбе с басмачеством, возглавлял Ашхабадский погранотряд. Был награжден орденом Красной Звезды, именным оружием, знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ».

В 1934–1937 гг. – начальник-военком 1-й пограничной школы войск НКВД в Новом Петергофе. Пригодился его богатый жизненный и боевой опыт, когда он был направлен

советником-инструктором Управления погранохраны МВД Монгольской Народной республики. Однако вскоре он был отозван и 4 марта 1938 г. арестован. Его обвинили в принадлежности к офицерско-монархической террористической организации, а также в участии в антисоветской правотроцкистской организации, в подрывной деятельности, направленной на ослабление боевой подготовки войск НКВД и шпионаже в пользу польской разведки. Комбриг Масловский все обвинения отверг, но Военная коллегия Верховного суда СССР 5 октября 1938 г. приговорила его к расстрелу с конфискацией имущества и лишением звания комбриг. В тот же день приговор был приведен в исполнение. Реабилитирован 16 мая 1957 г.

Сын Масловского, Эдуард, как только началась Великая Отечественная война, добился призыва в армию. Попав на фронте в окружение, вступил в партизанский отряд, в котором воевал в Белоруссии до 1944 г. Удостоен 12 государственных наград.

Комбриг С.И. Кондратьев . Кондратьев Сергей Игнатьевич родился в 1891 г. в п. Тагильский завод Свердловской области в семье горнорабочего. Член партии с марта 1917 г.

После окончания сельского училища отец определил 14-летнего Сергея в слесарную мастерскую Тагильского завода. Когда исполнилось 17 лет, Сергей поступил на Калатинский медный рудник чернорабочим, а затем его перевели в шахту на добычу медной руды. Здесь он проработал до призыва в армию. Успешно закончил учебную команду 131-го Тираспольского полка в г. Калуге. Обстановка сложилась так, что унтер-офицер пехоты Кондратьев С.И. прослужил в Особом Сибирском корпусе в Тургайской области шесть лет и возвратился на родной Урал.

Через неделю его призвали в 1-й Уральский батальон и назначили помощником командира роты.

С тех пор началась военная служба в рядах Красной Армии. Он был помощником коменданта ст. Невьянск, квартирмейстером полка им.Малышева, начальником хозчасти, связи того же полка. Служил в первой советской трудовой армии, был комендантом поезда командующего 16-й армией, а в июне 1920 г. откомандирован в распоряжение начальника особого отдела 16-й армии, где исполнял различные должности.

С июня 1921 г. Сергей Игнатьевич – начальник отделения по борьбе с бандитизмом ЧК Белоруссии. Большое трудолюбие, опыт работы были замечены. За активную деятельность по борьбе с бандитизмом в БССР награждался комплектом теплых вещей. Сергея Игнатьевича назначают заместителем председателя ГПУ Белоруссии, а затем старшим инспектором войск ОГПУ Западного края.

Известный чекист Ф.Д. Медведь в то время работал полномочным представителем ОГПУ по Западному краю. Он так отзывался о Кондратьеве: «Решительный, энергичный, инициативу проявляет, в обстановке разбирается. Пользуется авторитетом. К оперативно-чекистской работе способности имеет. Первоначальное образование низшее, многое усвоил последующим самообразованием».

Более пяти лет Сергей Игнатьевич возглавлял пограничную охрану в войсках ОГПУ Дальнего Востока. В то время здесь действовали различные банды, широко процветала контрабанда, граница была тревожной. Требовалось много сделать для повышения боеспособности подразделений и частей внутренних и пограничных войск.

Сергей Игнатьевич выезжает в районы, пораженные бандитизмом, и лично руководит проведением боевых операций в Якутии, на Нижнем Амуре и в Восточной Сибири.

Это в его бытность в должности начальника погранохраны и войск ОГПУ Дальнего Востока впервые в истории Советских Вооруженных сил была восстановлена традиция русской армии – навечное зачисление в списки частей. Приказом ОГПУ от 4 марта 1929 г. № 38 в списки 2-го кавполка войск ОГПУ были навечно зачислены командир взвода В.Д. Реут, красноармейцы Н.И. Иваненков и А.В. Потанин, погибшие в одном из решительных боев с окопавшимися в Налькане бандитами.

5 октября 1930 г. Кондратьева С.И. назначают командиром-военкомом отдельной дивизии особого назначения им. Ф.Э. Дзержинского. Без малого шесть лет он командовал этим старейшим соединением во внутренних войсках. Здесь ему было присвоено звание комбрига. Рабочий день комдива был заполнен с утра до вечера. Боевая учеба, выполнение служебных задач, обустройство подразделений и частей, и к тому же велось широкое капитальное строительство жилых домов и казарм. Ветераны дивизии тепло вспоминают

комдива Кондратьева С.И. Он много времени уделял работе с семьями командиров и старался создать для них максимум бытовых удобств.

При нем широко была поставлена спортивная работа среди военнослужащих, их семей, особенно детей. Он открыл пионерский лагерь, работавший в летний период и в зимние каникулы.

В апреле 1936 г. комбриг Кондратьев С.И. назначается заместителем коменданта Московского Кремля. Ровно два года пробыл он в этой должности. 12 апреля 1938 г. его арестовали, обвинив, что с 1921 г. являлся участником польской антисоветской организации «ПОВ», а в 1931 г. вошел в состав антисоветского военно-фашистского заговора в войсках НКВД, создал заговорщицкую группу и занимался шпионажем в пользу Польши, был вредителем боевой и политической подготовки дивизии ОСНАЗ (им. Ф.Э. Дзержинского).

26 августа 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР постановлением ст. 58-1 «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР приговорила Кондратьева С.И. к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества и лишением воинского звания комбриг. В тот же день приговор приведен в исполнение.

Его жене Варваре Иосифовне выдали справку, что муж умер 12 сентября 1940 г., а через несколько лет дату смерти «уточнили» на 5 августа 1942 г. Ей пришлось долго искать правду, не говоря уже о том, что она пережила как жена «врага народа».

27 августа 1956 г., т.е. через 18 лет после расстрела, доброе имя комбрига Кондратьева С.И. было восстановлено.

Комбриг П.В. Торощин . Торощин Павел Васильевич (1894–1838), родился в крестьянской семье Вятской губ. Окончил сельскую школу и трехклассное училище. Участник Первой мировой и Гражданской войн. На военной службе с 1915 г. По окончании Петроградской школы прапорщиков направлен в действующую армию, командовал ротой, в боях проявил личное мужество и умение руководить подчиненными, за что был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст., произведен в поручики. С 1918 г. – в РККА. В 1919 г. вступает в РКП(б). Командир батальона Особого полка Западного фронта, затем нач. отделения штаба 8-й армии, старший помначштаба 16-й кавалерийской дивизии 2-й Конной армии. После Гражданской войны окончил Военную академию РККА, после чего проходил службу в войсках ОГПУ-НКВД СССР на руководящих постах в УПО и войск ОГПУ Ленинградского округа, начальником УПВО НКВД Северо-Кавказского края. С марта 1936 г. назначен командиром-военкомом Отдельной мотомеханизированной дивизии особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского.

29 июля 1937 г. арестован. Был обвинен в том, что якобы с 1932 г. являлся активным участником антисоветской заговорщической организации в войсках ОГПУ-НКВД, «проводил вредительство в боевой подготовке дивизии», вел подготовку к использованию частей дивизии в вооруженном выступлении против Советской власти.

Из камеры № 105 Бутырской тюрьмы Торощин 22 ноября 1939 г. пишет на имя И.В. Сталина письмо о своей невиновности в инкриминированных ему преступлениях. Несмотря на то что комбриг Торощин отверг все обвинения, пояснив, что признательные показания, данные на предварительном следствии, вырваны физическими методами воздействия, Военная коллегия Верховного суда СССР 28 января 1940 г. вынесла ему смертный приговор, который приведен в исполнение 29.01.1940 г. Реабилитирован 6 октября 1956 г.

Князьков Борис Георгиевич, родился в 1914 г. в с. Дубровна Оршанского уезда Смоленской губернии в семье крестьянина. Окончил семилетку и поехал в Москву к старшей сестре, надеясь дальше учиться. Увлекся футболом, попал в одну из команд «Динамо» и был зачислен воспитанником в Автобронетанковый дивизион ОДОН войск ОГПУ.

В 1934 г. окончил 2-ю пограничную школу в г. Харькове и прибыл для продолжения службы в 1-й мотострелковый полк ОМСДОН. Затем командовал взводом, был помощником начальника штаба отдельного танкового батальона. В 1938 г. поступил в Военную академию механизации и моторизации РККА на заочный командный факультет, закончить учебу в связи с начавшейся войной не удалось.

Был назначен помначштаба танкового полка дивизии, после формирования 2-й ОМСДОН переведен зам. командира танкового батальона этой дивизии. С 1945 г. – начальник оперативного отдела штаба 1-й МСД. В дальнейшем служил начштаба и зам. командира 32-го полка, а после его расформирования – командиром 42-го отдельного

мотострелкового батальона 4-й дивизии, после чего командовал 88-м отдельным полком. В 1961 г. уволен в запас. В 1950 г. окончил заочно Военную академию имени М.В. Фрунзе. После военной службы работал в системе Министерства внешней торговли, зав. редакцией технических изданий, затем зам. директора ВНИИ «Импульс». В 1973–1983 гг. работал в МГС и ЦС спортивного общества «Динамо». Участник Памирской экспедиции, Великой Отечественной войны, борьбы с бандитизмом. Полковник в отставке.

Комбриг Смирнов . *«...занимаемой должности вполне соответствует» – таким выводом неизменно заканчиваются все служебные аттестации, находящиеся в архивном личном деле бывшего начальника штаба Управления внутренних войск НКВД Московского округа комбрига П.И. Смирнова. И эта оценка, сделанная вышестоящим командованием, была объективной. Она в действительности отражала незаурядные командные и чекистские способности военачальника.*

Однако в июне 1939 г. приказом наркома внутренних дел Л. Берии комбриг был уволен из кадров комсостава войск НКВД с двусмысленной формулировкой – «...за невозможностью использования».

Почему же у руководства так резко изменилось мнение о боевом командире-чекисте? Скорее всего, на это повлияло одно событие или, точнее, – встреча Смирнова с будущим наркомом, состоявшаяся за полтора года до увольнения. Вот что рассказал сын комбрига, Владимир Павлович. Возможно, в этом рассказе есть какие-то неточности. Владимир Павлович, в свою очередь, узнал об этом от своей матери.

...В середине марта 1938 г. Павла Ивановича Смирнова назначили начальником Управления пограничных и внутренних войск НКВД Азербайджанской ССР. Новый начальник войск со свойственной ему энергией взялся за дело. С головой уйдя в работу, он порой неделями пропадал в частях, подразделениях и на погранзаставах. От его внимания не ускользнула ни одна из сторон сложного и многообразного войскового организма. Среди бойцов и командиров, почувствовавших в своем новом военачальнике требовательного и справедливого командира, Смирнов быстро завоевал авторитет и уважение. Заслуженной оценкой его деятельности на этом посту стало и присвоение воинского звания – комбриг.

Но вот однажды во время одной из поездок в Азербайджан Л.П. Берия решил побывать на границе. Сопровождал «высокого» гостя, естественно, сам начальник войск. Берия, мнивший себя старым и многоопытным чекистом, давал «ценные» советы, рекомендации и указания. Смирнов слушал его, едва сдерживаясь, чтобы не взорваться. На одном из участков границы требования Берии дошли до того, что могли привести к изменению в системе ее охраны. Это переполнило чашу терпения Павла Ивановича. Он вежливо, но решительно ответил, что «указания» Берии являются ошибочными, могущими повлечь за собой пограничный конфликт. Далее он недвусмысленно дал понять Берии, что охраной государственной границы занимаются вовсе не дилетанты, а весьма компетентные в своем деле пограничники-чекисты. Такого отпора со стороны комбрига Берия, конечно же, стерпеть не мог. Лаврентий запомнил этого строптивца...

Кто же он был – человек, осмелившийся перечить самому Берии?

Архивные документы и другие источники в какой-то мере дают возможность восстановить некоторые страницы биографии бесстрашного комбрига.

Февраль 1918 г... Бывший прапорщик Павел Смирнов в потрепанной офицерской шинели со споротыми погонами приехал на родину – в деревню Филипцево Даниловского уезда Ярославской губернии. Родители радостно встретили живого и невредимого сына-фронтовика. Давно Павел не был в родных местах, с самого детства. А родился он здесь 10 августа (по старому стилю) 1895 г. в крестьянской семье. Вскоре родители решили ехать на заработки в столицу. Взяли с собой и детей.

Крестьянская хватка и природный ум главы семьи Смирновых способствовали нормальному существованию в трудных условиях жизни в Петербурге. Отец вскоре стал известным в округе булочником и кондитером, а мать устроилась работать чулочницей. Зарабатывали хоть и немного, но и не бедствовали. Благодаря этому появилась возможность дать необходимое образование и Павлу. В 1913 г. он успешно окончил торговую школу. На службу его взяли в Русско-Английский банк счетоводом. Где и проработал до конца 1915 г.

Империалистическая война не обошла стороной и Смирновых. В декабре 1915-го надел солдатскую шинель и Павел. Воевал храбро, был ефрейтором, потом унтер-офицером. В

самом конце следующего, 1916 года окончил Ораниенбаумскую школу прапорщиков.

Фронт, сырые окопы, бессмысленная бойня, потом революция – все это не могло не заставить задуматься молодого офицера о сути происходящего...

После расформирования старой армии Павел несколько месяцев работал в деревне в хозяйстве отца, куда вновь вернулись Смирновы из Петрограда.

Но мирно пожить пришлось недолго. Разгоралась Гражданская война. Бывший офицер ушел воевать за Советскую власть. Сражался с белогвардейцами в составе 61-го стрелкового Рыбинского полка, затем в рядах 5-й армии на Восточном фронте, был начальником гарнизона города Кокчетава. С середины 1920 г. Смирнов в Белоруссии в составе 16-й армии участвует в освобождении Минска, Барановичей, Волковыска, дерется с бандами Булак-Балаховича. В боях за Советскую власть выковывается характер будущего военачальника, приобретаются командные навыки и необходимый опыт.

В апреле 1921 г. П.И. Смирнов получает назначение в войска ВЧК по охране западной границы. От младшего помощника начальника штаба бригады по оперативной части до начальника штаба бригады – такой путь по служебной лестнице проделал Павел Иванович всего за год. Способствовали этому прежде всего боевой опыт, огромная самоотдача порученному делу, незаурядные способности штабного работника. С этого момента он в течение семнадцати лет возглавлял штабы различных уровней.

В феврале 1922 г. Смирнова откомандировали в Москву. Он становится адъютантом (начальником штаба) 1-го отдельного батальона войск ВЧК. Командовал батальоном П.Г. Кобелев, будущий первый командир прославленной дивизии имени Ф.Э. Дзержинского.

Смирнов и Кобелев стали не только соратниками и единомышленниками, но друзьями на долгие годы. Они вместе переформировали батальон в 1-й отдельный полк войск ГПУ. Кобелев и Смирнов стояли у истоков создания дивизии ОСНАЗ. Павел Иванович стал первым начальником штаба соединения, возглавлял который в течение нескольких лет.

2 марта 1923 г. заместитель председателя ОГПУ И.С. Уншлихт подписал приказ следующего содержания: «За плодотворную и неутомимую работу, редкую энергию, проявленную в деле поднятия на должную высоту боеспособности, дисциплины и сознательности красноармейцев и в высокой степени честное отношение к делу, награждаются: золотыми часами... командир-военком 1-го Отдельного полка войск ГПУ Московского округа тов. Кобелев П.Г. и начальник штаба того же полка тов. Смирнов П.И.».

Высокая оценка руководством ГПУ вызвала у Смирнова желание трудиться еще лучше, еще больше совершенствовать деятельность штаба. Вот пример, как аттестовал своего начальника штаба комдив П.Г. Кобелев в июне 1925 г.: «...обладает достаточной теоретической и практической подготовкой для руководства штабной работой. Умеет подобрать и использовать работников. Хорошо знает как штабную, так и строевую службу... В работе не разбрасывается, в обстановке быстро ориентируется. Дисциплинирован сам и может привить дисциплину подчиненным, требователен, на работе усидчив... Образ жизни ведет скромный... Заключение: должности начальника штаба дивизии вполне соответствует и для дальнейшей службы в дивизии желателен».

Аттестацию утвердил сам «зампред» и командующий войсками ОГПУ Генрих Ягода...

В сентябре того же года дивизия приняла участие в маневрах частей Московского гарнизона. Основная тяжесть их организации и проведения ложилась на штаб. П.И. Смирнов успешно справился с этой новой для него задачей. Дивизия, как было отмечено руководителями маневров, «...показала образцовые и примерные для других частей действия».

Командование войск ОГПУ высоко оценивало способности Смирнова. В период руководства штабом дивизии он был награжден именным огнестрельным оружием и знаком «Почетный чекист».

После службы в дивизии имени Ф.Э. Дзержинского Павел Иванович несколько лет был на преподавательской работе, щедро делился со слушателями своим богатым опытом.

В самом конце 1935 г. судьба вновь свела его со своим командиром. П.Г. Кобелева после окончания академии назначили начальником Управления внутренней охраны НКВД Московского округа. Смирнов же возглавил штаб округа. Ему было присвоено персональное воинское звание – полковник.

Много сил и времени, зачастую и личного, забирала штабная работа. В этот период

происходила коренная реорганизация войск округа, переформировывались части подразделения, происходил поиск новых способов несения боевой службы, Павел Иванович порой сутками не покидал штаб округа. Но напряженная работа вскоре стала приносить положительные результаты. Это отразилось и в одной из последних аттестаций: «...работая в должности... начальника штаба войск НКВД Московского округа, т. Смирнов провел большую работу по боевой подготовке частей, которые... 1936–1937 гг. закончили с вполне удовлетворительными результатами. Кроме того, т. Смирновым в 1937 г. была проделана большая работа по реорганизации частей округа...»

А в следующем году последовало новое назначение. На сей раз начальником войск НКВД в Азербайджане. Самостоятельная работа, большие перспективы в применении на практике своих способностей, большого опыта, приобретенных знаний.

Но... в начале 1939 г. Павла Ивановича неожиданно отстраняют от должности и выводят за штат. Его отзывают в Москву. На все вопросы о причинах такого поворота в службе кадровики Главного управления пограничных и внутренних войск отвечали так: «Ждите назначения».

Но шли месяцы, а назначения не было. Неизвестность и вынужденное безделие утомили Смирнова. В конце концов, не выдержав такого отношения к себе, Павел Иванович пишет рапорт руководству ГУПВВ НКВД следующего содержания: «Моя общевойсковая подготовка сильно устарела, в связи с этим работать в дальнейшем на руководящей военной работе мне трудно... Прошу Вашего распоряжения об увольнении меня в запас...»

Просьба Смирнова была удовлетворена удивительно быстро. А через два месяца последовал арест...

О подробностях того страшного дня рассказал сын комбрига Смирнова – Владимир Павлович...

Это был День авиации. Павел Иванович с сыном пошли в Парк Горького. Было очень весело и радостно на душе. Погода стояла великолепная... Ничто не предвещало трагедии.

Едва пришли домой, как раздался стук в дверь. Отец открыл. На пороге стояли молодые и крепкие ребята. Одеты они были по тогдашней моде: широкие брюки, двубортные пиджаки, кепки с большим квадратным козырьком. Один из них, видимо старший, предъявил ордер на арест.

– Собирайся, – бросил он. – С собой брать ничего не надо. Скоро будешь дома...

Павел Иванович, как был в летних полотняных брюках и украинской вышитой рубахе, так в этом и ушел вместе с энкавэдистами. Домой он уже не вернулся... Никогда...

Что же вменялось в вину боевым соратникам? Их обвиняли, что якобы... «являлись участниками антисоветской заговорщической террористической организации и занимались подготовкой к совершению террористических актов». Естественно, объектами «террора» были Сталин и его ближайшее окружение. Далее следовал целый набор уже стандартных обвинений: вредительство, подрыв боеготовности, вербовка новых членов антисоветской организации.

Их также обвинили в том, что якобы «готовили части войск округа для вооруженного выступления против Советской власти». Абсурдность подобных обвинений могла поставить в тупик кого угодно, но только не их авторов. И вот Смирнов, доведенный до отчаяния «вымыслами» следователей, обращается с заявлением в Прокуратуру СССР: «Я уже почти полгода сижу в тюрьме. В результате диких издевательств, оскорблений, унижений... в результате жуткого мордобоя, зуботычин и пр. прелестей Средневековья я не вытерпел – подтвердил клевету, наклеветал сам на себя и – самое страшное – кажется, помог Кобелеву оговорить также ни в чем не повинных людей... Мою честную работу подтвердят сотни командиров...»

На состоявшемся 24 января 1940 г. суде Павел Иванович отказался от ранее данных показаний, полученных незаконными методами следствия. Так мог поступить только очень мужественный человек. Но суд полностью признал виновным П.И. Смирнова в никогда не совершенных им преступлениях. Приговор был однозначным – расстрел... Абсурдные обвинения сняли с П.И. Смирнова только в 1956 г. Посмертная реабилитация вернула нам имя первого начальника штаба дивизии им. Ф. Дзержинского и одного из начальников штабов внутренних войск НКВД Московского округа комбрига Павла Ивановича Смирнова. Но потребовались еще долгие годы, чтобы оно заняло достойное место в истории

внутренних войск...

Майор Н. СЫСОЕВ. «Зоркий часовой». 3–9 ноября 1990 г.

Глава III. ВОИНЫ-ДЗЕРЖИНЦЫ В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1941–1945 гг.

Из истории прославленного соединения

...20 июня 1941 г. командир дивизии генерал-майор М.П. Марченков подписал приказ № 128 по Реутовскому лагерному сбору: «22.VI. в 11 час. 30 мин. назначается парад частям лагерного сбора по случаю открытия Реутовских лагерей. Принимать парад будет генерал-лейтенант Масленников. Вывести части ОМСДОНа и ВШ (Высшей школы. – *Прим. авт.*) НКВД». Но в этот день началась Великая Отечественная война. Пришлось заняться совсем другими проблемами. Пришлось защищать Москву. Многие факты об участии дивизии Ф.Э. Дзержинского в обороне Москвы хорошо известны. Например, о действиях подразделений 2-го полка подполковника Н.Г. Шевцова в районе Боровска (12–13 октября), боевых отличиях капитана И.П. Ключко, рядового Б.С. Егорова, санинструктора Л.А. Долгалевой, лейтенанта И.М. Ломова, политрука А.М. Озерякина, старшего лейтенанта П.П. Семенюка и многих других, подвиге рядового Ильи Николенко, навечно зачисленного в списки части. О боевых успехах артиллеристов двух батарей (старшего лейтенанта В.И. Левкина и лейтенанта И.Л. Кузнецова, впоследствии Героя Советского Союза), вошедших в состав 34-го мотострелкового полка майора И.И. Пияшева (впоследствии командир ОМСДОНа), отличившихся в бою под Мценском, подвигах наводчика С.Е. Белоуса, которому посвятила передовую статью «Защитник Москвы Сергей Белоус» газета «Красная Звезда», телефониста Григория Прокопенко, навечно зачисленного в списки части. О самоотверженности часового Артемия Трифонова, погибшего на посту, до конца выполнив свой воинский долг (он также остался навечно в строю в одном из полков дивизии). О знаменитом параде на Красной площади в столице, которым командовал генерал П.Л. Артемьев, командующий войсками Московского военного округа, бывший командир ОМСДОНа, а принимал маршал С.М. Буденный, почетный красноармеец дивизии...

Но, к сожалению, очень мало известно о таком факте, как разгром фашистских мотоциклистов, ближе всех прорвавшихся к столице, в районе Химок танкистами-омсдоновцами в один из критических моментов обороны Москвы 16 октября 1941-го.

...В преддверии 20-летия Победы в «Московской правде» появилась небольшая публикация участников данного события, служивших в войну в ОМСДОНе. Участвуя в составлении сборника документов «Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», В.Ф. Холоден (участник битвы за Москву), В.Д. Кривец и С.М. Штутман решили включить эту публикацию в книгу за неимением других документальных подтверждений, но появившаяся тогда в «Военно-историческом журнале» статья бывшего первого секретаря Химкинского райкома партии, начисто опровергавшая утверждение омсдоновцев, заставила отказаться от нашего намерения. Но бывший райкомовец погрешил против истины – на самом деле такой эпизод под Москвой осенью 41-го был. 11 октября 1971 г. в «Вечерней Москве» появилась заметка участника обороны Москвы М. Ворончихина «Бой на Химкинском мосту», рассказывавшая о прорыве разведгруппы противника к мосту через канал Москва–Волга и о разгроме вражеских мотоциклистов танковым подразделением дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. Исследованием данного факта занялся журналист Лев Колодный. В двух публикациях о малоизвестных фактах обороны столицы он рассказал на страницах «Московской правды» и об этом эпизоде. Публикации вызвали отклики читателей, среди которых было письмо непосредственного участника боя в Химках подполковника в отставке А. Машнина. Л. Колодный привел это письмо в своей книге очерков «Хождение в Москву» (М., 1990. – С. 151–152). Приведем несколько выдержек из этого письма: «Для борьбы с фашистскими авиадесантами наша танковая часть дивизии вошла в состав маневренного резерва на основании приказа войскам Западного

боевого участка № 1/оп от 02.08.1941 г. Согласно приказу наши танковые роты несли ответственность за обеспечение поставленной задачи в направлениях шоссейных дорог – Минского, Волоколамского, Ленинградского. Для быстрого выхода в свои сектора наша часть расположилась на Покровке. Для каждого танка отрыли окопы на бульварах. Дежурные экипажи располагались в танках, остальной личный состав размещался в Покровских казармах, где дислоцировался тогда третий полк нашей дивизии. Мы затрачивали всего 30–35 минут на движение от Покровки до развилки Волоколамского и Ленинградского шоссе на Соколе... Утром 16 октября начальник связи лейтенант Бобков С.И. получил радиограмму, из которой стало известно, что необходимо выехать в район Крюкова и уничтожить противника. После получения боевой задачи вторая танковая рота старшего лейтенанта Стребко И.И. шла совместно с мотоциклетным взводом лейтенанта Козлова Ф. В головном охранении находился первый взвод этой роты. Когда этот взвод приближался к мосту в Химках, ему навстречу двигались мотоциклисты с колясками. Мы считали, что это наши мотоциклисты. Только когда они открыли огонь, мы поняли, что это враг. В головном танке механиком-водителем был тов. Линников В.Д., а командиром танка – Панин. Этот танк первым открыл пулеметный огонь по фашистам. Было уничтожено два экипажа мотоциклистов. Три мотоциклиста по пешеходной дорожке моста, защитившись от огня фермами, прорвались на водную станцию „Динамо“, где были уничтожены нашим мотоциклетным взводом. Наша танковая группа проследовала в заданный район... В операции участвовало 17 танков, взвод мотоциклистов. Я был тогда представителем штаба, старшим лейтенантом. Для связи с нашей танковой частью и штабом западного боевого участка мне выделили радиостанцию, оборудованную на штабном автобусе». Вот такая история. Почему же о ней столько лет ничего не было известно? А ведь столько написано о войне вообще и битве под Московской. Ну, в 41-м об этом эпизоде промолчали понятно почему, – чтобы не вызвать еще большую панику в городе. А в последующие годы публиковалось все, что разрешалось публиковать. Есть ли документальные свидетельства произошедшего тогда, 16 октября 1941-го, события? Очевидно, есть (правда, в архивах ОМСДОНа, хранящихся в Российском государственном военном архиве, таких документов нет). Скорее всего, их следует искать в архивах бывшего НКВД. Будем надеяться, что со временем раскроется и окутавшая эти события тайна.

И еще об одном факте из далекого 41-го. 17 ноября в 2 часа ночи вражеской авиацией на Москву на Лефортовский гарнизон была сброшена бомба, в результате чего загорелся склад боепитания, а часовой красноармеец В.Д. Свеклин, призыва 1940 г., был тяжело ранен. Его отправили в медсанбат, где он скончался. Свеклин до конца выполнил свой долг, он совершил такой же подвиг, что и Артемий Трифонов, зачисленный навечно в списки части. Пост есть пост, что в ЦК партии, который охранял Трифонов, что на складе боепитания, где под бомбежкой принял смерть Свеклин. Было бы справедливым вспомнить о солдате Свеклине, увековечить память о нем, возбудив ходатайство о навечном зачислении в списки части.

Дивизия – одна из старейших во внутренних войсках. За заслуги ее неоднократно представляли к награде. Об этом свидетельствуют ордена на Боевом Знамени соединения. Но мало кому известно, что в 1945 г. командир дивизии генерал-майор И.И. Пияшев и начальник политотдела полковник Б.Г. Бабин направили руководству войск реляцию о представлении дивизии к присвоению ей звания гвардейской. В реляции подведены итоги боевого пути дивизии, говорилось о том, что с начала войны дивизия входила в состав войск Западного фронта, ряд ее частей участвовал в боях под Москвой и Юхновым, строил оборонительные рубежи на ближних подступах к столице, вылавливал вражеских парашютистов, охранял линии правительственной связи. Выполняя постановление ГКО от 19 октября 1941 г., личный состав частей дивизии нес боевую службу по претворению в жизнь этого постановления, введшего в Москве осадное положение. Всего за войну в девяти районах столицы патрули задержали 485 агентов врага, 69 753 дезертира и более 320 тысяч нарушителей установленного режима. Из состава дивизии был выделен личный состав для охраны Конференции глав трех государств антигитлеровской коалиции. Саперный батальон построил восемь новых мостов в освобожденных районах Московской области, обезвредил 5752 противотанковых и 4537 противопехотных мин, батальон связи восстановил 794 080 километров правительственной связи в Московской и Воронежской областях. Дивизия

подготовила 1065 снайперов, истребивших 11 720 солдат и офицеров противника. 9232 человека награждены орденами и медалями. Таковы военные итоги. Но это еще не все.

Дивизия – замечательная кузница кадров. И те, кто прошел эту школу воинской службы, получил здесь знания, опыт и закалку, вспоминают своих первых командиров, товарищей, все, что было связано со службой в дивизии, с уважением и благодарностью. Тысячи бойцов и командиров дивизии были направлены в действующую армию в период войны. В рядах дивизии служили будущие командиры полков, соединений, корпусов, армии, округов, войск. Среди них генерал-полковник П.Л. Артемьев, бывший командир ОМСДОНа, ставший начальником Управления оперативных войск НКВД, затем командующим войсками Московского военного округа; генерал-лейтенант К.Ф. Телегин, бывший военком полка, ставший в период войны членом Военного совета Московского военного округа, затем Московской зоны обороны, Донского, Центрального, Белорусского и 1-го Белорусского фронтов; генерал-лейтенант И.И. Яценко, бывший командир полка, ставший замначальника погранвойск НКВД СССР; генерал-лейтенант М.И. Марченков, бывший командир ОМСДОНа, ставший начальником войск НКВД Украинского округа; генерал-майор А.И. Гульев, бывший комполка, ставший начальником войск НКВД по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности, затем зам. начальника внутренних войск; генерал-майор М.Д. Папченко, бывший комполка, ставший командиром 21-й стрелковой дивизии войск НКВД, затем командующим 46-й армией Ленинградского фронта (о нем писал в своем романе «Блокада» писатель А. Маковский); генерал-майор А.А. Забалуев, бывший комполка, ставший начальником штаба Северо-Кавказского фронта; в дивизии получили закалку полковник М.Ф. Орлов, командовавший в войну отдельной мотострелковой бригадой особого назначения (ОМСБОН), ставшей учебным центром подготовки и заброски в тыл врага партизанских отрядов, разведывательно-диверсионных групп, в составе которых было и немало бывших омсдоновцев; полковник И.Н. Ростовцев, возглавивший в войну политотдел 15-го стрелкового корпуса, павший смертью храбрых в 43-м в боях за Харьковщину; старший лейтенант Г.Н. Арбузов, отличившийся в войне с Финляндией, во время Отечественной войны возглавивший партизанскую бригаду и павший геройски в бою в тылу врага в августе 42-го (о нем написала прекрасный очерк бывшая партизанка В.В. Романова «Мы – арбузовцы», опубликованный в сборнике «Память грозовых лет»). Здесь открылась дорога в «пятый океан» будущему Главному маршалу авиации А.Е. Голованову. Дивизия гордится своими Героями Советского Союза и первыми Героями Российской Федерации. 16 воинов были навечно зачислены в списки частей.

На пройденном пути много славных дел. Но были и драматические эпизоды, которые никак нельзя записать в актив, но и умолчать негоже. Господствовавший в стране режим привлекал части дивизии, как и другие полки, для осуществления противоправных акций по выселению ряда народов. В конце 1949 г. в Софии по просьбе тогдашнего руководства Болгарии в связи с происходившим судебным процессом над Трайчо Костовым (все это, как выяснилось впоследствии, являлось сплошной фальсификацией) находился сводный отряд из ОМСДОНа. Об этом несколько лет тому назад в еженедельнике «Совершенно секретно» было опубликовано воспоминание одного из участников этой, окруженной в свое время таинственностью, командировки.

А сколько еще бывших омсдоновцев стали замечательными инженерами, учеными, врачами, рабочими, тружениками сельского хозяйства! Можно не сомневаться, что все, кому довелось служить в этом соединении, помнят о нем с благодарностью и гордостью.

ХРОНИКА. ДОКУМЕНТЫ. ФАКТЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

В ДОМ НА ПОКРОВКЕ ПРИШЛА ВОЙНА

«Чтобы Москва стала крепостью»

Павла Артемьевича Артемьева один из его сослуживцев характеризовал так: «Наделенный большой волей и мужеством, незаурядными организаторскими способностями, прекрасно знавший солдатскую службу». Неудивительно, что именно генерал-лейтенанта

Артемьева уже на пятый день Великой Отечественной войны назначают командующим войсками Московского военного округа и Московской зоны обороны. Объем работы этого человека трудно даже вообразить. Под его руководством идет мобилизация военнообязанных – к началу 1942 г. Москва и область направили в действующую армию более миллиона человек. Одновременно формировались соединения, ранее не планировавшиеся, создавались новые военные училища, школы, курсы, фронтовые и госпитальные базы. А надо было еще решать и вопросы размещения частей, прибывавших из других областей и республик. Ответственность – не сносить головы, если что! – за все: укрепление противовоздушной обороны столицы, сооружения и весь фронт на Можайской линии обороны протяженностью 220 километров.

В начале октября Артемьев в очередной раз выехал в действующую армию, и по его предложению началось строительство Тульского оборонительного обвода, минирование дороги Мценск–Тула. Цель – не пропустить противника в Тулу. Сталин, выслушав доклад Артемьева, приказал двинуть туда все, что возможно, «без оглядки назад», задержать врага на 5–7 дней до прибытия резерва.

Вот каким запомнился Артемьев К.Ф. Телегину в те дни: «Он осунулся, лицо обветрилось. Бессонные ночи под Тулой и на рубеже сказались на его могучем организме. Чувствовалось, что он смертельно устал, что ему просто необходимо хоть немного отдохнуть, но обстановка этого не позволяла. Да и сам Павел Артемьевич был не из тех, кто может хоть на минуту забыться, когда не все сделано, что можно и нужно сделать сегодня. Впрочем, быть может, впервые за время нашей совместной работы я увидел командующего раздраженным, расстроенным оттого, что не все и не везде делалось так, как хотелось бы, как требовалось».

Под прикрытием Можайской линии наши отходившие войска смогли привести себя в порядок, переформироваться и задержать передовые части противника. По сути дела, в течение недели удалось создать новый фронт, но при этом Москва готовилась к уличным боям.

Спустя двадцать пять лет после тех событий Павел Артемьевич писал в «Московской правде»: «Москва готова была сражаться каждой улицей, каждым бульваром, каждой площадью и каждым домом. Ни о какой сдаче города не могло быть и речи, потому что все понимали: здесь, у стен столицы, решается судьба войны, судьба страны, судьба революции». Но и тогда, 14 октября 1941 г., в статье «На защиту Москвы» утверждал: «Сильно укрепленный город взять невозможно. Мы должны сделать все, чтобы наша Москва стала крепостью. У нас есть чем защищать нашу красную столицу. Вся эта могучая техника скажет свое грозное слово в этих боях. Население города Москвы вместе со всей Красной Армией уже сейчас должно подготовиться к борьбе не только с вражеской пехотой, но и с вражескими танками. Из окон, из ворот домов, из каждого закоулка посыплются на немецкие танки бутылки с горючим, связки гранат. Мы не пропустим вражеские танки. В боях за Москву мы нанесем врагу такой удар, который явится началом конца гитлеровских походов. Москву мы отстоим».

В свою квартиру дома на Покровке Павел Артемьевич в те дни наведывался редко, но перед парадом на Красной площади приехал наверняка – Сталин поручил ему командовать этим необычным парадом.

Письмо или похоронка?

Как и по всей стране, дом на Покровке встречал в те годы почтальонов с надеждой и тревогой: какая весть ожидает? Письмо от близкого человека принесут тебе сегодня или похоронку?

...Они умело воевали, хорошо командовали, обитатели дома на Покровке. Мотострелковый батальон под началом капитана Ивана Ключко сдержал в районе Ищеино наступление численно превосходящего противника. Капитан Михаил Седловский был начальником штаба Отдельной бригады особого назначения – уникального соединения, вобравшего в себя добровольцев из студентов, спортсменов, политэмигрантов, пограничников, чекистов, разведчиков, сотрудников органов милиции. Бригада готовила и направляла в тыл врага партизанские отряды и разведывательно-диверсионные группы,

сыгравшие неоценимую роль в рельсовой войне, сборе разведданных. Она участвовала в минировании подступов к столице и боевых действиях в самый критический период обороны Москвы. К сожалению, не удалось выяснить судьбу самого Седловского. Может, эта публикация поспособствует.

Капитан Георгий Каретин, проживавший в 57-й квартире, в 1941 г. был назначен командиром 15-го Краснознаменного мотострелкового полка 21-й дивизии. Полк под его командованием геройски сражался в районе Кудом-Губа, несколько месяцев сдерживал натиск врага в направлении Поросозеро. В этом полку совершил подвиг младший лейтенант А. А. Дивочкин. Один, ведя огонь попеременно из двух орудий, он сумел отразить атаку фашистов, за что в числе первых в ту войну трех воинов внутренних войск был удостоен звания Героя Советского Союза. В середине августа 1941 г. во время тяжелого боя пал смертью храбрых командир Каретин. Его супруга, Анна Александровна, осталась с двумя девочками: восьмилетней Риммой и трехлетней Ниной.

Получила похоронку и жена Георгия Арбузова. Дочь Ванда, родившаяся неделю спустя после начала войны, потеряла отца. Летом 1942 г. в звании старшего лейтенанта Арбузов принял под свое командование 2-ю Калининскую партизанскую бригаду. Ему не было тогда еще и тридцати лет. Крепко сбитый, энергичный, с веселыми искорками в глазах, никогда не унывавший сам и умевший вдохновить и повести за собой людей командир. В его бригаде было много молодежи. Она буквально боготворила Арбузова. Под Великими Луками начался героический рейд бригады в тыл оккупантов. Перед походом Георгий Николаевич сказал краткую напутственную речь: «Некоторым из вас по 17–18 лет. Мало это или много для активного участия в борьбе с врагом? Отвечу так: мало – если душа хлипкая. И много – если бурлит в сердце горным потоком ненависть к фашистским разбойникам. Они принесли на землю отцов и прадедов наших кровь, разрушения. Отсюда наш девиз: победа или смерть!»

Об этих словах вспомнила Валентина Романова, совсем юной вступившая в арбузовскую бригаду. Под началом командира они крушили вражеские эшелоны и колонны, уничтожали карателей. В одном из боев в августе 1942 г. Георгий Арбузов геройски погиб. После войны на месте его гибели в районе Пустоши близ живописного озера Белого ему воздвигли обелиск. А в Москве недалеко от Покровки, на бывшей Домниковской улице появилась новая табличка: улица Маши Порываевой. Это в честь юной партизанки-разведчицы из бригады Арбузова, геройски погибшей тогда же, в 42-м.

И яркий орден на груди

Летом 1943 г. после кровопролитных боев на Кубани генерал-майор Иван Пияшев был отозван в Москву, чтобы принять под свое командование дивизию имени Ф.Э. Дзержинского. Майором начинал войну. Она сразу обернулась большой личной трагедией. На третий день, 24 июня, его семья – жена и трое детей: десяти, пяти и трех лет – погибла. Была сожжена немцами при эвакуации из Вильнюса.

Жизнь и раньше Ивана Ивановича не баловала. Родился в Минводах в семье сапожника. Трех лет лишился отца. Семи – был отдан в пастухи местному богатею, десяти – в ученики сапожника. Продавал и разносил газеты. Некоторое время беспризорничал, пока не пристал к бойцам-красноармейцам. Зачислили его воспитанником кавалерийских курсов. Ему в ту пору было всего тринадцать лет. Недостаток знаний пытался преодолеть самообразованием. Помогли сослуживцы, когда попал в кавалерийскую часть. Упорно готовился и добился направления в Объединенную военную школу имени ВЦИК, стал кремлевским курсантом. Природные способности, желание и упорство позволили успешно пройти курс обучения. После школы получил назначение в погранвойска. Командовал заставами, ловил контрабандистов, нарушителей границы в жарких точках Средней Азии. Потом перевели в железнодорожные части, где последовательно прошел все командирские ступени. Заочно учился в Высшей пограншколе. С 1940 г. командовал полком. Энергичный, волевой, знающий свое дело, умеющий сплотить коллектив, повести его за собой. Об этом свидетельствуют довоенные аттестации, награды: грамоты, маузер, патефон (!), орден Красной Звезды.

Пияшев – один из немногих командиров, кому удалось в условиях тяжелого

отступления в 1941-м сохранить боеспособность полка, сберечь жизнь большинства подчиненных. Полк вырвался из ярцевского мешка, пройдя с непрерывными боями путь от Вильнюса до Москвы. В августе Пияшев был удостоен второго ордена Красной Звезды – такие награды в то время еще мало кто получал. А через год он становится заместителем командующего 46-й армией и возглавляет группу войск по обороне перевалов Главного Кавказского хребта в районе Санчаро. Это был один из самых тяжелых и ответственных периодов его военной службы – здесь тогда решалась судьба Кавказа. Немцы не прошли и были отброшены.

Многие, знавшие Пияшева, утверждают, что он по своей удали, иногда горячности был похож на Чапаева. Такой же самородок, из тех, кто «академиев не кончал», а чувствовал себя в военном деле как рыба в воде. Ничего и никого не страшился. Был расчетлив и по-военному хитер. Примечателен штрих к его портрету генерала армии С.М. Штеменко, вспоминавшего ожесточенные сражения в районе станции Крымской: «На пятый день операции решено было ввести в бой особую дивизию Пияшева. Г.К. Жуков возлагал на нее большие надежды, приказал иметь с Пияшевым надежную прямую телефонную связь и поручил мне лично вести с ним переговоры по ходу боя.

Дивизию вывели в первый эшелон армии ночью. Атаковала она с утра южнее Крымской и сразу же попала под сильный удар неприятельской авиации. Полки залегли, произошла заминка. Г. К. Жуков, присутствие которого в 56-й армии скрывалось под условной фамилией Константинова, передал мне: «Пияшеву наступать! Почему залегли?» Я позвонил по телефону командиру дивизии: «Константинов требует не приостанавливать наступления». Результат оказался самым неожиданным. Пияшев возмутился: «Это еще кто такой? Все будут командовать – ничего не получится. Пошли его...» – и уточнил, куда именно послать. А Жуков спрашивает: «Что говорит Пияшев?» Отвечаю ему так, чтобы слышал командир дивизии: «Товарищ маршал, Пияшев принимает меры».

Этого оказалось достаточно... В результате двойного охвата противник все-таки был выбит из Крымской».

Пияшеву предоставили в Москве квартиру в доме на Покровке.

Частично мы уже рассказали, как сложились судьбы следующего поколения дома на Покровке. Здесь скажем о Ларисе Ивановне Пияшевой, дочери генерала: Иван Иванович вторым браком был женат на сестре своей трагически погибшей жены. Лариса Ивановна – доктор экономических наук, интересный и смелый исследователь важнейших проблем жизни современного общества, она автор актуальных статей, книг. Когда видишь и слышишь по телевизору умные, яркие, хорошо аргументированные выступления этой обаятельной женщины, чувствуешь пияшевскую энергию и независимость. К сожалению, ее жизнь рано оборвалась.

Можно утверждать, что все или почти все командиры и политработники пограничных и внутренних войск, проживавшие в доме на Покровке, были участниками войны.

Среди них начальники войск А.И. Гульев, В.М. Шарапов, Т.Ф. Филиппов; командиры полков, дивизий Папченко М.О., Урбанович В.К., Мажирин Ф.М., Никольский Н.П., Бычковский М.С., Дзернейко А.А. (погиб), Каретин Г.И. (погиб), Ключко Н.П., Николин С.А.; командиры и политработники Петров Г.А., Мироненко П.Н., Шляхтин М.Д., Чупров И.М., Яценко Н.И., Прокофьев С.С., Простолупов П.М. и др.; Герой Советского Союза бывший артиллерист-омсдоновец Тимощенко А.Г.

ВОЙНЫ ОМСДОНа В БИТВЕ ЗА МОСКВУ

В конце сентября 1941-го немецко-фашистская армия, имея численное превосходство в танках, самолетах, артиллерии и пехоте, начала грандиозное наступление на Москву, уверенная в своей силе и быстрой победе.

На Москву двигалась мощная группа армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Федор фон Бок, известный по проводимой им тактике «выжженной земли», с 19 декабря его сменил генерал-фельдмаршал Ганс Клюге (в 1944 г. – главнокомандующий войсками Запада, был связан с участниками антигитлеровского заговора, покончил собой в том же году).

Оборонительную операцию войск Западного фронта возглавлял первоначально

генерал-полковник И.С. Конев, а с 10 октября – генерал армии Г.К. Жуков. В ней участвовали войска Брянского, Резервного и Калининского фронтов.

Несмотря на ожесточенное сопротивление советских войск, противнику удалось прорвать оборону и выйти к каналу им. Москвы, форсировать р. Нара, подойти к Кашире. Ему удалось захватить Красную Поляну, это в 22 км от столицы. Враг предвкушал победу, заготовил мешки с железными крестами для награждения своих войск, которые, как они надеялись, победным маршем пройдут по улицам столицы. Парад в Москве состоялся 7 ноября 1941 г., когда по Красной площади прошли воины столичного гарнизона, продемонстрировав твердую решительность отстоять Москву. В этом параде участвовали и находившиеся в городе воины войск НКВД, в том числе омсдоновцы.

Положение в столице сложилось весьма трудное и опасное. Резервы к городу еще не подошли. В Москве находились две дивизии внутренних войск, отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН). Постановлением Государственного Комитета Обороны от 19 октября 1941 г. Москва была объявлена на осадном положении, проведение в жизнь которого поручалось войскам НКВД. Газеты сообщали о решимости москвичей отстоять столицу. В одной из статей командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант П.А. Артемьев, бывший командир ОМСДОНа, а затем начальник Управления оперативных войск НКВД писал, что, если придется, мы будем драться за каждую улицу, каждый дом. Москва готовилась к уличным боям. Город был разбит на два участка: Западный и Восточный, каждый из которых в свою очередь делился на ряд секторов. Начальником Западного участка был назначен командир ОМСДОНа генерал-майор М.П. Марченков. В каждом из секторов для несения службы были задействованы подразделения войск НКВД, истребительные батальоны, училища. Они пресекли все попытки врага дезорганизовать с помощью своей агентуры наш тыл. В столице был введен строжайший прифронтовой режим. Для усиления прифронтового режима приказом НКВД от 13 октября создается Штаб охраны Московской зоны обороны, которая охватывала территорию на подступах к столице по линии: Калинин–Ржев–Можайск и Калуга–Тула–Коломна–Кашира. Они разбивалась на семь секторов: Калининский, Волоколамский, Можайский, Малоярославецкий, Серпуховский, Коломенский, Каширский. На Штаб и приданные начальникам секторов подразделения возлагались задачи: борьба с вражеской агентурой, ее пособниками, дезертирством, наведение строгого порядка на дорогах, контроль за службой регулирования движения по всем трассам, обеспечение важнейших фронтовых органов ВЧ-связью. На всех 12 примыкающих к столице шоссе в пределах 100 километров была организована заградительная служба специально выделенными для этой цели подразделениями внутренних войск. В Оперативную группу войск, предназначенную для охраны и защиты столицы, входили: ОМСДОН, 2-я мотострелковая дивизия особого назначения (сформирована на основании приказа НКВД от 7 октября, командовал ею генерал-майор К.Р. Синилов), ОМСБОН, учебная бригада, 11-я и 12-я промышленные дивизии, 42-я конвойная бригада, 3-й полк МПВО, три бронепоезда (53, 73 и 78-й) и др. Эти части и соединения участвовали в создании оборонительного рубежа вокруг города, защищали Москву и непосредственно в боевых порядках действующей армии.

Срочно сформированный в Москве из подразделений прошедшего с боями с западной границы 84-го железнодорожного полка, 171-го полка по охране особо важных предприятий промышленности, батальона пограничников и усиленный двумя артиллерийскими батареями из ОМСДОНа 34-й мотострелковой полк 5 октября выгрузился на станции Мценск, войдя в подчинение 4-й танковой бригады полковника М.Е. Катукова, 34-м полком командовал майор И.И. Пияшев (впоследствии командовал 7-й мсд, затем Отдельной стрелковой дивизией на Северном Кавказе, позднее принял командование ОМСДОНа).

В течение 9 и 10 октября 34-й мсп геройски сдерживал врага, оседлав шоссе Мценск–Орел. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования гласил: «Дальше Мценска противника не пропускать, преградить ему путь на Тулу». Отлично сражались артиллеристы-омсдоновцы. В одном из сообщений Совинформбюро говорилось: «Батарея старшего лейтенанта Левкина уничтожила 6 вражеских танков, один пикирующий бомбардировщик и рассеяла батальон фашистской пехоты». Столь же отважно действовала и другая приданная полку омсдоновская батарея «сорокопяток» (45-мм пушек) лейтенанта И.Л. Кузнецова (впоследствии за бои на Кавказе удостоен звания Героя Советского Союза).

Умело руководил артиллеристами батареи военком политрук Мошковцев. Наводчик Белоус при нападении пяти танков подполз к ним до 10 метров и ракетой подал сигнал батарее, фактически вызвав огонь на себя. Два танка было уничтожено и один подбит, остальные повернули обратно. Позднее газета «Красная Звезда» в передовой статье, озаглавленной «Защитник Москвы Сергей Белоус», писала: «День и ночь на подступах к Москве идут ожесточенные бои. Натиск врага не ослабевает... Во что бы то ни стало защищать Москву, праматерь русских городов, величайшую нашу всенародную святыню! Чего бы ни стоило остановить врага, отстоять Москву! Эта идея и воля рождает массовый героизм, рождает героев обороны Москвы. Таким славным защитником Москвы, героем ее обороны является красноармеец Сергей Белоус». За свой подвиг он был удостоен ордена Ленина. Самоотверженно исправлял линию связи боец Григорий Прокопенко. Раненый, истекая кровью, он последним порывом зажал концы проводов в стиснутых зубах. Бессмертное имя героя навечно зачислено в списки одной из частей дивизии.

В боевом донесении начальника Западного боевого участка генерал-майора Марченкова от 12 октября 1941 г. говорилось: «Две стрелковые роты 2-го мсп дивизии им. Ф.Э. Дзержинского, несущие службу передовых отрядов, вели бои за дер. Ищеино...» 13 октября он же доносил: «По данным [зам.] командующего 33-й армией комбрига Онуприенко (бывший зам. начальника управления конвойных войск, впоследствии командир корпуса, Герой Советского Союза) в свободный промежуток между двумя УР, Вышгород и Юрьевское, просочились передовые разведгруппы противника силою до двух пехотных батальонов с танками и минометами... После организации разведки и наступления в указанном ему направлении... отряд подполковника Шевцова (начальник 4-го сектора, командир 2-го мсп ОМСДОНа) был обстрелян со стороны Ищеино... В результате боя подбито 6 средних танков противника...» Здесь, на боровском направлении, успешно действовал усиленный батальон капитана И.П. Ключко. Отличились многие бойцы и командиры. Геройски погибший в единоборстве с танком противника рядовой 5-й роты 2-го мсп И.Е. Николенко впоследствии навечно зачислен в списки части, 18 воинов за эти бои отмечены орденами и медалями. Среди них: политрук А.М. Озерякин, старший лейтенант П.П. Семенюк, комроты М.С. Совтус, лейтенант И.М. Ломов, старшина К.З. Савин, санинструктор Л.М. Долгалева, под огнем противника оказывавшая помощь раненым, командир орудия сержант В.С. Егоров, чей расчет орудия подбил 4 танка. Ежедневно и еженощно самоотверженно несли службу в столице часовые и патрули дивизии. Они не покидали свои посты при бомбежках и пожарах. В одном из докладов командира дивизии сказано, что «красноармеец 2-й пульроты 3-го полка т. Трифонов, член ВЛКСМ, не оставил поста даже тогда, когда рушились своды подъезда. Красноармеец Трифонов был извлечен из-под обломков обрушившегося подъезда и со слабыми признаками жизни отправлен в институт им. Склифосовского, где утром 30 октября умер». А.П. Трифонов навечно зачислен в списки части. Многие отличились при тушении пожаров, спасали москвичей. «Мне никогда не забыть мужественных, корректных и вместе с тем высокотребовательных бойцов-чекистов, коим вверена охрана нашего любимого города Москвы, – писал народный артист С.Я. Лемешев. – Их деятельность, направленная на поддержание революционного порядка, проходящая на глазах всех нас, москвичей, вызывает чувство горячей признательности и благодарности...»; «...Я встречал вас и ваших товарищей на московских заставах, на московских перекрестках, во тьме тревожной, военной московской ночи. Я знаю ваши славные дела. Я знаю, что вам, бойцам-чекистам, обязана своим трудовым покоем наша родная столица», – так отозвался о тех, кто нес службу, оберегая Москву, писатель-фронтовик Борис Горбатов.

Был в истории обороны Москвы эпизод, который не вошел в книги и статьи, посвященные ее защитникам. Речь идет об отряде немецких мотоциклистов, прорвавшихся в Химки. Этот отряд был уничтожен танкистами дивизии 16 октября. В 1941-м немцам не удалось прошагать по Москве. Им пришлось не по своей воле это сделать 17 июля 1944 г., но уже в качестве военнопленных, когда по улицам столицы под конвоем войск НКВД провели 57 600 солдат и офицеров.

Обстановка под Москвой все более накалялась. Налеты вражеской авиации следовали один за другим. Москвичи научились гасить немецкие термитные бомбы, «зажигалки», как их называли. На фабриках и заводах трудились женщины и подростки, заменившие ушедших

в армию или народное ополчение мужчин.

Защитники Москвы бесстрашно и самоотверженно сражались на фронте. Положение обострилось в конце ноября, когда противнику удалось выйти к каналу имени Москвы, форсировать р. Нара, подойти к Кашире с юга. Но сила нашего сопротивления была столь велика, что все попытки врага прорваться к Москве были сорваны. Потери росли с обеих сторон. Но выдержка и стойкость обороняющихся превзошли натиск врага. Он выдохся и захлебнулся. Советскому командованию (здесь огромную роль сыграл полководческий талант Г.К. Жукова) удалось добиться перелома и не только остановить врага, но и перейти в контрнаступление. Оно началось 5 декабря. Московская наступательная операция продолжалась до 20 апреля 1942 г. Решительное поражение она нанесла группе армий «Центр», отбросив врага от стен столицы на 150–400 километров.

В Московской наступательной операции участвовали войска Западного, Калининского, Юго-Западного и Брянского фронтов. В контрнаступлении приняли участие некоторые части войск НКВД и ряд дивизий, сформированных ими в начале войны и переданных в действующую армию. В ликвидации елецкой группировки противника отличилась 57-я бригада внутренних войск, заслужившая высокую оценку командующего подвижной группой Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко и начальника штаба этой группы генерал-майора И.Х. Баграмяна. Отличившийся при обороне Тулы 156-й полк участвовал в освобождении 25 населенных пунктов, в том числе г. Щекино. В боях за Калинин участвовали 252-я сд генерал-майора А.А. Забалуева (в прошлом командир 3-го полка ОМСДОНа), 243-я сд, сформированные войсками НКВД. Обе входили в состав 29-й армии и первыми освободили Калинин 16 декабря. В освобождении города участвовала и 256-я сд, также состоявшая из бывших пограничников и воинов внутренних войск. В контрнаступлении участвовали и омсдоновцы. Всего в ходе этих боев было освобождено около 11 тысяч населенных пунктов, разгромлено 38 вражеских дивизий. Это была первая грандиозная победа, развеявшая миф о непобедимости германских войск и показавшая, что врага можно и надо бить. Победа имела огромное не только стратегическое значение, но и явилась крупнейшим морально-политическим фактором, началом коренного поворота в ходе войны.

Для войск НКВД контрнаступление под Москвой вызвало к жизни новый вид службы. 4 января 1942 г. ГКО принял постановление об организации гарнизонов войск НКВД в городах и населенных пунктах. С этой целью было сформировано пять стрелковых и три мотострелковых дивизий, несколько бригад (правда, в силу сложившейся обстановки четыре дивизии были переданы в действующую армию). Гарнизонная служба в освобожденных районах стала одной из важных задач, выполняемых внутренними войсками в годы войны. Например, только за январь–февраль при выполнении этой задачи внутренними войсками были задержаны: 437 ставленников и пособников врага, 302 агента фашистских разведорганов, 19 диверсантов, 88 полицейских и других предателей. В январе 1942 г. воины дивизии в освобожденном Можайске на чердаке разрушенного дома обнаружили две работающие радиостанции, антенны которых были запрятаны в печной трубе. В подвале дома пряталась группа изменников, оставленная гитлеровцами для агентурной работы. Немало и мужественно поработали саперы дивизии, расчищая от мин дороги и восстанавливая мосты.

Большой вклад в победу под Москвой внесли партизаны. Среди них было немало воспитанников дивизии. Они действовали в составе разведгрупп и отрядов ОМСБОНа. На брянской земле успешно действовали партизаны, которыми руководил воспитанник дивизии Д.В. Емлютин, впоследствии удостоенный звания Героя Советского Союза. Командиром партизанский бригады стал бывший омсдоновец Г.Н.Арбузов, геройски погибший в одном из боев в тылу врага.

Участие в битве под Москвой – славная страница в боевой летописи дивизии, которой законно гордятся ветераны и молодые воины.

НЕ ПОДЛЕЖАЛО РАЗГЛАШЕНИЮ

Сколько лет прошло, но никто и по сей день не знает в полном объеме всей картины трагического и героического времени, названного Битвой за Москву. О Великой

Отечественной войне вообще долгое время писали под жестким контролем: надо же было скрыть тяжелейшие просчеты и ошибки, умолчать факты, противоречившие партийным установкам и тем более – их опровергающие. Что уж говорить о самих суровых днях обороны, когда нельзя было ни в чем усомниться или сказать что-то «не так»: паникерам – расстрел на месте. История, о которой пойдет речь, – ее рассказали полковники в отставке Н. Воропаев и С. Штутман – из этого числа.

Мчались танки...

Архивные документы о военной ситуации на Ленинградском направлении под Москвой осенью 1941 г. полностью подтверждают известные наблюдения командующего Западным фронтом Г.К. Жукова, сделанные тогда: в обороне столицы была брешь в несколько сотен километров. Когда немцы 13 октября ворвались в Калинин и 15 октября овладели им, форсировав Волгу, они уже на следующий день устремились к столице и за двое суток прошли 40 километров.

В экстренном порядке Госкомитет обороны принимает, наконец, решение о создании ближней полосы защиты (с мобилизацией населения) по линии рек Клязьма – Сходня. Начинается и строительство противотанковых сооружений на рубеже 23-го километра Ленинградского шоссе. В результате его прикрывали бойцы 3-й Московской коммунистической рабочей дивизии. И именно здесь – так официально считалось, – у рва, зимой 1941 г. женская зенитная батарея прямой наводкой отразила попытку фашистов пройти дальше. Прорвавшиеся четыре немецких танка были подбиты. Спустя два десятилетия, в 1961 г., в знак этой памяти был воздвигнут ныне известный всем монумент «Ежи».

Однако вплотную приблизиться к улицам и площадям столицы немцы попытались и в районе Химкинского моста. Слухи заполнили Москву: «Немцы в Химках». Известный английский журналист Александр Верт, работавший в те годы в нашей стране в качестве корреспондента газеты «Санди таймс» и радиокомпании Би-би-си, впоследствии в своей книге «Россия в войне 1941–1945» написал: «...Это было 16 октября. По сей день рассказывают, что в это утро два немецких танка ворвались в северную окраину Москвы, в Химки, где были быстро уничтожены. Правда, пока ни один серьезный источник не подтвердил, что эти танки существовали не только в воображении некоторых перепуганных москвичей».

Да, верно, не подтвердил, но и не опроверг. Трудно опровергнуть, когда были живые свидетели случившегося. Только танки были наши, а вот мотоциклисты...

Обратимся непосредственно к тем, кто утром 16 октября получил тревожную шифровку в связи с угрожающим положением, сложившимся у Химкинского моста. Процитируем несколько фрагментов из воспоминаний подполковника Алексея Акимовича Машнина – тогда заместителя начальника штаба батальона, а по званию старшего лейтенанта: «Для борьбы с фашистскими авиадесантами наша танковая часть дивизии вошла в состав маневренного резерва на основании приказа войскам Западного боевого участка № 1/оп от 02. 08. 1941. Согласно приказу наши танковые роты несли ответственность за обеспечение поставленной задачи в направлении Минского, Волоколамского, Ленинградского шоссе. Для быстрого выхода в свои сектора наша часть расположилась на Покровке. Для каждого танка отрыли окопы на бульварах. Дежурные экипажи располагались в танках, остальной личный состав размещался в Покровских казармах, где дислоцировался тогда третий полк нашей дивизии. Мы затрачивали всего 30–35 минут на движение от Покровки до развилки Волоколамского и Ленинградского шоссе на Соколе.

Утром 16 октября начальник связи лейтенант Бобков С.И. получил радиограмму, из которой стало известно, что необходимо выехать в район Крюково и уничтожить противника. После получения боевой задачи вторая танковая рота старшего лейтенанта Стребко И.И. шла совместно с мотоциклетным взводом лейтенанта Козлова Ф. В головном охранении находился первый взвод этой роты. Когда этот взвод приближался к мосту в Химках, ему навстречу двигались мотоциклеты с колясками. Мы считали, что это наши мотоциклисты. Только когда они открыли огонь, мы поняли, что это враг. В головном танке механиком-водителем был тов. Линников В.К., а командиром танка Панин. Этот танк

первым открыл пулеметный огонь по фашистам. Было уничтожено два экипажа мотоциклистов. Три мотоциклиста по пешеходной дорожке моста, защитившись от огня фермами, прорвались на водную станцию «Динамо», где были уничтожены нашим мотоциклетным взводом. Наша танковая группа проследовала в заданный район. В операции участвовали 17 танков, взвод мотоциклистов».

Аналогичный рассказ записан многими и со слов механика-водителя танка Виктора Кондратьевича Линникова. Он свидетельствовал:

«Наши танки мчались на предельной скорости. Каждый танкист отчетливо представлял, что это значит – гитлеровцы у Химкинского моста.

Я, не отрываясь, глядел в смотровую щель своего танка. Вот улица Горького, Белорусский вокзал, стадион «Динамо», поселок Сокол, завод имени Войкова, Химкинский речной вокзал. И всюду военные регулировщики давали нам «зеленую улицу». Расстояние в 15 километров покрыли за какие-нибудь полчаса. И тут мы увидели группу гитлеровцев. Они сидели на мотоциклах тяжелого типа с колясками. На каждой машине был установлен пулемет. Мотоколонна фашистов въезжала на мост.

Командир нашего танка Борис Панин, увидев гитлеровцев, процедил: «Совсем зарвались, сволочи! А ну-ка поприветствуем гадов. Устроим им горячую встречу! Огонь!»

И почти одновременно все наши танки открыли шквальный огонь.

В колясках некоторых мотоциклов мы нашли парадные мундиры солдат и офицеров фашистской армии».

Кстати, служившие затем вместе с ним в одной дивизии так характеризовали танкиста: «Старшина сверхсрочник. Скромный, мужественный – такие не врут».

Естественно, хорошо был осведомлен о произошедшем командир Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения, где располагался резервный танковый батальон, полковник Михаил Петрович Марченков. Впоследствии и он неоднократно вспоминал о танковом бое с немецкими мотоциклистами у Химкинского моста – еще живы свидетели, могущие подтвердить рассказ комдива, в том числе и его дочь Татьяна Михайловна, служившая в этой дивизии в отделе кадров. «Это не выдумка, – сказала она в нашем с ней разговоре. – Я, мой двоюродный брат, другие родственники неоднократно слышали, как отец, вспоминая об обороне Москвы, приводил этот эпизод в качестве примера того, как далеко сумели немцы проникнуть в город осенью 1941 г. Разумеется, разговор стал возможным – даже в семье! – много позже окончания войны».

Подтверждает высказывания танкистов многое. Например, недвусмысленное заявление генерал-лейтенанта П.А. Судоплатова в книге «Разведка и Кремль; записки нежелательного свидетеля», где сказано: «По прямому указанию Генерального штаба и лично Жукова мы минировали дальние и ближние подступы к Москве, а наша моторизованная часть помогла ликвидировать немецких мотоциклистов и бронетранспортеры, прорвавшиеся к мосту через Москву-реку». Автору книги «Провал операции „Тайфун“ В.З. Муриеву не кто-нибудь, а сам маршал Рокоссовский подтверждал, что оперативная информация о появлении немецкой разведки в районе Химкинского моста через канал Москва–Волга в октябре 1941 г. ему как командующему докладывалась.

Ну и, наконец, свидетельства тех, кто находился неподалеку. Николай Дмитриевич Алябьев, десятилетним проживавший в Химках на Железнодорожной улице, хорошо помнит, что старшие по возрасту мальчишки в октябре 1941 г. из любопытства ходили к мосту и видели там трупы немецких солдат и остатки их мотоциклов. Об уничтожении нашими танкистами немцев у моста, как заявил Алябьев, знали многие проживавшие тогда поблизости. Например, профессиональный строитель, кстати, и Химкинский мост возводивший, Иван Леонтьевич Рудченко. Он жил рядом, в поселке Войковец, где затем отстроился ЖСК «Лебедь». До самой кончины, по воспоминаниям сына, он гордился тем, что мост, который он строил, отстояли.

Быль или легенда?

Почему приходится в деталях приводить множество доказательств боя, о котором столько людей знали, в достоверности воспоминаний о котором не сомневались? Да потому, что находятся «знатоки», не устающие восклицать почти как в известной пьесе: «Не было

этого, не было!»

Безусловно, не всем близ моста проживающим удалось с точностью определить, откуда шла стрельба утром 16 октября 1941 г., тем более на станции Химки, отдаленной от моста через канал на несколько километров, к тому же тогда станцию и мост разделяла вековая дубовая роща.

Стрельбу могли не слышать те, кто работал на номерных заводах 84 и 301, пребывал в районе Сходни. И, уж конечно, не были ей свидетелями ни тогдашний первый секретарь Химкинского горкома партии, ни профессура, бывшая далеко в тот момент за пределами Московской оборонной зоны, о которой здесь речь. И войск Красной Армии в это время тут не было – они вместе с московским ополчением ожесточенно дрались в районе Волоколамского шоссе, в Клину и Солнечногорске. А вот охрана моста как важного объекта, конечно, была. Только, по некоторым свидетельствам, из-за неожиданного появления немецких мотоциклистов взвод охраны моста, имевший зенитные спаренные пулеметы для отражения воздушных налетов, был застигнут врасплох. Два зенитных орудия ПВО, установленных поблизости от моста на московской стороне канала, не были подготовлены к отражению внезапного нападения.

Что касается возможностей самих разведчиков-танкистов, мотоциклистов, парашютистов, то ведь нередко и нашим, и немцам удавалось появляться и в лесных массивах, и в селах, и даже врываться в города – вспомним, как параллельно с мирным трамваем ленинградской окраины вдруг возник фашистский танк-разведчик. А перед столицей особенное упоение своими победами чувствовали посланцы вермахта. Еще бы, половину вожделенной страны пролетели мгновенно, вот-вот и блицкриг завершится на большевистской Красной площади. Отчего же не приударить, первым не ворваться в знаменитую Москву?

Но тут русские танки навстречу.

Герои ушли – победа осталась

Беда вся в том, что не найдены пока в архивах соответствующие бумаги. Архив Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения с ее танковым батальоном был вывезен из Москвы в Ташкент и там пострадал во время пожара. Архивы ФСБ еще не полностью открыты. А людям как не было веры, так нет и сегодня – «без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек». И – герой.

Один за другим уходят участники атаки, преградившей путь фашистам гораздо ближе 23-го километра от Москвы. Командир танковой роты старший лейтенант И.И. Стребко – погиб на фронте. Старший лейтенант А.А. Машнин – умер. Лейтенант Ф.В. Козлов – судьба неизвестна. Командир танка Панин – погиб на фронте. Механик-водитель танка В.К. Линников – умер. Начальником связи этой танковой части был лейтенант С.И. Бобков, получивший тогда радиограмму о появлении противника со стороны Крюкова, точнее, Черной Грязи, – судьба неизвестна. Но пока живы или еще совсем недавно были живы солдаты Победы, сражавшиеся на Ленинградском направлении: сослуживцы танкистов, а также полковник в отставке В.Ф. Холоден, боец истребительного отряда Ю.И. Рудченко из поселка Войковец, химкинский краевед И.И. Поляк. Опубликованы их свидетельства, некоторые документы, подтверждающие события вокруг боя у Химкинского моста в 1941 г. Учитывая это, военно-научное общество Культурного центра Вооруженных сил России намерено обратиться к губернатору Московской области Б. Громову и председателю Московской областной Думы В. Аксакову с предложением установить мемориальную доску на автодорожном мосту через канал имени Москвы на Ленинградском шоссе в память танкистов Отдельной Краснознаменной орденов Ленина и Октябрьской революции мотострелковой дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, находившихся осенью 1941 г. в танковом резерве командующего Западным фронтом генерала армии Жукова и успешно защитивших столицу.

Они были солдатами Победы в самой жестокой и кровопролитной войне. Победы, начинавшейся под Москвой. Они – наша история, наша память, а потому не должны остаться безвестными. Они ушли, а история, память, Победа должны остаться с нами.

Эльвира ШЛЯХТИНА. *«Московская правда», 5 декабря 2002 г.*

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ЗАПАДНОГО БОЕВОГО УЧАСТКА О СОЗДАНИИ СЕКТОРОВ

№ 1/оп, г. Москва 2 августа 1941 г.

1. Для борьбы с авиадесантами противника согласно приказам войскам г. Москвы и Московского района созданы два боевых участка:

Восточный боевой участок под командованием комбрига Жебровского и Западный боевой участок под моим командованием.

2. В составе Западного боевого участка создать три сектора:

а) Сектор № 3, начальник – командир 1 мсп майор Кабаков.

Состав: 1 мсп, 1/ап, 1 танр, ВШВ НКВД[55], 16 истребительных батальонов.

Границы: справа – Ленинградское шоссе; слева – Хорошово, р. Москва до Звенигорода, (иск.) Осташево, (иск.) Ново-Александровка.

Основные направления: на Солнечногорск и Ново-Петровское.

б) Сектор № 4, начальник – командир 2 мсп майор Шевцов.

Состав: 2 мсп, 2 и 3/ап, 2 танр, училище РККА, 13 истребительных батальонов.

Границы: справа – левая граница сектора № 3; слева – (иск.) Черемушки, шоссе на Калугу, ст. Суходрев (23 км южнее Малоярославец).

Основные направления: на Кубинка и Наро-Фоминск.

в) Сектор № 5, начальник – командир 10 мсп майор Медведев.

Состав: 10 мсп, два батальона Подольского военного училища, 3 танр, 17 истребительных батальонов.

Границы: справа – левая граница сектора № 4; слева – Коломенское, р. Москва до Ниж. Мячково, Бронницы, (иск.) Белоомут.

Основные направления: на Серпухов и Кашира.

3. Радиус секторов – 150 км.

4. Приданные части подчиняются начальникам секторов в оперативном отношении при выполнении боевых заданий.

5. Начальникам секторов разработать планы подготовительных мероприятий и боевых действий на основе плана мероприятий штаба Западного боевого участка и приказа войскам г. Москвы и Московского гарнизона за № 1/оп от 31.07.1941.

Начальник Западного боевого участка генерал-майор Марченков
Военком Западного боевого участка бригадный комиссар Прокофьев
Начальник штаба полковник Маликов

Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. – М., 1975. – С. 194.

СВЕТ В НОЧИ

...На город опускается ночь. Моросит мелкий осенний дождь. Улицы пустынны, кругом ни огонька.

По пустынной улице двигается патруль. Красноармейцы Эрнст и Сазонов сосредоточенны и осмотрительны. Кажется, все спокойно. Но что это? В окне дома зажегся свет. Окно ярко светилось в ночной темноте.

Потом свет погас, снова вспыхнул... Сомнений не было: огонь звал вражеские самолеты сбросить бомбы сюда, на цехи оборонного завода, который располагался рядом.

– Сазонов, смотри здесь. Я наверх! – крикнул Эрнст напарнику, указывая на окно, и тут же скрылся в подъезде.

Лифт не работал. От бега по бесконечным ступенькам лестницы подкашивались ноги, перехватывало дыхание. Но Эрнст не останавливался. Он спешил к квартире, откуда

[55] Высшая школа войск НКВД.

сигналили вражеской авиации.

Вот и площадка. Дверь квартиры. На стук никто не ответил. Удар прикладом – и дверь распахнулась.

В темной прихожей никого не оказалось. Эрнст определил дверь комнаты, окна которой выходили на улицу, и сильно толкнул ее. Звякнул отлетевший крючок. Тусклый свет карманного фонарика вырвал из темноты перекошенное от страха лицо женщины.

– У вас горел свет? – спросил Эрнст.

Хозяйка оправилась от испуга и с удивлением сказала:

– Что вы? Никакого света...

Боец взглянул на окно. Оно было наспех замаскировано.

Женщина молчала, но вдруг, подойдя к солдату, заговорила:

– Мы всегда сумеем договориться...

Эрнст почувствовал, как кровь прилила к щекам: купить хочет... и сурово ответил:

– Родиной не торгую!

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ЗАПАДНОГО БОЕВОГО УЧАСТКА НАЧАЛЬНИКУ ВОЙСК НКВД СССР О БОЕ С ПРОТИВНИКОМ ЗА ДЕР. ИЩЕИНО

г. Москва 13 октября 1941 г. 1.30
Начальнику войск НКВД СССР генерал-майору Аполлонову
Боевое донесение № 11 Штаб Западного боевого участка
Москва, Безбожный пер., 25, 13.10. 41 1.30
Карта 100000 – 34 г.

1. По данным командующего 33-й армией комбрига Онуприенко, в свободный промежуток между двумя УР, Выжгород и Юрьевское, просочились передовые разведгруппы противника силою до двух пехотных батальонов с танками и минометами.

Мелкими группами противника заняты Медовники, Серединское, Деревенька и силою до пехотного батальона с танками – Ищеино. Противнику противостоят подразделения, подчиненные 33-й армии: в Воскресенки – до одной стрелковой роты, Тишнево – 22 человека 774 си, кроме того, на рубеж Воскресенки, Гордеево выброшены 40-й Боровский истребительный батальон и 32-й Краснопахринский батальон под командованием представителя штаба истребительных батальонов полковника Махонькова.

2. Начальник 4-го сектора подполковник Шевцов с двумя ротами 2 мсп, усиленными тремя противотанковыми орудиями, двумя взводами пулеметной роты, следуя через Боровск для разведки высадившегося в 14.00 11.10.41 в районе Дылдово, Коростелево десанта противника, в районе Гордеево, Абрамовское подчинил себе одну роту 110 сд, минометную роту, пульроту и 10 крупнокалиберных пулеметов и часть 40-го истребительного батальона.

В районе Гордеево подполковником Шевцовым в 10.00 12.10 была получена задача от командующего 33-й армией о наступлении в направлении Серединское, Воскресенки. После организации разведки и наступления в указанном ему направлении около 14.00 12.10 отряд подполковника Шевцова был обстрелян со стороны Ищеино, откуда против его отряда начали наступление до пехотного батальона противника с танками. К 22.00 12.10 отряд подполковника Шевцова ведет бой за Ищеино. В результате боя подбито 6 средних танков противника, прочие трофеи, а также потери уточняются.

3. С 15.00 12.10 в район Боровска подходят отдельные подразделения 33-й армии.

4. Командующий 33-й армией комбриг Онуприенко после получения в свое распоряжение 110 сд обещал отряд подполковника Шевцова вывести из боя и направить для дальнейшего продолжения несения службы передового отряда в районе Воробьи, Тарутино.

5. Для связи с группой подполковника Шевцова выделены радиостанции в Воронцово, Яковлевское, Боровск.

5. Решил: после подхода на рубеж Выжгород, Юрьевское частей 33-й армии отряд подполковника Шевцова вывести из боя и сосредоточить в районе Воробьи, Тарутино для продолжения несения службы передового отряда.

Начальник Западного боевого участка генерал-майор Марченков
Военком Западного боевого участка бригадный комиссар Прокофьев
Начальник штаба Западного боевого участка полковник Маликов
Внутренние войска в Великую Отечественную войну. 1941–1945 гг. Документы и материалы. – М., 1975. – С. 201, 202.

ТАРАН

По приказу командира водители красноармейцы А. Казарин и М. Беликов выехали в прифронтовой район для выполнения боевого задания. Не доезжая до стоящей на пути следования железнодорожной станции, бойцы узнали, что обстановка резко изменилась: неподалеку прорвались немцы.

Миновав железнодорожный переезд, шоферы увидели мчащийся им навстречу вражеский мотоцикл. Размышлять было некогда. Впереди – фашистский разведчик.

Крепко сжав в руках баранку, водитель Казарин дал полный газ. Машина рванулась вперед, выскочила на шоссе и, с силой ударив по мотоциклу, перевернула его. Вылетевший из сиденья гитлеровец был жив. Вскочив с земли, он вскинул автомат. Но тут же из грузовика прогремело два винтовочных выстрела. Взмахнув руками, враг ткнулся в землю, так и не успев дать очередь.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ ДИВИЗИИ ИМ. Ф.Э. ДЗЕРЖИНСКОГО НЕ ДОПУСТИТЬ ПРОРЫВА МОТОМЕХЧАСТЕЙ ПРОТИВНИКА В МОСКВУ

№ 9, г. Москва 16 октября 1941 г.

16.55

1. Дивизия не допускает прорыва мотомехчастей противника к г. Москве в границах: справа – (иск.) пл. Восстания, Кунцево; слева – р. Москва до Сабурова.

2. 2 мсп со 2 и 3 батареями артполка выйти в район Смоленской площади и обрекогносцировать район обороны с передним краем по Окружной ж. д.

Организовать непрерывное наблюдение в основных направлениях:

а) Можайское шоссе, Извозная ул., Бережковская набережная;

б) Новодевичье кладбище, ул. Усачева, ул. Бол. Кочки, Фрунзенская набережная.

Боевое охранение в составе стрелкового взвода, усиленного орудием ПТБ, иметь в районе перекрестка дорог: Рублевское шоссе, Можайское шоссе и Минская автострада.

Граница слева: Б. Каменный мост, р. Москва (иск.), Никольское.

3. 10 мсп со 2/ап выйти в район Октябрьской и Добрынинской площадей и обрекогносцировать район обороны с передним краем по Окружной ж. д. и р. Чура.

Организовать непрерывное наблюдение на основных направлениях:

а) Б. Калужская ул., Донская ул., ул. Шаболовка, Мытная ул.;

б) Земляная ул., Серпуховское шоссе, Павловская ул., Дубининская ул.

Боевое охранение в составе стрелкового взвода, усиленного орудием ПТБ, иметь на перекрестках дорог:

1) Боровское шоссе, Киевская автострада, Калужское шоссе;

2) Серпуховское шоссе, Каширское шоссе.

4. 1 мсп с 7 и 8 батареями артполка расположиться в районе расквартирования 1 мсп.

5. ТБ (резерв) расположиться в Покровских казармах.

6. Частям бригады (3 сп, кавалерийский полк) обс, осб, итд, ббо и тылам частей дивизии расположиться в местах расквартирования и быть в полной боевой готовности.

7. КП – Безбожный пер., д. 25.

Командир дивизии генерал-майор Марченков
Военком дивизии бригадный комиссар Прокофьев
Начальник штаба дивизии полковник Маликов

Внутренние войска в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Документы и материалы. – М., 1975. – С. 203, 204.

АТАКИ ЯРОСТНЫЕ ТЕ...

Село Каменка – в получасе езды от Подольска. Если взять левее, через поле к лесной опушке, и сейчас еще можно отыскать обвалившиеся, засыпанные землей, поросшие бурьяном окопы, землянки...

В начале октября 1941 г. здесь стояли две стрелковые роты дзержинцев под командованием капитана И.П. Ключко, усиленные 76-мм орудием красноармейца Бориса Егорова. По данным командования в этот район фашисты собрались выбросить десант для действий в нашем тылу.

...Всю ночь колонна шла на предельной скорости. Где-то там, на калужской земле, под Боровском, на рубеже деревень Ищеино–Зеленино обнаружен фашистский десант с восемью танками. Туда спешит батальон народного ополчения. Вместе с ним дзержинцам надлежит с ходу вступить в бой, блокировать район высадки десанта, а затем уничтожить врага.

Волнуется Егоров: шутка ли – восемь танков на одно орудие. Но страха нет. Наконец-то в бой, в долгожданный бой. Такого дня все ждали с нетерпением, у каждого бойца и командира свой счет к фашистам. Одним желанием в эти минуты полны сердца: идти в атаку и победить.

Где-то неподалеку идет бой. Надрывно гудят полуторки. Спустя несколько минут воины примут боевое крещение. Но пока колонна в пути. Сейчас еще никто – ни боец, ни командир – не знает, что предстоит им столкнуться лицом к лицу не с фашистским десантом, а с прорвавшимися на этом участке фронта передовыми частями врага.

...Раннее утро 12 октября. Плотная сизая пелена тумана окутала землю. В стороне гремит артиллерийская канонада. Видимость нулевая. Бойцы лежат на глинистой, схваченной ранними морозами земле, готовые подняться в атаку. Впереди – крутой спуск. За ним должна быть деревня Зеленино.

8.30. На КП с биноклем в руке, туго перехваченный ремнями капитан И. Ключко. Тишина. Словно и нет рядом врага, затаившегося, готового к броску на Москву. Но неспокойно на душе у Ключко. Минут десять назад к чернеющей на фоне раннего снега деревне он направил группу разведчиков во главе с лейтенантом Ломовым.

– Что-то не нравится мне, политрук, эта тишина, – сказал Ключко появившемуся на командном пункте А. Озерякину. – Вдруг наткнется на засаду Ломов...

Осенний туман густой пеленой закрыл землю. Это помогало группе лейтенанта Ломова двигаться незаметно. В разведку пошли опытные воины.

Начало всходить солнце. Туман постепенно рассеивался. Уже на расстоянии 150–200 метров можно было различить людей, предметы. Ломов с группой воинов выдвинулся на опушку леса. Они подобрались близко к немецким позициям. Вражеские танки стояли в кустах за оврагом. Возле машин возились экипажи, проверяли ходовую часть, заправляли баки горючим, прогревали двигатели.

Разведчики вернулись и доложили, что обнаружили крупные силы фашистов, указали цели.

К орудию приблизился лейтенант Семенюк.

– Давай огня, Егоров! – прозвучала его команда.

...Их было пятеро, комсомольцев-артиллеристов, в расчете Бориса Егорова: красноармейцы Роман Михайленко, Александр Соколов, Иван Порошков, Алексей Козлов. Михаил Лунин. Каждому – чуть больше двадцати. Молодые, сильные, крепкие, они мечтали о подвигах во имя Родины, готовили себя к ним. Настойчиво изучали боевое оружие, тренировались, стараясь постигнуть все тонкости огневого дела, чтобы суметь работать у орудия не только на своих местах, но и при надобности подменить товарища. На учениях не жалели сил, показывали пример, перекрывая нормативы, отведенные курсом стрельб. Оттого и теперь, в решающую минуту, коллектив действовал как единый, четко отрегулированный механизм.

Борис сам прильнул к панораме. Ответственность первого выстрела слишком высока. Промахнись – и как знать...

Внимателен Егоров, его движения сноровисты, быстры. Да и как же – больше года был Борис одним из лучших наводчиков батареи. А когда началась война и командира его орудия направили на офицерские курсы, Егоров сменил его.

...Оглушительно громыхнул выстрел. Воины увидели, как черная струйка дыма вытянулась над башней танка, и тут же раздался взрыв. От попадания в бронированной машине сдетонировал боекомплект. Огромный столб огня осветил всю низину. Воспользовавшись замешательством врага, артиллеристы выпустили по нему еще несколько

бронебойных снарядов. И вновь успешно. Один из вражеских танков неестественно вздрогнул, дернулся назад, но было уже поздно. Точно пулеметная лента, растянулась по земле гусеница. Снесенная взрывом башня второго танка отлетела в сторону. Третий, объятый дымом, завертелся на месте. Из открытых люков высыпали фашисты.

– Улепетываете, сволочи, – процедил сквозь зубы Егоров. – Соколов, заряжай осколочным!

И вновь содрогнулось орудие. Поднимая землю на дыбы, разорвался снаряд. Ни один гитлеровец не ушел от губительного огня.

...Тусклое октябрьское солнце медленно ползло вверх, но, не осилив и половины своего летнего подъема, покатилось книзу.

Потерпев неудачу, враг затаился. Воцарилась тишина. Лишь над самыми головами бойцов прокружил фашистский самолет-разведчик, прозванный за свою конструкцию «рамой».

Стервятник улетел, в воздухе засвистели мины. Земля словно закипела от частых взрывов. Уходя от губительного огня, красноармейцы не раз сменили позиции, прежде чем поступила команда: «Приготовиться к атаке».

Артиллеристы осторожно опустили свою пушку в лощину, захватили два ящика снарядов. И хоть в орудии ни много ни мало 780 килограммов, наступать так наступать – дело привычное. Расчет дружно катил пушку вперед, а по щитку уже как град стучали пули.

...Атаки не получилось. Когда дзержинцы были уже готовы ринуться вперед, из деревни хлынула лавина танков, а за ней растянулись длинные серо-зеленые цепи автоматчиков. Фашистов шло много, очень много...

Комбату Ключко стало ясно – это не мелкое десантное подразделение, а крупное армейское. Теперь он и сам мог ответить на вопросы, которые казались раньше загадкой: откуда, например, взялась «рама»? Разве могут немцы отрядить корректировщик в поддержку мелкого десанта? Чем вызван интенсивный минометный обстрел?

Да, теперь он мог ответить на все эти вопросы, но уже не они занимали его. Другие, более важные, ждали своего решения. Как наладить оборону? Ведь к ней он не готовился. Люди ждали приказа к наступлению. Цель двух его рот – наступать, окружить, уничтожить. А им, выходит, надо обороняться, держать позиции до подхода главных сил. Но как? Ведь единственное орудие – в лощине, внизу, и уничтожить его врагу теперь не составляет труда...

Танки шли уступом.

– Отступать некуда, – коротко сказал Егоров. – Бронебойным заряжай!

Глухо клацнул замок, закрыв в казеннике досланный снаряд.

– Огонь!

Черный столб земли поднялся перед головной вражеской машиной.

...К четырем часам дня фашисты сосредоточили в деревне крупные силы пехоты и танков. «Не иначе как собираются в решительную атаку», – такое предположение высказывали многие бойцы. И не ошиблись. Враг открыл интенсивный огонь из минометов и артиллерийских орудий по нашим позициям.

А ряды дзержинцев заметно поредели. Подбив фашистский танк, смертью храбрых погиб групкомсорг Илья Николенко. Убит красноармеец Шашин. Погиб радист Зеленберг. Смертельно ранен в грудь его товарищ Грошев. Но приходя в сознание, воин просил автомат, говорил, что не должен умереть, не отомстив до конца фашистам за себя и своих боевых друзей. До последней минуты жизни не расставался с винтовкой красноармеец Нагорный, легкие которого были прострелены.

Фашистам не удалось поколебать стойкость наших воинов, мужественно отражавших атаку за атакой.

Комсомолец Метельков, будучи раненым, не ушел с поля боя. Истекая кровью, он продолжал биться и бутылками с горючей смесью поджег вражеский танк.

Стойко сражался красноармеец Вичужанин. Он был ранен навылет разрывной пулей. Но не выходил из боя. Из своего нагана боец в упор застрелил вражеского автоматчика и, превозмогая боль, двинулся за взводом.

Умело воевал пулеметчик комсомолец Бербенец. Мелкими очередями он подавил

пулемет противника, но тут заметил, как один из фашистов приготовился бросить гранату в орудийный расчет. И этот был сражен очередью младшего сержанта.

Высокое мужество и отвагу проявил во время боя и красноармеец Силаев. Группы гитлеровцев пыталась зайти дзержинцам во фланг. Уж больно досаждал им пулеметчик, занявший удобную позицию на самой опушке леса. Это и был Силаев.

Фашисты неожиданно выскочили из-за кустов и бросились к пулеметчику. Все решали секунды. Силаев не растерялся. Он поднялся во весь рост и, крепко сжав пулемет в руках, стал в упор расстреливать захватчиков. А когда кончились патроны, пустил в ход гранаты.

Комсомолец Сологуб находился в тыловом охранении. Он один огнем ручного пулемета уничтожил просочившихся в тыл фашистов. Меняя позиции, боец метко разил вражеских автоматчиков.

Красноармеец Пундиков, рискуя жизнью, под пулеметным и минометным огнем оказывал помощь раненым и выносил их с поля боя.

Нельзя не отметить и Лидию Долгалеву. Эту девушку в солдатской шинели бойцы всегда видели рядом с собой. Сорока двум раненым воинам сделала она перевязки, пятнадцать бойцов, истекающих кровью, вместе с оружием вынесла из-под огня.

На исходе дня ценой больших потерь гитлеровцам удалось вклиниться в боевые порядки одной из наших рот. На нее обрушилось до батальона пехоты и более двадцати вражеских танков. Но даже в эти тяжелые минуты самообладание не покинуло дзержинцев, они не оставили своих рубежей.

«Ни шагу назад!» Эти слова, сказанные в разгар боя политруком роты коммунистом Буткевичем, стали девизом дзержинцев.

Лейтенант М. Совтус организовал борьбу с вражескими автоматчиками, прорвавшимися в наш тыл. А затем поднял бойцов в атаку и первым бросился на немцев. Семь гитлеровцев нашли свою гибель от его автомата.

Как подобает коммунисту, умело, хладнокровно руководил боем командир взвода сержант Метлев. Его бойцы под сильным артиллерийским огнем сдерживали наступление фашистов возле оврага, по которому гитлеровцы хотели прорваться в наш тыл. В бою тяжело ранило пулеметчика Усынина. Второй номер комсомолец Савенков пополз ему на помощь, но был убит. Тогда коммунист Метлев сам взялся за пулемет. И в этот момент осколок снаряда оборвал его жизнь.

Оставшиеся в живых участники этого боя рассказывали о героическом поступке командира одного из взводов лейтенанта Краснокутского, повторившего подвиг Ильи Николенко. Когда на горстку наших бойцов противник двинул несколько танков, лейтенант умело организовал оборону. Будучи тяжело раненным, он подбил один из танков, но пулеметная очередь сразила мужественного офицера.

Прикрывая отход товарищей огнем пулемета, попал в окружение красноармеец Скиба. Воин не растерялся. Отбиваясь от наседавших автоматчиков, он меткими очередями расчистил дорогу к своим и, посылая в немцев гранату за гранатой, вынес с поля боя тяжело раненного красноармейца Вичужанина.

...Пушка лежала на боку с изуродованным стволом. В щитке против места наводчика зияла рваная пробоина. Сняв замок и чудом уцелевшую панораму, артиллеристы двинулись в сторону отдаленной перестрелки.

– Что будем делать, товарищ командир? – спросил Михайленко.

– Готовиться к бою, – ответил Егоров.

И они шли, смертельно уставшие, почерневшие от гари – шестеро красноармейцев в темно-синих фуражках с малиновыми околышами – дзержинцы 41-го...

О том, что этот бой под Боровском назовут подвигом, Борис Егоров, его боевые друзья узнают позже, когда возвратятся в родную часть. Не с десантом, а с двумя батальонами отборной вражеской пехоты, батальоном танков, дивизионом артиллерии вступили они в схватку и не дрогнули, задержав фашистов на целые сутки.

Родина высоко оценила подвиги бойцов и командиров, участвовавших в этом бою. 18 дзержинцев награждены орденами и медалями. Красноармеец И.Е. Николенко навечно зачислен в списки своего подразделения.

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА

В начале двадцатых годов Константин Федорович Телегин был помощником военкома и военного комиссара стрелкового полка дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, затем служил в погранвойсках. После окончания в 1931 г. Военно-политической академии находился на политработе: начальник политотдела войск НКВД Казахской ССР, Дальневосточного и Московского военных округов.

Начало Великой Отечественной застало К.Ф. Телегина в аппарате Главного управления политпропаганды войск НКВД СССР. В июле он назначается начальником политуправления, а затем членом Военного совета Московского военного округа. В сложной обстановке сам непосредственно организовывал в войсках партийно-политическую работу, направленную на разгром врага у стен столицы.

«...Когда в районе Боровска прорвались фашистские танки, – вспоминал генерал-лейтенант К.Ф. Телегин, – у нас под рукой не оказалось войск. Командование МВО обратилось в дивизию имени Дзержинского и приказало выделить отряд. Ему была поставлена задача – биться до последнего, стоять насмерть, но не пропустить врага к Москве».

И.П. КЛЮЧКО НА БОРОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Иван Петрович Ключко в войсках НКВД с 1931 г. С 1936 г. он служил в дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. Командуя одним из батальонов этой дивизии, во время Великой Отечественной войны участвовал в битве под Москвой. Уволившись в 1958 г. в запас, И.П. Ключко стал работать в народном хозяйстве. Одновременно он ведет большую общественную работу, активно содействуя военно-патриотическому воспитанию призывной молодежи.

Наша дивизия имени Ф.Э. Дзержинского, охранявшая порядок в Москве, должна быть готова в любой момент встать на ее защиту. Почти каждый день мне приходилось разбирать по нескольку горячих рапортов с одинаковой просьбой: отправьте на фронт. Просились на фронт и старший адъютант лейтенант Д. Наймушин, и парторг батальона В. Трофимов, и командир взвода лейтенант И. Ломов, и многие другие. Но мы были нужны в тылу: подразделения дивизии уничтожали вражеские десанты, вылавливали шпионов и диверсантов, которых забрасывала гитлеровская разведка.

Днем 11 октября меня срочно вызвали в штаб полка. Командир полка подполковник Н.Г. Шевцов сообщил, что, по имеющимся сведениям, в тылу наших войск недалеко от города Боровска Калужской области высадился крупный десант противника. Батальону ставилась задача разыскать и ликвидировать этот десант в районе деревень Ищеино, Зеленино и Гордеево. На подготовку к выступлению давался один час.

Точно в назначенное время батальон был на марше, а в час ночи прибыл в Боровск. Городская площадь уже была запружена беженцами. На подводах, на узлах с домашним скарбом, а то и прямо на земле устраивались на ночь усталые женщины с плачущими детишками, старики. В Боровске нас ждала 5-я рота, высланная вперед на разведку. Ее командир лейтенант П. Семенюк доложил мне, что новых данных о десанте пока нет. Не было сведений о нем и в штабе 33-й армии, который недавно переместился в Боровск.

Выслав вперед взвод разведки под командованием лейтенанта И. Ломова, наш батальон с приданной ему по распоряжению заместителя командующего 33-й армией батареей зенитных орудий продолжил марш. Около 8 часов утра Ломов прислал письменное донесение: в деревнях Ищеино и Зеленино замечено передвижение противника силой до 300–400 человек пехоты. Через полчаса новое донесение: пехоты до 1000 человек и 15–18 танков, из леса также подтягиваются колонны пехоты и танков. Значит, нам предстоит иметь дело не с авиадесантом, а с наземными частями вражеских войск. Ну что ж, придется принять встречный бой.

Послав через связного распоряжение разведчикам продолжать наблюдение за противником, я вызвал командира 5-й роты лейтенанта Семенюка и приказал: роте с двумя

противотанковыми орудиями и двумя станковыми пулеметами выдвинуться на опушку леса восточнее деревни Зеленино с задачей обеспечить развертывание батальона для атаки.

Петр Семенюк считался в батальоне одним из лучших ротных командиров. Общительный, веселый, он, казалось, почти не «натягивал вожжи», но его рота всегда отличалась дисциплинированностью и особой подтянутостью. Это было в мирной обстановке... А как покажут себя подразделения при столкновении с противником? Семенюк побежал к машинам, и вскоре рота скрылась в лесу. До противника, по данным разведки, было около двух километров.

6-я рота под командованием лейтенанта М. Совтуса двинулась вслед за 5-й. Не прошло и часа, как впереди послышалась ружейно-пулеметная стрельба, а затем залпы орудий.

– Подтяните роту, лейтенант, и быстрее занимайте рубеж правее 5-й роты. Наступать будете в направлении Ищеино, – приказал я Совтусу, сам же на машине поспешил на звуки боя. Когда она выскочила из леса, я увидел, что бойцы, не успев окопаться, залегли на опушке в кустах и ложбинках, а со стороны деревни в нашу сторону по полю ползет около десятка фашистских танков и за ними – до роты автоматчиков. Две машины были уже остановлены огнем сорокапятимиллиметровок, но головной танк прибавил скорость и, угрожающе рыча, мчался на залегшую в кустарнике цепь. До нее осталось метров сорок... Я замер. Вдруг навстречу танку бросились двое – лейтенант Иван Ломов и комсорг роты ефрейтор Илья Николенко. Летят бутылки с горючей смесью – и вот уже пламя лижет бока стальной махины. Танк завертелся на месте и вспыхнул рядом с нашими позициями.

Подбежал лейтенант Семенюк:

– Товарищ командир, пятая рота отражает...

– Сам вижу. Держитесь, скоро подойдет Совтус.

Вблизи от наблюдательного пункта развернулось 76-мм орудие младшего сержанта Б. Егорова. Вместе с сорокапятимиллиметровками оно ударило по танкам. С ходу начали косить фашистскую пехоту пулеметчики сержант А. Бербенец, младший сержант А. Сологуб, ефрейтор Н. Силаев.

Судя по всему, немцы не ожидали серьезного отпора: танки замедлили ход. Но из Ищеина и Зеленина продолжала выходить пехота. Устоит ли 5-я рота? Я еще раз оглядел позиции. Все бойцы уверенно вели огонь, стараясь в то же время получше окопаться. Командиры действовали решительно и спокойно. Отчаянный Ломов из автомата сам расстреливал экипажи подбитых танков. Артиллеристы старший сержант С. Фаловский, младший сержант Б. Егоров, рядовой А. Морозов, пристрелявшись, подбили еще два танка.

И вот послышалась пулеметная стрельба на правом фланге. Это 6-я рота ударила по пехоте противника. Огонь был косоприцельным и оказался настолько губительным для фашистов, что они заметались и залегли. А после того как обе роты полностью вступили в бой, танкам и вслед за ними пехоте пришлось повернуть назад и укрыться в деревнях и в прилегающем лесу. На поле боя враг оставил более 100 солдат и офицеров и 5 подбитых танков.

Но тут по нашим позициям ударили пушки и минометы. Фашисты не жалели снарядов, и все же это была передышка перед новой, более мощной атакой танков и пехоты. Мы постарались использовать эту передышку в первую очередь для организации разведки и для налаживания связи с соседними частями Красной Армии: справа от нас слышалась перестрелка.

Разведчики из роты Семенюка нашли в одном из подбитых танков полевую командирскую сумку. Изучив оказавшуюся в ней карту, мы установили, что ведем бой с усиленным мотострелковым батальоном, который движется впереди 57-го механизированного корпуса немецкой группировки. Я немедленно направил боевые донесения о добытых сведениях командованию своей дивизии и в штаб 33-й армии.

Итак, батальон должен драться с противником, превосходящим его по силе. Вместе с командирами рот я прошел по позициям. Бойцы быстро рыли окопы, устанавливали в кустах орудия и пулеметы, неподалеку от окопов медсестра батальона Лида Долгалева развернула санитарный пункт. Раненых пока было немного, и она ловко управлялась с перевязками. Настроение у всех было боевое.

Тем временем вернулись дозорные, и вместе с ними прибыл старший адъютант штаба одного из батальонов 1054-го стрелкового полка 312-й дивизии. Он сообщил, что в

предыдущем бою его батальон понес большие потери и отходит в тыл, но что части их дивизии предполагают контратаковать противника в 15.00. Чтобы дать возможность отошедшим частям закрепиться на новом рубеже в районе Боровска, надо было хоть на некоторое время сковать противника здесь, у Ищеина и Зеленина. Вот почему я решил контратаковать превосходившего нас по силе противника на своем участке.

Когда батальон стал готовиться к контратаке, из подбитого немецкого танка по 5-й роте внезапно открыли пулеметный огонь. Нескольких бойцов ранило, двоих убило. А танк продолжал стрелять. Надо было как можно скорее заставить его замолчать. Сделать это вызвался комсорг роты Илья Николенко. Он незаметно подполз к танку и метнул в него связку гранат и бутылку с горючей смесью. Огонь из танка прекратился. Илья повернул, чтобы ползти назад, но в этот момент вражеская пуля смертельно ранила бесстрашного комсомольца. Поспешивший ему на помощь старший сержант К. Савин метнул в сторону ожившей огневой точки врага гранату и, подхватив на руки безжизненное тело комсорга, вынес его из зоны обстрела. Смелый поступок Ильи Николенко вдохновлял бойцов во время схватки.

Илья Николенко и другие наши товарищи, погибшие в этом бою, были похоронены в лесу у деревни Гордеево. Около могилы состоялся короткий митинг, на котором выступил политрук А.М. Озерякин. «Имя комсомольца Ильи Николенко, а также имена всех других наших бойцов, отдавших жизнь за правое дело, мы навсегда сохраним в сердцах, – сказал он. – Пусть знают враги, что коммунисты и комсомольцы, все воины-дзержинцы сумеют постоять за свою Советскую Родину! Смерть немецким оккупантам!» Затем прогремел салют – последняя воинская почесть павшим бойцам.

Около двух часов дня в батальон прибыл командир полка подполковник Шевцов. Я доложил ему об обстановке и о своем решении. Пройдя по подразделениям, подполковник возвратился на наблюдательный пункт повеселевшим: «С такими бойцами можно наступать!»

Примерно в половине четвертого, когда стало ясно, что намечавшаяся контратака частей 312-й дивизии не состоится, подполковник Шевцов приказал начать атаку своими силами. Я подал сигнал к наступлению. Роты стали продвигаться вперед, и сразу же противник открыл по ним ураганный огонь. Из Ищеино, Зеленино и прилегавшего к ним леса на наши позиции на полной скорости, ведя сильный огонь из пушек и пулеметов, устремилось около трех десятков танков. Роты были вынуждены залечь и отползти на исходные позиции. Пехота врага на этот раз атаковала фланги.

Наши артиллеристы в упор били по атакующим танкам и успели подбить еще три машины, но вскоре два орудия были уничтожены артиллерией противника, и, расстреляв снаряды, замолкло третье. В ход пошли гранаты и бутылки с горючей смесью. Силы были неравные, поэтому, несмотря на упорное сопротивление и стойкость личного состава батальона, вражеским танкам удалось прорваться через наши боевые порядки.

Батальон, лишившись противотанковой артиллерии, оказался в тылу гитлеровских захватчиков. У нас кончились боеприпасы, не было продовольствия. В подразделениях имелись убитые и раненые. Посоветовавшись, мы решили идти на соединение с частями Красной Армии, оборонявшимися в районе Боровска.

Наступила ночь. В лесу сгущалась тьма, а впереди, на горизонте, поднималось зарево: фашисты жгли захваченные деревни и поселки. Выслав охранение, батальон походной колонной по лесным тропкам двинулся к Боровску. Легкораненые шли, поддерживаемые товарищами. На носилках, сооруженных из жердей и сосновых веток, несли тяжелораненых. Около них хлопотала Лида Долгалева. Не могло не изумлять спокойствие и мужество этой девушки, которая сама вынесла многих раненых из-под обстрела, а теперь старалась сделать все, что только можно, чтобы облегчить их страдания.

Путь наш был тяжелым. Бойцы устали и, несколько раз переходя вброд речку, промокли. На позиции одного из полков Красной Армии батальон вышел только к утру 13 октября. Тяжелораненых бойцов отправили в госпиталь, остальные согласно приказу командования возвратились в полк.

Столкнувшись с мотомеханизированной частью противника, в течение дня сдерживая натиск и нанося фашистам ощутимые потери, наш батальон оказал помощь действовавшим на Боровском направлении частям Красной Армии, дал им возможность закрепиться на

новом оборонительном рубеже. Для бойцов батальона это было первое боевое крещение, но все они дрались храбро, как и подобает воинам-дзержинцам. Родина высоко оценила их мужество. Восемнадцать командиров и бойцов батальона награждены орденами и медалями Советского Союза. Отважный командир разведчиков лейтенант Иван Митрофанович Ломов и командир орудия младший сержант Борис Семенович Егоров были удостоены ордена Красного Знамени, командир особо отличившейся в бою 5-й роты лейтенант Петр Павлович Семенюк и политрук Андрей Маркович Озерякин – ордена Красной Звезды. Получили награды также старший сержант К. Савин, сержанты А. Бербенец, А. Кузнецов, Д. Некрасов, А. Сологуб, С. Фаловский, ефрейторы В. Пундиков и Н. Силаев, красноармейцы И. Голиков, М. Метельников, С. Шалаев и другие.

Приказом по войскам НКВД ефрейтор Илья Евстигнеевич Николенко навечно зачислен в списки полка.

Батальону была оказана высокая честь: в составе дивизии имени Ф.Э. Дзержинского участвовать 7 ноября 1941 г. в военном параде на Красной площади, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Вместе с моими боевыми товарищами мы не раз проходили по Красной площади торжественным маршем, и всегда это было для нас радостным событием. Но парад 7 ноября 1941 г. был парадом особенным, парадом легендарным. Как писал впоследствии Маршал Советского Союза С.М. Буденный, «этот парад был боевой клятвой воинов Красной Армии и всех советских людей биться насмерть с врагом, отстоять Москву, а вместе с ней отстоять свободу и независимость нашей социалистической Родины».

Рано утром 7 ноября подразделения нашего полка были выведены на Красную площадь. Все напряженно ждали торжественной минуты – начала парада. Войска объехали на конях принимающий парад Маршал Советского Союза С.М. Буденный и командующий парадом генерал-лейтенант П.А. Артемьев. С.М. Буденный поздравил войска с праздником Великого Октября.

Объезд войск закончился. Замолк оркестр. К микрофону на трибуне Мавзолея В.И. Ленина подошел И.В. Сталин. Воинам запомнились слова: «На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, попавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!»

Равняясь на Мавзолей В.И. Ленина, по Красной площади торжественным маршем прошли войска. Прямо с парада многие части отправились на фронт.

В те дни английская газета «Ньюс кроникл» писала: «Организация в Москве обычного, традиционного парада в момент, когда на подступах к городу идут жаркие бои, представляет собой великий пример мужества и отваги». Весь мир увидел, как велика решимость советских людей отстоять Москву, как сильна их уверенность в том, что фашистские захватчики будут изгнаны с родной земли.

На линии огня. – М., 1976. – С. 138–144.

СЕРГЕЙ БЕЛОУС

День и ночь на подступах к Москве идут ожесточенные бои. Натиск врага не ослабевает. Упорное и мужественное сопротивление наших бойцов наносит фашистам большие потери, но кровожадный злодей Гитлер продолжает бросать под огонь все новые и новые тысячи голов своего пушечного мяса. Пользуясь численным превосходством, враг на некоторых участках все еще теснит наши части. Москва в опасности, Москва под угрозой.

Сознание этого должно удесятерить силы воинов Красной Армии. Никогда еще они не чувствовали такой огромной личной ответственности за судьбу Родины, как сейчас, сражаясь на подступах к Москве. Во что бы то ни стало защитить Москву, праматерь русских городов, величайшую нашу всенародную святыню! Чего бы ни стоило – остановить врага, отстоять Москву! Эта идея и воля рождают массовый героизм, рождают героев обороны Москвы. Таким славным защитником Москвы, героем ее обороны является красноармеец Сергей Белоус, воин войск НКВД.

Это случилось глубокой ночью, когда в роте Белоуса внезапно услышали далекий гул

надвигавшихся откуда-то танков. Рота стояла с краю нашего фланга, и врага здесь никак не ожидали. Но война есть война. На войне возможны всякие неожиданности. Командир решил заблаговременно выяснить, наши ли это танки или фашистские. Сергей Белоус первым вызвался сделать это.

– Я подберусь к танкам и узнаю, чьи они, – сказал он. – Если фашистские, дам знать ракетой.

Командир предупредил Белоуса, что по его сигналу будет открыт орудийный огонь, что надо быть готовым ко всему, вплоть до самопожертвования.

Прихватив на всякий случай пару противотанковых гранат, Белоус ринулся навстречу машинам. Он полз, не останавливаясь, изо всех сил, с каждой минутой все быстрей. Только одна мысль билась все время в его сознании: если это враг – враг должен быть остановлен.

Наконец из тьмы совсем рядом с Белоусом вынырнуло огромное стальное чудовище. Один за другим мимо него промчались пять танков. И на каждом из них белели паучьи лапы свастики. Враг!

Рука Белоуса рванулась к ракетнице. Он знал, что бросает сейчас вызов смерти, он понимал, что может погибнуть, но не думал об этом. Личная опасность для него не имела никакого значения. Угроза, нависшая над Москвой, заслоняла для него все.

Готовый ко всему, Сергей Белоус условленным сигналом вызвал на себя орудийный огонь. Первыми же снарядами были подбиты два танка. Остальные повернули обратно. Но Белоус вскочил и метнул гранату. От взрыва вспыхнула еще одна машина. Наши артиллеристы повели беглый огонь по удиравшим немцам.

Как выяснилось позже, за отогнанными пятью танками следовали 12 других, сопровождаемых мотопехотой. Не получи фашисты сразу же сокрушительного отпора, они наделали бы много бед. Они могли смять роту, прорваться в наш тыл, ударить в спину части, самоотверженно и успешно оборонявшей важный участок. Но на пути врага оказался Сергей Белоус – и все произошло иначе. Враг был задержан.

Презрение к смерти во имя защиты Москвы – вот что позволило Сергею Белоусу сорвать злодейский план фашистов.

Презрение к смерти рождает героев и обеспечивает победу. Нетрудно представить, что бы случилось, окажись на месте Белоуса какой-нибудь малодушный человек, который испугался бы танков, дрогнул в решающую минуту. Такой человек, растерявшись, не только погиб бы наверняка сам, но и погубил бы много своих товарищей, нанес немалый вред обороне Москвы.

Бесстрашие – мать победы. Смелость – самая верная броня и самое грозное оружие в бою. Не ведай страха, никогда не позволяй опасности затуманить твое сознание, ослабить твою волю к борьбе – и огонь опасностей только закалит тебя, как сталь. Будь отважен, презирай смерть – и враг никогда тебя не осилит, ты с честью выполнишь свои долг перед Отечеством.

Красная Звезда, 1941, 21 октября.

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

3 октября батарею лейтенанта Кузнецова включили в состав формировавшегося 34-го мотострелкового полка НКВД. Получив приказ на выезд, батарейцы по тревоге покинули дивизию имени Ф.Э. Дзержинского, где Иван Лазаревич Кузнецов служил с 1938 г.

Весь октябрь сорокапятки батареи вели жаркие бои с фашистами южнее Мценска, у реки Соловы, к юго-западу от Щекино, до последнего снаряда защищая Ясную Поляну. Когда были разбиты два последних орудия, сражались как стрелки.

В конце декабря 1941 г. воинам 34-го полка вручили боевые награды за подвиги под Орлом и Мценском, в районе Тулы и в наступательных операциях против фашистских захватчиков. Среди награжденных были и люди батареи лейтенанта Ивана Кузнецова. Сергей Белоус удостоился ордена Ленина, командир орудия Петр Болтовский – ордена Красного Знамени, наводчик орудия Михаил Анненков – ордена Красной Звезды.

– Отважных и умелых артиллеристов подготовили вы, товарищ лейтенант! – поблагодарил командира батареи полковой комиссар И.Г. Герасименко. – Поздравляю вас с

наградой.

Иван Лазаревич Кузнецов получил орден Красной Звезды. Это была его первая боевая награда. В последующие годы к ней прибавились новые ордена и медали. Пушкари Кузнецова пронесли боевую славу тех, кто ее обрел в дни великой битвы за Москву, через многие фронты, до полной победы над фашистами.

«ЕСЛИ ПОШЛЮТ В БОЙ...»

НП размещался в перепаханном снарядами окопе на самом переднем крае обороны. Около часа бойцы оборудовали его: выбрасывали обвалившуюся землю, укрепляли стенки, маскировали, тянули связь. И вот теперь здесь, не отрываясь от стереотрубы, вглядывался в вечернюю даль командир батареи старший лейтенант Виктор Иванович Левкин.

– Так вы говорите, боя ждать? – Комбат посмотрел на пехотного капитана, стоящего рядом с ним на НП.

– Да. Фашисты не могли не заметить ваш подход, – ответил тот. – Время позднее, а гитлеровцы не любят воевать ночью, но от разведки, думаю, не откажутся.

Задребезжал телефон. Левкин поднял трубку. Лицо его стало серьезным, суровым.

– Вы правы, – проговорил он, наклоняясь к стереотрубе, – разведчик передал: в лесу перед нами собирается танковый кулак. Несколько бронированных машин показалось на опушке.

Левкин обернулся к телефонисту и коротко бросил:

– Огонь!

Заговорили наши пушки. Наткнувшись на дружный артиллерийский обстрел, танки повернули назад. Артиллеристы батареи выпустили не один десяток снарядов по отступающему врагу.

26 октября 1941 г. Голубая рассветная полоска медленно появлялась на востоке, вырисовывая у самого горизонта островерхие, израненные осколками деревья. Безмолвно. Тревожно на душе у красноармейцев.

СВЯЗИСТ

Он линию едва срастить успел,
Когда, вплетаясь в посвист ветровой,
Чужой свинец пронзительно запел
Над низко наклоненной головой.

Осенний день бесцветен был и хмур,
Дрожал от взрывов подмосковный лес.
Связист зажал зубами тонкий шнур
И за сугроб, отстреливаясь, лег.

Лишь через час его в снегу нашли.
В больших глазах застыла синева.
Меж мертвых губ по проводу текли
Живой команды твердые слова.

Связист и в смерти не покинул пост,
Венчая подвигом свой бранный труд.
Он был из тех, кто, поднимаясь в рост,
Бессмертие, как города, берут.

Алексей Сурков

– Товарищи! – раздался в тишине голос старшего лейтенанта Левкина. – Сегодня будет жарко. Вы видели сами, сколько техники стянул враг к нашему участку. Но мы – дзержинцы. И здесь фашистам должны быть отрезаны все пути.

Вслед за ним политрук Строганов объявил бойцам, что коммунисты батареи постановили биться до конца.

...Танки врага подходили все ближе. Вот еще одно бронированное чудовище с развороченной башней застыло в поле, задымил четвертый танк. Но гитлеровцы, не считаясь с потерями, упорно лезли напролом.

Беспощадно разит врага орудие комсомольца Макарова, умело ведут огонь политбойцы Кондратьев, Пилипенко. Однако и в рядах дзержинцев уже есть потери. Убит командир взвода лейтенант Афиногенов. Санинструктор Мария Покровская вынесла с поля боя Олейникова – одного из лучших командиров орудий. Истекая кровью, стреляет по врагу наводчик Самарин. Вражеской миной полностью выведен из строя еще один орудийный расчет. Трудно, очень трудно сдерживать фашистов.

В критический момент у пушки встает политрук Строганов. Ему на помощь спешит сержант Макаров, орудие которого разбито фашистским снарядом. Воодушевляя бойцов, политрук метко бьет по наседающим автоматчикам.

Несколько танков двинулись в обход к мосту, где стояло орудие сержанта Кулева.

– Ориентир 1, правее 0,50 – танки, – доложил наблюдатель.

Когда вражеские машины подошли к мосту, расчет открыл огонь по головному танку. Но гитлеровцы не приняли боя, быстро развернувшись, они на предельной скорости устремились к деревне и, прячась за полуразрушенными избами, выскочили в нескольких десятках метров от артиллеристов.

Все решали считаные секунды. Развернув пушку, Кулев в упор расстрелял одну машину, а вслед за ней поджег другую. Фашисты откатились назад. Один из снарядов разбил орудие Кулева. Тогда он с красноармейцами Плехановым и Грякаловым продолжил бой, метко стреляя из винтовки по вражеской пехоте.

Нелегко было и военным водителям, под непрерывным обстрелом противника доставлявшим снаряды на огневую позицию. Подлинное мужество проявил в одном из рейсов старший сержант Александр Кочубей.

Вражеская мина пробила скаты машины. В кузове загорелся ящик боеприпасов. Каждую секунду мог произойти взрыв. Александр не растерялся. Попавшимся под руку мешком он сбил пламя, помог водителю Комарову сменить скаты и благополучно доставить снаряды на огневую позицию.

Мастерством и дисциплинированностью отличились в бою шоферы-красноармейцы Сафронов, Пенкин, Злобин. Водитель-красноармеец Розанов ценой своей жизни спас многих товарищей. Воин отогнал горящий грузовик от позиции батареи, свернул на обочину. Тут же громыхнул взрыв...

– Сержант Кондратьев! – раздался голос командира батареи.

Сержант поднялся с земли, закинул на плечо винтовку и, пригибаясь, побежал к старшему лейтенанту Левкину. Комбат стоял у телефона и без конца вызывал батарею. Увидев Кондратьева, он бросил трубку и крикнул:

– Немедленно... связь с огневой... Действуйте!

Сержант выскочил с НП и, перемахнув через земляной вал, очутился в окопе.

– Красноармеец Прокопенко, на линию, – приказал он. – Повреждена связь с батареей.

– Есть! – четко ответил Прокопенко и короткими перебежками двинулся вдоль чернеющего на снегу телефонного кабеля.

Уже несколько раз в этот день он устранял обрывы на линии. И теперь вновь спешил вперед, то и дело прощупывая провод. До огневой было уже недалеко, когда в воздухе засвистели мины. Не обращая на них внимания, Прокопенко бежал, сознавая, что каждая минута сейчас на счету, враг идет в атаку, а пушки молчат. «Если батарея – люди, то связь – их нервы», – приходили на память слова комбата.

«Нервы, нервы...» – колотила в висках кровь.

«Нерв поврежден, орудия молчат. Что же вы мешкаете, Прокопенко?» – где-то в глубине сознания звучал голос сержанта Кондратьева.

– Я сейчас... – словно оправдываясь, неожиданно для самого себя вслух произнес Григорий и в этот же момент почувствовал, что натяжение провода ослабло. Обрыв где-то близко. Словно невидимая пружина толкнула красноармейца вперед. Он сделал шаг, второй. И в этот момент рядом оглушительно громыхнул взрыв. Что-то острое, обжигающее ударило по ногам. Боец попытался подняться, но нестерпимая боль, словно током, пронзила тело. Григорий до крови закусил губу и пополз.

– Вперед, только вперед, – шептал Прокопенко, – ведь ты комсомолец, ты должен выполнить приказ.

Ползти становилось все трудней и трудней. Закоченевшие, сбитые до крови руки отказывались слушаться. Наконец-то впереди показалась воронка, над которой безжизненно свисали обрубленные концы кабеля. Скатившись в нее, Прокопенко с трудом приподнялся, стиснул в ладонях обрывки кабеля, подтянул их к себе.

Мина разорвалась совсем рядом. Взрывная волна подбросила воина и с силой обрушила на него пласты бурой, слежавшейся земли. Когда сознание возвратилось,

Григорий почувствовал жгучую боль в груди. Осколок вошел под самое сердце, туда, где лежало его так и не отправленное письмо.

«На фронте до сих пор не был. Если пошлют в бой...» – пришли на память строки.

– Провод... – застонал Прокопенко.

Он уже ничего не видел, все смешалось перед глазами. На какую-то долю секунды почувствовал, что сознание вновь уходит. Собрав всю свою волю, связист отыскал обрыв, но срастить провод уже не мог, слишком ослабли руки.

Оставалось одно. Григорий подтянул обгоревшие концы ко рту и намертво сжал их зубами...

Заговорили наши орудия. Но бесстрашный связист уже ничего не слышал. Не увидел он и того, как, бросая раненых, бежала вспять за своими танками гитлеровская пехота, как громила расчеты немецких минометчиков батарея, какой неистовой была контратака советских бойцов.

Бой стихал. Михаил Пушкарь в последний раз перезарядил винтовку, послал пулю вдогонку фашистам. Еще один из них ткнулся головой в землю. Воин огляделся: где же Прокопенко? Вспомнил, что в разгар боя Григорий ушел устранять обрыв.

– Прокопенко? Нет, не возвращался, – отозвался на вопрос Пушкаря сидевший в окопе телефонист. – На батарее его тоже нет.

«Неужели...» – мелькнула тревожная догадка.

– Товарищ сержант, – обратился Михаил к командиру отделения, – разрешите сходить на линию, нет Прокопенко.

– Идите, – произнес Кондратьев.

Забыв об усталости, Михаил побежал вдоль черной вьющейся по полю жилке телефонной линии, с тревогой оглядывая каждую воронку. Григория нигде не было. Миновав перелесок, Пушкарь неожиданно увидел в нескольких метрах от себя распластавшегося на снегу Прокопенко. Выхватив из кармана перевязочный пакет, он бросился к другу, перевернул его и... сердце сжалось от боли.

...Сгущались ранние сумерки. Около сожженной деревни надсадно выли двигатели автомашин, вытягивая орудия на почерневшую от гари дорогу.

Возле чадящего фашистского танка стояли бойцы.

– Смотрите, Пушкарь! – воскликнул кто-то.

С непокрытой головой, крепко прижимая к груди безжизненное тело товарища, к ним приближался Пушкарь.

Воины поспешили навстречу Михаилу, обступили со всех сторон, а он, словно ничего не видя, продолжал идти вперед.

Долго боец не мог произнеси ни слова, а когда пришел в себя, то рассказал о подвиге своего друга – красноармейца-связиста Григория Прокопенко.

Затаив дыхание, слушали артиллеристы слова Михаила Пушкаря.

Здесь же, на краю пепелища, воины похоронили отважного защитника столицы. У его могилы коммунисты батареи приняли кандидатами в ряды ленинской партии старшего лейтенанта Левкина, сержанта Макарова, ефрейтора Сосова, красноармейца Блинова.

Мужество и героизм батарейцев-дзержинцев были высоко оценены командованием Западного фронта. Ордена Красного Знамени удостоились комбат Виктор Иванович Левкин, политрук Михаил Васильевич Строганов, наводчик красноармеец Григорий Кравченко, сбивший из орудия самолет.

Имя бесстрашного связиста Григория Прокопенко навечно занесено в списки личного состава подразделения.

«...Батарея старшего лейтенанта Левкина уничтожила шесть вражеских танков, один пикирующий бомбардировщик и рассеяла батальон фашистской пехоты».

Из сообщения Советского Информбюро от 26 октября 1941 г.

ГЕРОЙСКИ ПОГИБ НА ПОСТУ

...Около здания, где он погиб на посту, растут клены: старые ветвистые деревья подняли свои могучие кроны высоко в небо и там, вверху, под сильными тугими ветрами

гудят, поют свою странную песню.

...Шла Великая Отечественная. Красноармеец Артемий Трифонов настойчиво постигал военное дело, готовился к боям с фашистскими захватчиками. Своим «максимом» воин овладел в совершенстве, стрелял из него метко, наверняка. На тактических занятиях товарищи завидовали его сообразительности и расторопности. Перебежки совершал стремительно, маскировался так, что не увидишь и в пяти шагах. А что касается дисциплины, то Трифонов соблюдал ее строго и точно. Вдумчиво изучал права и обязанности часового и, как никто другой, всегда тщательно готовился в караул.

Большое влияние оказывали на Артемия беседы коммунистов-агитаторов о самоотверженных поступках бойцов при несении караульной службы. Особенно взволновал его подвиг Прокофия Чернышева, совершенный им в 1922 г. Этот мужественный красноармеец погиб на посту смертью героя, до конца исполнив свой воинский долг.

В ночь на 29 октября 1941 г. Артемий повторил подвиг Чернышева.

...Захлебываясь огнем, без умолку били зенитки. Шестнадцатая воздушная тревога за сутки! Шестнадцатый раз пытались прорваться к городу фашистские стервятники.

Красноармеец Артемий Трифонов стоял на посту внутри здания. Неподалеку от него выполнял боевую задачу его товарищ – младший сержант Георгий Маркин. Воины не видели, как сизые лучи прожекторов пронизывали ночное небо, как стайки наших истребителей пулеметным свинцом преграждали вражеским бомбардировщикам путь к столице. В помещение проникали только приглушенные отзвуки орудийной пальбы.

Несколько фашистских самолетов прорвались к городу. Высоко в небе завязался жестокий воздушный бой. Где-то над головой пронзительно завыла бомба. Томительные мгновения в ожидании взрыва... И вот прямо в доме блеснула ослепительная вспышка. Раздался оглушительный грохот. Погас свет. Трифонов увидел, как стала медленно оседать стена, возле которой он стоял. Какое-то мгновение в сознании воина боролись два чувства. Одно – самосохранения – говорило: «Беги, Артемий, иначе погибнешь». Второе – чувство долга – предостерегало: «Мужайся, Артемий, ты на посту».

...В кромешной темноте каменный обвал похоронил под собой верного воинскому долгу героя-комсомольца, который не сошел с поста, несмотря на угрожавшую опасность.

Страшный удар опрокинул в тот же миг и младшего сержанта Маркина. Брызги стекла и щебня впились в лицо. Когда прояснилось сознание, он понял, что лежит на полу. Какой-то острый предмет врезался в бок, давила непомерная тяжесть. Освободив руки из-под обломков, младший сержант поднялся, ощупью нашел винтовку и... встал на пост. Его взгляд устремился на груду щебня и каменных глыб. Там до взрыва стоял на посту его лучший товарищ – Артемий Трифонов. Воин, превозмогая боль, выпрямился и, собрав последние силы, нес службу и за друга до тех пор, пока не пришла смена...

Небольшая стального цвета книжечка. Над ней не властно время. Комсомольский билет № 4096217. В августе 1938 г. он был вручен Соликамским райкомом ВЛКСМ девятнадцатилетнему рабочему пареньку Артемию Трифонову. Над номером – два ордена. В победном 1945-м к ним прибавится третий. За выдающиеся заслуги перед Родиной в годы Великой Отечественной войны комсомол будет удостоен ордена Ленина. Трифонов не дожил до этого светлого дня. Он погиб, честно выполняя свой долг воина-комсомольца. Но в свете высокой награды есть отблеск и его подвига.

МУЖЕСТВО ЧАСОВОГО

29 октября 1941 г. при налете вражеской авиации красноармеец Иван Романович ПОГРЕБНЯК нес службу – стоял часовым снаружи подъезда здания Центрального Комитета ВКП(б).

Когда вышел из подъезда ответственный работник ЦК, часовой прикрыл его от падающих обломков здания и тем самым спас.

Погребняк от сильного ушиба потерял сознание, но, придя в себя, продолжал службу, пока не был снят с поста и госпитализирован.

По ходатайству командира полка полковника Хорькова и батальонного комиссара Косолапова ПРЕДСТАВЛЕН к награждению за самоотверженный поступок орденом Красной Звезды.

См.: РГВА, ф. 17553, оп. 1, д. 202, л. 131.

Павел Артемьевич Артемьев (1897–1979) встретил Октябрьскую революцию на фронте солдатом. Когда создавалась Красная Армия, вступил в ее ряды и бился с врагами под Псковом и на Южном фронте. С 1921 г. он последовательно занимал должности военкома батальона, полка, начальника военно-политического училища, командира дивизии имени Ф.Э. Дзержинского.

Перед самой войной П.А. Артемьев был назначен командующим Московским военным округом. В сложной обстановке он умело руководил Московской зоной обороны, готовил резервы для Западного фронта.

На генерал-полковника Артемьева было возложено командование парадом в прифронтовой столице 7 ноября 1941 г.

ПАРАД БЕССМЕРТИЯ

Никогда не изгладится из памяти тревожная и суровая осень 1941 г. Фашистские полчища из группы армий «Центр» рвались к нашей столице и находились на отдельных направлениях не далее 80–100 километров от Москвы. Маньяк Гитлер торопил своих генералов, предписывая им «в ближайшее время любой ценой покончить с Москвой». Он выдвинул поистине варварский план: полностью разрушить город артиллерией и воздушными налетами, а уцелевшее население уничтожить.

В битве под Москвой принимали участие Западный, Калининский, Брянский фронты. По призыву Коммунистической партии москвичи превратили столицу и подступы к ней в неприступную крепость. Были созданы дивизии народного ополчения, вооружены сотни боевых дружин, групп истребителей вражеских танков. Государственный Комитет Обороны ввел с 20 октября в Москве и прилегающих районах осадное положение. Это постановление сыграло огромную роль в сплочении москвичей и воинов. Московская зона обороны превратилась в непреодолимую для врага преграду.

Как командующему военным округом и Московской зоной обороны мне каждый день приходилось докладывать Верховному Главнокомандующему оперативную обстановку. Обычно это делалось около четырех часов утра. Так было и в ночь с 31 октября на 1 ноября. Выслушав мой доклад, И.В. Сталин спросил, собираемся ли мы организовывать парад войск Московского гарнизона в ознаменование 24-й годовщины Великого Октября. Для меня это был неожиданный вопрос. Сославшись на обстановку, я высказал сомнение в целесообразности проведения этого парада. Кроме того, участвовать в параде могла только пехота, так как артиллерийские части стояли на огневых позициях, а танков вообще не было в гарнизоне.

Но решение было принято: парад 7 ноября провести. Партия считала, что проведение парада в прифронтовой Москве по политической значимости будет равнозначно выигранной фронтовой операции. Было решено: о подготовке к параду никто, за редким исключением, не должен знать до исхода 6 ноября. Принимать парад было поручено С.М. Буденному. Командование парадом возлагалось на меня. Предусматривались мероприятия на случай налета вражеской авиации на Москву.

На следующий день после этого разговора секретарь ЦК, МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков и я, как командующий округом, вызвали командиров частей. Участвовать в параде должны были батальон курсантов училища имени Верховного Совета РСФСР, Военно-политическое училище МВО, части одной из стрелковых дивизий, формируемой главным образом из призывников Москвы и области, стрелковый и кавалерийский полки дивизии НКВД имени Дзержинского, батальон бывших красногвардейцев – участников Октябрьской революции, два артиллерийских полка Московской зоны обороны, два танковых батальона из резерва Ставки и некоторые другие части.

6 ноября после торжественного заседания, посвященного 24-й годовщине Великого Октября, узкому кругу лиц было объявлено о времени начала парада.

...7 ноября. На всей Красной площади от Москворецкого моста до здания Исторического музея стоят войска. Недвижны прямоугольники рот и батальонов. Свирепый ветер поднимает в воздух морозную пыль. 8 часов утра. Из ворот Спасской башни на коне

выезжает заместитель народного комиссара обороны СССР маршал Советского Союза С.М. Буденный. Приняв рапорт, он объезжает войска, выстроенные к параду, и здоровается с ними. Затем к участникам парада с речью обратился Верховный Главнокомандующий.

Начался торжественный марш частей. Мимо Мавзолея В.И. Ленина проходили курсанты, моторизованная пехота, стрелковые подразделения, батальоны моряков, отряды вооруженных рабочих Москвы. Завершая парад войск, Красную площадь заняли танки. Парад продолжался чуть больше часа. Прямо с Красной площади многие воинские части отправлялись на фронт.

Генерал-полковник П. АРТЕМЬЕВ. Московская правда, 1976, 7 ноября

ТРУЖЕНИКИ ВОЙНЫ

Саперный батальон старшего лейтенанта Д.И. Егорова получил боевую задачу: в кратчайший срок восстановить разрушенные переправы, навести новые, способные выдерживать нагрузки до 60 тонн. Воины немедленно приступили к ее выполнению.

Три дня – и двадцатиметровое сооружение пролегло через реку Пехорка, следом – сорокапятиметровый мост соединил берега Клязьмы, семидесятиметровые мосты выросли над реками Киржач и Пекша.

Самоотверженно трудились саперы-дзержинцы. Работали круглые сутки, не обращая внимания на трескучие морозы, бомбежки, прокладывали путь подходящим войскам.

Комсомольским задором, энтузиазмом отличались во время работ отделения сержантов Сысоева, Кабаненко, Богуна, Хуповки, Артюшкина. Ударным трудом ознаменовали саперы начавшееся наступление частей Красной Армии под Москвой.

...Фашисты все дальше откатывались от стен столицы. От рук захватчиков пылали города, села, деревни. Злобствовал отступающий враг, нещадно разрушал дороги, подрывал мосты. Все это донельзя усложняло наступление наших частей.

Неделю в районе города Дмитрова восстанавливал батальон Егорова семидесятиметровый мост через Яхрому. Десять дней под непрерывной бомбежкой саперы обеспечивали переправу наших войск через Москву-реку в районе Можайска. Своей самоотверженной работой дзержинцы способствовали блестящему завершению операции по ликвидации гжатской группировки фашистов.

А спустя несколько дней ни распутица, ни ледяная вода не смогли помешать саперам поднять со дна двухсотпятидесятитонную ферму дмитровского моста, перекинуть ее через канал Москва–Волга, тем самым вновь открыть судам зеленую улицу. Руками наших саперов был введен в строй и девяностошестиметровый солнечногорский мост.

Но не только наведением переправ занимались саперы батальона Д.И. Егорова. Немало минных полей обезвредили они, помогая успешному продвижению частей в районах Минского, Волоколамского и Калужского шоссе. Это была опасная и тяжелая работа. Границ минных полей никто указать не мог. Фашисты оставили после себя немало различных «сюрпризов». Но время не ждало. Отличная выучка в довоенное время и здесь выручила дзержинцев. Более десяти тысяч мин обезвредили они.

...Война все дальше и дальше уходила от стен столицы. Солдаты и сержанты помогали строить жилье лишившимся крова людям. И по сей день недалеко от Москвы стоит деревня Алексино, выстроенная на пепелище руками саперов-дзержинцев.

Саперный батальон дивизии построил 8 новых мостов в освобожденных районах Московской области, обезвредил 5752 противотанковых и 4537 противопехотных мин.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ БОЕВОЙ ГОРЮЧЕЙ СМЕСИ

«Бесценный дар природы – вода в наше время оказалась в центре внимания исследователей крупнейших лабораторий мира. Изучается строение этого неповторимого минерала, изыскиваются пути очистки его от примесей...» – так начиналась небольшая статья в газете «Московская правда».

Далее сообщалось, что в лаборатории научно-исследовательского института пластмасс, руководимой профессором Кириллом Максимовичем Салдадзе, разработан метод

опреснения воды без дистилляции. Химики опреснили воду в холодном состоянии, пропустив ее через мембраны особых полимеров. Опреснительные установки, основанные на этом методе, могут быть использованы на морских судах, в геологических экспедициях, на полевых станах.

...Многое сделано ученым. Первое значительное открытие относится ко времени его службы во внутренних войсках НКВД СССР.

В 1939 г. К. Салдадзе, уже имевший ученую степень кандидата наук, был призван на военную службу и направлен в дивизию имени Ф.Э. Дзержинского.

Когда началась Великая Отечественная война, опытный специалист-химик передает свои знания воинам. В августе 1941 г., в связи с приказом наркома обороны о формировании частей и подразделений и об улучшении подготовки подразделений химической защиты, К. Салдадзе назначается заместителем командира отдельной роты, а затем начальником химической службы полка. Ему присваивается звание военного инженера 3 ранга.

В это время на вооружение дивизии поступили ранцевые и фугасные огнеметы. Боеприпасом к ним служила огнесмесь, изготовлявшаяся в частях из моторного бензина, в котором остро нуждалась боевая техника. И тогда К. Салдадзе поставил перед собой задачу – создать горючую смесь без использования бензина, более надежную и дешевую. Получив разрешение командования, он с помощью одного из московских предприятий приступил к работе.

Сделав химические анализы отходов производства, неделю почти не выходя из кабинета, ставшего и лабораторией, и домом, ученый разработал метод переработки отходов для получения горючей смеси. Но мало создать боевую горючую смесь. Необходимо как можно быстрее внедрить ее в производство. В условиях же, когда немецкие войска рвались к Москве, когда все силы и средства страны были направлены на то, чтобы остановить фашистов, налаживание нового производства было делом очень трудным. Не все понимали, что оружие завтрашнего дня нужно создавать сегодня. К.М. Салдадзе обращается в НКВД, в Совнарком, в Государственный Комитет Обороны. И в конце концов настойчивость патриота, поддержка партийных органов, командования, ответственных работников НКВД помогают начать производство БГС.

Уже к ноябрю 1941 г. получены первые результаты. На полигонах Главного военно-химического управления Красной Армии (ГВХУ) проводятся испытания, которые подтверждают правильность выводов. Под Малоярославцем состоялись испытания в боевых условиях: фугасы, заложенные на пути продвижения немецких танков и моторизованных подразделений, сорвали наступление врага.

В Музее внутренних войск хранится копия письма из ГВХУ от 5 мая 1942 г. заместителю наркома внутренних дел и командиру дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. В письме сообщается, что предложенная военинженером 3 ранга тов. Салдадзе новая огнесмесь принята на снабжение Красной Армии.

По словам К. Салдадзе, бутылки с БГС, находившейся еще в стадии эксперимента, по приказанию командира дивизии имени Ф.Э. Дзержинского генерала М.П. Марченкова применялись воинами в оборонительных боях под Москвой уже в октябре 1941 г. Не такую ли бутылку держал в руках комсорг подразделения красноармеец Илья Николенко, когда в критический момент боя вступил в единоборство с фашистским танком?

Заслуги ученого высоко оценены Советским правительством. Он награжден двумя орденами Красной Звезды.

До 1943 г. К.М. Салдадзе продолжает служить в НКВД, занимаясь разработкой и внедрением новых образцов оружия, основанных на принципах применения БГС, совершенствует ее свойства.

– Я горжусь, – рассказывает ученый, – что мне довелось служить в таком прославленном соединении, каким является дивизия имени Ф.Э. Дзержинского. Встречаясь с воинами внутренних войск, я напоминаю им о той высокой чести, какая выпала им, – продолжать священные традиции старших поколений, быть достойными наследниками боевой славы отцов и старших братьев.

ПЛОЩАДЬ РОСТОВЦЕВА

В Музее пограничных войск хранится пробитая осколком гимнастерка начальника политотдела 15-го стрелкового корпуса полковника И.Н. Ростовцева, бывшего политработника войск НКВД, воспитанника дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, где он прошел путь от красноармейца до заместителя командира дивизиона по политической части. 30 июня 1941 г. патриот ушел на фронт. За подвиги и умелое руководство войсками 5 мая 1942 г. награжден орденом Красного Знамени. 11 февраля 1943 г. в тяжелых боях за Харьковщину полковник Ростовцев пал смертью храбрых, посмертно удостоен ордена Ленина.

В городе Балаклее его именем названа одна из площадей.

СЧЕТ МЕСТИ

Росой обрызганы его следы,
И чтоб не выдать, ветерок притих.
Ладони снайпера тверды,
Лоснится ложа старая от них.
Он знает все – где кочка, где овраг,
Он ждет часами – тут нельзя спешить.
Когда ж на мушку попадется враг,
Ему и полсекунды не прожить.

С. Щипачев

Ярким выражением стремления личного состава в совершенстве овладеть своим оружием и без промаха бить врага явилось широкое снайперское движение, развернувшееся в дивизии. Готовясь к боевым стажировкам, дзержинцы углубляли свои знания по материальной части, учились выбирать и оборудовать огневые позиции, вести прицельный огонь, соблюдать маскировку.

За время Отечественной войны дивизия подготовила 1065 снайперов. Мастерство и умение, приобретенные в ходе упорной учебы, пригодились воинам в боевой обстановке. На фронте прошли практику 962 человека.

На Западный фронт мастера огня выезжали в 1942 г. Действуя смело и решительно, проявляя находчивость и инициативу, они за сравнительно короткий срок истребили около 6500 гитлеровцев.

В августе после возвращения с фронта снайперы собрались на свою конференцию. Они поведали о том, как уничтожали фашистов, с каким большим энтузиазмом и воодушевлением выполняли боевые задания командования.

Новая группа снайперов побывала на Волховском фронте весной 1943 г. И их стажировка прошла успешно. Многие воины имели на своем счету по 30–35 убитых фашистов.

Отличная боевая выучка, мужество наших снайперов получили самую высокую оценку командования фронта. 77 человек были награждены орденами и медалями Советского Союза. Нагрудного знака «Снайпер» удостоились 355 бойцов и командиров.

Общий итог боевой работы снайперов дивизии – 11 720 уничтоженных вражеских солдат и офицеров. Целая фашистская дивизия!

ОН ИЗ СНАЙПЕРСКОЙ СЕМЬИ

Правофланговым снайперской семьи по праву считался лейтенант Федор Титаренко. 103 уничтоженных фашиста – вот результат его боевых стажировок.

О великолепном мастере огня много говорили бойцы. Сколько умения и смекалки было у него! Вот что рассказывал сослуживцам сам Титаренко:

«На нашем участке действовал фашистский снайпер. Он не давал прохода бойцам роты. Но как ни странно, он не маскировался. Вылезет на бруствер, выберет цель и бьет. Меня заинтересовал этот тип. „Хотел бы я с ним встретиться“, – сказал я товарищам. И как бы идя навстречу моему желанию, через пару дней на бруствере немецкого блиндажа

показался этот фашист. Я только что вернулся с „охоты“ и отдыхал.

– Появился, – сообщили мне.

Надев каску, я выполз на бруствер. Смотрю – гитлеровец уже прицелился в меня. Бросаюсь в сторону. Прозвучал выстрел. Разрывная пуля ударила по моей каске. Я попросил товарищей выставить слева несколько касок. Но огня не последовало. Тогда были выставлены каски справа. Фашист стал усиленно за ними наблюдать. Видимо, решил их обстрелять. Этим я и воспользовался: взял вражеского снайпера на мушку и первым же выстрелом уничтожил его».

Фотография снайпера Федора Титаренко была помещена в войну в газете «На боевом посту». На читателя смотрели умные глаза командира с юным задумчивым лицом. На груди – орден Красной Звезды, медаль «За отвагу».

В МАРТЕ СОРОК ТРЕТЬЕГО

Он стоял, слегка наклонив убеленную сединой голову, не торопясь отвести взгляд от небольшой фронтовой фотографии, укрепленной над потемневшей от времени сталью снайперской винтовки. Внимательно вглядывался в лица, припоминал имена...

И вновь вставала перед глазами комсомольская юность. Кавполк, блеск клинков последнего довоенного парада, день дивизии, скомканный началом войны. Красная площадь 7 ноября сорок первого года, политые кровью снега Подмосковья и посвист пуль...

Вновь и вновь он вглядывался в лица тех, кто не пришел с войны, кто шагнул в ее пламя, навсегда оставшись молодым, так мало успевшим сделать.

А на этой фронтовой фотографии, где и сам он – второй справа в последнем ряду, – таких шестеро. Шестеро сильных, мужественных, бойцов-комсомольцев, его боевых друзей, оставшихся лежать на полях сражений за Родину. Самому старшему и опытному из них младшему сержанту Яцыне в то время шел двадцать четвертый год. Остальным – двадцатый, двадцать первый.

– В марте 1943 г., – рассказывает прапорщик в отставке Виктор Данилович Кривенко, – группа снайперов, в число которых вошел и я, была направлена на фронт в одну из частей, участвовавших в наступлении на Вязьму. Старшим нашей группы назначили младшего сержанта Илью Яцыну. Никто из нас до этого не бывал на передовой, Яцына же успел дважды понюхать пороху, имея на своем счету около пятидесяти уничтоженных фашистов, о чем свидетельствовала медаль «За отвагу».

И на этот раз он добровольно вызвался возглавить группу молодых снайперов. Лютой ненавистью горел Илья к фашистам, спалившим дотла его родную станицу Белозерку.

До передовой мы добирались целые сутки пешком. Измотались. За ночь хорошо отдохнули и утром вышли на «охоту».

Долго мы с напарником выбирали удобную позицию. Наконец нашли. С правого фланга хорошо просматривался один из изгибов траншеи врага, протянувшейся по склону косогора на опушке леса. Его-то мы и взяли в перекрестие оптических прицелов своих снайперских винтовок.

Вот над траншеей показались каски двух гитлеровцев. Один из них вышел на открытое место и оказался как на ладони. Выстрел мой был удачен. Фашист, судорожно взмахнув руками, повалился на бруствер. Второй бросился к нему, пытаясь оттащить в укрытие. Но и его постигла та же участь.

На третий день нашего пребывания на фронте ко мне подошел Илья Яцына. Он поинтересовался, как идут дела. Я ему показал листок, на котором вел счет уничтоженных врагов. В моем листке стояла цифра 7. Это был результат двухдневной «охоты».

Шли дни. Наши войска готовились к наступлению. Впереди была Вязьма. Нам, снайперам, нашлось много работы: это было и уничтожение расчетов вражеских огневых точек, и охота за гитлеровскими офицерами на наблюдательных пунктах.

...Начинался десятый день боевой стажировки. Медленно занимался рассвет. И в это время ракеты, взвившиеся над передним краем нашей обороны, всколыхнули траншеи. Началось наступление. Фонтаны снега, смерзшейся земли и пламени вздыбились над полем. Вражеские снаряды и мины с корнем вырывали редкий кустарник, в воздухе тонко посвистывали осколки.

Еще бросок. Вот уже цепь недалеко от снайперов. Вражеский огонь прижал ее к земле. Приподнявшись, упал офицер. Наступила критическая минута. Чутьем командира Яцына понял: атака захлебывается, и, если бойцы, прижатые шквалом огня, не подымутся сейчас, она будет отбита.

«Только сейчас! Только сейчас! Только в этот миг!» – молниеносно возникло решение поднять бойцов на стремительный бросок.

– За Родину! – крикнул Илья, поднимаясь во весь рост, устремляясь вперед. На ходу еще раз ударила верная винтовка...

– В этом бою я находился метрах в тридцати левее Яцыны, – вспоминает прапорщик Кривенко. – Когда залегли наши наступающие цепи, фашисты усилили огонь. Находясь ближе всех к переднему краю гитлеровцев, мы стреляли, не переставая, уничтожая живую силу врага. Разумеется, нас засекли гитлеровцы и долбили из минометов нещадно. К тому же объявилось несколько фашистских снайперов.

В полуметре от бугорка, из-за которого я вел огонь, в снег ударила пуля. Вторая легла ближе. Третья просвистела возле самой головы. Видимо, пока я ловил на мушку вражеских минометчиков, фашист подобрался ко мне.

Вжался, в снег. Лежу. Пули бьют рядом. Спрятаться некуда. К счастью, пришел мне на выручку кто-то из наших: прикрыл огнем, пока я менял позицию.

В этом бою победа далась нам дорогой ценой. Части заняли населенный пункт, но немало бойцов осталось лежать на снегу.

Уже на окраине деревни упал красноармеец Рыбин, а рядом – наш командир, верный друг – младший сержант Яцына.

Громя фашистов, мы шли вперед. В моем листке уже значилось 47 уничтоженных гитлеровцев...

НОВГОРОДЦЫ

20 октября 1943 г. артиллеристы-дзержинцы под командованием подполковника С.С. Богачевского выехали на Волховский фронт. Здесь они действовали в составе артиллерийской бригады войск НКВД.

Вот что вспоминал о тех незабываемых днях полковник Богачевский: «После нашего прибытия на один из участков Волховского фронта враг на себе испытал точность и мощь артиллерийского огня. Фашисты ответили на наши залпы сосредоточенным огнем своих батарей. Снаряды ложились на небольшой площади вблизи боевых порядков дзержинцев.

Мы давали врагу достойный отпор. Затевалась артиллерийская дуэль. В ней многое решала быстрота и четкость действий. Особенно отличались подчиненные капитана Сухоручкина, старших лейтенантов Елизарова, Болтянского. Гитлеровцы несли немалые потери.

Трудно было и нам, особенно батарее старшего лейтенанта Кочегарова. Но бойцы и командиры ни на секунду не теряли самообладания. На самых трудных участках тон задавали коммунисты. Безотлучно находился с личным составом парторг дивизиона старший лейтенант Костерин».

...Наблюдательный пункт лейтенанта Пушкаря был оборудован на дереве, приборы хорошо замаскированы в густых ветвях старой сосны. У приборов – командир отделения разведки старший сержант Ведерников. Холодный ветер пронизывает до костей, крупинки льда секут лицо и окоченевшие руки. Очереди трассирующих пуль прорезают темноту ночи. По временам с воем проносятся мины и, глухо ударившись в грязь, разрываются.

Ведерников глубже вобрал голову в плечи, стараясь сжаться в комок. Он не думает об опасности. Еще днем старший сержант заметил движение в логове врага и теперь внимательно всматривается в темноту ночи. «Наверное, фрицы оборудовали огневые позиции или блиндажи», – думает Ведерников.

Вспышка. Орудийный выстрел.

Привычным движением правая рука сжимает барабанчик грубой наводки. Второй выстрел. Теперь вспышка в перекрестии объектива.

Дневные наблюдения разведчика подтвердились. Крохотный лучик карманного фонаря скользит по лимбу стереотрубы. Отсчет: 36–47. Цифры соответствовали направлению, где

днем немцы производили работы. Старший сержант обнаружил новую цель – вражескую батарею. Тотчас же он передал результаты своих наблюдений командиру.

За короткий срок боевой работы разведчиков на фронте отделение старшего сержанта Ведерникова обнаружило и засекло 2 наблюдательных пункта, 4 вражеских артиллерийских батареи, 13 дотов и дзотов и другие огневые точки. Все эти цели были уничтожены или подавлены.

...Противник открыл артиллерийский огонь по нашим боевым порядкам. Разом заговорили десятки вражеских орудий. В темноте ночи появлялись ослепительные вспышки, и вслед за ними воздух раскалывался от взрывов снарядов.

Наши разведчики по вспышкам выстрелов обнаружили расположение немецких батарей. С наблюдательного пункта на огневые позиции по проводам пронеслась команда, и орудия обрушили свой сокрушительный огонь на врага.

...Час наступления Красной Армии приближался. Боевую готовность артиллеристов-дзержинцев проверял командующий 59-й армией генерал Дорофеев. Бойцы удостоились самой высокой его оценки.

1123-му стрелковому полку, который артиллеристы С. Богачевского должны были поддерживать огнем, предстояло прорвать оборону фашистов на центральном участке фронта.

14 января 1944 г. поступила долгожданная команда: «Огонь!». После полуторачасовой артподготовки танки и пехота прорыва двинулись в наступление. И хоть незамерзшая болотистая местность затрудняла продвижение войск, удар оказался мощным и внезапным.

Вскоре части полностью овладели главной полосой обороны фашистов, а спустя пять дней Москва торжественно салютовала доблестным войскам Волховского фронта, освободившим Новгород.

Подразделения, наиболее отличившиеся в этой операции, получили наименование «Новгородские». Этой чести были удостоены и артиллеристы-дзержинцы.

Артиллерийский полк мощными огневыми ударами нанес значительные потери противнику, ослабил его оборону. Было уничтожено 6 артиллерийских и минометных батарей, 8 отдельных орудий и минометов, 1 склад, 1 наблюдательный пункт, 5 штабов, подавлено 25 артиллерийских и минометных батарей, 9 орудий и минометов, разрушено 58 дзотов и блиндажей противника.

За героизм, доблесть и умелые действия командующий Волховским фронтом генерал армии К.А. Мерецков наградил 61 артиллериста-дзержинца орденами и медалями. С.С. Богачевский был удостоен ордена Александра Невского.

В годы Великой Отечественной войны 6332 дзержинца связали свою жизнь с партией, 2667 бойцов вступили в комсомол.

П.С. ВЕЛИКАНОВ ДУЭЛЬ НА БЕРЕГУ ВОЛХОВА

Петр Сергеевич Великанов в РККА с 1927 г., в войсках НКВД с 1932 г. В 1941 г. окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, командовал полком дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, был заместителем командира дивизии, начальником отдела Главного управления внутренних войск. Несколько лет Петр Сергеевич был военным советником в КНР.

В должности командира артиллерийского полка зимой 1943/44 г. участвовал в боях на Волховском фронте.

– Поторопиться бы надо, а то уж очень удобная мы мишень...

Мой начальник штаба майор Борис Петрович Ладынский соскочил с подножки штабного вагона и направился к артиллеристам, которые выгружали с платформ орудия. Бойцы работали споро, и вскоре командиры дивизионов майор В. Ульянин, капитаны Г. Мартынов, М. Водопьянов докладывали, что все батареи полка укрыты в придорожном лесу. И вовремя: снаряды фашистской артиллерии уже начали рваться на вокзале и подъездных путях станции Малая Вишера. Но массированный налет гитлеровцев опоздал и не причинил нам никакого ущерба.

Итак, 2-й артиллерийский полк 2-й дивизии НКВД, которым я командовал, прибыл на Волховский фронт. Здесь, начиная со второй половины 1943 г., гитлеровцы приступили к развитию глубоко эшелонированной обороны. Особое внимание они уделяли укреплению Новгорода, понимая, что с потерей города их 18-я армия окажется под угрозой окружения. Наши войска готовились к наступательным операциям, сосредоточивали и перегруппировывали силы.

Для усиления фронта из Москвы в район Малой Вишеры кроме нашего был направлен еще один артиллерийский полк войск НКВД. Командующий фронтом генерал армии К.А. Мерецков решил соединить эти полки в отдельную артиллерийскую бригаду под общим командованием начальника артиллерии внутренних войск полковника А.П. Лахова и подчинить ее 6-му стрелковому корпусу 59-й армии для действий в полосе 239-й стрелковой дивизии.

Наш полк был хорошо вооружен и оснащен. Боевой опыт мы уже имели: полк принимал участие в обороне ближних подступов к Москве. Командование поставило полку ответственную задачу: разрушать доты, блиндажи, заграждения и наблюдательные пункты противника, срывать восстановление разрушенных и строительство новых оборонительных сооружений; кроме того, разведать артиллерийские и минометные батареи противника, его командные и наблюдательные пункты, узлы связи, огневые позиции артиллерии перед участком обороны 813-го стрелкового полка. Полку предстояло действовать в полосе предполагаемого главного удара Волховского фронта.

Плацдарм на западном берегу реки Волхов, где полк должен был занять огневые позиции, оказался нешироким – всего один километр от переднего края до берега реки. Отведенный нам участок местности почти весь просматривался немецкими наблюдателями, и только небольшой клочок земли у излучины реки оставался закрытым. Встречавшиеся кое-где ложбинки были сплошь заболочены.

В районе Новгорода болота не замерзают даже зимой, а подпочвенная вода на равнинных местах находится так близко, что не дает возможности отрыть окопы для стрельбы с колена. Что и говорить, местность для ведения боевых действий, особенно наступательных, весьма неудобная. Гитлеровским солдатам, находившимся на этом участке фронта, выдавался даже специальный нагрудный значок, который свидетельствовал о том, что здесь солдаты переживают не только все тяготы войны, но и все невзгоды русского климата.

Разведка сообщила нам, что у гитлеровцев имеется шумометрическая аппаратура для определения точного местонахождения наших орудий.

В течение трех суток мы оборудовали огневые позиции и наблюдательные пункты. Артиллеристы в первую очередь позаботились о том, чтобы надежно укрыть и замаскировать боевую технику. Для орудий подготовили углубленные площадки. Перед ними отрыли полуметровой глубины ямы, куда во время огневых налетов противника скатывали орудия. После полного оборудования огневых позиции и наблюдательных пунктов ночью мы переправили через Волхов и поставили на места наши 100-миллиметровые орудия.

К этому времени на Волховском фронте установилось затишье. На отдельных участках плацдарма за целый день, бывало, не услышишь даже выстрела. Но вот наступило время «заговорить» нашей артиллерии. 20 октября батареи полка открыли огонь. Сначала наводчики пристреливали ориентиры, а затем открыли огонь по обнаруженным дзотам и пулеметным блиндажам противника. Несколько дзотов сразу же были разбиты. И с этого времени мы уже до самого начала наступления держали засевшего в обороне врага в постоянном напряжении.

С каждым днем потери гитлеровцев увеличивались. Хорошая маскировка огневых позиций долго не позволяла фашистам обнаружить наши батареи. И все же две из них немецким звукометристам удалось засечь. На эти батареи обрушился ураганный огонь. Противник выпустил столько снарядов, что участки огневых позиций из зеленых превратились в черные. Вражеские снаряды буквально перепахали всю землю. Гитлеровцы были уверены, что обе батареи уничтожены.

Еще не рассеялся дым и пыль, а со всех сторон к батареям кинулись на помощь бойцы. Щели и ямы для орудий оказались частично обрушенными и заваленными. Некоторые

артиллеристы оказались засыпанными. Быстро откопали их и вынесли в безопасное место. Были легко контуженные, двое раненых и ни одного убитого. Все орудия уцелели. Значит, не зря потрудились, оборудуя огневые позиции. К исходу дня снова на полную мощь заработали наши «уничтоженные» батареи.

Полку приходилось вести огонь не только по огневым точкам и оборонительным сооружениям противника. Однажды командование поставило нам задачу уничтожить немецкий бронепоезд. Этот бронепоезд периодически выдвигался из Новгорода к станции Подберезье, заходил за опушку леса и вел артиллерийский огонь. При каждом своем выходе бронепоезд обстреливал одно и то же место – большой овраг, где в скатах располагались штабы наших частей и соединений. Подавить его я приказал артдивизиону майора В.Л. Ульянина.

Вражеский бронепоезд долго себя ждать не заставил. В обычное время он появился на прежнем месте и как всегда открыл огонь по оврагу. Батареи Ульянина открыли ответный огонь. Наводчики действовали предельно точно: снаряды, казалось, рвутся на самом полотне дороги, но бронепоезд как ни в чем не бывало продолжал огонь и, отстрелявшись, ушел в Новгород. Мы недоумевали: в чем дело? Оказалось, что гитлеровцы вырубили редкий лес и отвели от основной магистрали железнодорожную ветку в глубь леса специально для огневой позиции бронепоезда.

Скорректировав данные и сделав несколько пристрелочных выстрелов, мы стали ждать очередного визита. И вот разведчики сообщили: бронепоезд вышел со станции Подберезье. Через полчаса его первые снаряды уже полетели к оврагу. Почти одновременно загремели и наши орудия. Артиллеристы вели по цели прицельный беглый огонь. На этот раз снаряды ложились точно. Бронепоезд замолк.

В течение трех месяцев полк вел напряженный огневой бой с противником, разрушая его оборонительные сооружения. Батареи нашего полка отличались не только своим точным огнем, но и необыкновенной живучестью, умением сохранить личный состав и боевую технику в условиях сильного огневого воздействия противника. Это приводило фашистов в замешательство.

Однажды разведчики стрелкового полка захватили в плен унтер-офицера из штаба гитлеровской артиллерийской группы. При допросе он рассказал: «Нас очень беспокоит огонь артбатарей, стоящих на плацдарме. Мы ежедневно хороним людей десятками, несем потери в технике и лишаемся укрепленных точек. Наше командование неоднократно ставило перед артиллеристами задачу уничтожить русские батареи. По данным звукометристов мы несколько раз открывали огонь на уничтожение. По некоторым батареям провели по три огневых налета, но, к нашему большому удивлению, батареи на следующий день в том же четырехорудийном составе вновь открывали огонь. По крупным осколкам мы определили, что стрельба ведется из 100-миллиметровых орудий. Зная, что такими орудиями вооружены танки и самоходные установки, артиллерийское начальство доложило командованию, что на плацдарме стоят бронированные 100-миллиметровые самоходки или танки русских».

Наше упорство немцы «одели в броню». Пленного повели в армейский штаб таким маршрутом, чтобы он мог видеть «бронированные» батареи. Пленный был поражен, увидев на открытых площадках обыкновенные 100-миллиметровые пушки. «Это невероятно и сверхъестественно, чтобы люди могли выдержать такое мощное огневое воздействие!» – заявил он.

Но наши люди выдержали это сверхъестественное напряжение, хотя всем, от командира до рядового, было очень трудно. Отдыхали бойцы в коротких перерывах, прямо у орудий.

Нелегко было и разведчикам полка. Они вели наблюдение за целями с отдельно стоящих сосен, которые находились под постоянным обстрелом крупнокалиберных пулеметов противника. В этих условиях от разведчиков требовалась искусная маскировка, смелость и большая находчивость. Обычно наблюдатель занимал пост на дереве до наступления рассвета, маскировался, а затем, выполнив задачу, ждал темноты, чтобы спуститься вниз.

Во второй половине декабря 1943 г. огонь наших батарей усилился. К этому времени батареи полка выпустили по немецким оборонительным сооружениям свыше 12 тысяч снарядов. Артиллеристы разрушили много вражеских дзотов, огневых точек, большие

участки траншей, маскировочных заборов и инженерных заграждений.

Запомнился такой боевой эпизод. Еще в ноябре разведчики артдивизиона майора Ульянина обнаружили крупный командный пункт гитлеровцев. До поры до времени мы решили не трогать его, установили за ним постоянное наблюдение. И вот утром 20 декабря доложили, что на вражеском командном пункте собирается много офицеров. Одни из них прибывали с передовых позиций, другие – из тыла. Похоже было на созыв большого совещания. Я поставил задачу уничтожить немецкий командный пункт.

Первая очередь снарядов легла в непосредственной близости от цели. Введя незначительные поправки, наша батарея сосредоточенным огнем перешла на разрушение. После стрельбы на месте плохо замаскированного бугра, под которым размещался вражеский КП, зияла огромная яма.

Противник понес большой урон. Это, вероятно, взбесило гитлеровское командование, и во второй половине дня немецкая артиллерия открыла сильный огонь по всем огневым позициям полка. Наша батарея не отвечала: артиллерийская дуэль в данной ситуации не была предусмотрена командованием. Вскоре разведка доложила, что почти все батареи противника, ведущие огонь, обнаружены и нанесены на планшеты. Теперь можно было открыть по ним ответный прицельный огонь. Я запросил разрешение штаба бригады. Штаб поставил задачу подавить батареи противника.

По интенсивности огня и количеству разрывов мы определили, что по каждой нашей огневой позиции огонь ведется только одной батареей. Мы же по каждой немецкой батарее последовательно сосредоточивали огонь 12-орудийного дивизиона.

Одна за другой замолкали вражеские батареи, но зато открывали огонь новые. Огневой бой затянулся. К полуночи он разгорелся и на других участках. В бой втянулись 1-й артполк НКВД и армейская артиллерия. В 2 часа ночи мы доложили командованию, что огонь немецких батарей подавлен и наши позиции не обстреливаются. На огневых планшетах командиров на отметках «батарея противника» появилось еще несколько красных крестов – огонь подавлен.

До начала наступления Волховского фронта (14 января 1944 г.) 2-й артиллерийский полк НКВД уничтожил 70 блиндажей, 45 дзотов, 40 пулеметных точек, 10 минометных батарей, 6 наблюдательных и 2 командных пункта, 15 складов с боеприпасами, 10 автомашин и свыше 500 гитлеровских солдат. Кроме того, 16 артиллерийских, 14 минометных батарей и бронепоезд не возобновляли свой огонь после мощных огневых налетов наших дивизионов. Хорошо поработали и разведчики. Они выявили 24 артиллерийских и 35 минометных батарей, до 100 дзотов, 12 наблюдательных и 3 командных пункта, узел связи и другие объекты противника.

Заканчивалась подготовка войск к штурму долговременной обороны фашистов. В полосе прорыва сосредоточивалось большое количество нашей артиллерии. Все орудия тщательно маскировались и ограничивались лишь редкими пристрелочными выстрелами.

В этот короткий период затишья артиллерийскому полку отдохнуть не пришлось. Для дезориентации противника относительно направления главного удара полк был снят со своих старых огневых позиций и ночью переброшен на правый фланг, в район Спасская Полнеть, где держала оборону 24-я отдельная стрелковая бригада.

Когда полк прибыл на новый участок, мы заметили, что здесь фашисты ведут себя довольно беспечно. Они пользовались укрытиями только на линии переднего края. А дальше солдаты и офицеры в одиночку и группами разгуливали в полный рост, выползали на солнечную сторону возвышенностей и грелись. Как-то разведчики обнаружили «лесную столовую» гитлеровцев. Ежедневно точно в 13.30 на опушку леса приезжала автокухня. С переднего края немцы группами подходили к ней, получали свои порции и здесь же, в нескольких метрах, располагались на обед.

Командиры батарей буквально рвались нарушить этот «железный распорядок». Но я не мог дать разрешения, пока не были подготовлены укрытия для людей и боевой техники.

Наконец, все готово. Решили сначала «закрыть» столовую фашистов. Для внезапного и точного поражения кухни вечером мы пристреляли ориентир и подготовили данные для сосредоточения огня батарей. Первый же батарейный залп точно накрыл цель. Личному составу батареи лейтенанта Л.М. Богатырева была объявлена благодарность.

В течение десяти дней взлетали на воздух немецкие оборонительные сооружения.

Активность нашей артиллерии и целая система других мероприятий на этом участке фронта сделали свое дело: ввели гитлеровское командование в заблуждение. Разведчики обнаружили прибытие сюда свежих фашистских подразделений.

К началу наступления советских войск на Волховском фронте артиллерийские дивизионы полка вернулись на свои старые огневые позиции и вошли в артиллерийскую группу поддержки 813-го стрелкового полка.

Наступлению предшествовала мощная двухчасовая артиллерийская подготовка. Огонь свыше 1300 орудий и минометов разных калибров обрушился на вражеские позиции в полосе главного удара.

Фашисты были ошеломлены. Позже пленные показали, что до трети всех сил на этом участке было выведено из строя, подавлены многие огневые средства и прервана связь между пунктами управления.

Офицеры, сержанты и бойцы нашего полка проявили стойкость, мужество и самоотверженность. Хотелось бы отметить майоров М.А. Голдинова и Б.П. Ладынского, капитана Л.И. Гриба, старшего лейтенанта Сердюка. Умело вел огонь артиллерийский дивизион майора В.А. Ульянина (помощники капитан Н.Г. Новичков и старший лейтенант Н.Г. Фирсов). Особо отличилась батарея младшего лейтенанта В.В. Слюсаренко. Своим метким огнем она нанесла гитлеровцам наибольший урон. Орудие сержанта Ермакова за короткий период обрушило на врага 6 тонн смертоносного металла. Отличалась точностью огня и стойкостью батарея лейтенанта А.М. Богатырева, особенно взвод лейтенанта Ф.М. Меклера.

Командование Волховского фронта высоко оценило боевые заслуги офицеров, сержантов и солдат 2-го артиллерийского полка войск НКВД. За проявленные мужество и отвагу при выполнении заданий командования 32 офицера, 60 сержантов и солдат нашего полка награждены орденами и медалями.

Приказом Верховного Главнокомандующего за умелые действия при прорыве долговременной оборонительной полосы противника 2-му артиллерийскому полку войск НКВД присвоено наименование Новгородского.

На линии огня. – М., 1976. – С. 248–255.

ОТРЯД КАПИТАНА ОГРЫЗКО

Напряженную борьбу с бандитизмом вели части дивизии имени Ф.Э. Дзержинского в освобожденных районах Северного Кавказа. В эти районы фашисты активно забрасывали своих парашютистов, которые совершали диверсионные акты, связывались с предателями Родины, объединяли их в группы.

Из числа добровольцев батальона капитана В. Огрызко был сформирован отряд численностью около 150 человек, перед которым стояла задача – совершить стотридцатикилометровый марш с преодолением высокогорного хребта и перекрыть путь отхода противнику.

Жарким июньским утром 1944 года отряд подошел к подножию хребта. Нужно было подняться на высоту свыше трех тысяч метров над уровнем моря, перейти через снега и льды. Около десяти часов шла напряженная борьба за преодоление перевала. Но мужество, исключительная выносливость воинов победили. Перевал был взят. Следуя в разведке, командир взвода лейтенант М. Устинов и рядовой Г. Плосконосов первыми встретились с фашистами. В короткой схватке они убили четырех из них.

В результате согласованных действий всех групп банду гитлеровцев окружили. Она засела в укрытиях и оказала сильное огневое сопротивление. В ход были пущены минометы. Оставшиеся в живых попытались выйти из зоны обстрела, но их настигли меткие пули советских бойцов.

В операции особенно отличились лейтенант М. Тараненко, старшина А. Рыбин, сержант П. Смирнов, младший сержант В. Цыбров.

В другом районе группы под командованием капитанов Н. Приписцова и А. Макеева окружили и уничтожили парашютный десант противника. Смелость, высокую боевую выучку показали сержанты М. Легостаев и И. Ярошенко, шофер М. Кузнецов, красноармеец И. Куприенков.

Личный состав гарнизона, начальником которого был лейтенант О. Снопиков, уничтожил и задержал 17 вражеских парашютистов.

В УЩЕЛЬЕ

Немецкий самолет на рассвете выбросил десант. Как только гитлеровцы приземлились в кустарнике у подножия горы, группа бойцов-дзержинцев открыла по ним огонь. Фашисты, отстреливаясь, скрылись в ущелье.

Дзержинцы начали преследование, но сильный огонь преградил им путь. Они залегли.

От группы отделились двое – коммунист Ерохин и комсомолец Лапин. Они быстро поднялись на возвышенность. Осмотрелись.

– Вот он, вижу! – воскликнул Ерохин и прицелился. Лапин тоже заметил вражеского автоматчика. Прозвучали два выстрела. Бойцы увидели, что их пули попали в цель. Сигналом дали знак, что путь свободен.

Остальные воины настигли гитлеровских десантников и уничтожили их.

Д. ДАЖИН. ПО МАНДАТУ ДОЛГА

(История одного дневника)

Вот уже более двух десятилетий, с лета 1944 г., хранится у меня дневник фронтового товарища Романа Кудряшова, погибшего в бою. Мне передали этот дневник после того, как солдаты похоронили своего капитана и снова пошли в наступление, повторяя любимую поговорку Романа Кудряшова: «День прошел – и Берлин ближе...»

Прежде чем рассказывать о фронтовых делах, следует, пожалуй, привести хоть немного анкетных данных. До войны Роман Кудряшов служил в г. Москве, был комсомольским вожаком в одном из полков хорошо известной в стране дивизии имени Феликса Дзержинского. Началась война. Роман рвался на фронт.

И об этом он пишет в своем дневнике, пишет, как воины-дзержинцы несли в это суровое время службу, как все, от солдата до генерала, жили одним чувством, одним настроением: разгромить ненавистного врага.

«Митинг был, – пишет Роман. – Бойцы-чекисты с суровыми, полными решимости лицами стояли в зале... Все готовы, все ждут приказа. Слово „фронт“ не сходит с уст».

Далее Роман Кудряшов подмечает детали комсомольской работы тех дней, рассказывает о первых вражеских налетах на Москву, о снайперах-дзержинцах, которые сражались против врага. Он пишет и о том, как готовились воины к испытаниям боя, как на тактических учениях, на стрельбище, танкодроме оттачивали боевое мастерство. И почти на каждой страничке дневника встречаешь слово «фронт».

«Комиссар заверил, что каждый пороху понюхает. Хорошо, очень бы хорошо». Это сказано в конце июня 1941 года. «Скоро, скоро пойдем», – подчеркивает он через несколько дней. – «Слушай, фронт!» – объявляют по радио. Это так действует, что, когда я слышу, сердце насквозь пронизывает этот призыв... В этот час готов что угодно сделать. И одна мечта в сердце сидит, мозгу покоя не дает: «На фронт! На фронт!»

И эта мечта в конце концов сбывается. Осенью 1942 г. Роман Кудряшов вместе с группой других солдат дивизии имени Дзержинского отправляется в действующую армию. Он становится помощником начальника политотдела по комсомолу 140-й стрелковой Сибирской дивизии, впоследствии Новгород-Северской, награжденной орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова II степени, орденом Кутузова II степени.

Эта дивизия прошла от Курской дуги до Праги. Ее личный состав, основной костяк дивизии, был подобран из частей НКВД, из пограничных частей. Все это были отборные, как говорили на фронте, неустрашимые бойцы, всегда готовые к подвигу. Свою комсомольскую должность Роман понимал по-корчагински: бумаг поменьше, живого дела побольше. Бывало, зайдешь в политотдел, спросишь, где Роман Кудряшов, там только скажут: «Известно где. В полках, с комсомольцами».

Пожалуй, немало мужества нужно для того, чтобы ночью, в кромешной тьме, дойти до боевого охранения и потом, примостившись в окопе, забыв об усталости, вести разговор с

солдатами по душам. А как приятно бывает принести им радостную весточку, передать письма, взятые днем на полевой почте, которая из-за плохой дороги и частых обстрелов немного отстала от частей дивизии. Да за одну такую весточку солдат расцелует! И я сам был свидетелем, когда Романа Кудряшова обнимал рядовой Сахарко, после того как тот передал ему письмо от родных, которых солдат считал погибшими... И потом я видел, как сели рядком Роман Кудряшов и рядовой Петр Сахарко, как подошли к ним другие и как читал боец вслух это письмо. А Роман потом, находясь под впечатлением письма, говорил солдатам о ненависти к врагам, о том, как ждет весь народ, вся Родина от них победы, как нужно ни дня, ни часа не давать гитлеровцам передышки.

И может, эта короткая беседа, этот разговор и редкие минуты затишья оказались сильнее длинной речи или какого-нибудь пространного доклада, потому что слова комсомольского вожака, как электрический ток, шли от сердца к сердцу по тем невидимым проводам, имя которым – солдатское братство.

Помнится, зимой 1944 года остановились мы в одном украинском селе. Редакция дивизионной газеты разместилась в небольшой хате возле церкви. Под вечер забежал Роман Кудряшов. Полушубок нараспашку, шапка немного сдвинута «под Чапаева», сам чем-то возбужден, обрадован.

– Понимаешь, какая история. Прихожу к разведчикам потолковать. А тут как раз они «языка» притащили. Я этого фрица спрашиваю: ну что, мол, довоевался? А он лопочет, как попугай: «Капут! Капут! Гитлер канут!» – и все за голову хватается. Все, конечно, смеются. Я к чему это толкую? Может, в газете об этом написать...

Все это отрывочные детали, штрихи, эпизоды.

Скупые строки дневника помогают воссоздать то, что не в силах сделать память. Вот несколько выписок из фронтового дневника Романа Кудряшова, которые дают возможность представить, о чем думал, о чем мечтал, к чему стремился, кого брал себе за образец этот романтичный парень, неутомимый труженик-фронтовик.

«Я пойду своей дорогой, – записывает Роман 5 сентября 1941 г. – В труде любить научусь, в трудностях жизнь познаю».

А вот короткая фраза из дневниковой записи за 5 октября 1941 г.: «В трудные моменты только вперед зорче поглядывай, а оглядываться нет времени».

«Только приспосабливаться не надо. А жить, работать всей душой» – это записано в январе 1942 г.

«Сегодня вновь Островского читал, – пишет Кудряшов. – Николай Островский не думал, наверное, что он станет и моим лекарством».

А как трогательна короткая дневниковая запись о матери:

«Небось, как и прежде, выходит к изгороди нашего палисадника и в несчетный раз вглядывается в золотисто-зеленоватую даль, все время взором ища меня... Мать – это есть мать, мама... Другого же имени не придумаешь. И его на земле нет».

В апреле 1943 г., в период затишья после боев, Роман снова возвращается мыслями к образу Павки Корчагина, к замечательному примеру Николая Островского.

«Мне нельзя, – пишет он, – себя механически сравнивать с этим творцом жизни, я мал в сравнении с ним, но и мне пора встать на какую-то широкую и главную дорогу жизни. Надо жить, жить интересней и плодотворней. Это значит, надо больше работать, делать только так, как надо. Вот чему надо подражать и у кого учиться...» И дальше, как бы развивая эту мысль, Роман записывает: «Идти в первой колонне делающих новую жизнь».

Не раз комсомольский вожак был в бою, под огнем врага, дважды был ранен.

И всегда он старался быть в гуще событий, быть там, где решалась судьба боя. После одного такого посещения передовой и участия в жаркой схватке Роман записал в дневнике:

«Сегодня был в бою и видел поле боя... Когда в 100 метрах от нас застрочили автоматчики, признаюсь, что жутко стало. Нервы напрягаются так, что всего трясет. Теперь окончательно убедился: бежать с поля боя я не могу. Значит, я не трус и могу на войну смотреть открытыми глазами».

А 3 декабря 1943 года дзержинец лаконично подытоживает свою боевую биографию: «За это время трижды встречался со смертью, но смерть отступала».

Самое волнующее в дневнике – это почти телеграфные, но емкие строки о жестоких схватках с врагом на полях Курской битвы. Приведу некоторые из них:

«7 июля. Утром я прибыл в район обороны. Все кругом горит, деревни охвачены пламенем... Самое неприятное – авиация врага. Самолеты буквально висят в воздухе. Свист, гул, шум от бомб оглушает... Бомбы рвались в 30–40 метрах. Волна воздуха сбивала с ног... Бойцы держат себя стойко. Они выстояли и выстоят! Комсомольцы держат себя хорошо...»

«8 июля. Был в районе высот. Враг лезет вперед. Деревня Теплое в наших руках... Комсомольцы дерутся хорошо».

«9 июля. Дивизия выстояла. Атаки танков и бомбежка с воздуха продолжались весь день. Никто со своих позиций не отошел. Пришел от Филатова (заместитель по политчасти полка). Ночь ходил с ним по переднему краю. Попадали под минометный огонь. Бойцы стоят отменно. В одном из батальонов провели комсомольское собрание.

...Молодцы, бойцы! Слава Чмуту, Поде, Пятогову (это воины, отличившиеся в боях, подбившие танки. – *Прим. авт.*).

«10 июля. Ночью был в 1-м стрелковом батальоне 283-го стрелкового полка. Вечером, ночью и утром идет страшная бомбежка и стрельба из минометов. Доподлинно сильны мы, выстояв против врага!.. Героически дерутся все».

«11 июля. Утро. Всю ночь ходил по передовой. Неяскин (комсорг) проводит собрания поротно. Удивился тому, как он это сумел. Сударикoв (комсорг) ранен, но работает хорошо. Комсорг Колыженков ночью водил меня по ротам батальона. Утром Колыженков был убит».

«12 июля. Ура, Россия! Твои сыны выстояли. Вчера дивизия наступала... Сегодня проводил с Петраковым (комсомольский работник полка) митинги по батареям. Слезы текут от счастья за бойцов. Все верны себе и готовы драться дальше. Нельзя писать о героизме каких-то отдельных людей – дерутся, как львы, все... Хорошо работают комсорги батальонов. Я обобщаю сейчас опыт работы в бою».

«15 июля. Восьмой день в боях, третий день в наступлении. Дивизия стала маленькой. Люди тают, как снег... Сумели провести комсомольские собрания об итогах боев по всем комсомольским организациям».

Я нарочно столь подробно привел эти дневниковые записи июля 1943 года, так как в них, словно в зеркале, отражен тот боевой накал, который был свойствен Роману Кудряшову, как и многим другим партийным и комсомольским работникам того героического времени.

К этому следует, пожалуй, добавить еще одну документальную деталь. 16 августа 1943 года Роман Кудряшов был награжден орденом Отечественной войны II степени. В боевой характеристике отмечалось, что Кудряшов достоин награждения «за личное мужество в бою и умелую организацию комсомольской работы в дивизии».

Дальше фронтовая жизнь Кудряшова сложилась так, что ему однажды пришлось даже командовать полком. Это было весной 1944 года. Шли упорные бои на небольшом плацдарме, захваченном частями дивизии после форсирования реки Серет. Более 19 вражеских контратак отбили воины полка, в котором находился тогда Роман Кудряшов. В одной из наиболее ожесточенных схваток командир растерялся, потерял управление боем. Тогда Роман Кудряшов взял на себя командование полком, воодушевил солдат, поднял их боевой дух, организовал отпор врагу. Полк отразил самую яростную контратаку танков и пехоты противника. При этом было подбито три «тигра». За этот бой Роман Кудряшов был награжден орденом Красного Знамени.

А потом пришло лето 1944 года. Маленький осколок, попавший в висок, оборвал хорошую, светлую жизнь воина-дзержинца...

Служим Отчизне. – М., 1968. – С. 629–634.

КАМЕННЫЙ МЕШОК

Отстреливаясь, фашисты бежали к горам, надеясь укрыться.

Но не отставали и красноармейцы Изюмов и Титов, буквально по пятам преследовавшие парашютистов.

У подножия высокой горы два вражеских солдата упали замертво, скошенные меткими выстрелами. Но остальные скрылись в пещере.

Бойцы залегли, внимательно наблюдая за входом в пещеру.

Прошел час. Гитлеровцы не выдержали: двое из них, оглядываясь по сторонам, выползли наружу. Бойцы не стреляли. Решив, что никого вокруг нет, фашисты подали знак

остальным. И в это время дзержинцы открыли огонь.

Несколько раз пытались враги вырваться из каменного плена, и каждый раз их не выпускал меткий огонь бойцов-чекистов.

В ЗАСАДЕ

Дождь лил не переставая, холод пробирал до костей. Но воины неподвижно лежали, ожидая появления гитлеровцев. По данным разведки, они должны были вскоре пройти по этой тропе.

И вот наконец показался враг.

– Огонь! – скомандовал лейтенант Войченко ручному пулеметчику красноармейцу Ветвицкому.

Григорий мигом навел пулемет и дал короткую очередь. Шедший впереди гитлеровец упал. Остальные в замешательстве бросились на землю, затем попятились назад. Дзержинцы начали преследование, стреляя на ходу из винтовок. Еще три фашиста были убиты. Остальные побросали оружие и подняли руки.

* * *

За три месяца напряженной боевой работы дзержинцами было ликвидировано 10 парашютных десантов фашистов, убито 22 парашютиста, взято в плен 50 гитлеровцев, захвачено 69 автоматов, 89 пистолетов, 90 килограммов взрывчатки, 122 парашюта, 8 радиостанций и большая сумма советских денег.

За мужество и отвагу в борьбе с вражескими парашютистами и бандитскими формированиями 76 бойцов и командиров были награждены орденами и медалями.

В КРЫМУ И ПОТСДАМЕ

Дзержинцам выпала честь принимать участие в охране Крымской конференции союзных держав – СССР, США, Великобритании – и Берлинской (Потсдамской) конференции глав правительств этих же стран.

С поставленными ответственными задачами воины справились отлично.

ШОФЕР МАРШАЛА ЖУКОВА

О том, что произошло в тот день на трассе, сообщили югославские газеты.

Советский водитель автофургона пришел на помощь попавшему в аварию югославскому шоферу, спас ему жизнь.

Александр Николаевич Бучин – водитель Совтрансавто.

Далеко от Москвы водит он мощные автопоезда. Его хорошо знают в Белграде, Софии, Берлине...

Отличные мирные трассы. Но были в жизни Александра Николаевича и другие пути-дороги. С первого и до последнего дня войны. Пришлось ему, сначала солдату, потом лейтенанту, побывать на всех фронтах, начав свой путь под Москвой и закончив под Берлином. И все время за баранкой: днем и ночью, в зной и стужу, под бомбежкой, артобстрелом, с фронта на фронт, и всегда там, где шли наиболее ожесточенные бои, где готовилось новое наступление наших войск. И действительно, раз Саша Бучин прибыл, значит, будет жарко. И ничего удивительного в этом не было, потому что Александр Бучин всю войну был водителем автомашины Георгия Константиновича Жукова. И с ним проехал по дорогам войны 170 тысяч километров.

В каких только переделках за все эти годы ни пришлось побывать! Ситуации порой складывались такие, что и сейчас вспоминать не хотелось бы.

Но ничего, преодолевал! Фронт есть фронт. Там трудно и солдату, и маршалу.

Увернуться вовремя от пикирующего «Юнкерса» или трассирующего шквала мессеровского пулемета, преодолеть огневой налет вражеской артиллерии, найти наиболее верный путь, не боясь преград, безошибочно угадывая и определяя направление движения, обхитрив врага, который, конечно же, охотился за маршалом – вот это искусство! И Бучин владел им в совершенстве. За всю войну – ни одной аварии. Как родного отца оберегал он

Георгия Константиновича. И сейчас вспоминает о нем с огромным уважением. И маршал относился к своему водителю весьма уважительно. Скуп он был на похвалу – это все знали. Был строг и требователен, но как никто другой понимал солдата – сам три войны прошел, был прост в обхождении и справедлив. Своего двадцатитрехлетнего водителя называл уважительно по имени и отчеству.

За подлинную отвагу по представлению Г.К. Жукова Александр Бучин был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, медалью «За отвагу». Ему очень дорога подаренная ему маршалом книга «Воспоминания и размышления» с дарственной надписью: «Уважаемому Александру Николаевичу Бучину – моему лучшему шоферу, безупречно прошедшему со мной все дороги фронтов Великой Отечественной войны». Это тоже награда, благодарность за отвагу, труд, мастерство.

Не сразу овладел Александр Бучин водительским ремеслом, но впитал его с детских лет. Вырос он в семье известного в России автомобилиста.

Отец, Николай Борисович, водил машины всех марок, был участником знаменитых тогда автопробегов и автогонок. Многие годы служил Николай Борисович в войсках и органах ОГПУ. И сейчас сохранился в семье Бучиных фотоснимок автомобиля «Ситроен», на котором отец возил первого командира отряда ОСНАЗ, а затем начальника внутренних войск Московского округа П.С. Кобелева.

12-летним подростком стал осваивать Александр шоферскую науку. В 1938 г. был призван на военную службу, которую проходил в дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. Здесь он проявил себя отличным воином-водителем, ловким и мужественным спортсменом. Здесь он получил армейскую закалку, вступил в комсомол.

В семейном альбоме сохранился довоенный фотоснимок: Александр Бучин на мотоцикле с пулеметом – победитель спортивных соревнований Московского военного округа. Снимок был опубликован в газете «Красная Звезда». Уже тогда он стал активным динамовцем. Как опытному водителю ему доверили возить командира дивизии П.А. Артемьева.

Но вот грянула Великая Отечественная...

...Поздняя осень 1941 г. Александр Бучин по фронтовой дороге ведет свой «газик». И вдруг увидел на обочине остановившуюся легковую автомашину.

– Что, браток, застрял? – спросил Александр водителя.

– Да вот, что-то заглохло и занесло, – сокрушенно ответил тот. Александр решил помочь – закон водительской взаимовыручки. Опытным взглядом оценил обстановку, быстро устранил неисправность и вывел машину на большак, только вылез из кабины, видит, подходит генерал армии. Это был командующий фронтом Г.К. Жуков.

– Будете меня возить? – спросил он.

– Как прикажете, товарищ генерал армии, – ответил Бучин.

С тех пор и возил...

После войны Александру Николаевичу не пришлось менять профессию. Он снова за рулем. Долгие годы водил автобусы. А последние 27 лет водит автофургоны. Орденом «Знак Почета» и нагрудным знаком отличника автотранспорта отмечен его мирный труд.

В. Кривец. На боевом посту. 1982, 3 августа.

ГЛАВНЫЕ ВЫХОДЫ КАПЕЛЬМЕЙСТЕРА АГАПКИНА

Вы слышали этот марш. Но не все помнят, как он называется, и уж совсем мало кто знает его автора. Но стоит грянуть первым аккордам «Прощания славянки», как старый солдат припомнит тот трудный бой, в котором он отличился, бывший буденновец увидит себя в конном строю, а ветеран Великой Отечественной войны вспомнит затемненный вокзал, оркестр на перроне, эшелон, головой обращенный в сторону фронта. И не только старые солдаты встрепенутся, услышав памятные звуки. Воины, ушедшие в запас совсем недавно, наверняка припомнят день строевого смотра или полкового праздника, когда военный дирижер, улучив самый волнующий момент, взмахнул тоненькой палочкой, и из медных жерл взметнулось обжигающее дыхание старинного марша.

В 1984 г. автору марша «Прощание славянки» Василию Ивановичу Агапкину исполнилось бы 100 лет. В его квартире на Садовом кольце все еще поет канарейка, которую

он любил слушать.

«Звездный час» жизни застал Василия Агапкина в 7-м запасном кавалерийском полку, квартировавшем в Тамбове. Занятия в музыкальном училище вполне подготовили 28-летнего штаб-трубача к тому, чтобы сочинять сносные марши, мазурки, вальсы. Но для создания шедевра, а марш «Прощание славянки», бесспорно, является таковым, нужен был взрыв, сильное душевное потрясение, событие, разрядившие бы предельно сжатые творческие силы музыканта.

Видимо, с Агапкиным подобное случилось в октябре 1912 г., когда до Тамбова докатилась газетная весть о том, что балканские славяне начали освободительную войну против пятисотлетнего османского ига. И вот с этого периода начал жить марш...

Сразу же после Октябрьской революции марш вместе со своим автором перешел на службу в Красную Армию. В конных порядках красного гусарского полка (был такой на Западном фронте) они прошли сотни фронтовых верст и расстались в тифозном бараке. Марш пошел дальше по фронтам, а капельмейстер Агапкин отправился на поправку в Тамбов, но угодил из огня да в полымя: по всей округе свирепствовали антоновские банды. Снова бои. Так Василий Агапкин попал в войска ОГПУ. Но потом как отменного специалиста военно-оркестрового дела его отозвали в Москву.

...Ровная стопка почетных грамот, дипломов, часы, портсигары с именными надписями за безупречную службу объясняют, как и почему Агапкину был доверен дирижерский пульт образцового оркестра НКГБ. Еще один любопытный документ – приглашение коменданта Московского Кремля в комиссию по усовершенствованию музыкального боя часов Спасской башни. Перезвон главных курантов страны настроен по слуху автора марша «Прощание славянки».

...За его спиной было уже 30 лет военной службы, большое хлопотливое детище – образцовый оркестр НКГБ, сотни концертов, ученики, благодарные слушатели... Друзья, однокашники в большинстве своем – уже пенсионеры. А он, Агапкин, не спешил опускать свою дирижерскую палочку, будто предчувствовал, что главные его капельмейстерские выходы еще впереди.

И не ошибся. В канун исторического парада 1941 г. именно он, дирижер оркестра ордена Ленина дивизии имени Ф.Э. Дзержинского военинтендант 1 ранга Агапкин – один из немногих оставшихся в Москве оркестрантов, – был вызван к Буденному и от него получил почетное поручение возглавить сводный оркестр на ноябрьском параде.

«Прощание славянки» грянуло так неожиданно свежо и остро, будто написан был марш всего лишь за ночь до парада специально для того, чтобы передать полкам, уходящим в заснеженные подмосковные траншеи, победное напутствие россиянок, украинок, полек, чешек, болгарок. Всех женщин, чьи сыны, отцы и мужья шли в одном строе против фашизма.

...В канун 50-летия Советской власти по телевидению демонстрировался многосерийный фильм «Летопись полувека». В ленте «Год 1945-й» друзья, родственники, однополчане Агапкина увидели на экранах знакомую прямую фигуру в белом кителе. Она промелькнула лишь на мгновение в кадрах хроники, посвященной Параду Победы. Судьба снова была благосклонна к старому музыканту – полковник Агапкин вместе с генералом С. Чернецким управлял тысячетрубным оркестром с того самого места, где в 1941 г. состоялась вторая, историческая премьера его марша.

КОНЬ МАРШАЛА

Немало интересных сведений об историческом Параде Победы в Москве собрал куйбышевский военный историк, участник этого парада, ныне генерал-майор в отставке А.С. Зубарев. В его досье хранятся воспоминания ветеранов, свидетельствующие о том, с какой тщательностью велась подготовка к этому событию. Пример тому – эпизод с конем, на котором принимал парад маршал Г.К. Жуков.

В известном приказе Сталина было всенародно объявлено, что Парад Победы будет принимать маршал Советского Союза Г.К. Жуков на белом коне. Эти строчки заставили сильно поволноваться армейских специалистов-конников. Дело в том, что к концу войны в

армии почти не осталось боевых коней.

Со времени первого послереволюционного парада 1 мая 1918 г. наркомат обороны имел свой манеж, где готовились лошади для особых торжеств. Туда и направились первым делом специалисты, чтобы подобрать коня белой масти. Но таких в манеже оказалось только два. И оба не вышли ростом. Подходящий конь нашелся в кавалерийском полку дивизии имени Ф.Э. Дзержинского: рослый, статный красавец по кличке Кумир.

Существует несколько версий о том, как и где был найден белый конь для Парада Победы. В последние годы в некоторых печатных органах приводилась разноречивая информация на этот счет. Александру Степановичу Зубареву с помощью ветеранов кавалерийского полка дивизии имени Ф.Э. Дзержинского удалось внести полную ясность по этому вопросу. Результаты его поиска подтверждают редакция «Военно-исторического журнала», кафедра коневодства Московской ветеринарной академии и даже журнал «Огонек», в котором три года назад была приведена ошибочная версия о коне маршала.

...За несколько дней до парада Кумира перевели в манеж Министерства обороны и стали готовить к торжествам. По утрам приезжал сюда маршал Г.К. Жуков и подолгу обкатывал коня, давая ему привыкнуть к себе.

24 июня 1945 г. под звон Кремлевских курантов Г.К. Жуков верхом на своем жеребце проскакал по Красной площади. Вместе с К.К. Рокоссовским, который тоже был на красивом коне по кличке Полюс, они объехали войска, новейшую боевую технику, с помощью которой удалось разгромить мощную фашистскую машину.

В. Беляков.

Б. ГОРБАТОВ ПОСТУПЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Смолкли оркестры, игравшие победные марши. Затихли трубы и фанфары. Минутная тишина... И тогда начинают бить барабаны. Одни барабаны. Восемьдесят барабанов выстукивают дробь. Под барабанный бой вступает на площадь необычная колонна. Двести воинов несут двести знамен.

Бьют барабаны.

Знамена, которые несут под барабанную дробь, не реют. Их древки опущены. Полотнища касаются мостовой. Они словно метут площадь, лижут ее шелковыми языками. Это – знамена разбитых Красной Армией немецких частей. Это – знамена побежденного врага.

И пришпиленные к древкам металлические ленты, изображающие ордена, звенят похоронным звоном. Сухо, как перед казнью, бьют барабаны. Да это и есть политическая казнь фашизма!

Мощно бьют барабаны... Двести воинов несут знамена. Двести воинов-богатырей олицетворяют собой победоносную Красную Армию. Это она в ратном поле разгромила хваленую немецкую армию, она взяла эти стяги, она принесла их сюда, эти тряпки с черной паучьей свастикой, чтобы никогда больше свастика не омрачала светлый, радостный мир человечества. Бойцы несут плененные и побежденные флаги к Мавзолею.

Победно гремят барабаны. У подножия Мавзолея – два деревянных помоста. На эти помосты и бросают воины флаги врага...

ЗОЛОТЫЕ ЗВЕЗДЫ ДЗЕРЖИНЦЕВ

Михаил Семенович БОРИСОВ

Герой Советского Союза гвардии полковник М.С. Борисов родился в с. Боркое-Рыкяно Вязниковского района Владимирской области. Член КПСС с 1921 г. В войсках НКВД с 1926 г. Был командиром взвода, дивизиона, начальником штаба полка дивизии имени Ф.Э. Дзержинского и везде показал себя волевым, грамотным и требовательным офицером.

В июне 1939 г. в связи с 15-й годовщиной дивизии и за образцовое выполнение боевых заданий командования его наградили орденом «Знак Почета».

С начала Великой Отечественной войны М. С. Борисов находился в действующей армии. 212-й гвардейский полк, которым он командовал, участвовал в боевых операциях на

Воронежском, Ленинградском и 1-м Белорусском фронтах.

«Форсированием реки Днепр и закреплением на его западном берегу полковник Борисов обеспечил переправу остальных частей дивизии, чем выполнил поставленную задачу. Достоин присвоения звания Героя Советского Союза», – написал 4 октября в наградном листе командир дивизии гвардии генерал-майор В.А. Горишный.

«Достоин присвоения звания Героя Советского Союза», – поддержал комдива командир 30-го стрелкового корпуса генерал-майор Г. Слазько.

«Достоин правительственной награды – звания Героя Советского Союза», – подтвердили командующий 60-й армией генерал-лейтенант И.Д. Черняховский и член Военного совета армии генерал-майор В.М. Оленин.

За успешное форсирование Днепра севернее Киева, прочное закрепление на плацдарме западного берега и проявленные при этом отвагу и мужество 17 октября 1943 г. гвардии полковнику Борисову Михаилу Семеновичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

9 февраля 1944 г. Михаил Семенович погиб смертью храбрых в боях за город Мозырь в Белоруссии.

Кузьма Евдокимович ГРЕБЕННИК

Генерал-лейтенант К.Е. Гребенник в дивизии имени Ф.Э. Дзержинского служил командиром полка с 1931 по 1937 г. Участник Гражданской войны, коммунист с 1920 г., делегат XVIII съезда ВКП(б), во время Великой Отечественной войны он командовал Сивашской дивизией, участвовал в ряде крупных боевых операций. Его дивизия освободила от врага 82 населенных пункта, пять крупных городов, за что получила 16 благодарностей Верховного Главнокомандующего.

Курская дуга, Украина, Белоруссия, освобождение Польши – здесь пролегли огненные дороги комдива Гребенника, воевавшего в составе прославленной 65-й армии П.И. Батова.

В октябре 1944 г. после упорных боев у рек Нарев и Висла соединение К.Е. Гребенника устремилось к берегам Балтики, отличилось при взятии Данцига.

За успешное форсирование подчиненными войсками реки Одер и проявленные при этом личное мужество и героизм в мае 1945 г. комдиву К.Е. Гребеннику было присвоено звание Героя Советского Союза.

Леонид Андреевич ГРИГОРОВИЧ

В войсках НКВД Л.А. Григорович с 1937 г. Был рядовым, курсантом, заместителем политрука, политруком роты дивизии им. Ф.Э. Дзержинского, где перед самой войной стал коммунистом.

С 1943 г. он в действующей армии. За мужество и доблесть в боях под Орлом награжден орденом Красного Знамени.

Особенно отличился Григорович в сражениях за днепровские переправы. Батальон, где он был заместителем командира по политической части, одним из первых форсировал реку, способствовал успеху наступающих частей.

За проявленное мужество и героизм при форсировании Днепра Л.А. Григоровичу 15 января 1944 г. было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Многие годы после войны полковник Григорович работал старшим преподавателем Военно-политической академии имени В.И. Ленина, поддерживал тесные связи с родной дивизией.

Александр Григорьевич ТИМОЩЕНКО

...1938 год подходил к концу. После окончания курсов командиров полков Александр Григорьевич Тимощенко получил назначение в дивизию имени Ф.Э. Дзержинского.

В новой должности освоился быстро. Уже в 1939 г. в части стали всемерно развивать снайперскую стрельбу из орудий. Необходимость ее все ощущали остро. Просматривая скудные сводки, рассказывающие о боевых действиях на Хасане, Халхин-Голе,

артиллеристы понимали, как важно в кратчайшие сроки уметь поражать намеченные цели. На всех учениях, проводимых в те годы, артиллеристы-дзержинцы получали лишь высокие оценки командования. Снайперская стрельба из орудий все более входила в практику. И не случайно, попав в суровые испытания во время боев с белофиннами, фашистами, дзержинцы показали высокое огневое мастерство.

В 1943 г. Александр Григорьевич получил назначение на передовую. Его путь лежал на Харьков через дымящийся от боев Курск в гвардейскую армию генерала Чуйкова.

Советские войска неудержимо продвигались вперед, освобождая родную землю. Чувство справедливого возмездия, которое должны понести гитлеровцы, придавало новые силы нашим наступающим частям. День и ночь велись бои. От Донца путь простирался на Павлоград, далее шли с боями на Днепропетровск и Кривой Рог. К тому времени Тимощенко назначили командующим артиллерией корпуса.

...Сентябрь 1944 г. Поступил приказ: форсировать Вислу, захватить плацдарм и удерживать его до подхода основных сил. Задача не из легких. Дополнительных средств для преодоления водной преграды не имелось. Да и весь орудийный огонь был сосредоточен на участке, где фашисты, бросив в бой танковые части, препятствовали продвижению наших войск.

Форсирование тем не менее прошло успешно. Воспользовавшись внезапностью удара, части сумели отбить у врага прибрежную линию обороны и углубиться в его боевые порядки на три-четыре километра.

С рассветом гитлеровцы опомнились и попытались сбросить гвардейцев в Вислу. Однако время они упустили. Наши сумели наладить оборону, достаточно укрепились, чтобы отразить первые атаки врага. Шесть дней шли ожесточенные бои. Фашисты, наступая на различных участках, прощупывали оборону, пытаясь найти брешь в боевых порядках. На седьмой день враг решился на генеральный штурм. Он стянул бронированный кулак и перешел в атаку.

Огневых средств для решающего боя у закрепившихся на плацдарме частей явно недоставало. К тому же подвоз боеприпасов осуществлялся по неровным, зыбким бревенчатым настилам, проложенным через болото. И у Тимощенко возник план. Суть его заключалась в том, что фашисты пропускались несколько вперед в центре плацдарма. Если гитлеровцы попадутся на эту уловку и бросят сюда основные силы, то можно будет незаметно выдвинуть в их фланги скрытые до времени артиллерийские дивизионы. Остальное должна решить меткость огня наших батарей. На том и порешили.

С утра лавина вражеских танков двинулась в наступление. По данным разведки насчитывалось до ста пятидесяти бронированных машин. Завязалось огневое сражение. В первые же минуты до десятка гитлеровских танков были подожжены, но остальные, не считаясь с потерями, рвались напролом. Их огонь становился все более интенсивным. Предположения подтвердились: фашисты клюнули на удочку. Прозвучал сигнал – и в бой вступили советские резервные силы. Выдвигаясь во фланги, батареи стали в упор расстреливать подошедшие вражеские машины. Не прошло и часа, как, потерпев сокрушительное поражение, гитлеровцы начали поспешно отступать. На поле боя дымились восемьдесят сожженных танков.

За форсирование Вислы и руководство этой операцией А.Г. Тимощенко был представлен к званию Героя Советского Союза.

...За массивными окнами лаборатории быстро темнело.

– Пожалуй, на сегодня достаточно, – прервал свой рассказ Александр Григорьевич. – Впрочем, еще об одном эпизоде.

Несколько дней наши части вели ожесточенные бои на реке Одер. Особенно сильный бой разгорелся за одну из командных высот – 64,5. К утру были получены данные, что высота занята. Решил выехать на место, чтобы убедиться в правильности известия. Навстречу мне двигалась повозка, в которой лежал раненый солдат. Мне хотелось узнать, как шли дела, но ездовой очень плохо говорил по-русски, а раненого не хотелось беспокоить, так как видел, что ранение его тяжелое.

К моему удивлению, солдат шевельнул рукой и, глядя на меня, сказал:

– Может, у вас будет закурить?

Я протянул папиросу. Раненый жадно затянулся и, морщась от боли, заговорил:

– Там, кажись, уже кончился бой. Наши пошли вперед. А то, проклятый, никак не давал двигаться. Там у него дзот был один, прямо заколдованный: строчит, строчит... Сержант приказал мне уничтожить его. Подполз я, кинул гранату – он вроде замолк. Потом гляжу – опять застрочил. Я в него еще одну гранату, потом сразу две. А он, проклятый, разворочен совсем и все-таки строчит. Гранаты у меня кончились, и кинулся я на него.

– На кого? – спросил я.

– На пулемет.

– И что?

– Замолк.

– А вы?

– А меня поранило. Как закрыл я его, слышу рвануло меня по ногам, вроде как бревном ударило. И в нутро попало... потому горит...

Ездовой тронул повозку; я тоже поехал дальше, но вспомнил, что не узнал фамилии солдата, номера его части. Развернул машину, догнал повозку и, волнуясь, спросил:

– Как ваша фамилия, где служите?

Но ответа не последовало. Только ездовой ответил:

– Умер он.

С тех пор прошло много лет. Я всегда вспоминаю этот день, повозку, немолодого, раненного в живот и ноги солдата. Я вижу его спокойное, бледное лицо, слышу его краткий рассказ о самом большом и высоком, что только может совершить человек, – о подвиге.

Павел Зиновьевич ШАМАРДИН

П.З. Шамардин стал дзержинцем в 1929 г. Осенью 1930-го был направлен на учебу в военную школу имени ВЦИК. Вернулся в дивизию в 1939 г., возглавил пулеметный эскадрон. За высокие показатели в боевой и политической подготовке был отмечен именным оружием – шашкой. Затем командовал полковой школой, работал в штабе дивизии.

57-я гвардейская мотострелковая бригада 2-й танковой армии под командованием гвардии полковника П.З. Шамардина прошла с боями от Курска до реки Одер, отличилась при освобождении Румынии и Польши. В сражении за Умань бригада получила звание Уманская. За боевое мастерство при форсировании Днестра и овладение городом Бельцы Боевое Знамя украсил орден Кутузова. За мужество и героизм, проявленные в боях на Висле, бригада Шамардина стала Краснознаменной, а ее командир, почетный гражданин городов Бельцы и Фалешты – Героем Советского Союза.

Даниил Кузьмич ШИШКОВ

В дивизии имени Ф.Э. Дзержинского Д.К. Шишков служил с 1927 по 1933 г. Здесь его приняли в партию.

В годы Великой Отечественной войны был командиром полка, дивизии. Его полк одним из первых 21 сентября 1943 г. вышел к Днепру в сорока километрах севернее Киева.

Успешно форсировав эту сложную водную преграду, подчиненные Шишкова с боями освободили села Гдень, Жары. В течение нескольких дней полк удерживал завоеванный плацдарм, вел кровопролитные бои в окружении на станции Янов и все же не позволил противнику сбросить себя в Днепр.

Один за другим погибали боевые товарищи, но плацдарм удерживался полком Шишкова.

За проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками 16 октября 1943 г. полковнику Д.К. Шишкову Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

ГЕРОЙ ДНЕПРА

«2.10.1943 г. с 14.30 292-й сп вел бои с наступающей пехотой до двух батальонов и 8 танками и с 17.00 вел тяжелый бой с пехотой и танками, атаковавшими 360-й сп (сосед слева)».

(Из журнала боевых действий 181-й сд)

Свою пятилетнюю службу в дивизии имени Ф.Э. Дзержинского Сережников всегда вспоминал с особой теплотой и гордостью. Здесь он командовал взводом, ротой, школой младших командиров, батальоном. Здесь познал радость нелегкого воинского труда. Здесь на занятиях и учениях, на боевой службе развивалось его тактическое мышление, умение быстро схватывать главное в обстановке, в самых сложных ситуациях. Здесь он стал коммунистом, приобрел навыки политического воспитания воинов. Отсюда он ушел на фронт, где командовал полком.

...Проснулся Сережников не от артиллерийской канонады, а от настойчивого писка в лежавшей возле уха телефонной трубке.

– Почему у вас так тихо? – услышал он знакомый голос полковника Василия Ивановича Зайцева, начальника штаба дивизии.

– Сам удивляюсь, товарищ двадцать первый. Видно, фашист сегодня проспал, – попытался сострить Александр Иванович, но тут же спохватился: – Сейчас разберусь.

– Через четверть часа донести результаты разведки и наблюдения.

– Есть, товарищ двадцать первый. – Сережников положил трубку, обернулся к слушавшему разговор майору Белову: – Догадываетесь, о чем речь?

Создалась угроза и для полка Сережникова. Особенно трудно было держаться второму батальону. Чтобы помочь ему, а заодно соседу, комполка приказал находившемуся во втором эшелоне комбату старшему лейтенанту Крижановскому контратаковать вклинившегося противника и восстановить положение.

Медленно тянулись минуты ожидания контратаки. А враг напирал. Временами казалось, что вот-вот дрогнут те, кто обороняется в первой линии. В любой момент фашистские танки могут оказаться и здесь, у этого блиндажа. Его, Сережникова, никто бы не осудил, да так, возможно, и положено по канонам военной науки, если бы он в сложившейся обстановке принял решение вернуться на основной КП. Но нет, он не сделает этого! Узнают бойцы, что командир полка отошел, может лопнуть до предела натянутая струна. И тогда будет худо. Вот почему надо держаться, во что бы то ни стало держаться.

– Побереглись бы, товарищ майор, – телефонист осторожно дотронулся до локтя Сережникова. Тот недоуменно взглянул на него: дескать, какое сейчас «побережись», когда, может, в эти минуты решается судьба сегодняшнего, да и многих других будущих боев.

Спокойный и сосредоточенный, стоял он на КП и руководил боем. Порывистый ветер, словно крылья, раздувал полы накинутой на плечи плащ-палатки. Сдвинутая на затылок фуражка еще больше открывала высокий лоб на красивом лице. А глубоко запавшие глаза, быстрые, внимательные, горели огнем азарта и вдохновения. Увлеченный боем, он не заметил, как на той стороне хищно блеснул окуляр снайперского прицела...

Сережников медленно осел. Он уже не услышал мощного «ура», огласившего округу. Это его воины пошли в контратаку, опрокидывая вражеские цепи. Его командирская воля продолжала жить и вести полк к победе.

* * *

На этой тихой и уютной улице в Чернигове дома увиты виноградной лозой. Весной здесь буйным цветом цветут высаженные вдоль тротуаров яблони. «Сашина улица», – ласково называют ее однополчане Александра Ивановича. А на крайнем доме – мемориальная доска с надписью «Сережников А.И. Герой Советского Союза. Погиб при освобождении Черниговщины от немецко-фашистских оккупантов».

В ШКОЛЕ ИМЕНИ ДЗЕРЖИНЦА

С 1964 г. подмосковная средняя школа носит имя Героя Советского Союза Александра Ивановича Сережникова.

Не одно поколение вышло из школьных стен. Но подвиг героя, с которым познакомились, еще будучи первоклассниками, так и остается в сердцах повзрослевших ребят путеводной звездой.

И это не только слова. За минувшие годы многие выпускники школы пошли по

жизни дорогой А.И. Сережникова: закончили различные военные училища, стали офицерами. И что небезынтересно: в большинстве своем юноши выбирают службу во внутренних войсках!

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Артемьев Павел Артемьевич (1897–1979), участник Гражданской, советско-финляндской и Великой Отечественной войн. Родился в д. Лисичкино Поддорского района Новгородской обл. в крестьянской семье.

В РККА с 1918 г. Минер-подрывник, политрук роты Отдельного инженерного батальона 1-й стрелковой дивизии. В 1920 г. вступил в РКП(б).

В 1921–1923 гг. – секретарь комячейки, военком батальона, военком Екатеринославского конвойного полка. С апреля 1923 г. в войсках ОГПУ. Военком школы младшего начсостава, военком 91-го дивизиона, затем 1-го Харьковского конвойного полка, зам. военкома Повторных курсов при ГПУ УССР (1923–1924 гг.). После окончания Высшей пограничной школы служил в погранохране: в 21-м Ямпольском, 22-м Волочисском и 20-м Славутском погранотрядах. С 1931 по 1938 г. – во внутренних войсках, командуя 23-м стрелковым, 56-м железнодорожным, 4-м Украинским Краснознаменным и 1-м Белорусским мотомеханизированными полками.

В феврале 1938 г. назначается начальником Ново-Петергофского военно-политического училища имени К.Е. Ворошилова.

Приказом НКВД СССР № 1792 от 4 августа 1938 г. назначен командиром Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского.

Во время советско-финляндской войны командовал Отрядом особого назначения (с 10 февраля по 3 апреля 1940 г.). Он один из немногих командиров войск НКВД, получивших звание генерал-лейтенанта в 1940 г.

С 26 февраля по 30 июня 1941 г. возглавлял Управление оперативных войск НКВД СССР. Затем был назначен командующим войсками Московского военного округа. По воспоминаниям П.А. Артемьева, поздно вечером на седьмой день войны он был вызван в особняк на улице Фрунзе, где И.В. Сталин в присутствии членов Политбюро и маршала С.К. Тимошенко объявил ему о назначении командующим войсками МВО.

До 1943 г. он одновременно командовал войсками Московской зоны обороны. Оборона столицы – один из самых ярких и в то же время тяжелых этапов боевой биографии Артемьева.

7 ноября 1941 г. он командовал знаменитым парадом на Красной площади.

После двенадцатилетнего командования войсками МВО он получает назначение заместителя, потом первого заместителя командующего войсками Уральского военного округа.

Эта не совсем равнозначная должность была уготована Артемьеву в связи с тем, что он, как выходец из войск НКВД, казался руководству страны нежелательной фигурой в Москве при осуществлении задуманной операции по аресту Берии (как известно, эту акцию провела группа военных во главе с командующим ПВО Московского военного округа генерал-полковником К.С. Москаленко, ставшим после этого командующим войсками МВО. Как явствует из ряда публикаций, П.А. Артемьев находился на учениях в Смоленской области, где и узнал о своем новом назначении.

В сентябре 1960 г. он был уволен в отставку.

Награжден орденом Ленина (дважды), орденами Красного Знамени (трижды), Красной Звезды (дважды).

Умер 19 марта 1979 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище в г. Москве.

Дмитрий Павлович Дажин (1916–2007) – поэт-фронтовик, военный журналист, ветеран внутренних войск. Он рос в шахтерской семье, был учителем деревенской школы, сотрудничал в районной газете. В 1937 г. по призыву попал служить в дивизию имени Ф.Э. Дзержинского, где вскоре получил звание младшего политрука, стал заместителем редактора газеты «На боевом посту». После возглавил редакцию многотиражки 8-го полка войск НКВД в Тбилиси, затем, когда началась война, редактировал газету 2-й ОМСДОН в Москве. С ноября 1942 г. он редактор газеты 140-й стрелковой дивизии, боевой путь которой отмечен

пятью орденами. День Победы встретил, будучи редактором многотиражки «На разгром врага» 59-й армии. После войны трудился в окружной газете МВО «Красный воин», журнале «Советский воин», газете «Красная Звезда». Его фронтовой путь отмечен тремя орденами, медалями. С 1969 г. полковник запаса, но по-прежнему оставался в журналистском строю. Он автор нескольких поэтических сборников.

Жебровский Дмитрий Петрович (1897–1971), в РККА с 1918 г., участник Гражданской войны. В Отечественной войне – начальник Московского военно-технического училища войск НКВД; после войны работал в системе учебных заведений МВД СССР. Генерал-майор.

Кабаков Исаак Львович (1906–?), командир 1-го мотострелкового полка, после войны – замначальника Саратовского военного училища МВД. Полковник.

Маликов Николай Тимофеевич (1899–1965), в РККА с 1918 г., участник Гражданской войны. В Отечественной войне – начштаба дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, затем начштаба Управления ВВ Северо-Кавказского округа, командир 6-й сд. После войны командовал дивизией, начальник курса Военного института МВД СССР. Полковник.

Марченков Михаил Петрович (1899–?), с 1918 г. служил в Продармии, затем в войсках ВЧК-ВОХР-ВНУС. Участник Гражданской войны. После войны служил в погранвойсках. В Отечественной войне – командир дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, начальник внутренних войск НКВД Украинского округа, затем – Белорусского округа. Позже занимал ряд командных должностей. В 1949–1958 гг. – начальник Управления военно-учебных заведений МВД СССР. Генерал-лейтенант.

Махоньков Александр Яковлевич – участник Гражданской войны, борьбы с басмачеством, служил в погранвойсках. В Отечественной войне – командовал Московским истребительным полком УНКВД г. Москвы и Московской области. Полковник.

Прокофьев Сергей Сергеевич (1902–?), в Отечественной войне – военком дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, начполитотдела внутренних войск НКВД Украинского округа. Бригадный комиссар, полковник.

Рудченко Михаил Михеевич (1904–?), начальник политотдела дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, затем Грозненской дивизии ВВ НКВД. После войны начальник политотдела округа внутренних войск. Полковник.

Шевцов Николай Георгиевич (1906–?), командир 2-го мотострелкового полка, после войны – начальник военного училища МВД СССР. Полковник.

Яценко Николай Иванович (1900–1974), участник Гражданской и Великой Отечественной войн. В войсках с 1918 г. Комполка, начинспекции, командир-военком 8-й Дон. бригады, нач. командного отдела УПВО УССР, служил в ОМСДОНе, нач. оргстроевого управления ГУПВ, замначальника ГУПВ, на руководящей работе в ГУВС МВД СССР. Генерал-лейтенант.

Глава IV. ПОСЛЕ ВОЙНЫ И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Наступил долгожданный мир после Великой Победы. Казалось, восстанавливай, строй, живи мирно, ничто не помешает.

И солдату служить в мирное время вполне спокойно... Но мир еще не значит покой. Раздались выстрелы и после победы. А тут еще землетрясения. Межнациональные конфликты. Кавказ забурлил. Словом, покой нам только снится.

Раздастся команда «В ружье!» – и собирайся солдат в очередной поход. Каким он окажется? Наверняка нелегким. Какие еще испытания придется пережить? Это покажет время. Оно будет сложным, подчас тревожным, напряженным, а то и боевым. Такова жизнь солдатская.

Но он, солдат, все преодолеет. Спасет. Сбережет. Защитит! О служебно-боевых буднях дивизии и пойдет наш рассказ.

ХРОНИКА. ФАКТЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ

НЕЗРИМЫЙ ФРОНТ

Борьба с бандитизмом имела свои особенности. Враги, как правило, скрывались мелкими группами, хорошо знали местность, действовали дерзко. Запугивая население, они наиболее неустойчивых склоняли на свою сторону, под угрозой расправы заставляли сотрудничать. Незримый фронт жил своей особой жизнью. Порой теракты и диверсии следовали один за другим, а иногда бандиты не проявляли себя месяцами. Понимая свою обреченность, они прибегали к изощренным уловкам, чтобы как можно больше навредить людям, как можно дальше отодвинуть час расплаты.

Все это требовало от солдат, сержантов, офицеров особого умения, чекистского чутья, исключительной осторожности, решительности.

ЗАСЛОНИЛ СОБОЮ

– В ружье! – раздалось в полуосвещенной деревенской хате. Словно электрический ток пронзил воинов, только что безмятежно спавших на полу. Секунда, другая – и все пришло в движение.

– Слушай боевой приказ... – прозвучали слова офицера.

Серый рассвет и неприветливое, хмурое утро застали воинов на марше.

Обнаружить одного человека в поселке, где живут тысячи, – все равно что найти иголку в стоге сена. Да если еще иметь в виду, что бандиты прячутся в специальных, хорошо замаскированных убежищах, станет ясно, насколько дело это нелегкое. Тут требуется исключительная осторожность, природная смекалка.

...С начала поиска прошло уже около двух часов, а результатов пока никаких не было. Но вот в одном из домов нащупан под печкой заваленный домашним скарбом лаз в убежище. Вскрыли люк, спустились вниз – помещение обжитое. На столике – остатки пищи. Значит, бандиты здесь были, но недавно скрылись. Ясно и другое: далеко им уйти не удастся, хутор оцеплен нарядом.

Вскоре был обнаружен в бункере потайной ход, который вел в сарай. Стали осматривать строение.

И тут младший сержант Бровкин заметил бандита, притаившегося под самой крышей. Тот навел свой автомат в грудь офицеру Великанову.

«Что делать? Стрелять? Но не успеешь даже вскинуть оружие, как бандит выпустит очередь. Предупредить о грозящей беде – тем более опасно: преступник следит за малейшим движением».

Сознанием младшего сержанта овладела единственная мысль: во что бы то ни стало уберечь командира. И Бровкин принимает единственно верное решение: резко оттолкнув офицера назад, он встал перед ним. В ту же секунду автоматная очередь взбудоражила деревенскую тишину.

Так оборвалась молодая жизнь младшего сержанта Бровкина. Верный военной присяге, он пожертвовал собой, спас командира.

ЗАГАДКА КУЗНИЦЫ

Разведывательно-поисковая группа, возглавляемая лейтенантом Николаем Волковым, прочесывала лес. Солдаты внимательно осматривали каждый кустик, пень, поваленное дерево. Неожиданно на поляне точно из-под земли вырос дом с надворными постройками.

Разбив группу на две части, офицер поставил одной из них задачу вести наблюдение за подступами к дому, а сам с остальными направился в кузницу. Вместе с подковами, лемехами плугов, зубьями от борон там оказались и... корпуса гранат, мин, запалы. «Значит, кузнец имеет связь с бандитской шайкой, снабжает ее оружием», – подумал Волков.

Вскоре предположения офицера подтвердились: в сарае, под стогом сена, был обнаружен тайник, где хранился ручной пулемет, противотанковые мины в ящиках, гранаты и патроны.

Пока воины осматривали помещение, наружные посты доложили, что из лесу выехала повозка и направляется к хутору. Офицер приказал подчиненным подпустить ее ближе.

Когда телега подъехала к крыльцу, с нее спрыгнул молодой парень. Это был сын кузнеца. Под соломой в его повозке лежал неисправный ручной пулемет, который он привез отцу для ремонта.

КОГДА СПАЛ ХУТОР

В гарнизон, где располагалось подразделение лейтенанта Каракаптана, поступили сведения, что на хуторе, расположенном в двенадцати километрах отсюда, скрывается опасный преступник.

Не в одном бою побывал офицер Каракаптан. На его счету значилось много уничтоженных бандитов. Но опытный командир всегда тщательно готовился к операции. И на этот раз Каракаптан учел возможные неожиданности. Хутор находился недалеко от леса. Это давало возможность бандиту быстро и незаметно скрыться. Связь преступника с местным населением, наличие у него осведомителей и пособников затрудняли его поимку. Имелись основания предполагать, что он был не один, а с сообщником.

В полночь незаметно вышли в путь четыре человека. Впереди – командир лейтенант Каракаптан. Скрытыми тропами, обходными путями вел он своих подчиненных на выполнение задачи. Прошло около пяти часов, пока, наконец, разгоряченные воины достигли назначенного места.

– Надо бы окружить хутор, – предложил старшина Ярыгин.

– Нет, – ответил лейтенант, – вместе пойдем с подветренной стороны. А то собаки могут учуять нас, и тогда все пропало.

Хутор спал. Только слышен был петушиный крик и тяжелое дыхание коров в хлевах. Осторожно проверив надворные постройки, лейтенант выставил наружную охрану, а сам тихонько постучал в окно дома.

– Кто там? – спросила хозяйка.

Увидев вооруженных людей, она затараторила: «Ходите тут, не даете добрым людям покоя. Не ищите, нету у нас никого... Мы люди честные, с бандитами не водимся...»

Пока Каракаптан беседовал с ней, старшина Ярыгин внимательно осматривал помещение. Ничего не вызывало подозрений.

Но вот внимание офицера привлекла кружка с мыльной водой, стоявшая за чайником на плите.

«Значит, кто-то недавно брился, – подумал про себя Каракаптан. – Но кто? Хозяин? Нет, он мужик бородатый. Тогда кто же? Посторонний? Где он?»

Не говоря никому о своих подозрениях, лейтенант Каракаптан обратился к старшине:

– Поищем еще.

Медленно, шаг за шагом стали они проверять пол, затем потолок, отодвигать мебель.

Но что это такое? Под шкафом половые доски имели поперечный надрез, хотя и были тщательно закрашены. Лейтенант Каракаптан сразу же определил: здесь вход в убежище.

– Приготовить «кошку»! – скомандовал офицер.

Ярыгин рассчитанным движением зацепил «кошкой» крышку люка и потянул на себя. Из-под пола прогремела автоматная очередь. Пули попали в висевшую у потолка лампу. Свет погас. Бандит воспользовался этим и бросил гранату. Она покатилась по полу. Однако старшина Ярыгин не растерялся. Секунда – и «лимонка», разбив оконное стекло, вылетела наружу. Раздался оглушительный взрыв, но он не причинил дзержинцам вреда.

– Сдавайтесь! – приказал Каракаптан. – Сопротивление бесполезно.

С трудом протиснувшись в лаз, бандит предстал перед воинами с поднятыми вверх руками.

В послевоенные годы учеба велась с широким применением фронтового опыта. Учиться тому, что необходимо для боевой службы, для успешного выполнения задач в любой обстановке, как днем, так и ночью, стало требованием дня.

В дивизии действует школа передового опыта обучения и воспитания личного состава. В ней аккумулируется, через нее внедряется в жизнь все то новое в боевой службе, что подтверждено практикой.

В частях работают школы передового опыта сержантов, регулярно проводятся

сборы начальников караулов.

В подразделениях вошли в практику тематические вечера о бдительности, верности военной присяге, викторины по знанию уставов, оружия. Стало нормой в роте, батальоне чествовать отличников боевой службы, боевой и политической подготовки, проводить встречи с ветеранами.

НАПЕРЕКОР СТИХИИ

Еще выходя на пост, рядовой Кудряшов заметил, что погода начала портиться.

«Быть дождю», – подумал он... Что произошло в следующее мгновение, воин не припомнит. Ослепительная стрела молнии рассекла черную тучу. Раздался оглушительный треск. Вместе с крышей постовой вышки часовой упал на землю.

В первую секунду рядовой Кудряшов было вскочил. Однако ноги отказались повиноваться, плохо слушались руки, голову буквально разламывало. Превозмогая боль, рядовой Кудряшов дополз до лестницы. С трудом взобравшись на нее, стал наблюдать за постом.

Часовой соседнего поста рядовой Самусевич, видя все это, немедленно сообщил в караульное помещение.

Кудряшов продолжал нести службу до прихода смены.

РАСКРЫТЫЙ ПЛАН

Ветер сдувал с тротуаров снег, качал фонари, мороз обжигал лицо. Патрульные, зорко всматриваясь в окружавшую их тьму, молча шли по одной из улиц города. Вдруг сзади послышался шум мотора, и, кутаясь в снежной пыли, мимо группы капитана Зуева прошла машина. Тут же она свернула в переулок и стала разворачиваться. «Что за необходимость так поздно разъезжать по городу? Заблудились, что ли?» – подумал капитан и отдал приказание:

– Проверить документы!

Воины перекрыли дорогу. Машина остановилась. Из кабины вышел шофер в военной форме и предъявил служебную книжку.

– Покажите вашу путевку, – потребовал капитан.

Путевки у водителя не оказалось. В машине находились четыре пассажира. Все они предъявили патрульным служебные книжки. Явное несоответствие гражданской одежды с документами заставило солдат еще более насторожиться и тщательно проверить подозрительных.

Сбивчивые ответы задержанных подтвердили возникшее у капитана подозрение. Он приказал обыскать машину.

Ефрейтор Голенищев осмотрел кабину, кузов – там ничего не было. Однако, когда Голенищев поднял сиденье, в ящике, где шоферы обычно хранят инструменты, лежал пистолет. Там же были спрятаны три ломика, отмычка, кинжал и прочие «мелкие принадлежности» воровского обихода. А тем временем из карманного фонарика одного из задержанных был изъят план поселка, на котором крестиками помечены магазин ОРСа и несколько частных квартир...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Поздняя ночь. Младший сержант Борис Фадеичев и рядовой Михаил Перепичай направились к центру поселка. Навстречу им из-за строений вышли двое неизвестных с вещами в руках. Воины остановили их.

– Комендантский патруль...

В тот же миг раздался выстрел. Но бандит по торопливости промахнулся. Не теряя ни минуты, Михаил Перепичай дослал патрон в патронник. Два выстрела раздались одновременно. Солдат ранил грабителя, но пуля ударила и его в левое плечо так, что винтовка выпала из рук. Превозмогая боль, Михаил ринулся на неизвестного и, обхватив его здоровой рукой, свалил на землю. Следующего выстрела Перепичай не слышал: он только почувствовал ожог и новую боль.

Трудно бы пришлось солдату, но вовремя подоспел на помощь младший сержант Фадеичев, одолевший второго грабителя.

«Нет, не уйдешь, – шептали его губы. – Я не позволю, чтобы ты ушел...»

Фадеичев смело бросился на вооруженного бандита, выбил из его рук оружие.

– Сдаюсь, – прохрипел преступник, поняв, что сопротивление бесполезно.

– Потерпи, Миша, сейчас окажу тебе помощь, – крикнул товарищу Фадеичев, связав бандита.

Смелость и отвага помогли самоотверженным воинам выйти победителями из этой схватки.

...Как показало следствие, грабители накануне совершили преступление: в эту ночь они переносили краденое в другое место.

СОЛДАТ – ДЕПУТАТ МОССОВЕТА

В декабре 1950 г. ефрейтор В.И. Лазарев был избран депутатом Московского городского Совета депутатов трудящихся.

Еще десять дзержинцев были избраны в местные органы власти. Среди них Герой Советского Союза старший лейтенант П.И. Килин, старший лейтенант Г.В. Сугробова, старший сержант А.А. Шигаров и другие.

НА VI ВСЕМИРНОМ ФЕСТИВАЛЕ

С 28 июля по 12 августа 1957 г. части дивизии выполняли ответственную задачу по обеспечению общественного порядка в связи с проведением в Москве VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

За ее успешное выполнение приказом МВД СССР было награждено тридцать человек, в том числе: медалью «За отличную службу по охране общественного порядка» – одиннадцать воинов; знаком «Заслуженный работник МВД» – семь человек. Большая группа военнослужащих поощрена ценными подарками.

ФРОНТОВОЙ ПОЧЕРК

Двое суток вместе с красноармейцем Безуглым провел Александр Соломенников за линией фронта, засекая огневые точки врага, наблюдая за сосредоточением его техники. И теперь разведчики осторожно пробирались лесом к своим.

Наступила ночь. Они вышли на лесную опушку. Впереди в лунном серебре поблескивало озерко. Поодаль то и дело взлетали осветительные ракеты. Там размещался передний край. Осторожно обойдя стороной водную гладь, разведчики уже было проскочили на нейтральную полосу, когда справа ударил пулемет. Пуля угодила в ногу Безуглому, и он упал.

Соломенников отыскал невдалеке воронку, взвалил на себя товарища и вполз в нее.

Немцы еще несколько раз осветили местность. Потом снова стало тихо вокруг.

– Потерпи малость, Иван, – сказал Соломенников другу.

– Оставь меня, – с трудом ответил тот. – Иди сам, передай сведения, а потом уж вернешься за мной.

– Нет, – твердо сказал Александр, – без тебя никуда не пойду.

Взвалив друга на спину, Соломенников пополз вперед. С каждым метром двигаться становилось все труднее. Временами Александру казалось, что силы покидают его. Но в такие мгновения он вспоминал напутствие командира полка: «Оба вы хорошие разведчики, настоящие товарищи. Надеюсь, что справитесь с заданием».

«Настоящие товарищи...» – повторял про себя Александр. От этой мысли силы прибывало. Около двух часов понадобилось воину, чтобы добраться до своих.

Когда Соломенников вернулся с Безуглым в часть и доложил командиру о выполнении задания, тот поблагодарил подчиненного, а потом, не удержавшись, обнял и расцеловал.

После этого случая Соломенников вырос и в глазах сослуживцев. Они увидели в этом парне настоящего боевого друга, законом жизни для которого было правило: сам погибай, а

товарища выручай.

Чувство воинской спайки особо проявилось, когда Соломенникова назначили командиром отделения. Много раз ходил он с подчиненными в разведку, попадал, казалось бы, в безвыходные положения. Но всегда выручала дружба. И солдаты отвечали ему истинным уважением и любовью.

В одну из июльских ночей 1944 г. группа разведчиков во главе с Соломенниковым ушла на задание. Принялись делать проход в проволочном заграждении. И тут случилось, что один из новичков допустил досадный промах. Немцы открыли огонь. Соломенников почувствовал жгучую боль в ноге. Но товарищи были рядом и вынесли своего командира из-под огня.

...С той поры миновало немало лет. Отгремела война. Александр Соломенников с отличием окончил Московское Краснознаменное пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР. Некоторое время командовал в нем взводом курсантов, а в 1948 г. получил назначение в дивизию имени Ф. Э. Дзержинского. И здесь учил капитан Соломенников подчиненных настойчиво, терпеливо, не считаясь с личным временем, добиваясь от каждого умелых действий на полевых занятиях, в карауле, во внутреннем наряде. Он сочетал высокую требовательность с отеческой заботой, старался воспитывать солдат, передавая им свой боевой опыт, растить мужественных защитников Родины.

...Ранним утром 30 июля 1959 г. рота прибыла на стрельбище. Из-за кромки леса вставало солнце. На небе – ни одной тучки. День обещал быть знойным.

– Сегодня нам будет жарко вдвойне, – говорили между собой солдаты, – предстоят боевое гранатометание и стрельба из автомата.

Воины покинули машины. Разбившись на группы, приступили к тренировкам. Первым на огневой рубеж вышел младший сержант Петров. Но прежде чем пропустить его, капитан Соломенников сам выполнил упражнение. Сосредоточенный, подтянутый, он действовал, как и всегда, уверенно и спокойно.

– Вот это работа! Сразу угадывается фронтовой почерк, – сказал младший сержант Петров, наблюдавший из траншеи за действиями командира.

Выполнив упражнение, Петров вернулся к товарищам и рассказал им, как метнул гранату командир роты. Воодушевленные его примером, солдаты на огневом рубеже держались смело, действовали по всем правилам.

Очередь дошла до рядового Бакаржеева. Получив на исходной позиции боевую гранату, он по команде офицера двинулся по ходу сообщения на огневой рубеж.

В окопе капитан Соломенников придирчивым взглядом окинул солдата, подбодрил его.

– Заряжай! – коротко скомандовал офицер. – Гранатой – огонь!

Выдернув предохранительную чеку, Бакаржеев резко отвел правую руку назад для броска и... случайно уронил гранату на дно траншеи.

– Ложись! – крикнул Соломенников подчиненному, а сам бросился к гранате. Она вот-вот должна была взорваться, но это не остановило офицера. Он схватил ее, выпрямился, чтобы выбросить из окопа, но было уже поздно... Раздался оглушительный взрыв. Смертельно раненный капитан опустился на дно окопа.

Так оборвалась замечательная жизнь офицера-фронтовика. Она была без остатка отдана благородному делу воспитания и обучения защитников Родины.

Приказом министра внутренних дел СССР Александр Григорьевич Соломенников посмертно занесен в Книгу почета части.

О ДОБЛЕСТИ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ

Подлинным центром воспитания воинов на боевых традициях старших поколений стал открывшийся 23 февраля 1958 г. музей истории и боевой славы ордена Ленина, Краснознаменной дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. В нем собраны фотографии, документы, личные вещи героев, множество экспонатов, рассказывающих о прошлом и настоящем дзержинцев.

В ЧЕСТЬ 40-ЛЕТИЯ ДИВИЗИИ

1964 год. К знаменательной дате в истории дивизии каждый третий ее воин стал отличником боевой службы, боевой и политической подготовки, две трети выполнили разрядные нормы. Увеличилось число классных специалистов.

За успехи, достигнутые в боевой службе и учебе, и в связи с 40-летием со дня ее основания Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Н.Г. Игнатов вручил дивизии Почетную грамоту Президиума Верховного Совета Российской Федерации.

Комсомольская организация дивизии была удостоена Почетной грамоты ЦК ВЛКСМ.

ЭСТАФЕТА БОЕВОЙ СЛАВЫ

В 1965 г. праздновалось 20-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В честь этой даты в дивизии проводилась эстафета боевой славы. 9 Мая воины рапортовали о своих достижениях.

Так, в подразделении, где секретарем бюро ВЛКСМ был младший сержант Н. Мищенко, все расчеты стали отличными. В каждом из них отработана полная взаимозаменяемость. Солдаты и сержанты освоили по две специальности – телефониста и линейного надсмотрщика. Автомобилисты подразделения капитана М. Аксенова в ходе эстафеты сэкономили 1708 литров бензина.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Три месяца в сложных условиях города, перенесшего сильное землетрясение, подразделение дзержинцев выполняло ответственную задачу по обеспечению общественного порядка. И вот они вернулись в родную часть. Загорелые и возмужавшие (или это только кажется от долгой разлуки?), в стройной колонне воины печатают шаг по плацу. Здесь уже выстроились их однополчане.

– Под Знамя, смирно! – звучит команда.

Мимо замерших солдат проплывает развевающееся на ветру красное полотнище. И митинг, посвященный встрече подразделения, возвратившегося из Ташкента, объявляется открытым. У микрофона – командир Николай Дмитриевич Измалков. Он говорит, что с возложенной задачей дзержинцы успешно справились. И в подтверждение сказанного одну за другой зачитывает Почетные грамоты Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, ЦК комсомола Узбекистана, которыми награждено подразделение и его комсомольская организация.

А вот он читает Указ о награждении пяти воинов медалями «За отличную службу по охране общественного порядка».

Секретарь бюро ВЛКСМ подразделения старшина Тростянский передал в дар музею боевой славы альбом. В нем помещены фотографии, рассказывающие о трехмесячной службе дзержинцев в Ташкенте. Среди них есть снимок, на котором солдаты входят в двери нового детского сада со сверкающими свежим лаком шкафчиками, столиками, стульчиками в руках. Эту мебель дзержинцы купили на свои деньги, чтобы подарить узбекским малышам.

ТАШКЕНТУ НУЖНА ПОМОЩЬ

Пятидесятые годы прошлого столетия прошли для дивизии под знаком многочисленных послевоенных преобразований. Наверное, нет смысла перечислять те части, которые подвергались сокращению, переформированию, те, что были созданы вновь. Скажем лишь то, что общая численность соединения к середине 50-х составила примерно 10 000 человек. А в июле 1955 г. ему вернули довоенное наименование – ОМСДОН – Отдельная мотострелковая дивизия особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского.

Но как бы ни реорганизовывалась дивизия, ее личный состав продолжал охранять порученные важные объекты и обеспечивать общественный порядок в столице при проведении массовых мероприятий. Неизменной оставалась и ее роль в структуре выполняемых Министерством внутренних дел задач: она по-прежнему составляла его

главную ударную силу – мощный мобильный резерв министра. В свою очередь, это качество и предопределило то обстоятельство, что на дивизию была возложена задача по сопровождению спецгрузов (прежде всего валюты, отпечатанной на Гознаке) за рубеж, в «страны народной демократии» – Польшу, Чехословакию, Венгрию, ГДР. А в 1966 г. – выполнение миссии по ликвидации последствий чудовищного по силе землетрясения в Ташкенте.

Бедствие обрушилось неожиданно. Столица Узбекистана была практически стерта с лица земли. Министерства по чрезвычайным ситуациям и спасателей, которых мы привыкли сегодня видеть повсюду, где буйствует стихия, тогда не было. Пострадавшим помогали всем миром. Строители, монтажники, бульдозеристы, экскаваторщики, врачи – кто только не ехал в тот страшный год в Ташкент. Со всей страны ехали. Разбирали завалы, искали и вытаскивали из-под них пострадавших, восстанавливали город. Но немало было в районе землетрясения и тех, кто не прочь поживиться на чужом горе: мародеров и воров разных мастей.

Три месяца обеспечивало общественный порядок в разрушенной стихией столице Узбекистана подразделение дивизии им. Ф.Э. Дзержинского, которым командовал офицер Измалков. С возложенной задачей военнослужащие соединения успешно справились. Подтверждение тому – Почетная грамота Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, Грамота ЦК комсомола Узбекистана, которыми награждено подразделение, медали «За отличную службу по охране общественного порядка», которых были удостоены пятеро военнослужащих. Вот лишь один из многочисленных примеров бдительности, проявленной дзержинцами на службе, о котором тогда рассказала на своих страницах дивизионная многотиражка.

«...Войсковой наряд в составе сержанта Павла Бодунова и младшего сержанта Дмитрия Гайдученко заступил на патрульную службу. Знакомясь с маршрутом, воины тщательно изучили особенности местности. В одном из глухих двориков младшие командиры увидели автомобиль „Запорожец“. Двери машины были раскрыты, заднее левое колесо снято, вокруг разложены инструменты... Складывалось впечатление, что хозяин лишь на минутку отлучился за одной из запасных частей.

Желая уберечь нерадивого водителя от возможных неприятностей, патруль решил понаблюдать за автомобилем. Но тут взгляд начальника патруля привлек государственный номерной знак на кузове машины. Он совпадал с тем, что был на угнанном недавно «Запорожце», о чем воинам было сказано на инструктаже. О находке сержант немедленно доложил в отделение милиции и дежурному по войсковым нарядам.

Так был найден и возвращен владельцу похищенный у него автомобиль».

Но солдаты не только охраняли общественный порядок. Чем могли они помогали пострадавшим от землетрясения жителям Ташкента. Известно, например, что из своих скромных солдатских получек они собрали 225 рублей и купили на них игрушки, одежду, обувь для ребятишек трех детских садов, передали им мебель, приобретенную на свои сбережения.

Большую помощь оказали военнослужащие соединения и в разборе завалов, восстановлении разрушенных зданий. Многие уже, уволившись в запас, уезжали в Ташкент, восстанавливали город.

Кстати, о том, что часто дзержинцев можно было встретить на различных, как их тогда называли, ударных комсомольских стройках, помнят немногие, наверное, только старая плеяда офицеров внутренних войск. Вряд ли об этом знают нынешние владельцы промышленных гигантов. Не этим головы у них заняты. А жаль. Между тем дивизию тех лет вполне можно назвать и резервом народно-хозяйственного комплекса страны.

Сколько новых предприятий энергетики, химии, металлургии возведено с их участием в 50–60-е и 70-е годы прошлого столетия на необъятных просторах нашей страны. Они строили электростанции на Ангаре и Енисее, возводили химические комбинаты на Урале, автозавод в Тольятти.

За шесть лет, с 1954 по 1960 г., на строительство Братской ГЭС уехало 179 человек, в города Магадан и Норильск – 140, на шахты Мосбасса и Донбасса – 286, на освоение целины – 420, на другие стройки – свыше 700. С 1960 по 1965-й только на Красноярскую ГЭС убыло около 1,5 тысячи человек.

В 1962 г. первый отряд молодежи соединения прибыл на берега Енисея строить Красноярскую ГЭС. А в 1971 г. около двухсот дзержинцев отправились на строительство Усть-Илимской ГЭС.

Напоминанием о роли дзержинцев в строительстве промышленных гигантов служат имена Алексея Демина и Владимира Кузнецова, занесенные в Книгу почета Братской ГЭС.

Однако вернемся к служебно-боевой деятельности соединения. В конце 1965 г. ОМСДОН насчитывала 15,5 тысячи личного состава: 5 полков, 8 отдельных батальонов, на вооружении, кроме автоматов и пулеметов, были и минометы, и даже 122-мм гаубицы, бронетранспортеры и танки.

– На каждую часть дивизии, помимо участия в службе по охране общественного порядка, была возложена своя особая, только ей присущая задача, – вспоминает ветеран дивизии генерал-лейтенант в отставке Александр Гриенко. – 1-й полк охранял периметры особо важных объектов промышленности в Москве. 2-й мотострелковый полк представлял войска на параде, ежедневно занимался боевой учебой в поле. Он был основным при несении службы по охране общественного порядка и обеспечению безопасности граждан во время массовых спортивных и зрелищных мероприятий. Часть находилась в постоянной готовности к выполнению задач при чрезвычайных обстоятельствах – из ее состава ежедневно назначался войсковой оперативный отряд и рота постоянной пятнадцатиминутной готовности. Специальный моторизованный или милицейский полк нес патрульно-постовую службу. Один из полков выполнял задачи по охране важных объектов Минфина и сопровождению специальных грузов. Отдельный оперативный в мирное время наряду с мотострелковыми участвовал в охране общественного порядка и занимался боевой учебой, но на него были возложены специфические задачи на военное время. Он имел своеобразную, не похожую ни на одну часть внутренних войск оргштатную структуру, был очень мобильным. Его личный состав выполнял важную задачу спортивного плана во время Олимпиады, на Играх Доброй воли. Военнослужащие полка участвовали в оформлении трибун живыми картинками в церемониях открытия и закрытия игр. Ежегодно во время демонстрации 7 ноября они шли в рядах спортивной колонны. Отдельному артиллерийскому дивизиону было поручено производство салюта с территории Кремля во время парадов на Красной площади. Вместе с танковым батальоном они совершенствовали свое мастерство на полигонах в Ногинске и Алабино. Учебно-автомобильный батальон готовил водителей и младших командиров для автоподразделений дивизии и войск. ОМСБОН выполнял задачи по охране комплекса зданий Центрального Комитета партии и объектов Минфина Союза ССР.

Словом, задачи соединение выполняло самые разнообразные, причем одну важнее другой. Вот именно их важность и предъявляла особые требования к офицерам и солдатам особой дивизии.

Поддержание высочайшей боеготовности, твердого уставного порядка, обучение и подготовка личного состава к несению службы – вот триединая повседневная забота командиров и начальников. Едва ли не притчей во языцех в войсках стал внешний вид офицеров, сержантов и солдат дивизии. В отдаленных гарнизонах ходили досужие байки-легенды об «омсдоновской муштре», мол, в ОМСДОНе даже воробьи строем летают. Ничего подобного, конечно же, не было. Но устав действительно блюли все: от комдива и до последнего в строю солдата. Иначе и нельзя было. Ведь служба в дивизии отличалась от службы в конвойных частях круглосуточной востребованностью офицеров – от командира дивизии до командира взвода на службе. Здесь все части на одном пятачке. Реагировать на какие-либо недостатки в них командованию дивизии необходимо немедленно, не откладывая на завтра. Задачи тоже зачастую поступали внезапно. От командиров ротного, батальонного, полкового звена это требовало оперативности в работе как по подготовке личного состава, так и при принятии решения. В дивизии сложился свой особый омсдоновский стиль во всем: во внешнем виде офицеров и солдат, в их взаимоотношениях (не панибратских, но сердечно-товарищеских), в манере проведения строевых и других занятий. Вроде бы все войска жили по одним уставам, и все же ОМСДОН – это, как нынче говорят, «фирма».

И видимо, не случайно в числе тех, кто прошел омсдоновскую школу, немало занимавших впоследствии самые высокие должности во внутренних войсках: главнокомандующий ВВ МВД Российской Федерации генерал-полковник Вячеслав

Викторович Овчинников, заместители главкома генерал-лейтенанты Игорь Николаевич Рубцов (который тоже командовал дивизией) и Вячеслав Александрович Дадонов, генерал-майоры Виктор Васильевич Ракитин и Владимир Александрович Мальцев. Воспитанники дивизии той поры часто вспоминают своего комдива генерала Дмитрия Алексеевича Наливалкина – командира дотошного и въедливого, который нерадивому спуску никогда не давал и всех – от своих замов до последнего (до самого крайнего, левофлангового) солдата – заставлял работать от подъема до отбоя. Вспоминают о нем и как о крепком хозяйственнике.

«О Наливалкине до сих пор рассказывают истории и анекдоты, из которых едва ли не половина – придуманные, а вторая половина – весьма „приукрашенные“ фантазерами-ерниками, – пишет известный во внутренних войсках журналист и публицист Борис Карпов. – Как-то комдив обратил внимание, что по Горьковскому шоссе мимо дивизии ежедневно десятки, даже сотни самосвалов вывозят за пределы столицы грунт, как выяснилось – с метростроевских выработок. Дмитрий Алексеевич, человек сметливый, хваткий, быстро сориентировался в обстановке, созвонился-повстречался с кем надо было. Во-первых, метростроевцы сэкономили, сократив свои машино-пробеги, во-вторых, на месте бывшего заболоченного пустыря на задворках военного городка была подготовлена площадка под строительство подсобного хозяйства дзержинцев.

Развитию подсобных хозяйств во внутренних войсках уделялось большое внимание – с них поступала солидная прибавка мяса, молока, свежих овощей и зелени на солдатский стол, для семей прапорщиков и офицеров. Заместитель командира дивизии по тылу полковник Дмитрий Никифорович Шмелев, человек трудолюбивый и инициативный, хозяйство не только держал в образцовом порядке, но и всячески развивал, приумножал «полезный выход». Сюда для передачи передового опыта привозили участников всевозможных семинаров и сборов – и тыловиков, и комсомольских работников всех войск».

Подсобное хозяйство при генерале Наливалкине насчитывало 3,5 тысячи (!) свиней. Такого поголовья, пожалуй, не было больше нигде в войсках.

При комдиве Наливалкине был построен стадион, расширен и обновлен строевой плац, заасфальтированы все дороги, оформлен въезд через главный КПП, поставлен добротный железобетонный забор.

На месте старых деревянных бараков, в которых перед войной и в первые послевоенные годы размещались части дивизии, поднялись современные многоэтажные здания казарм. Неузнаваем стал и военный городок. Он стал включать в себя весь комплекс жилых и подсобных помещений, учебных полей и классов. Был построен гарнизонный Дом офицеров с кинозалом и спортивным залом, библиотекой.

В «эпоху Наливалкина» практически была снята жилищная проблема: свой стройбат численностью в 600 солдат строил жилые дома, так что бесквартирных офицеров почти не было. Силами воинов сооружено здание средней школы, которой присвоено имя воспитанника дивизии Героя Советского Союза майора А.И. Сережникова. Гарнизонный жилой городок содержался в образцовом порядке: дороги и тротуары заасфальтированы и выметены, деревья подстрижены и побелены, военный патруль следил за порядком.

Надо отдать должное и начальнику войск генералу армии Ивану Кирилловичу Яковлеву, который уделял ОМСДОНу самое пристальное внимание – дивизия была не только особой по своему назначению, она являлась как бы визитной карточкой, лицом всех внутренних войск. Сюда приезжали гости самые разные: делегаты партийных и комсомольских съездов, высокие чины милиции, полиции внутренних войск разных стран. Дважды в год посещал свой резерв и министр внутренних дел СССР Николай Анисимович Щелоков. Он подарил дивизии бюст Ф.Э. Дзержинского, который до сих пор возвышается в городке, «железный» Феликс в праздники и будни смотрит на плац, который перед штабом дивизии.

Вышестоящее начальство дивизию жаловало.

– Был такой случай, – вспоминает генерал-лейтенант в отставке Александр Гриенко, – командир соединения получил распоряжение начальника московского гарнизона, в соответствии с которым дивизии в течение месяца предписывалось выделять роту солдат для работ на мясокомбинате имени Микояна. Это было связано с поставками в армию продукции предприятия и графиком очередности выделения туда людей. Отрыв личного состава от

боевой учебы в то время строго карался. Все было посвящено ей. Командир дивизии доложил о телеграмме начальнику войск генералу армии Ивану Кирилловичу Яковлеву. Тот по команде – министру внутренних дел. Щелоков наложил резолюцию: «Дивизия имени Ф.Э. Дзержинского – резерв Политбюро и Советского правительства. Ни одного солдата от нужд боевой учебы не отрывать».

Дело было поставлено так, чтобы готовить людей к выполнению задач государственной важности.

В 1980 г. вся страна жила ожиданием XXII Олимпийских игр. Такое же настроение было и у военнослужащих дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. К открытию Олимпиады службы по обеспечению правопорядка и безопасности тщательно готовились. Изучали историю олимпийского движения, встречались с прославленными спортсменами-динамовцами, которые вошли в состав сборной Советского Союза.

Чем меньше дней оставалось до торжественной церемонии открытия, тем напряженнее были будни дзержинцев, занятия на плацах частей, учебных городках, олимпийских объектах, реальная служба, преследовавшая цель проверить готовность войсковых нарядов, средств связи, обеспечивающих структур, тренировки войсковых оперативных резервов. Нельзя было забывать печальный опыт мюнхенской Олимпиады, когда группе террористов удалось воплотить в жизнь свои коварные замыслы.

ОЛИМПИАДА-80

Хорошей проверкой готовности к выполнению ответственных задач по обеспечению Олимпийских игр явилась VII летняя Спартакиада народов СССР, которая выявила наиболее эффективные формы и методы обучения, воспитания военнослужащих, руководства боевой службой.

Выполнение задач в этот период имело свои особенности, опыт которых был для дзержинцев бесценным. Личный состав нес службу среди иностранных граждан – их насчитывалось около 10 тысяч. Поэтому изучали иностранные языки, чтобы отвечать хотя бы на самые простые вопросы гостей Олимпиады. Командиры добивались от своих подчиненных отличной строевой выправки, хорошо подогнанной по фигуре военной формы с размещенными на ней в строгом соответствии с правилами нашивками, нагрудными знаками.

Многое было сделано в подготовке молодого пополнения, так как в службе по обеспечению Олимпиады-80 принимали участие солдаты, не имеющие практического опыта. Особое внимание уделялось пропаганде и внедрению в повседневную жизнь требований Устава внутренних войск.

Такая тщательная подготовка была оправдана. Дзержинцы с честью выполнили поставленные перед ними задачи. Вот только некоторые примеры мужественного и образцового исполнения ими воинского долга.

Об этом эпизоде рассказала дивизионная многотиражка. В один из дней рядовые Олег Туляков и Валерий Мясин несли службу на олимпийских постах вблизи жилого массива. Время приближалось к полудню. На улицах было многолюдно. Неожиданно к воинам подбежала взволнованная женщина.

– Товарищи! – обратилась она к патрульным и, с трудом переводя дыхание, скороговоркой произнесла: – Только что в магазине из моей сумки вытащили кошелек. В нем находились деньги и железнодорожный билет. Через час отходит поезд. Парень крутился рядом в желтом свитере.

– А в какую сторону он побежал? – поинтересовался Валерий.

– К станции метро...

Мгновенно оценив обстановку, патрульные направились к станции.

Они проследовали в зал. Один из солдат стал осматривать правую половину зала, другой – левую. Неожиданно Валерий Мясин заметил мужчину, который по приметам был похож на разыскиваемого. Он возвратился к Тулякову.

– Вроде похож, – согласился Олег. Патрульные подошли к человеку в желтом свитере и потребовали предъявить документы.

– Я их дома оставил.

– Тогда вместе с нами пройдемте в отделение милиции. Там разберемся, – потребовал Мясин.

В ходе разбирательства в отделении милиции выяснилось, что воины задержали преступника, который долгое время разыскивался следственными органами. У него оказался и кошелек пострадавшей, в котором был и железнодорожный билет. Женщина тепло поблагодарила солдат за помощь и пожелала им успехов в службе».

Еще об одном примере бдительности рассказывает посвященная Олимпиаде экспозиция музея соединения.

...Вечер выдался прохладный и пасмурный. На олимпийском объекте – ни души. Казалось бы, в эти часы никто посторонний не появится на спортивных площадках, и часовому можно не напрягать зрение, не ловить случайный шорох. Но рядовой Леонид Шарапов был иного мнения. Вдоль подвижного поста, на который был назначен воин, проходило ограждение спортивного сооружения.

В какой-то момент часовому показалось, что над забором мелькнула тень. Продолжая обходить пост в прежнем неторопливом темпе, Леонид не спускал взгляда с подозрительного места. Выдержка не подвела солдата – через несколько томительных минут над забором появился мужчина. Оглядевшись по сторонам, он мягко спрыгнул на землю и, пригибаясь, торопливо направился на объект.

Леонид внимательно всматривался в приближающегося человека, пытаясь понять, что ему все-таки здесь необходимо. Незнакомец тем временем все ближе и ближе подходил к его посту. Солдат решил задержать подозрительного гражданина. Тот ускорил шаг.

– Стой! – громко окликнул его Шарапов.

Неизвестный на какой-то миг остановился, будто перед ним выросла незримая стена, но потом как ни в чем не бывало спокойно пошел вперед.

– Стой! – повторил приказание часовой.

Мужчина кинулся к строениям, надеясь спрятаться за ними. Однако он просчитался: Леонид быстро настиг нарушителя и задержал его. Когда на пост прибыла группа военнослужащих, у мужчины обнаружили нож. Преступник им не успел воспользоваться – так стремительно и ловко действовал в схватке рядовой Шарапов.

Позже в милиции, куда доставили нарушителя, выяснилось, что он ранее был судим и всего несколько часов назад пытался совершить дерзкое преступление. Бдительность рядового Шарапова помешала осуществиться коварному замыслу...

Казалось бы, мелочи. Но эти мелочи-то и способствовали созданию безопасных условий для проведения Олимпиады, доверительной атмосферы в Москве.

За успешное выполнение задач по обеспечению общественного порядка в период проведения Игр XXII Олимпиады дивизия имени Ф. Э. Дзержинского была награждена Почетной грамотой Московского городского Совета народных депутатов.

ЗАРОЖДЕНИЕ СПЕЦНАЗА

Олимпийский огонь в судьбе соединения отразился еще одним важным событием. Мы уже упомянули о том, что при подготовке к Играм нельзя было забывать о печальном опыте мюнхенской Олимпиады. Так вот, в преддверии Московских Игр в составе дивизии имени Ф.Э. Дзержинского появляется рота специального назначения – прообраз нынешнего спецназа внутренних войск, – из которой впоследствии вырос легендарный отряд «Витязь», вписавший немало ярких страниц в летопись соединения.

Идея создания войскового спецназа принадлежала министру внутренних дел Н.А. Щелокову и начальнику внутренних войск генералу армии И.К. Яковлеву.

– Когда Международный олимпийский комитет утвердил Москву местом проведения XXII Олимпийских игр, МВД и КГБ начали активную подготовку к службе по обеспечению общественного порядка и безопасности на предстоящих спортивных состязаниях. Нужно было многое предусмотреть, – рассказывает генерал-лейтенант в отставке Александр Сидоров (в конце 1970-х – заместитель начальника внутренних войск). – О мюнхенской трагедии 1972 г. помнили все. Тогда, во время XX Олимпийских игр, террористы из организации «Черный сентябрь» совершили налет на здание, где размещалась спортивная делегация Израиля, захватили заложников и потребовали освобождения двухсот своих

соотечественников из израильских тюрем. Операция по обезвреживанию преступников закончилась полным провалом. Террористы уничтожили заложников, полиция понесла потери, пострадали и зрители. Причиной неудачи стали две ошибки – просчет полиции в период, предшествовавший Олимпиаде, и психологическая неподготовленность ее рядовых сотрудников к действиям в подобной ситуации.

В ФРГ уроки из случившегося извлекли – создали специальное подразделение ГСГ-9, которое уже в 1977 г. успешно провело в Сомали операцию по обезвреживанию вооруженных террористов, захвативших самолет «Боинг-737» западногерманской авиакомпании с 82 пассажирами на борту и пятью членами экипажа.

Так вот, в середине 1977 г. в одной из бесед министра с начальником войск прозвучала мысль о создании в органах и войсках МВД спецподразделений, которые могли бы вести борьбу с вооруженными и способными на все террористами и уголовниками.

До этого в Министерстве внутренних дел не существовало структур, укомплектованных военнослужащими срочной службы и предназначенных для выполнения подобного рода специальных боевых задач. Создавали разовые и временные формирования, например, в 1973 г. сводный оперативный войсковой отряд, который участвовал в специальной операции по освобождению заложников на борту самолета, захваченного террористами в аэропорту Быково. Но так, чтобы подразделение существовало на постоянной основе, такого не было.

И вот 29 декабря 1977 г. на базе девятой роты 2-го полка дивизии им. Ф. Дзержинского в соответствии с приказом министра внутренних дел СССР начали формировать специальное подразделение – роту, предназначенную для действий при чрезвычайных обстоятельствах.

ОМСДОН выбрали потому, что дивизия комплектовалась лучшими в войсках кадрами, ее части дислоцировались компактно. То есть были все условия для отбора в спецназ лучших офицеров, прапорщиков, солдат и создания хорошей учебной базы. На 9-ю роту выбор пал тоже не случайно. По уровню общефизической подготовки она превосходила подразделения не только 2-го полка, но и всех частей дивизии. Рота, по сути дела, была спортивной, своего рода резервом для команды «Динамо». Возглавить ее, но уже в новом, спецназовском, качестве предложили тогда еще капитану Владимиру Мальцеву.

– За дело взялись с энтузиазмом, – вспоминает генерал-майор Мальцев. – Перво-наперво группа офицеров дивизии и Главного управления войск выехала в тульскую воздушно-десантную дивизию, чтобы на месте изучить опыт подготовки роты глубинной разведки. Начальник внутренних войск до этого побывал с визитом в Финляндии, где знакомился с их спецназом – группой «Медведь» («Карга» по-фински). Прежде всего у десантников нам было интересно, как они подбирают бойцов, по каким программам обучают, какую при этом учебную и материальную базу используют. Конечно, копировать слепо «голубые береты» мы не собирались, потому что задачи десантного подразделения, а тем более разведывательного, и те, которые предстояло выполнять нашей роте, были абсолютно разными. Омсдоновская «девятка» предназначалась для обеспечения безопасности во время мероприятий Олимпиады-80 и борьбы с особо дерзкими преступными проявлениями.

На следующем этапе в штабе дивизии при непосредственном участии главного управления внутренних войск разработали наставление для подразделений специального назначения. Позаботились и о том, чтобы спецназовцы внешне как-то отличались от остальных солдат и офицеров соединения. Генерал Сидоров предложил одеть их в краповые береты. Он прекрасно помнил, как в Великую Отечественную моряки гордились бескозырками. Видел, что значит для десантника голубой берет, для пограничника – зеленая фуражка. Поэтому и предложил: у войсковых спецназовцев должен быть берет, и непременно крапового цвета – цвета пролитой на поле брани крови, цвета, одинакового с погонами и петлицами военнослужащих внутренних войск.

Это сегодня многие считают, что краповый берет – непременный атрибут любого военнослужащего внутренних войск, и на военных парадах вэвэшники в них маршируют, и по телевизору, когда о них что-то рассказывают, в кадре «краповики» мелькают. Да и вообще, у десантников берет голубой, у морпехов – черный, у эмчеэсников – оранжевый: должен же у каждого рода, вида войск быть свой элемент одежды, который отличал бы его от других. Но в том-то и дело, что не так все просто. Краповый берет могут носить только

спецназовцы внутренних войск, да и то те, кто заслужил это право в тяжелейшем экзамене (о нем немного позже). Это, так сказать, символ их самоидентификации и, простите за штамп, доблести и чести спецназа. И оговорено это было именно тогда, в конце 1970-х, когда во внутренних войсках родилось первое подразделение специального назначения.

Когда документы были разработаны, с внешней атрибутикой определились и роту сформировали, началось ее боевое слаживание. На первом этапе учились действовать в различных критических ситуациях, которые могли возникнуть на олимпийских объектах: при захвате заложников в наземном транспорте, в самолете. Как вспоминает генерал Мальцев, при составлении программы обучения использовали методики подготовки западногерманской группы пограничной охраны ГСГ-9 и финской полицейской группы «Медведь». Немцы были прекрасно оснащены техникой и специальными средствами, у них дзержинцы позаимствовали принципы технического обеспечения и некоторые приемы штурма здания и других объектов; финны славились отлично подготовленными снайперами, поэтому «краповики» взяли на вооружение их методику огневой и снайперской подготовки.

Ускоренной наработке и внедрению в учебную практику новых упражнений и приемов способствовало то, что рота проводила занятия обособленно, автономно. Она была, если можно так выразиться, на положении государства в государстве. В ней складывались свои правила, свои неписаные законы и традиции, которые соответствовали жестким требованиям, предъявляемым к подразделению. Оно было изолировано от всего, что мешало работе. Командир дивизии Дмитрий Алексеевич Наливалкин, замкомдива Евгений Артемьевич Мальцев, командир полка Владимир Федорович Абельчук при всех издержках и нестыковках, которые обычно сопутствуют раскрутке нового дела, неуклонно стояли на страже того, чтобы выполнялась воля начальника внутренних войск и его первого заместителя по вопросам подготовки роты к ответственному заданию. Если бы кто-нибудь из штабных любителей порулить рискнул вмешаться в процесс подготовки, учинить проверку для галочки – автоматически попал бы под серьезную «раздачу».

Все понимали важность задачи, поставленной перед спецподразделением.

Методика подготовки была разработана с таким расчетом, чтобы максимально использовать сильные стороны, наклонности, способности каждого. Скажем, небольшие ростом спецназовцы, их еще называли «мухачами», в основном отрабатывали приемы высотной подготовки, акробатики, кто поздоровее – нацеливались на рукопашный бой, снайперы дневали и ночевали на стрельбище. При этом учитывалось главное – умение роты в целом четко и слаженно действовать на максимальных скоростях, работать в экстремальных ситуациях как хорошо налаженный механизм. Пахать приходилось от зари и до зари. И не только бойцам, но и офицерам. До семи вечера занятия, потом переключались на материальную базу, надо было строить огненно-штурмовую полосу, тренажеры, учебные городки. Бывало, офицеры по двое-трое суток не появлялись дома...

В напряженном режиме работали с января по июнь 1978 г., после чего и состоялось первое выступление войскового спецназа перед министром внутренних дел СССР и руководством министерства – показ готовности к выполнению поставленных задач.

– Занятие проводилось на десяти учебных местах, на каждом из которых бойцы выполняли различные специальные упражнения, – рассказывает Герой Российской Федерации, в начале 1980-х заместитель командира учебной роты специального назначения по спецподготовке, впоследствии командир отряда спецназа «Витязь» полковник Сергей Лысюк. – На первом – упражнения психологической подготовки. В учебном тире замкомдива Евгений Артемьевич Мальцев изготовил три специальных станка. На них устанавливали автоматы АКМ, из которых по команде руководителя занятия вели огонь очередями по 10–13 патронов трассирующими патронами. Спецназовцы, которые в начале упражнения находились в другом конце тира, ложились под трассеры и ползли им навстречу. За это время на каждом из трех «станковых» автоматов расходовалось по 3–4 магазина. Переползание, таким образом, происходило под реальным огнем. При этом никаких защитных средств на бойцах не было.

На втором учебном месте демонстрировали возможности вооружения. По различным мишеням, находившимся на разных расстояниях, стреляли из винтовки «Американ-180» и автомата АК-74.

На третьем – показывали навыки так называемой стрельбы «по-македонски» –

скоростной с пояса, в падении, из разных положений по различным мишеням. В то время в УРСН была чрезвычайно популярна книга Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого», и военнослужащие стремились овладеть описанными в ней приемами ведения огня.

На четвертом – снайперы стреляли с расстояния 100–150 метров по иллюминаторам самолета в то время, когда в проеме появлялись разноцветные мишени.

На пятом – военнослужащие в составе отделения метали боевые гранаты, не прячась при этом за укрытия, как это делалось в обычных мотострелковых подразделениях, а продолжая вести наступление.

Шестое – стрельба из гранатомета РПГ-7. Это упражнение выполняли два гранатометчика. Первый с расстояния 150 метров выбивал инертной гранатой замок на двери, служивший мишенью. Второй демонстрировал боевые свойства кумулятивного выстрела ПГ-7В. Упражнение предусматривало четыре выстрела: по кирпичной и бетонной кладке, по бревенчатой стене и выстрел гранаты на самоликвидацию.

Об интенсивности тренировок гранатометчиков может свидетельствовать тот факт, что два гранатометчика за один месяц подготовки к показным занятиям расстреляли боекомплект, полагающийся для учебной практики всей дивизии на год боевой подготовки.

Седьмое учебное место – десантирование с автомобиля, движущегося со скоростью 40–50 километров в час, с последующим ведением стрельбы по мишеням.

Восьмое – действия на мотоцикле. Двоих военнослужащих, движущихся на мотоцикле, с разных сторон обстреливали холостыми патронами. Боец, сидящий на месте пассажира, соскакивал на ходу, делал кувырок и производил несколько выстрелов из пистолета по различным мишеням.

Девятое – захват автомашины. Группа военнослужащих на ходу пересаживалась на атакуемую машину с других транспортных средств. Выполнявшие это упражнение бойцы имели высокую физическую подготовку и отменную ловкость.

И наконец, на десятом учебном месте стреляли из АКМ калибра 7,62 мм, оснащенного прибором бесшумной стрельбы (ПБС). В те времена такой автомат был в диковинку, в ОМСДОНе же и вовсе невидалью.

Бойцы «Витязя», да и любого другого отряда спецназначения внутренних войск и по сей день отрабатывают большинство из этих приемов. Большинство, а не все, потому что время не стоит на месте – задачи спецназа очень подвижны. Кое-какие упражнения, естественно, оказались невостребованными сегодня, другие, наоборот, появились исходя из опыта, полученного в контртеррористической операции на Северном Кавказе. Но тогда, в конце 70-х, все, что продемонстрировали министру, выглядело очень эффектно.

Замысел генерала Сидорова – создать базу войскового спецназа – был реализован.

– В ту зиму 78-го, – продолжает Лысюк, – в кругу наших офицеров и бойцов впервые прозвучало слово «спецназ». До этого хотели назвать роту десантно-штурмовым подразделением внутренних войск, были еще какие-то варианты в этом роде. Но после того, как по крупицам собрали скупую информацию о задачах спецподразделений ГРУ и антитеррористических команд зарубежных полицейских формирований, ненавязчиво предложили руководителям: самое правильное название для нас – рота специального назначения. А 9 марта 1978 г. 9-я мотострелковая рота 2-го полка ОМСДОНа в соответствии с приказом начальника ВВ МВД СССР «О формировании учебной роты специального назначения ОМСДОН» была официально переименована.

Теперь вся жизнедеятельность УРСН была нацелена на подготовку к обеспечению безопасности в период проведения Олимпиады-80. В конце 1978 г. министр внутренних дел СССР издал приказ № 767 «О введении в действие инструкции по задержанию вооруженных преступников». Этот документ устанавливал, какими должны быть группы захвата, четко определял задачи каждого подразделения, участвовавшего в проведении той или иной операции. Подразделение перешло к обучению солдат в соответствии с требованиями приказа.

Важнейшей задачей стала разработка учебной программы подразделения. К Олимпиаде нужно было готовиться грамотно, по методике, основанной на реальной жизни.

– Опирались на собственный опыт, опыт и наработки спецподразделений КГБ, ВДВ, – говорит генерал Владимир Мальцев. – Производили расчеты, сколько нужно часов на

тактико-специальную подготовку, на огневую. Какие темы обучения вводить, какие упражнения отрабатывать, из каких видов оружия стрелять. У нас каждый солдат овладел всеми имеющимися тогда образцами вооружения: гранатометом, автоматом, пистолетом, снайперской винтовкой. Распорядок дня был составлен так, что военнослужащий занимался шесть часов, а затем еще два часа уходило на самоподготовку, которая тоже была четко спланирована.

В 1979 г. в организационно-штатную структуру УРСН были введены должности инструкторов по специальной подготовке. Таким образом, в роте появилась категория специалистов, способных оказать большую помощь командирам в обучении личного состава.

Наступил 1980 год. В период проведения XXII Олимпийских игр спецназ должен был в случае необходимости показать все, ради чего его, собственно говоря, создавали.

Для того чтобы максимально повысить уровень боевой готовности на начало Олимпиады – 19 июля 1980 г., – роту на две трети укомплектовали военнослужащими осеннего призыва 1978 г., которые к тому времени достигли наивысшего мастерства. Примерно 25 процентов личного состава составляли особо одаренные солдаты более поздних призывов.

Уровень подготовки к лету 80-го у военнослужащих был действительно высоким. Например, группа из четырех бойцов с помощью шеста проникала на второй этаж штурмуемого здания всего за 20 секунд. Спецназовцы прекрасно бегали, ползали, прыгали, отлично владели приемами рукопашного боя.

На занятиях постоянно совершенствовали приемы и упражнения. Помогали в этом и более опытные коллеги. Так, в преддверии Игр УРСН посетили сотрудники группы «А». Гости приехали не с пустыми руками. На полковом плацу они показали бронежилеты, различные образцы специального вооружения и снаряжения, портативные радиостанции иностранного производства. Командир группы полковник Геннадий Николаевич Зайцев (в настоящее время генерал-майор запаса, Герой Советского Союза) подарил спецназовцам негативы фотоснимков книги о западногерманском антитеррористическом подразделении ГСГ-9.

Используя новейшие средства и технику, подразделение активно готовилось к проведению операций по освобождению захваченных террористами заложников на разных олимпийских объектах. Еженедельно проводились тренировки на стадионах в Крылатском, Лужниках, «Динамо», на стрельбище в Мытищах. Одна из групп готовилась к действиям с применением вертолета.

Непосредственно перед Олимпиадой подразделение тренировалось в действиях по сигналу «Гром». Он обозначал захват террористами воздушного судна. По этой команде рота должна была в течение десяти минут подняться, вооружиться и экипироваться, выдвинуться в автопарк, который находился в полукилометре от казармы, загрузиться в бэтээры и на десятой минуте уже выехать за пределы части.

Это упражнение отрабатывалось по два-три раза в неделю, и уже через пару месяцев «краповики» превзошли все возможные результаты. В частности, рота внезапно поднималась ночью по сигналу дежурного по части и уже через полторы минуты все до единого, вооруженные и облаченные в бронежилеты, стояли в строю. Проверяющие долго удивлялись, порой даже заставляли солдат разуться, чтобы проверить, успели ли они намотать портянки.

Были и реальные выезды по сигналу «Молния» – на место различных катастроф. В 1978 г. в районе аэропорта Домодедово произошло крушение самолета Ту-104 рейса Москва–Одесса. Рота поднялась по тревоге, выехала на место происшествия, оцепила район катастрофы и оказала помощь в поисках «черного ящика» и оружия членов экипажа. В принципе, подобные действия не входили в задачу УРСН, но цель участия в выполнении этой задачи была проста – психологическая подготовка бойцов: работать-то пришлось в буквальном смысле в кровавом месиве. Среди обломков попадались «отдельные фрагменты человеческих тел». Не всякий сможет даже просто смотреть на все это, тем более копаться в страшной каше. А боец спецназа должен быть готов и к таким испытаниям.

К счастью, в период проведения Олимпийских игр действовать по боевой тревоге спецназу не довелось. Как вспоминает генерал-майор Владимир Мальцев, УРСН во время

Олимпиады был в резерве. Это было практически единственное подразделение, которое оставалось в дивизии. Правда, бэтээры, выстроенные в колонну, стояли на полковом плацу, они были полностью загружены боеприпасами, солдаты распределены по боевому расчету, и с ними проводились занятия. Когда очередной олимпийский день заканчивался и войсковые наряды соединения возвращались со стадионов в пункты постоянной дислокации, только тогда спецназовцам давали сигнал «Отбой».

С окончанием Олимпиады дивизия приступила к выполнению повседневных задач в обычном режиме: боевая учеба, охрана правопорядка, караульная служба. В это время поползли упорные слухи о якобы расформировании УРСН: мол, «мавр сделал свое дело, мавр может уйти».

Офицеры и бойцы, проникшиеся духом спецназа, такие слухи воспринимали болезненно, переживали, надеялись, что распускают их завистники, которых у спецназа хватало. Но, несмотря на такое подвешенное состояние, не сидели сложа руки. Продолжили шлифовать свое мастерство. Верили, что их профессионализм еще послужит Родине. Тем более что в ГУВВ МВД СССР был влиятельный защитник идеи войскового спецназа. В борьбу за сохранение уникального подразделения активно включился первый заместитель начальника войск генерал-лейтенант Александр Георгиевич Сидоров. На всех уровнях он доказывал необходимость не только сохранения, но и развития и совершенствования УРСН.

Усиленно занимаясь боевой и специальной подготовкой, бойцы роты совершенствовали свою выучку. Демонстрируя высокий профессионализм в ходе показных занятий для представителей различных делегации, отстаивали свое право на существование. То, что они показывали, было круче любой насыщенной трюками цирковой программы. Риск – как в настоящей спецоперации. Нагрузки – тоже. Оружие – боевое. Рукопашка – в полный контакт. Конечно, демонстрируемое мастерство было результатом напряженной повседневной работы. И главным итогом ее были отнюдь не красивый эффект на показе, а готовность в любую минуту выступить против реального преступника.

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ – САРАПУЛ

Проверка готовности к выполнению чрезвычайных задач не заставила себя долго ждать. Уже в начале 1981 г. рота, поднятая по тревоге, по распоряжению министра внутренних дел немедленно убыла в город Сарапул Удмуртской АССР, где в одной из школ был совершен дерзкий захват заложников. Преступники забаррикадировались в классе и, держа под прицелом детей, пытались заставить местные органы власти выполнить выдвинутые ими требования: дать денег и предоставить самолет для вылета за границу.

В аэропорту Ижевска УРСН объединилась с группой «А» Комитета госбезопасности. Это был первый совместный выезд на задание.

На двух автобусах оба подразделения прибыли в Сарапул, где после рекогносцировки руководители спецоперации уточнили задачу: спецназовцам внутренних войск находиться в аэропорту в готовности к освобождению заложников в случае неудачного исхода первого этапа операции в школе, который будет проводить «Альфа».

К счастью, действовать УРСН тогда не пришлось. Преступники сдались на милость властей в результате переговоров с ними еще в школе.

Осенью 1981 г. тревожные вести пришли с юга страны. 21 октября столицу Северной Осетии Орджоникидзе (ныне Владикавказ) всколыхнули массовые беспорядки и столкновения между осетинами и ингушами. Кровавая трагедия повлекла гибель людей, вызвала всплеск преступности и национального терроризма. Обстановка требовала принятия неотложных мер. Для решения этой непростой проблемы в республику были стянуты части армии и внутренних войск, подразделения специального назначения КГБ и МВД СССР, в том числе и УРСН. В течение нескольких недель рота совместно с оперативными работниками выполняла задачи по поиску и изъятию оружия, осуществляла охрану руководства МВД республики и следственных органов.

Жизнь убедила руководителей МВД страны в необходимости специально подготовленных, мобильных, хорошо вооруженных и экипированных подразделений, которые в случае возникновения чрезвычайных ситуаций могут незамедлительно принять первоочередные меры к нейтрализации зачинщиков массовых беспорядков и подготовить

плацдарм для наращивания усилий другими подразделениями.

Спецназ внутренних войск отстоял свое право на существование. И не зря. Как показали дальнейшие события, первые спецкомандировки военнослужащих дивизии были только цветочками. Ягодки ждали «дзержинцев» впереди.

ТРАГЕДИЯ В ЧЕРНОБЫЛЕ

26 апреля 1986 г. на 4-м энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции произошел взрыв. Ядерный джинн, вырвавшийся из реактора, не одного человека лишил здоровья, дома, любимой работы, а кого и жизни.

И снова в отсутствие ведомства, способного оперативно реагировать на чрезвычайные ситуации, на борьбу с вышедшим из-под контроля атомом со всех уголков страны направляются пожарные, высококвалифицированные специалисты, едут просто добровольцы, а для ликвидации последствий аварии задействуются армейские части и внутренние войска.

Как и в 1966-м в Ташкенте, ОМСДОН востребован в Чернобыле. На 17-й день после аварии на ЧАЭС по сигналу «Сбор» был поднят саперный батальон, которым тогда командовал подполковник Михаил Сычков. На плечи его военнослужащих легла основная тяжесть инженерных работ по возведению периметра зоны наибольшего радиоактивного загрязнения.

– То, что подразделение направят в район Чернобыля, мы как-то не предполагали. Летом того года в Москве должны были проходить Игры Доброй воли, и батальон, как и другие подразделения дивизии, готовился к службе по обеспечению общественного порядка на предстоящих спортивных состязаниях, – вспоминает Михаил Сычков. – Но когда утром 12 мая пришел приказ собрать весь личный состав и спешно грузить имущество, шанцевый инструмент и инженерную технику на платформы воинского эшелона, сердце подсказало – эта тревога совсем не учебная.

Так оно и вышло. Командир дивизии генерал-майор Ю.И. Богунов поставил саперному батальону задачу убыть в район Чернобыльской АЭС с последующим уточнением на месте характера работ.

До Киева железнодорожный состав мчался без остановок. Зеленый свет обеспечивали всем спешившим в зону аварии поездам...

– Приехали в Киев, – рассказывает Михаил Сычков, – оттуда – в учебный центр местного оперативного полка, это совсем рядом с Чернобылем. Там нас переодели, выдали респираторы, проинструктировали, как вести учет доз радиоактивного облучения, и с Богом вперед...

В первые дни, по воспоминаниям саперов-чернобыльцев, они, как говорится, ощущали себя не в своей тарелке – опыта работы на зараженной местности никакого. Занятия по ЗОМП – а чему на них научились? Действовать по командам «Вспышка слева!», «Вспышка справа!» да надевать противогаз и ОЗК... Что такое радионуклиды и как с ними бороться, представлял далеко не каждый.

«Словом все, как на фронте, а врага нет, – пишет о тех событиях военный публицист Борис Карпов, участвовавший в ликвидации последствий аварии. – Не свистят пули, не вспахивают землю разрывы снарядов, и от этого становится еще больше не по себе. Кстати, по данным Института геохимии им. Вернадского, превышение допустимого загрязнения почвы наблюдалось тогда в 60-километровой (а не в 30-километровой) зоне. Ученые утверждали, что даже на расстоянии 100 км от атомной электростанции в районе Киева уровень загрязнения равен предельному. По данным Института атомной энергии, комплексная экспедиция ученых на ЧАЭС не смогла обнаружить все 185 тонн ядерного топлива под саркофагом. В поврежденном реакторе осталось всего 105 тонн топлива, остальное (около 44 %) вылетело в атмосферу.

В общем, радиоактивные последствия катастрофы оказались в восемь-десять раз опаснее, чем это считалось ранее...»

Но прошло некоторое время, и, как это случается в сложной обстановке, люди пообвыкли. Приехал как-то к саперам-дзержинцам начхим Управления внутренних войск по Украине и Молдавии и заявляет: вы, мол, неправильно ведете подсчет доз радиоактивного

облучения. Показатели, дескать, завышаете, приписками занимаетесь. Ему предложили самому измерить уровень радиации. Офицеры и прапорщики носили с собой по два дозиметра. Один – в нагрудном кармане, второй – в сапоге. Прошлись разок-другой вдоль возводимого ограждения, достали дозиметры, посмотрели, подсчитали и... начхим только покачал головой. Все было так, как докладывали...

Кстати, в мае 1986 г. были установлены временные нормы загрязнения почвы радионуклидами, требующие отселения жителей. В этот период уровень загрязнения территории трансурановыми элементами (нептуний-239, плутоний-238, -239, -240 -241, кюрий-242 и америций-241) не принимался во внимание, поскольку уточненная карта заражения почвы плутонием появилась только через два года под названием «Плутоний-88».

Работали дивизионные инженеры от зари до зари, порой даже и при свете фар бронетранспортеров. Медлить было нельзя. В тридцатикилометровую зону потоком хлынули нечистые на руку людишки. Да и местные жители, эвакуированные из деревень, не прочь были вернуться за своим домашним скарбом. Без сплошного ограждения войсковые наряды внутренних войск обеспечить высокую надежность охраны зоны повышенной радиоактивной опасности не могли. Потому дзержинцы торопились, не ведая ни сна, ни отдыха.

Словно двужильные, километр за километром тянули колючую изгородь (им предстояло протянуть до 300 километров проволочного заграждения, установить не одну тысячу трехметровых столбов, размотать и укрепить многие тонны колючей проволоки). Случалось, опоры устанавливали так быстро, что новые попросту не успевали подвозить. Тогда шли в лес – по дрова...

28 июня проволочное кольцо вокруг тридцатикилометровой зоны ЧАЭС замкнулось. Кратковременная передышка – и новая задача: строить военные городки для подразделений внутренних войск, охранявших опоясанный саперами периметр.

Шесть таких городков построили подчиненные подполковника Михаила Сычкова, прежде чем поступила команда: 16 сентября отправить батальон к месту постоянной дислокации.

Более четырех месяцев находился саперный батальон на пораженной радиацией территории. 193 военнослужащих из его состава приняли участие в ликвидации последствий самой страшной, исключая войны, катастрофы, постигшей народы бывшего СССР. В историческом формуляре части есть их фамилии и имена. Задумывались ли эти люди, какому риску подвергаются, выполняя поставленную задачу? Не станем кривить душой, задумывались, и не раз. Но ни один из них не отказался от тяжелой и очень опасной работы. Льготы, компенсации за потерянное здоровье, ордена и медали будут потом. Да и то не для всех и далеко не сразу... А тогда, в самую напряженную пору укрощения ядерного джинна, не помышляя ни о каких наградах, саперы-чернобыльцы честно делали дело, за которое им еще не раз скажут спасибо.

ПОЛИТИКА И ВОЙСКА ПРАВОПОРЯДКА

Если в хоздеятельности ярким свидетельством перестроечной безалаберности стала чернобыльская катастрофа и из этого впоследствии руководство страны извлекло какие-никакие уроки, то в политической жизни с середины 80-х прошлого столетия дело обстоит иначе. Свобода, гласность и другие демократические ценности, внедряемые в сознание наших граждан, оборачивались подчас вседозволенностью, ростом сепаратизма, как следствие – экстремизма, который в современной России перерос в явление, мало сказать, страшное – терроризм. До сих пор страну лихорадит. Обезопасить жизнь ни в чем не повинных граждан, страдающих больше всего от грязных политических игр, были призваны внутренние войска и ОМСДОН, как резерв министра внутренних дел в первую очередь. Вовсе не сохранение великой и казавшейся незыблемой державы, как многим тогда, да и сейчас кажется, было основной задачей воинов правопорядка, а восстановление законности, поддержание режима ЧП, борьба с уличной преступностью, бандитизмом и предотвращение терактов стало на многие годы заботой войск в Закавказье, Средней Азии, районах вооруженных конфликтов современной России.

События с конца 1980-х пошли бурным непредсказуемым валом. Дивизия с тех пор

практически ни на один день не собралась вместе на зимних квартирах.

В начале 88-го в Закавказье произошли события для того времени неординарные. Экстремистски настроенные лидеры движения за независимость Нагорно-Карабахской автономной области в составе Азербайджана, которую населяли в основном армяне, инициировали массовые беспорядки в некоторых городах и селах как НКАО, так и Армении. В ответ громкие выступления азербайджанских националистов произошли в Сумгаите, пригороде Баку. Не исключалась возможность широкомасштабных акций, сопровождающихся бесчинствами, в обеих столицах закавказских республик.

Для стабилизации обстановки и предотвращения массовых беспорядков было решено привлечь внутренние войска. Сил, дислоцированных в непосредственной близости к месту событий, было явно недостаточно. Да и вообще в войсках в то время оперативных или, как они тогда именовались, мотострелковых частей было, что называется, раз-два и обчелся: несколько полков да военные училища. Единственным мощным резервом, сконцентрированным в одном месте, а потому легким на быстрый сбор и переброску в любую точку страны без распыления транспортных средств, была дивизия имени Ф.Э. Дзержинского. К тому же личный состав в соединении был на то время одним из наиболее подготовленных. Этому способствовали и тщательный отбор призывников в военкоматах, и организация занятий в подразделениях, и целенаправленная идейно-воспитательная работа с военнослужащими, и опыт выполнения задач по охране правопорядка и обеспечению безопасности граждан с привлечением большого количества личного состава, войсковых нарядов и резервов.

28 февраля 1988 г. поступил сигнал тревоги, который был для военнослужащих дивизии полной неожиданностью. Во-первых, потому, что о предстоящей проверке боеготовности обычно офицеры и солдаты знают заблаговременно, а на этот раз заранее ни о чем подобном не предупреждали, и даже слухов не было. Во-вторых, это было воскресенье. А по выходным, как известно, боеготовность никогда не проверяется. Однако собрались вовремя и в норматив уложились. Хотя не обошлось и без казусов. Так, не все командиры частей сразу поняли поставленную задачу. Решив, вероятно, что осуществляется проверка боевой готовности, связанной с переходом с мирного на военное время, соответствующим образом экипировали и вооружали личный состав, вытягивали в парках колонны боевой техники: артиллеристы подцепили к тягачам гаубицы, танкисты выгнали из боксов танки. Прошло меньше часа, как поступила новая команда: «Личному составу переодеться в милицейскую форму, вооружиться табельным оружием, резиновыми палками и витражами». В дивизии тогда каждый военнослужащий имел по три комплекта одежды: повседневное полушерстяное обмундирование, так называемое пэша, парадно-выходное и милицейское, применявшееся при несении службы по охране общественного порядка. Переоделись. Однако задачу конкретно никто, по крайней мере до подразделений, не доводил. Не прояснилась она для солдат и офицеров ротного звена до конца и тогда, когда личный состав погрузился в машины. Понятно было лишь одно – предстояло выдвинуться на военный аэродром «Чкаловский». Несколькими колоннами с интервалом 10–15 минут части дивизии выехали в указанном направлении. По прибытии дзержинцы были поражены огромным количеством военно-транспортных «илов», стоящих на рулежке, как говорится, на всех парах. Но даже после посадки, когда рампа в хвостовой части самолета закрылась, а сама крылатая машина медленно вырулила на взлетную полосу, в предстоящий полет мало кто верил. Сомнения развеялись, когда транспортники, оторвавшись от земли, стали уверенно набирать высоту. Правда, даже тогда многие думали, что это лишь совместная с летчиками тренировка. Через час-полтора полета задали вопрос борттехнику: «Куда летим?» Тот изумленно вскинул брови, посмотрел недоверчиво и, выдержав многозначительную паузу, ответил: «Насосный, ребята. Насосный». Это было название поселка, где находился военный аэродром, неподалеку от Баку.

Еще через час шасси самолета коснулись взлетки в нескольких тысячах километров от родной земли. Рампа неспешно раскрылась, и в огромное чрево «ила» пахнуло утренней свежестью ранней весны. Картина была впечатляющей: над горизонтом, только-только окрасившимся предрассветной огненной полосой, в иссиня-черном еще небе каждые 10–15 минут вспыхивали прожекторы заходящих на посадку самолетов. Всего их тогда было около двух десятков. Дивизия Дзержинского успешно передислоцировалась в Закавказье.

ДИВИЗИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Предстояло пресечь массовые беспорядки и бесчинства, уже около суток продолжающиеся в Сумгаите, обеспечить общественную безопасность и порядок в столице Азербайджана. На автобусах доехали до центра Баку. Там уже местные милиционеры рассказали о происходящих в Сумгаите событиях. 4-й полк сразу убыл в эпицентр. Из-за баррикад и людских толп на дорогах до пункта назначения доехали только к вечеру.

Город выглядел ужасно: выпотрошены витрины магазинов, во многих домах выбиты окна и сломаны двери, вдоль улиц сожженные ларьки и заборы. От увиденного – шок. Хотелось думать, что беспорядки прекратились и придется лишь охранять общественный порядок.

Но погромы продолжались по нарастающей, избиения и мародерство особенно усилились в темное время суток. Экстремисты бесчинствовали при свете костров. В огонь летело все: книги, домашний скарб, поломанная мебель. Банды врывались в дома, громили мебель, избивали до полусмерти даже женщин и детей. Появились жертвы. Местная милиция не горела особым желанием хоть как-то повлиять на ситуацию, да и, честно говоря, средств для этого было немного.

В работу по пресечению беспорядков включились дзержинцы. По улице двинулась войсковая цепочка. Тогда гул толпы несколько стих. Но тишина продолжалась недолго. Люди, поддавшись стадному чувству, после призывов подстрекателей стали кидать в военнослужащих камни, бутылки, банки с краской, а сверху, из окон и с балконов, на их головы летели горшки с цветами...

В первых стычках с бесчинствующими толпами проявились некоторые пробелы в тактике внутренних войск, которая предполагала вытеснение толпы с определенного места.

Когда в шеренгу солдат стали кидать камни, бойцы, естественно, поднимали щиты на уровень головы, чтобы защититься. Нападавшие тут же били дзержинцев по ногам. Чтобы избежать ранений, в той командировке пришлось на ходу додумывать и отрабатывать новые тактические приемы. Была придумана простая, но довольно-таки эффективная защита. Ею стало построение солдат со щитами и резиновыми палками в три шеренги. Первая шеренга присаживалась на одно колено и ставила щиты на землю, вторая – упирала нижний край щита в верхний обрез щита первой шеренги, а третья – поднимала щиты вверх, прикрывая головы. Получалась своеобразная коробка из щитов. В войсках ей придумали название «черепаха». Когда у нападавших заканчивались «метательные снаряды», военнослужащие перестраивались в обычный порядок и продолжали выполнение поставленной задачи.

Тогда же экстремисты впервые додумались пускать впереди себя женщин с детьми. А сами, стоя сзади, за женскими спинами, бросали в солдат камни и бутылки. Получалась такая картина: истеричные женщины плюют солдату в лицо, кричат, что он оккупант, а из-за живого заслона тут же летит град камней.

В этом случае шеренга солдат раздвигалась, пропуская женщин и детей (их оттесняли и блокировали без применения силы), а уж с вооруженными мужиками разбирались по-мужски решительно.

Часто использовали еще один прием. Толпе как бы случайно давали возможность прорвать войсковую цепочку. Когда в образовавшуюся брешь устремлялись самые буйные личности, их пыл охлаждали парни из спецназа, которые двигались за цепью солдат линейных подразделений. «Краповики» не утруждали себя переговорами, а просто грузили зачинщиков беспорядков в милицейские машины...

Решительными действиями войск массовые беспорядки были пресечены. Но сумгаитская командировка дивизии только начиналась. Уже со следующего дня части соединения выставили патрульные наряды на улицы города, приняли под охрану важные объекты жизнеобеспечения, городскую прокуратуру и Дворец культуры, в котором временно разместились пострадавшие от погрома армяне, оказывали помощь местной милиции в проверке паспортного режима и проведении так называемых зачисток. Военнослужащие задержали сотни нарушителей общественного порядка, режима особого положения, мародеров, разграбивших покинутые армянскими семьями дома и квартиры. Изъяли десятки единиц холодного и огнестрельного оружия, боеприпасов. Возвратили огромное количество похищенных с предприятий, учреждений и магазинов ценностей.

Многое осталось непонятным тогда в сумгаитском конфликте. Жили два народа, дружно жили, как добрые соседи. И вдруг... Откуда такая жестокость, агрессивность? Словно воевали друг с другом всегда и снова сцепились после непродолжительной передышки. И офицеры и солдаты задавались вопросом: кто допустил эту жуткую резню, в которой между армянами и азербайджанцами живым щитом встали русские воины. В те дни дзержинцы еще не знали, да и не могли даже предположить, что впереди их ждет Карабах, Фергана, Южная и Северная Осетия, Чечня...

ПРАВО НА КРАПОВЫЙ БЕРЕТ

Но об этом немного позже. Сейчас же, чтобы не нарушать хронологию событий в повествовании, об одной немаловажной традиции, родившейся в дивизии им. Ф.Э. Дзержинского, которой остаются верны и поныне не только в соединении, но и во внутренних войсках в целом. В 1988 г. в учебной роте специального назначения впервые сдавали экзамен на право ношения крапового берета. Чуть выше мы уже обмолвились о том, что носят его не все военнослужащие внутренних войск, а лишь их элита – спецназовцы, да и то только те, кто заслужил это право в суровом испытании.

Сегодня и люди в погонах, и те, кто далек от ратной службы, знают о легендарном головном уборе немного. Пожалуй, лишь то, о чем можно рассказать в формате телевизионного репортажа со сдачи экзамена в том или ином отряде спецназначения: что это не просто предмет военной формы, он не выдается в комплекте с обмундированием. Что краповый берет – символ доблести, славы и чести спецназа, знак, свидетельствующий о высоком профессионализме лучших бойцов, офицеров и прапорщиков. А вот откуда берет начало эта традиция, когда и как она зарождалась, чьим образцам следовали ее инициаторы – на эти вопросы даже некоторые спецназовцы затрудняются ответить.

Еще недавно считалось, что он впервые появился в... частях ВДВ. Но это абсолютно неверно! В 1967 г. для десантников, участвующих в парадах на Красной площади, был введен берет малинового цвета как символ воздушно-десантных войск некоторых армий мира. С правой стороны берета нашивался голубой флажок с эмблемой ВДВ. Но малиновые береты десантники – участники парада на Красной площади надели всего один раз – 7 ноября 1967 г. В 1969 г. правилами ношения военной формы одежды для военнослужащих ВДВ как головной убор летней повседневной формы был официально узаконен берет голубого цвета. И тот экспериментальный берет десантников не имел ничего общего с крановым, цвета погон внутренних войск беретом.

Время его появления, как уже и упоминалось, связано с формированием в 1978 г. учебной роты специального назначения дивизии им. Ф.Э. Дзержинского.

– В те времена всеобщего дефицита изготовить на заказ береты нужного цвета и пошива было очень трудно, – рассказывает полковник Сергей Лысюк. – Один из офицеров-тыловиков разузнал, что это можно сделать в Горьком. Так появились первые 25 беретов из крановой ткани и столько же из зеленой, которые вплоть до 1985 г. надевались только на показные занятия. В 85-м решили пошить береты на весь личный состав УРСН. Но еще около трех лет крановые береты надевались только на государственные праздники и показные занятия.

Идея сдавать экзамен на право ношения крапового берета родилась в начале 1988-го, когда в руки мне попала книга «Команда Альфа» Миклоша Сабо, бывшего солдата войск специального назначения США. Как пишет автор, в американском спецназе ничего и никогда не давалось просто так, все нужно было заслужить. Право ношения зеленого берета зарабатывалось через изнурительные испытания, через кровь и пот. Книга произвела на меня очень сильное впечатление и подтолкнула к мысли учредить в своем подразделении экзамен на краповый берет, чтобы он являлся не просто головным убором, а стал знаком высочайшей квалификации спецназовца. Об этом я рассказал офицерам и инструкторам спецподготовки роты. Они меня поддержали, и мы вместе с ними разработали экзаменационную программу по специальной физической и специальной тактической подготовке, которая с небольшими изменениями используется и по сей день во всех подразделениях войскового спецназа.

Поначалу квалификационные испытания проводились нелегально, под видом комплексных и контрольно-проверочных занятий. Идея о ношении крапового берета

наиболее достойными спецназовцами, сдавшими экзамен на мужество и профессионализм, не находила понимания у командования, считавшего, что этот головной убор должны носить все военнослужащие подразделений специального назначения, невзирая на уровень их подготовки. Но время взяло свое! Умелые действия «беретов» в спецоперациях, их морально-психологическая закалка доказали важность этих испытаний, которые стали официально признанной традицией. 31 мая 1993 г. генерал Анатолий Сергеевич Куликов, командовавший внутренними войсками МВД России, утвердил Положение «О квалификационных испытаниях военнослужащих на право ношения крапового берета». Согласно этому Положению краповые береты вручаются военнослужащим, успешно сдавшим экзамен, а также как награда за мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга. Кроме того, право носить берет дано должностным лицам Главкомата, управлений округов и соединений внутренних войск, имеющим особые заслуги в деле развития частей и подразделений специального назначения. Яркие тому примеры – командующий внутренними войсками в 1994 – 1995 г. генерал-полковник Анатолий Романов, награжденный краповым беретом, еще когда был заместителем командующего внутренними войсками, нынешний командир дивизии генерал-майор Сергей Меликов, получивший берет за мужество и самоотверженность, проявленные в ходе боевых действий в Чечне, когда он служил в разведотделе Северо-Кавказского округа внутренних войск. Герой России майор Игорь Задорожный, по праву заслуживший и высокое звание, и краповый берет в одной из спецопераций в Чеченской Республике.

Само собой разумеется, право носить краповый берет имеют руководители, отдающие приказ на применение сил специального назначения, – Президент России, министр внутренних дел и главнокомандующий внутренними войсками.

И все же вернемся к экзамену.

– Бывая на испытаниях в родном отряде, – говорит Лысюк, – всегда сравниваю: как сдавали проверку на профессиональную зрелость в конце 1980-х годов прошлого уже века, в период зарождения традиции, и как это делается сейчас. С удовлетворением отмечаю: братишки работают по-боевому. С прицелом не на количество, а на качество. Так и надо держать! Хотя важно помнить и о том, что утвержденные правила – не догма. Думается, сдача на берет должна меняться в сторону усложнения. Не зря в спецназе говорят: ратному совершенствованию пределов нет.

Так что же представляет собой экзамен, который между собой спецназовцы часто называют экзаменом на мужика?

Он проводится дважды в год: ранней весной и поздней осенью. Испытаниям предшествует долгий этап предварительного отбора кандидатов. Причем не важно, кто они – офицеры, прапорщики или солдаты. Специально для оказания помощи командиру и офицерам подразделения в проведении квалификационных испытаний, повышения профессионального уровня и укрепления воинской дисциплины в подразделении спецназначения создается общественный орган – совет «краповых беретов».

В совет избираются самые подготовленные, опытные «краповики», пользующиеся непререкаемым авторитетом среди сослуживцев. Его члены не только помогают проводить предварительное тестирование на допуск к испытаниям и оценивать кандидатов в ходе самого экзамена, но и серьезно обсуждают, как тот или иной военнослужащий, изъявивший желание сдать проверку на мужество, относится к выполнению своих обязанностей, как ведет себя по отношению к товарищам, можно ли положиться на него в трудную минуту. Если воин по всем статьям – достойный, правильный парень, ему дают добро, включают в список кандидатов, допущенных к сдаче экзамена. Ну а когда солдат, сержант не дотягивает по уровню спецподготовки или дисциплина у него хромает, совет говорит: нет, рановато тебе, дружок, бороться за право носить берет, подтянись, поработай над собой, подкорректируй линию своего поведения.

Решающее слово: допускать или не допускать кандидата к испытаниям – всегда было за советом.

Забегая вперед, скажем, что совет же решает, лишать или не лишать берета провинившегося «краповика». Увы, в семье не без урода. Бывает, что обладатель спецназовской святыни превращает ее в средство дешевой бравады, хвастовства, пытается добиться привилегий за чужой счет, забывает о личной примерности. Таких за

дискредитацию звания военнослужащего подразделения специального назначения, за измену идеалам спецназа лишают крапового берета.

Для наказания провинившихся в свое время в УРСН даже ввели специальный ритуал, позаимствованный у американских «зеленых беретов», – так называемое «выколачивание». Происходило это следующим образом: выстраивался личный состав подразделения в краповых беретах и при государственных наградах; нарушитель выводился на правый фланг; под барабанную дробь оглашался приказ о лишении права ношения крапового берета; к нарушителю подходил командир и срывал с его головы берет. Затем провинившийся с личными вещами уходил в обычное мотострелковое подразделение, а в те минуты, когда он, сгорая со стыда, шел мимо строя, каждый военнослужащий поворачивался к нему спиной. После этого он не имел права переступить порог подразделения спецназа.

Итак, предварительный отбор проведен. Кандидаты ранним утром в полной экипировке (примерно килограмм 25–30) с оружием строятся на плацу части. Звучит Гимн, с напутствием выступают ветераны спецназа, и в путь.

Путь длиной в один день, который начинается с марш-броска не менее десяти километров. Причем это расстояние нужно не просто пройти или пробежать. На протяжении всего маршрута инструкторы то и дело подбрасывают вводные. То условный противник атаковал слева или справа, и вся группа сдающих должна развернуться в боевой порядок, отразить нападение, перебежками, переползанием перегруппироваться, занять выгодную позицию и, поднявшись в атаку, уничтожить незримых боевиков. То форсировать подернувшуюся льдом речушку, то штурмовать пятидесятиметровую сопку. И все это по камышам, бурелому, по колено в грязи и в воде. Плюс к тому бронежилет движения сковывает, каска то и дело по переносице стучит, на глаза сползает, да в мозгу постоянно одна мысль свербит: не забился бы ствол автомата (если он позже на контрольной точке не выстрелит, все, прощай, мечта о краповом берете – экзамен не сдан). Марш-бросок плавно перетекает в преодоление специальной полосы препятствий в экстремальных условиях. Тут нужно и через ограждение перелезть, и на второй этаж по фасаду здания забраться, и по качающемуся веревочному мосту пройти, и завал проскочить, и под проволокой, натянутой всего-то в трех десятках сантиметров над землей, не задев, проползти. А инструкторы по ходу то обстреляют вдруг из-под стены, то взрыв-пакет под ноги бросят, да еще подгоняют при этом: «Давай, давай! Резвее! Скорость!»

Испытания не из простых. На этих двух этапах, как правило, из полусотни кандидатов человек тридцать–сорок отсеивается. Оставшихся проверят на предмет сохранности оружия: на специальном учебном месте каждый спецназовец должен выстрелить в воздух из своего автомата одним боевым патроном. Выстрелил – прошел дальше, осечка или какая неисправность – готовься к следующему экзамену, через полгода.

На следующем этапе экзамена бойцы сдают проверку готовности к штурму высотных зданий. Они должны с помощью специального снаряжения спуститься за насколько десятков секунд по фасаду с пятого этажа здания. При этом обстрелять на одном из этажей условных бандитов, а на другом забросить в помещение с предполагаемыми преступниками учебную гранату. Те, кто успешно справляется и с этим испытанием, проходят дальше на акробатику (прыжки, кувырки и сальто), само собой, уже без боевой экипировки, и потом выполняют четыре комплекса специальных упражнений, которые являются одновременно проверкой координации после всего, что уже пройдено, и разминкой перед заключительным этапом – рукопашным боем.

В спарринге каждый из кандидатов должен показать технику владения приемами рукопашного боя. Здесь мало стойко держать удар и просто устоять на ногах. Нужно вести схватку активно. А это непросто. Ведь каждого кандидата по очереди экзаменуют военнослужащие, имеющие краповый берет. С ними он борется по четыре минуты. Весь бой длится двенадцать минут, причем для «краповика» является подтверждением квалификации. Если сам он будет избит, то его могут лишить крапового берета. Но и излишняя жестокость к экзаменуемым наказывается. Негоже, когда у аттестующих верх берут эмоции, и стремление выявить наиболее достойных приводит к жестоким избиениям.

– Столь же недопустимы перегибы, – продолжает Сергей Иванович Лысюк, – и на других этапах квалификационного экзамена, в первую очередь игнорирование мер безопасности, что приводит к трагическим последствиям. Настойчиво внушал солдатам и

офицерам: самое главное – не запятнать нашу святыню. Если ее ценой будет нечаянно загубленная жизнь – мы дискредитируем краповый берет как знак высокого ратного мастерства.

Нельзя мириться и с другой крайностью – с послаблениями и упрощениями на экзамене в погоне за числом «краповых беретов». Больше – не всегда лучше. Поэтому квалификационные проверки необходимо проводить с максимальным напряжением сил. В нашей роте, а затем в батальоне и отряде «Витязь» получали общий «зачет» и соответственно право на ношение берета не более 10–20% экзаменуемых. Но это только поднимало авторитет воинов, сдавших трудный мужской экзамен. Командиры и сослуживцы относились к ним с особым уважением. Они были настоящим боевым ядром коллектива.

Учитывая характер, содержание экзамена и то, что краповый берет – одновременно и награда за мужество, стойкость, выносливость, боевое мастерство, проявленные в испытаниях, и знак высокой профессиональной квалификации, приобретенной в упорных тренировках, и символ доблести спецназа, которому по плечу любые, самые трудные и ответственные задания Родины, серьезное внимание уделяется ритуалу его вручения. Он по-военному прост, строг и в то же время волнующий до кома в горле.

Участники экзамена строятся там же, где и прошли последние испытания. Заслужившие право ношения крапового берета получают его в торжественной обстановке из рук заслуженных ветеранов спецназа, поворачиваются лицом к строю при развернутом Знамени отряда, опускаются на правое колено, целуют берет, надевают его на голову и, приложив руку к головному убору, громко произносят: «Служу! Отечеству! И спецназу!»

С этого момента победитель – в элитной когорте сил специального назначения. И обязан в боевых операциях, в учебе, в повседневной жизни подтверждать завоеванное в испытаниях право носить святыню спецназа.

И спецназовцы соединения подтверждали его, подтверждали не раз. Помнится, один офицер дивизии рассказал случай, который произошел с ним на КПП при въезде в город Коканд, где он нес службу во время очередной «горячей» командировки ОМСДОНа в Ферганскую область. В городе был введен режим особого положения. Все трассы, ведущие в Коканд, перекрыты контрольно-пропускными пунктами. Наряды, выполнявшие задачи на них, должны были проверять транспорт, направляющийся туда, грузы, перевозимые им, и граждан, которые на автомобилях едут в город. Так вот, проверяя очередную машину, он обратил внимание на то, что пассажиры легковушки уж очень агрессивно настроены по отношению к наряду. Чтобы как-то охладить их пыл, он напомнил им о праве военнослужащих подозрительных лиц задерживать для выяснения личности, а в случае сопротивления применять специальные средства.

– Ты что, крутой? – стал пререкаться водитель автомобиля. – Мы признаем только одну часть, которая у нас в городе порядок наводит, дивизию Дзержинского.

– А я из нее и есть, – пояснил офицер.

– Не похоже что-то. Там ребята все крепкие, как на подбор, и береты бордовые носят...

Вот так узнавали дивизию далеко за пределами Москвы и Московской области, такую оценку ее солдатам и офицерам давали жители тех районов и республик, в которых в горячую пору «перестройки» выполняли задачи дзержинцы.

В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ

Однако вернемся к хронике. Из Сумгаита соединение вернулось в середине апреля 1988-го. До ферганской командировки оставался примерно год. Но на зимних квартирах солдатам его провести не было суждено.

Тревожный сигнал «Сбор» звучал для них за этот маленький промежуток времени несколько раз.

Провал перестроечных процессов, серьезные политические просчеты верховной власти, отсутствие какой-либо идеологии, адекватной происходящему в стране, шельмование советской национальной политики – все это заводило страну в тупик, углубляло межнациональные противоречия, усиливало центробежные силы на окраинах большого союзного государства, обостряло экстремизм и подхлестывало преступность. По признанию командира дивизии генерал-майора Виталия Босова, то было время испытания на зрелость

всех и каждого – от командира дивизии до крайнего левофлангового рядового солдата. То испытание требовало недюжинного самообладания.

О событиях, развернувшихся вокруг Нагорного Карабаха, было много информации. Печать, телевидение и радио давали оперативные сводки с мест происшествий, анализировали происходящее. События в Сумгаите и Степанакерте, бурное обсуждение решений сессий Верховных Советов Армянской, Азербайджанской ССР, Верховного Совета СССР. Армяно-азербайджанский конфликт сумгаитским противостоянием не завершился. Он продолжал потихонечку тлеть, время от времени разгораясь то в Ереване, то в Баку, пока не вспыхнул ярким пламенем карабахской войны, начавшейся в 1990-м, затухшей уже после развала Советского Союза, но до сих пор миром так и не окончившейся.

Летом 1988-го полыхнуло в Ереване. Личный состав, выделенный из дивизии, срочно перебросили в столицу Армении. Сразу по прибытии часть людей направили для несения патрульно-постовой службы в пригородный поселок Масис, другую оставили в Ереване.

Жители отнеслись к военным доброжелательно. Люди здоровались, приглашали в гости, прямо на улицах угощали овощами и фруктами, предлагали сигареты. Расспрашивали, откуда приехали.

Но в целом, по воспоминаниям офицеров соединения, обстановка была напряженная. «Гром» разразился 15 июня, когда открылось заседание сессии Верховного Совета Армянской ССР (и Азербайджанской ССР, кстати, тоже).

В этот день личный состав привлекался для охраны общественного порядка. С 7 часов утра военнослужащие находились в резерве в готовности к действиям.

К 12 часам в сквере рядом с Домом политпросвещения начались стихийные митинги. Было принято решение оцепить здание. В 12 часов 10 минут дзержинцы приступили к выполнению задачи...

Как рассказывают офицеры дивизии – участники тех событий, когда сбегали по лестнице на площадь, увидели огромную толпу, примерно тысяч 80–90, теснившую к входу в здание редкую цепь милиции. В едином порыве люди кричали: «Требуем решения!», скандировали: «Карабах!» Они сами себя заводили. В сторону милиции летели яблоки, помидоры, камни, бутылки. В первый момент, когда собравшиеся увидели военных, они приутихли, решили: солдаты сейчас начнут вытеснять толпу. Но задача состояла лишь в том, чтобы заградить вход в здание. Поняв, что активных действий войска не предпримут, митингующие снова навалились на войсковую цепочку. Посыпались оскорбления и проклятия: «Фашисты», «Каратели», в солдат полетели камни, бутылки и все, что попадало под руки. Под вечер из Дома политпросвещения вышел какой-то депутат и зачитал решение сессии... Люди потихонечку начали расходиться. Ближе к ночи оцепление сняли и омсдоновцев отправили в казарму.

17 и 18 июня после заседания сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР обстановка в Ереване и ряде других городов республики, особенно тех, в которых совместно проживали армяне и азербайджанцы, резко обострилась. Сводки пестрели сообщениями о происшествиях: избиения азербайджанцев, поджоги их домов, перестрелки.

Личный состав соединения убыл по тревоге в самый взрывоопасный тогда район – масисский, взял под охрану учреждения, жилые кварталы, дома азербайджанцев, сопровождал их в безопасные места.

Постепенно порядок удалось восстановить. Даже провели совместный с жителями Масиса субботник, а коллектив художественной самодеятельности дал для них концерт. Местные, казалось, с радостью восприняли эти встречи. Так действительно только казалось – урегулирование вопроса пришлось не всем по вкусу.

4–5 июля волна стихийных митингов и демонстраций прокатилась в самом Ереване. Обстановка накалялась. Стихийность масс сошла на нет. Выступления и погромы приобрели характер хорошо организованной акции. Направляли толпу «боевики» так называемого Комитета «Карабах». Нападки на личный состав дивизии усилились. Как свидетельствуют записи в исторических формулярах частей, автобусы с возвращавшимися со службы с Театральной площади военнослужащими были забросаны камнями и бутылками. У места расположения их встретила толпа около пяти тысяч человек. Здесь в военных летели уже топоры, ножи и бутылки с зажигательной смесью.

Обстановка усложнилась настолько, что на ночь пришлось, говоря военным языком,

занять круговую оборону: выставить на крыше и вокруг здания караулы. В эту же ночь моментально распространился слух о том, что часть полностью набрана из солдат и офицеров – детдомовцев. Семей, мол, у них нет, так что терять им нечего, и вообще они прибыли сюда, чтобы проводить карательные операции. По району поползли призывы типа: расправа над военными – дело национальной гордости.

Многие тогда откликнулись на эту провокацию. А события в аэропорту Звартноц даже называли расправой над ни в чем не повинными мирными гражданами. О том, что там произошло на самом деле, тоже известно из рассказов ветеранов дивизии, непосредственных участников той операции.

После митинга на Театральной площади в Ереване несколько тысяч человек на автомобилях и пешком направились к аэропорту, чтобы парализовать его работу. Надо признать, им это удалось – они заняли аэровокзал надолго. Создавалось впечатление, что к осаде экстремисты готовились основательно, даже наладили подвоз продовольствия, питьевой воды и постельных принадлежностей.

Неоднократные обращения к собравшимся, разъяснения им, что своими действиями они срывают работу аэрослужб всей страны, не нашли у них понимания. Никакие увещевания и просьбы не действовали. Поэтому было принято решение о деблокировании аэропорта. Солдат экипировали средствами защиты и активной обороны, предупредили о том, что применять силу можно только по особому распоряжению. Командование надеялось на мирное решение вопроса. К сожалению, произошло иначе. Увидев военнослужащих, толпа распалилась еще больше. Полетели бутылки, арматура, камни, куски стекла. Несколько минут солдаты стояли, прикрывшись щитами. Когда стало видно, что дело принимает серьезный оборот, был отдан приказ вытеснить осаждающих из здания.

Возбужденная, даже взбешенная толпа после изгнания из аэропорта искала, на чем бы выместить злобу. И надо же такому случиться, что на примыкающем к нему шоссе им встретились две машины с продуктами для солдат. Головная машина успела развернуться, второй же ЗИЛ сразу потерял управление, осколки разбитого лобового стекла засыпали кабину. Вооруженные палками, камнями, цепями, абсолютно озверевшие люди бросились на вторую машину, в которой находились три человека. Военным удалось спастись, пересев на уцелевшую машину.

Командование собрало экстренное совещание. Вывод был один – дальше так продолжаться не может. Решение, принятое на нем, на первый взгляд могло показаться рискованным, но время доказало, что это был единственно возможный вариант: примирение. Командиры и политработники вышли в район с предложением к наиболее авторитетным и уважаемым жителям встретиться и обсудить создавшуюся обстановку.

От ереванцев на встречу пришел 51 человек. Говорили долго. Рассказали о дивизии, рассеяли бредовые слухи о детдомовском подразделении. Короче говоря, внесли сомнения в, казалось бы, абсолютную уверенность населения в правоте их действий.

На следующий день военные сделали еще один шаг. Открыли ворота всем желающим, пригласили к себе детей и подростков, показали им технику, вооружение. Вечером обсуждали сложившуюся ситуацию, разъясняли свои действия, устроили открытый концерт самодеятельности.

Не сразу все наладилось, были еще эксцессы и конфликты, но дзержинцы уверенно придерживались выбранной тактики поведения. В течение недели ворота в часть были открыты. Организовывали концерты, показывали мультфильмы для детей, проводили викторины веселых и находчивых, конкурсы и аттракционы, где призами были солдатские пуговицы, пилотки, эмблемы, цветные карандаши, фломастеры. Во время этих встреч родители детей беседовали с офицерами, командирами, стихийно образовывался политический дискуссионный клуб, ставший со временем традиционным. Из фотоснимков, сделанных на вечерах, была выпущена фотогазета для местного населения. Подобные мероприятия проводились с 12 июля по 3 августа ежедневно. Результат был просто ошеломляющим. Люди приходили к нам извиняться. Солдатам приносили фрукты, конфеты, фотографировались с ними на память...

Добрую память о себе дзержинцы оставили во второй, октябрьской, того же 1988 г. командировке в столицу Армении. В течение месяца дивизия составляла резерв министра, находясь в готовности к выполнению внезапно возникающих задач. Действовать не

пришлось, но само наличие войск гарантировало спокойствие в регионе. В конце октября воины дивизии вернулись в Москву.

ЧТО ПРОИЗОШЛО В БАКУ

Прошли ноябрьские праздники, завершился период усиления, объявленный в связи с ними, и в ночь с 22 на 23 ноября части соединения снова убыли в Закавказье. На этот раз в Баку.

Столица Азербайджана бурлила митингами и демонстрациями, на дрожжах карабахского конфликта и начинавшегося развала СССР там множились организации и группировки национал-экстремистского толка, ситуация в Баку вышла из-под контроля местных властей и правоохранительных органов. Площадь заполняли сотни тысяч людей – неработающих, протестующих неизвестно против чего и также неизвестно за что ратующих. В 136 вместительных палатках на Приморском бульваре ночевали самые непримиримые. На площади постоянно было около 100 тысяч человек. Выступления не прекращались. Смысл того, о чем вещали с трибуны лидеры Народного фронта Азербайджана, сводился к страшным по своей сути призывам: «Война – Армении», «Ни одного армянина в республике», «Формирование боевых отрядов».

В разных районах Баку в это время бесчинствовали экстремисты. Из квартир армян выбрасывали и поджигали вещи, хозяев избивали, тоже пытались сжечь, были и жертвы. В одну из ночей было более двадцати погибших, все – армяне. Это были уже не просто массовые беспорядки, это были грандиозные по масштабу волнения, создавшие чрезвычайную ситуацию.

В этой обстановке дзержинцы приступили к выполнению задач по поддержанию в городе режима особого положения (тогда закона о ЧП еще не было). Он предполагал ряд ограничений по торговле спиртным, его производству, по передвижению горожан. Объявлялся комендантский час. Часть личного состава дивизии несла комендантскую службу, другая – оцепила, с целью локализовать действия митингующих, площадь Ленина, третья находилась в резерве коменданта района 26 Бакинских комиссаров, которым был назначен комдив генерал-майор Виталий Босов.

Командование войск предпринимало все усилия, чтобы не осложнять обстановку и не будоражить население. Однако определенные силы, желающие дальнейшего развития конфликта, явно были заинтересованы в том, чтобы заставить войска открыть огонь, предпринять непродуманные меры.

Даже некоторые политические деятели высокого ранга и военачальники с большими, шитыми золотом звездами на погонах бросали порою комдиву Босову незаслуженные обвинения-упреки и давили на него при принятии решения, которое могло не просто повлиять на судьбу тысяч людей, но и поставить под угрозу жизни сотен солдат и мирных жителей страны. Так было в конце ноября 1988-го, когда один из военачальников уничижительно высказал генерал-майору Босову: «И ты, генерал, со своей хваленой дивизией не можешь эту толпу разогнать?!» Именно так – «ты», «хваленая дивизия», «разогнать»... Но комдив не торопился, делал все от него зависящее, чтобы не допустить провокации. Даже когда было принято решение провести спецоперацию по вытеснению незаконно митингующих с площади. Дивизия имени Ф.Э. Дзержинского была основной квалифицированной, подготовленной, надежной силой, способной такую операцию осуществить. Генерал Босов провел в своей комендатуре района имени 26 Бакинских комиссаров несколько бессонных дней и ночей – просчитал все возможные варианты, отверг «армейский» и даже «альфовский» (подобные операции – не их работа). Боевые порядки дивизии, приданные им части десантников и моряков Каспийской флотилии, силы местной милиции были расставлены, как того требовала неординарная ситуация, как позволял опыт каждого. В ту ноябрьскую ночь площадь перед Домом правительства была очищена мало что без жертв, но даже без единого серьезно пострадавшего с обеих сторон...

Это был образец классики спецопераций по пресечению беспорядков, вытеснению бесчинствующей толпы. В ночь на 29 ноября к площади возле Дома правительства были стянуты дополнительные силы, военная и милицейская техника. Ее оцепили плотным кольцом, на подступах к ней выставили патрули, все улочки и переулки, ведущие к ней,

перекрыли тяжелыми грузовиками, танками и БМП. Оставлено было только два коридора – улицы, по которым, как предполагалось, будут уходить митингующие. С противоположной стороны сосредоточилась группа вытеснения – порядка двух полков, вооруженных щитами и резиновыми палками военнослужащих. За ней группа изъятия – спецназовцы и милиция, которые должны были вытаскивать из толпы и задерживать активистов и зачинщиков беспорядков. Отдельные подразделения взяли под охрану прилегающие к площади здания и учреждения. Видя приготовления войск, толпа начала заводиться. В сторону солдат полетели камни, бутылки. Разгоряченные молодчики подбегали к войсковой цепочке и, провоцируя воинов на ответные действия, пытались выдернуть у них дубинки, щиты, сорвать противогазы. Были попытки прорвать цепочку. Толпа галдела, улюлюкала, громко скандировала националистические лозунги.

Когда приготовления к спецоперации закончились, к митингующим обратился прокурор Азербайджана. Он потребовал от них прекратить безобразия и разойтись по домам с миром. В противном случае, пообещал, что будет применена сила. На раздумье он дал 15 минут. Кое-кто стал пробираться по направлению к указанному коридору, но таких мудрых было немного. Наоборот, многотысячная толпа стала еще агрессивнее. Весь ее гнев уже был обращен не на армян, а на солдат, оцепивших площадь. Через пятнадцать минут обращение руководителя республики повторили. Но и это не отрезвило экстремистов. Прошло еще десять минут, и площадь озарилась ярким дневным светом – зажглись мощные авиационные прожекторы, которыми обычно освещают взлетные полосы аэродромов. Это был сигнал к началу спецоперации. Группа вытеснения, отбивая ритм палками о щиты, двинулась в направлении толпы. Удары почти двух тысяч пээров лишили часть толпы, правда, незначительную, психологического равновесия. Она побежала в сторону коридоров. Остальная – ощетинилась непонятно откуда взявшимися кусками арматуры, стала бросать их в солдат. В ход пошло все, что попадалось под руку: гитары, обувь, мусорные урны. Наиболее активные пытались вступить в рукопашную с первой шеренгой группы вытеснения. Солдаты же, наученные опытом Сумгаита, действовали умело: прикрывались щитами, образуя так называемую «черепаху», одновременно по команде, внезапно для бесчинствующих, раскрывая щиты, наносили удары резиновыми палками. На мгновение они раздвигали свои ряды, пропуская спецназовцев к толпе и обратно, уже с активистами и зачинщиками, закованными в наручники. Группы конвоирования, где бегом, а где и волоком, тащили их в автозаки. Толпа отступала под натиском войск. Некоторые пытались прорвать блокировавшую площадь цепочку, но безрезультатно. Происходившее напоминало многочисленные новостные телерепортажи о разгонах демонстраций за рубежом, но это было у нас в стране. Спецоперация успешно завершилась через пятнадцать-двадцать минут. На площади кроме мусора ничего не осталось. Еще какое-то время понадобилось для того, чтобы зачистить ее и прилегающие к ней скверы. Оставив патрули, группы охраны и наряды, воспрещающие вход на площадь, части дивизии убыли в места временной дислокации. Некоторые подразделения остались в районе в качестве резерва.

Следующее утро было тревожным. Экстремисты распустили в народе слух о том, что якобы во время специальной операции военнослужащие забивали до смерти ни в чем не повинных граждан, задавили несколько человек танками и БМП, зверствовали в отношении задержанных на фильтрационном пункте. Город роптал. К полудню ропот вылился в массовые пикеты и несанкционированные выступления у зданий Министерства внутренних дел Азербайджана и республиканского комитета компартии. Резервы дивизии с боем (автобусы с личным составом и пешие колонны были атакованы экстремистами) прорвались в оба места. Решительность дзержинцев не позволила возобновить бесчинства и беспорядки. Во второй половине дня возобновилась комендантская служба по обеспечению особого режима. Постепенно, благодаря организованной службе, контрпропагандистской работе как в СМИ, так и среди местного населения, волна экстремизма схлынула. В городе начала налаживаться мирная жизнь.

НА ПОМОЩЬ ЖИТЕЛЯМ СПИТАКА И ЛЕНИНАКАНА

12 декабря в Спитаке и Ленинакане Армянской ССР произошла страшная трагедия. Эти два города небывалым по силе землетрясением были разрушены практически до основания.

Бакинцы даже сочувствовали недавним недругам. Ночью 17 декабря части соединения получили команду, дождавшись замены на комендантских и контрольно-пропускных пунктах, маршрутах патрулирования, срочно снять свои наряды, сосредоточиться в пунктах временной дислокации, собрать все имущество и выдвинуться на железнодорожный вокзал для передислокации.

Погрузившись в эшелон, утром части дивизии убыли в Армению для оказания помощи в охране правопорядка в разрушенном землетрясением Ленинакане.

Военнослужащие дивизии оказались на голову выше сотрудников местной милиции, которые были растеряны от случившегося, часто не владели обстановкой и не предпринимали решительных мер для того, чтобы навести порядок. Офицеры справедливо возмущались, когда узнали о том, что на глазах местной милиции средь бела дня был разграблен салон «Женская мода». И это произошло практически в соседнем с УВД города здании.

Поэтому, не надеясь на местные органы власти, уже на первом совещании командиры частей поставили подчиненным подразделениям задачу взять под охрану все жизненно важные объекты, решительно пресекать попытки грабежей и краж, задерживать расхитителей и мародеров, которые пытались нагреть руки на народном горе. И, надо сказать, сделали они это своевременно. Уже утром 9 декабря в городе произошли погромы продуктовых и промтоварных магазинов. В штаб временных воинских формирований от войсковых нарядов стала поступать информация о предотвращенных ими грабежах, хищениях из магазинов, складов, беспорядках на винно-водочном заводе...

Но не только правопорядок охраняли воины. Как и 22 года назад в Ташкенте, в Ленинакане дзержинцы разбирали руины и завалы, вызволяя из каменного плена живых людей. Спасать пострадавших от землетрясения солдаты и офицеры не прекращали ни поздним вечером, ни ночью. Они отказывались от отдыха, от приема пищи. Снова и снова растаскивали бетонные плиты, фрагменты кирпичной кладки, снова и снова добирались, рискуя собственной жизнью, до тех, кто подавал зов о помощи.

Дивизионная газета рассказывала в те дни о командире роты М. Лысаке, который вместе с рядовым А. Павловым извлек из-под обломков девятиэтажного жилого дома малолетнего ребенка, о солдатах подразделения офицера П. Черненко, спасших жизнь матери с ребенком. Несколько часов они разбивали железобетонные перекрытия и извлекли-таки из-под обломков пострадавших. В этот же день они откопали еще четырех человек, из которых трое были живыми.

Жители Ленинакана, родители шестерых армянских мальчуганов, с любовью называли фамилии русских солдат рядовых А. Туманова, С. Алексеева, Р. Степанова, которые, рискуя собственной жизнью, спасли их детей.

– Армянский народ никогда не забудет ваших солдат, пришедших в дни страшного горя ему на помощь, – сказал начальник пятого цеха Ленинаканской обувной фабрики Георгий Рафикович Оганесян, руководивший работой по спасению попавших в беду людей. – Я от всей души говорю им большое спасибо. Шноракалуцюн вам, парни!

...Шноракалуцюн! Спасибо! Снова добрую память оставили о себе военнослужащие дивизии им. Ф.Э. Дзержинского в Армении.

ТБИЛИСИ, ПРОСПЕКТ РУСТАВЕЛИ

А вот в Тбилиси, куда в апреле 1989 г. срочно были переброшены солдаты 4-го полка ОМСДОНа прямо из района землетрясения, все было несколько иначе.

Что же случилось на проспекте Руставели в тот роковой день 9 апреля 1989 г.? Об этом нам рассказали документы расследования Генпрокуратуры, опубликованные позже в прессе, и очевидцы событий – ветераны соединения, выполнявшие в те дни задачи в столице Грузии.

В столице Грузинской ССР несколько дней подряд проходили митинги националистического характера, грозящие привести к массовым беспорядкам. Одержимые идеей выхода из состава СССР, сепаратисты не выбирали средств для достижения этой цели. Что будет после пересмотра государственных границ, их интересовало мало, ибо каждый лидер экстремистски настроенного движения видел только себя во главе суверенного государства. В Грузии было несколько таких националистических движений и

соответственно немало их предводителей. Основные усилия этих людей в то время в основном были направлены на создание в республике хаоса, провоцирование всеобщего возмущения правящим режимом. Главная ставка в борьбе за «всенародную поддержку» делалась на молодежь и интеллигенцию. С этими категориями населения постоянно проводилась соответствующая работа, результаты которой не заставили себя долго ждать.

Экстремистски настроенная часть молодежи организовала митинг у Дома правительства, где зачитала обращение к президенту и конгрессу США с просьбой приурочить одно из заседаний ООН к дню «суверенной» Грузии, официально признать 25 февраля 1925 г. «днем оккупации Грузии большевистской Россией», оказать помощь республике по выходу из состава СССР. Организаторы митинга не забыли позаботиться и об освещении мероприятия западными средствами массовой информации. Для этого были специально заготовлены крайне экстремистские плакаты на английском и немецком языках.

Утром 8 апреля обстановка накалилась. С Дома художников на проспекте Руставели был сорван флаг Грузинской ССР. Начались столкновения митингующих, с одной стороны, и военнослужащих и милиционеров, которые обеспечивали порядок, – с другой. Несколько оголтелых молодчиков захватили патрульный автомобиль «Нива» и зверски избили старшину милиции (своего соотечественника). У Дома правительства толпа также издевалась над милиционерами: с безоружных работников милиции срывали погоны и фуражки, на них рвали кителя, а некоторых избивали.

К полудню молодчики захватили несколько автобусов и троллейбусов, поставили их поперек проспекта. Он уже был перегорожен самосвалами с щебенкой со стороны площади Ленина. Около тридцати грузовых машин препятствовали проходу сил правоохранительных органов. Чтобы затруднить работу по расчистке улицы, у захваченных автомобилей протыкали шины. Под вечер неподалеку от места стихийного митинга остановился грузовик, с которого стали бесплатно раздавать водку. Алкоголь подогрел толпу, и митинг продолжился уже при свете костров.

В ночь на 9 апреля к митингующим присоединились еще около тысячи человек. Люди шли со всех сторон. Автомашины с дармовой водкой стояли уже на многих углах. Собравшиеся озверели прямо на глазах. После очередной порции горячительного все громче звучало: «Захватчики, убирайтесь вон!», «Долой московский террор!».

В рядах митингующих появилось много молодых людей крепкого телосложения. Как стало известно потом, то были спортсмены, призванные стать ударной силой боевиков.

Всю ночь к толпе через громкоговорители обращались милиционеры, засевшие на Доме правительства. Требование было одно – мирно разойтись. Поначалу эти призывы вызывали лишь смех, затем на слова стражей порядка просто перестали реагировать, а потом в сторону громкоговорителей полетели камни и бутылки. Всю ночь демонстранты жгли советские флаги, выкрикивали антиправительственные лозунги, били стекла домов и витрины магазинов.

4-й полк ОМСДОНа получил приказ выдвинуться в Тбилиси для оказания помощи силам правопорядка. В ночь на 9 апреля дзержинцы прибыли в столицу Грузии. Они с ходу приступили к работе. Уже около трех часов ночи военнослужащие при помощи своей бронетехники стали растаскивать баррикады.

Вот тут и начались столкновения солдат с экстремистами. Еще на подходе к месту предстоящей схватки (это было примерно в половине третьего ночи) солдатам было заявлено, что за состыкованными поперек проспекта самосвалами и автобусами находится территория «суверенной Грузии» и проход «захватчикам» туда запрещен. Грозили расправой. Но дзержинцам не впервой было слышать такого рода ультиматумы. Поэтому, невзирая на грозные предупреждения, солдаты прошли на территорию «суверенной Грузии», где уже стояли шеренги батальона тбилисского оперативного полка внутренних войск.

Ближе к утру агрессивность толпы достигла своего апогея. Начался штурм Дома правительства. Военнослужащие воздушно-десантных войск, подошедшие на военной технике, стали помогать в расчистке проспекта. Выполнить эту задачу удалось лишь частично: озверевшая толпа всячески мешала военным. Дорогу удалось разблокировать лишь с одной стороны. В образовавшуюся брешь и вошли подразделения внутренних войск, в авангарде которых были военнослужащие дивизии им. Ф.Э. Дзержинского.

Одна из рот приступила к вытеснению толпы. Солдаты, стуча палками по щитам (одно

из проверенных эффективных средств для демонстрации серьезности намерений), медленно двинулись вперед.

Толпа на миг притихла, но лишь на миг. Потом боевики подняли с земли камни, палки, железные пруты и колья (все было заранее припасено). По мере продвижения солдат в глубь площади сопротивление возрастало. Впереди, как это и было предусмотрено по сценарию зачинщиков, были те самые крутоплечие ребята. Они с завидной прытью врубались в солдатский строй, трубами и кольями прокладывая себе путь. Бронежилеты и каски выручили не всех. Появились раненые. Тогда здоровенным куском бордюрного камня ударили заместителя командира взвода старшего сержанта Полякова. От мгновенной смерти младшего командира спасло только то, что на нем был шлем-«сфера». От страшного удара сержант рухнул как подкошенный. Подоспевший санитар, прикрываемый щитами, оттащил пострадавшего в безопасное место.

Старший сержант Поляков в тяжелом состоянии сразу был доставлен сначала в тбилисский госпиталь, затем был перевезен в Главный клинический госпиталь внутренних войск, откуда выписался спустя несколько месяцев. А через полгода после увольнения в запас он умер от последствий тяжелейших повреждений головы и позвоночника, полученных в Тбилиси.

Стоящим в задних шеренгах также приходилось нелегко: под видом добровольно покидающих место событий (с самого начала столкновений поступил приказ беспрепятственно пропускать через шеренги тех, кто добровольно хочет покинуть площадь) через строй просачивались те люди, которые наносили удары сзади.

Между тем толпа продолжала бесчинствовать, забрасывая солдат градом камней. Недостатка в них не было: стоящие сзади живого щита ломами выворачивали камни из брусчатки.

У воинов первых шеренг практически все щиты были поломаны или разбиты, но толпу продолжали понемногу вытеснять. Митингующих старались вывести за пределы проспекта и рассеять на близлежащих улицах. Сделать это удавалось лишь в некоторых местах. Дрались врукопашную. Боевики орудовали металлическими прутами-булавами, заостренными пиками. Длинные колья были уже не нужны, и нападавшие использовали небольшие по длине, но толстые в диаметре металлические прутья. Удар таким прутом по голове, даже несмотря на то что трехкилограммовая «сфера» компенсировала его, был весьма ощутим. Но, к сожалению, «сферы» были не у всех. Большинство военнослужащих стояли в касках. Нападавшие уже несколько раз прорывали первые шеренги строя, но каждый раз солдаты отбрасывали экстремистов назад.

Небольшую группу омсдоновцев пришлось бросить на помощь десантникам. Те, не экипированные спецсредствами для ведения спецоперации в городе, оказывали достойное сопротивление, но лавина нападающих грозила опрокинуть даже крылатую гвардию. Позже, когда толпу удалось рассеять, находившиеся на площади солдаты-десантники о солдатах-дзержинцах говорили весьма уважительно, тепло, без высокомерия.

С каждой минутой обстановка осложнялась. Разбитых щитов становилось все больше, и количество раненых военнослужащих увеличивалось. Несколько бэтээров уже были переполнены ими и людьми, которым удалось выбраться из толпы (одной из задач молодчиков-боевиков было удержание демонстрантов на площади). Всем пострадавшим – солдатам и местным жителям – тут же оказывалась посильная медицинская помощь.

В сложившейся ситуации необходимо было что-то срочно предпринять для достижения поставленной цели. Как видно, самые отчаянные из толпы добровольно расходиться не собирались. Физической силы оказалось недостаточно, и было принято решение о применении спецсредства «Черемуха».

Общее количество примененных спецсредств составило тогда не более ста граммов.

Находящиеся на проспекте люди моментально бросились бежать в направлении своих же баррикад из автомашин. Через них не всем удавалось перелезть достаточно быстро...

Организаторы «мирного митинга» впоследствии преуспели в фальсификации фактов. Но люди, по мнению экспертов, погибли в давке по вине подстрекателей спортсменов, не позволявших никому уйти с проспекта. Никаких отравляющих средств на проспекте Руставели не применялось. Это подтвердила комиссия ООН. Эта же комиссия установила, что образовавшаяся при действии войск концентрация слезоточивого газа в сотни раз

меньше значений, которые могли бы вызвать тяжелые поражения людей. Комиссией также было установлено, что из 19 погибших человек 17 скончались именно в результате давки...

Отдельным пунктом обвинения проходило применение саперных лопаток военнослужащими против мирной демонстрации. Насколько она была мирной, уже говорилось. А что касается саперных лопаток, то по этому поводу также было проведено специальное расследование, в ходе которого выяснилось, что ни один из приведенных грузинской стороной фактов не нашел подтверждения. Некоторые из указанных в списках пострадавших людей узнавали о том, что их избили... только из уст следователя.

Через несколько дней весь личный состав части, принимавший участие в тбилисских событиях, прибыл в пункт постоянной дислокации, где каждый офицер и солдат давал поминутные показания группе следователей. Долго шли унизительные «разборы полетов». В лице военных искали преступников...

Уголовное дело за отсутствием состава преступления закрыли только спустя два года.

ПЫЛАЮЩАЯ ФЕРГАНА

Остальные же части дивизии, с ноября 1988 г. выполнявшие задачи в Баку, Ереване и Ленинакане, домой в Москву прибыли лишь в сентябре 1989 г. В июне, без заезда в Москву, соединение перебросили из Закавказья в пылающий огнем межнациональной розни оазис Узбекистана – Ферганскую область.

По прибытии в Фергану омсдоновцы приняли под охрану ряд важных объектов жизнеобеспечения города и его пригорода Маргилана, приступили к службе по охране правопорядка патрульными группами, помогали органам власти эвакуировать турок-месхетинцев, пострадавших при погромах. Одновременно с этим подразделения соединения составляли оперативный резерв, готовый к действиям в случае обострения обстановки в других городах области.

Собственно, так оно через четыре дня, проведенных в Маргилане, и получилось.

...Из пригорода Ферганы части переезжали глубокой ночью. Сигнал на сбор поступил внезапно. Срочно были отозваны с мест несения службы патрули и войсковые наряды. Вооружиться было приказано автоматами, в том числе и офицерам, с собой иметь щиты и резиновые палки. Через тридцать минут личный состав, уже экипированный, сидел в машинах и автобусах в готовности выдвинуться в район выполнения задач. Команда «Вперед!», и колонна двинулась. На головном бронетранспортере заместитель командира дивизии полковник Игорь Рубцов, за ним все остальные. Что ехать придется долго (около двух часов) и надолго, не предполагали. Думали, что быстро восстановят порядок в соседнем районе и вернутся назад. Однако вышло все иначе. Примерно в три часа ночи колонна дзержинцев въехала в старинный Коканд. Картина, представшая перед их глазами, в очередной раз, как и в Фергане, поразила солдат и офицеров: побитые автомобили вдоль улиц, горящие дома, разбитые витрины магазинов, усыпанные стеклом дороги. Вдобавок ко всему – множество машин «Скорой помощи», раненые курсанты одного из училищ внутренних войск.

Колонна остановилась в сквере возле здания городского комитета партии и администрации Коканда. Дали команду организовать охрану и отдыхать в автобусах. Несколько групп назначили для сопровождения карет «Скорой помощи», которые боялись без военных выезжать на вызовы в ночное время. Эти группы исколесили тогда весь город. И везде одна и та же картина: избитые до полусмерти или пострадавшие от пожара турки-месхетинцы, пепелища пожарищ, лужи крови, плачущие женщины и дети.

Утром городские власти решили оставить военных у здания городской администрации еще на день. По оперативной информации, ожидалась провокация подогретой экстремистами толпы молодчиков у горкома и городского ОВД. Примерно в одиннадцать часов дня сквер возле здания администрации неожиданно быстро, за каких-нибудь пятнадцать минут, наполнился людьми, вооруженными мотыгами, лопатами, серпами и другим сельхозинструментом. Буквально перед этим то же самое произошло у здания местного ОВД. Оттуда уже доносились звуки выстрелов. Толпа у горкома гудела. Экстремисты выкрикивали националистические лозунги, размахивали косами и мотыгами, всячески провоцировали солдат на ответные действия, то и дело врезаясь с разбегу в войсковую

цепочку, пытаясь отобрать у них щиты и дубинки. Толпа росла, прибежали эмиссары с площади перед отделом внутренних дел, которые рассказывали небылицы о раненых и убитых там людях. Разбой был совершен в кафе, наиболее ретивым молодчикам удалось угнать три автобуса, на которых прибыли в город дзержинцы, внутри беснующейся массы раздались выстрелы. Они-то и послужили сигналом к вытеснению толпы из сквера, изъятию активистов и зачинщиков беспорядков. Поскольку силы были неравными, на три-четыре тысячи «митингующих» всего около пятисот военнослужащих, пришлось прибегнуть к предупредительной стрельбе из автоматов в воздух. Через секунду-другую цепь стремительно пошла на поредевшую после автоматных очередей толпу. Это был далеко не образец классики вытеснения бесчинствующих и пресечения массовых беспорядков. Действия подразделений скорее напоминали спонтанную, но организованную (вот что значит обученность) контратаку. Через несколько минут сквер был очищен от толпы, и больше она там никогда не собиралась. Нервное напряжение и стресс, испытанные военнослужащими, были настолько велики, что спустя всего час после произошедшего, когда было дано разрешение на отдых, многие из них уснули сном младенца прямо на асфальте и ступеньках здания городских властей. Этот момент, кстати, запечатлен на фотографии, находящейся в Центральном музее внутренних войск. Днем в Коканд для усиления группировки прибыл 2-й полк дивизии имени Ф.Э. Дзержинского.

В 21 час в городе, по решению правительства Узбекистана о режиме особого положения, был введен комендантский час, выставлены комендантские посты, патрули, КПП на въездах в Коканд, под охрану были взяты объекты жизнеобеспечения города и техногенно-опасные предприятия: хлопкоперерабатывающий и нефтеперерарабатывающий заводы, масложиркомбинат. На следующий день в Коканд подтянули из Маргилана и Ферганы тыл и хозяйство воинских частей. Личный состав приступил к плановому выполнению задач по охране общественного порядка и спокойствия в городе Коканде и прилегающих к нему селениях.

Обстановка в контролируемой дзержинцами местности заметно стабилизировалась уже на вторые сутки их пребывания в городе. За время выполнения задач в Коканде военнослужащими соединения были задержаны десятки правонарушителей с холодным и огнестрельным оружием. За нарушение комендантского часа и различные правонарушения ими было отправлено на фильтрационный пункт более 700 жителей Коканда. Изъято около 300 единиц холодного, огнестрельного оружия и бутылок с зажигательной смесью. Проверено на контрольно-пропускных пунктах при въезде в город свыше 6 тысяч автомашин. У некоторых задержанных водителей и их пассажиров тоже имелось холодное или огнестрельное оружие, у других отсутствовали подтверждающие документы на право владения мотоциклом или машиной, не было номерных знаков. Были предотвращены 11 попыток поджога домов, покинутых турками-месхетинцами. Задержано несколько мародеров. Вот только несколько примеров бдительности и самоотверженных решительных действий личного состава.

Группа воинов выполняла боевую задачу в поселке «50 лет Октября» пригорода Коканда. Толпа экстремистов прорвалась через заслон наряда милиции и атаковала автобус, в котором находились солдаты, закидывая его камнями, бутылками с зажигательной смесью. Одна из бутылок упала на крышу здания, у которого стоял автобус. Рядовой Игорь Накурда первым заметил пламя. Под градом камней, рискуя жизнью, он взобрался на крышу пылающего дома и при помощи подручных средств вместе с подоспевшими на помощь сослуживцами затушил пожар.

Военнослужащие, совершая марш в поселок Горский, обнаружили около железнодорожного переезда Беш-Арыка труп. Не мешкая ни минуты, офицер Николаев и рядовые Позднышев, Гурман, Бочаров, сержант Жабрун начали преследование в направлении предполагаемого движения преступника. Примерно через 2 километра они увидели неизвестного мужчину, у которого затем был обнаружен нож – орудие убийства. Задержанный признался, что виновен в содеянном. Это подтвердили и свидетели.

В общем, ферганцы и кокандцы воочию убедились, что личный состав дивизии имени Ф.Э. Дзержинского готов в любую минуту встать на защиту чести и достоинства людей независимо от их национальности. И вполне естественно, что ферганцы стремились выразить воинам свою признательность, благодарность и уважение. Не раз приходилось командирам

слышать от жителей Коканда слова благодарности: «Солдаты! Рахмат, сыночки!»

Так закончилась самая длительная, без малого год, спецкомандировка для большинства воинских частей и подразделений ОМСДОНа. Для большинства, потому что учебная рота специального назначения в состоянии боевой работы была постоянно, и Баку, Ереван, Фергана были для нее далеко не первыми и не последними адресами командировок перестроечной поры.

СПЕЦНАЗ В АБХАЗИИ

Покой «краповикам» только снился. Горячие точки на юге страны вспыхивали одна за другой. В июле полыхнуло в Абхазии: грозила разразиться настоящая война между грузинами и абхазами, которые уже взяли в руки оружие и начали формировать боевые отряды. Собственно, так и произошло после развала Советского Союза, когда вооруженные силы уже суверенной Грузии противостояли армии маленькой, но непримиримой Абхазской автономии, которая тоже хотела независимости. Она и сегодня продолжает бороться за нее, только теперь новыми, что называется, цивилизованными методами. И все больше тяготеет к России. Оно и понятно: именно российские миротворцы, встав живой стеной между враждующими сторонами, принесли на землю горцев относительное спокойствие и хоть какую-то уверенность в завтрашнем дне. Хрупкий мир держится там сейчас на плечах русского солдата. И тогда, в конце 80-х, тоже русский солдат, дзержинец, нес мир и спокойствие в дома простых абхазских и грузинских селян и горожан, которым не до политических дрязг было – семьи бы прокормить при пустых-то горбачевских прилавках магазинов.

Даже отдышаться спецназовцы ОМСДОНа не успели после Ферганы, как уже получили новое задание – убыть в Сухуми для восстановления конституционного порядка и поддержания режима особого положения.

Не подоспей туда спецназ, в местах, где грузинские и абхазские села располагаются по соседству, началась бы локальная война.

Что требовалось от спецназа? Следуя по дороге вдоль побережья от Сухуми в сторону Очамчири и Гагр, рассеять и разоружить толпы экстремистов, доставить зачинщиков в местные ОВД. Для выполнения поставленной задачи им выделили БРДМ и два автобуса. Указали трассу.

Но не успели спецназовцы загрузиться в транспорт, как столкнулись с первой трудностью. Водители автобусов, абхазы по национальности, узнав, для чего их придали военным, запаниковали: если грузины вычислят, как пить дать зарежут их семьи, не пощадят никого. Мужиков успокоили, объяснив им, что они и их родные в безопасности, для верности надели им на головы каски (скрыли характерный для абхазов рыжий цвет волос), посадили рядом по бойцу с автоматом. «Икарусы» двинулись в путь.

Действовать пришлось уже в первом же поселке, огромная толпа его жителей приготовилась было с оружием в руках идти «наказывать» соседей из близлежащего села. Спецназовцы, что называется, с ходу перерезали им дорогу БРДМом и заблокировали фланги. От их молниеносных действий экстремисты опешили. Застыли как вкопанные. Пользуясь моментом, «краповики» вклинились в толпу. Группы захвата работали стремительно, даже дерзко, так что «ополченцы» не успели понять, как в одно мгновение они превратились из грозной, казалось бы, силы в безоружных «ягнят».

Разоруженная и обезглавленная толпа сбилась в кучу. Несмотря на то что по численности она значительно превосходила УРСН, о сопротивлении никто и не помышлял. Инстинкт самосохранения вмиг остудил толпу.

Закоперщиков спецназовцы сдали в местное ОВД и направились дальше. Во всех селах, лежащих по маршруту движения «краповиков», наблюдалась примерно такая же картина – скопление вооруженного народа на площади, несколько горлопанов заводят людей, призывают напасть на соседей. И везде стремительность, натиск и уверенные действия «краповиков» приводили к аналогичному с первым результату. Причем нигде они не спрашивали: кто в толпе – абхазы или грузины. Разоружали и, зачитав указ о введении режима чрезвычайного положения, ехали дальше.

В таком напряженном графике и проходила та «курортная» поездка спецназовцев.

Останавливались лишь для плотного общения с экстремистами. В том числе и на языке стволов. Не мог же спецназ, в конце концов, успеть во все села еще до того, как митинги перерастали в вооруженное противостояние сторон. Приходилось вступать в бой с огрызающимися «ополченцами».

Решительность спецназовцев, их настойчивость в достижении поставленной цели сделали свое дело. Обстановка вокруг Сухуми потихоньку стабилизировалась. А когда в зону конфликта вошли войска, волна экстремизма пошла на спад. Спецназовцы вернулись в пункт постоянной дислокации.

ЧП В СУХУМИ

Так уж распорядилась судьба, но омсдоновские спецназовцы ровно через год снова побывали в Сухуми. Правда, теперь уже несколько с другой миссией. Совместно с группой специального назначения «Альфа» Комитета госбезопасности они участвовали в спецоперации по освобождению заложников в сухумском следственном изоляторе. Не рассказать о выполнении этого уникального задания было бы, наверное, несправедливо. Ибо в 1990-м о нем трубили на перебой все телевизионные каналы, и внимание граждан не только нашей страны было в течение суток приковано к экранам телевизоров.

Сегодня эксперты по вопросам антитеррора утверждают, что эта операция не имеет аналогов в отечественной да, пожалуй, и в мировой практике применения подразделений спецназа для освобождения захваченных бандитами заложников в учреждениях уголовно-исполнительной системы. В материалах, опубликованных по горячим следам событий, журналисты не жалели громких слов: «В августе 90-го группа „А“ КГБ СССР и спецназовцы дивизии имени Ф.Э. Дзержинского внутренних войск МВД вписали поистине уникальные строки в боевую летопись сил правопорядка и госбезопасности».

К решению о применении вместе с группой «А» подразделения специального назначения ОМСДОНа (УРСН к тому времени уже разрослась до батальона) руководство МВД, скорее всего, подтолкнули два обстоятельства. Во-первых, «альфовцы» и дзержинцы уже имели опыт совместных действий (вспомним специальную операцию по освобождению заложников в Сарапуле Удмуртской АССР). С «Альфой» и «Вымпелом» УБСН работал в Нахичевани, где его бойцы во взаимодействии со спецназовцами групп «А» и «В» провели ряд операций по задержанию лидеров Народного фронта Азербайджана, оказывали помощь пограничникам в предотвращении несанкционированного перехода госграницы, арестовывали, по имеющейся информации, экстремистов во время передачи оружия и его выкупа у военнослужащих местных частей.

Во-вторых, в 1989 г. УРСН успешно провела спецоперации по освобождению заложников в СИЗО города Кизела Пермской области и исправительно-трудовой колонии, расположенной в поселке Лесное Кировской области. Как бы то ни было, но спецназ ОМСДОНа задачу на участие в спецоперации в сухомском изоляторе временного содержания получил.

Летом 1990-го ситуация там сложилась экстраординарная. В шифровке, направленной в Москву, сообщалось: «11 августа семь арестованных преступников, находящихся в изоляторе временного содержания (ИВС) МВД Абхазской АССР, захватили в качестве заложников трех работников охраны. Овладев ключами, они выпустили из камер 68 подследственных и осужденных. В дальнейшем бандиты заняли три этажа здания изолятора, в том числе и помещения, где временно хранилось свыше 3 тысяч стволов нарезного и гладкоствольного оружия, более двадцати тысяч единиц боеприпасов, изъятых у населения и организаций республики.

Инспиратор этой акции – трижды судимый преступник П. Прунчак, взятый под стражу за убийство трех человек, двое из которых – сотрудники милиции».

А началось все с обычной утренней процедуры. Камеру, в которой находились смертники, открыли для уборки, и в этот момент заранее сговорившиеся уголовники набросились на охранника. Швырнув его на пол, обезоружили и зверски избили.

Семь рецидивистов ворвались в служебные помещения. В их руках оказались офицер, два сержанта, рядовой сотрудник и – ключи от всех камер. Так смертники стали террористами. Терять им было нечего.

Вскоре сидельцы покинули свои камеры. Начался дикий шабаш. Опьяненные предчувствием свободы, уголовники крушили все подряд – пульт дежурного, столы и стулья, окна. Крепко досталось пленникам и подсадным «уткам», которых выявили по найденным в канцелярии спискам. Избитых людей новоиспеченные «тюремщики» развели по камерам.

И вдруг захваченный сержант вырвался из рук бандитов и побежал по коридору к выходу. Раздался выстрел, другой, третий, но парень все же успел захлопнуть за собой дверь и закрыть ее на замок. Путь на свободу преступникам был отрезан. Через несколько минут прозвучал сигнал тревоги: сержанту далеко бежать не пришлось, изолятор находился буквально в двух шагах от здания МВД республики.

Когда ИВС был оцеплен военнослужащими, сотрудниками милиции и бронетехникой, начались переговоры. Однако все попытки вразумить бандитов ни к чему не привели. Прунчак и его сообщники, среди них одиннадцать приговоренных к высшей мере наказания, выдвинули жесткий ультиматум: потребовали предоставить им БТР, вертолет и дать возможность выбраться в безопасное место. В противном случае – расправа над заложниками.

В подтверждение своих намерений уголовники выбросили из-за решетки окна наган и горсть патронов. Мол, спасибо за арсенал, вооружились до зубов. Потом на следствии один из зачинщиков бунта скажет: «Какой же дурак держит в тюрьме боеприпасы и оружие? Для нас это был приятный подарок».

Сомневаться не приходилось: имея такой арсенал, бандиты, ухитрись они вырваться на волю, могли развязать в городе полномасштабный криминальный террор.

Ситуация осложнялась тем, что весть о ЧП моментально разнеслась по Сухуми. Вскоре в центре города, где находился изолятор, собралась возбужденная толпа, в которой были родственники заложников, а также тех, кто в свое время погиб от рук уголовников, захвативших ИВС, и родственники бандитов. Одни требовали применения суровых мер к террористам, другие кричали, что арестантов нужно отпустить. Атмосфера накалялась с каждым часом. Начались потасовки, грозившие стать детонатором массовых беспорядков.

Спецназовцы вылетели из Москвы 14 августа одним бортом – 22 сотрудника «Альфы» и 27 «краповых беретов» УБСН дивизии имени Ф.Э. Дзержинского.

Прибыв в Сухуми и прояснив ситуацию, командиры пришли к следующим выводам. Первое: единственный возможный способ освобождения заложников – штурм (другие варианты не годились, так как зачинщики бунта – особо опасные преступники-смертники, готовые на все). Второе: успешному выполнению боевой задачи будет способствовать то, что здание изолятора заперто снаружи и надежно блокировано силами правопорядка, а окна в здании зарешечены. Значит, преступникам не выбраться наружу без взрывчатки, которой, к счастью, в арсенале нет. Другой большой плюс для спецназа – бандиты решили выбираться в аэропорт на «рафике». А штурмовать микроавтобус намного легче, чем БТР (от которого главари, к счастью, отказались). Наконец, непросматриваемая из окон торцевая дверь и люк в полу на четвертом этаже, где находятся служебные помещения, позволяют скрытно занять позиции и, применив взрывные устройства, проникнуть внутрь изолятора.

Операцию планировали методом мозговой атаки. Долго думали и совещались, отрабатывали разные варианты. К исходу дня расставили все точки над i.

Решили действовать одновременно тремя группами. Первая – офицеры «Альфы» – берет «рафик». Вторая – «краповые береты» – прорывается через запасной вход с торца здания и зачищает первый этаж изолятора. Третья – «альфовцы» и бойцы УБСН – проникает в помещение через люк в полу и блокирует второй и третий этажи.

Для верности попробовали еще раз локализовать ситуацию без применения силы. Представитель МВД Грузии вступил в переговоры с преступниками. Но в ответ услышал лишь оскорбления и требование предоставить автомобиль и вертолет. Казалось бы, удобный момент для штурма настал, но руководство медлило. Сутки прошли в нервном напряжении, правда, не без пользы для дела. Спецназовцы готовились к штурму, отрабатывали детали предстоящей операции.

Между тем обстановка накалялась. Уголовники постоянно стреляли в воздух. Бурлила толпа, собравшаяся у здания изолятора. Жестами оповещали бандитов о передвижениях спецназовцев. А местные силовики все еще надеялись на чудо, мол, само рассосется...

– Положение спас командир группы «А» Виктор Федорович Карпухин, – вспоминает

Сергей Иванович Лысюк. – Убедившись, что с республиканскими начальниками каши не сваришь, взял инициативу в свои руки – связался по ВЧ с председателем КГБ страны (я был рядом с Карпухиным и слышал весь разговор по телефону): «В любой момент обстановка может выйти из-под контроля. Мы должны идти на штурм». Крючков тут же по селектору доложил Горбачеву о сложившейся ситуации. Генсек дал добро: «Действуйте по своему усмотрению».

Команда на начало операции не заставила себя ждать. Все заняли исходные позиции. Офицеры группы «А» укрылись в нескольких метрах от автобуса, «краповики», спустившись с четвертого этажа по фалам, сосредоточились между маскировочным ограждением и зданием ИВС. Третья группа – на безопасном удалении от люка.

Ожидание длилось три часа. Бандиты долго разбирались, кто из них поедет в «рафике», а кто останется в изоляторе. Наконец, договорились: в микроавтобус садятся тринадцать человек, из них двое – заложники, сержант и рядовой. Захваченного лейтенанта оставляют в камере, чуть что – ему смерть.

Покружив над изолятором, сел на площади вертолет. Террористам показали экипаж: все – по вашим требованиям, волноваться не стоит.

Вскоре вооруженные пистолетами преступники вышли во двор, прихватив с собой около 50 винтовок и рюкзак с патронами. Все, в том числе и пленники, в самодельных масках. К рукам заложников скотчем привязаны пистолеты. Издали не разберешь, кто есть кто. Один из главарей проверил автобус, ничего подозрительного не обнаружил. «Пассажиры» заняли места в салоне. За руль сел зэк. Автобус тронулся. И тут прогремел взрыв!

Но немного не такой, который ждали: из двух светозвуковых зарядов взорвался только один, и то с опозданием. Оказалось, пока шли переговоры, сели аккумуляторы. Парализующий эффект был ослаблен, и Прунчак, вмиг опомнившись, открыл огонь и ранил сотрудника «Альфы», который первым ворвался в микроавтобус. Однако штурм остановить уже было невозможно. В результате стремительной атаки преступников нейтрализовали. Прунчака и еще одного преступника, Дзидзарию, которые оказали вооруженное сопротивление, пришлось уничтожить. Заложники не пострадали.

Одновременно с захватом автобуса спецназовцы взорвали тротиловые шашки на двери и на люке. Под люком – комната, в которую бандиты стащили оружие. Ее стерег зэк. Бросив в люк светозвуковую гранату, несколько штурмующих проникли в помещение. Но «часовой» успел выскочить в коридор и запер за собой металлическую дверь. Вскрыть ее не удалось. Пришлось взрывать накладным зарядом. Дальше эта группа захвата действовала по плану и за четыре минуты выполнила свою задачу.

– Я был во второй группе, – рассказывает Сергей Лысюк. – Когда мощные взрывы сорвали торцевую дверь с петель и мы заскочили в тамбур, на лестничный пролет первого этажа, увидели там еще одну дверь, решетчатую. Тоже запертую и для надежности заваленную изнутри мебелью. Это было для нас сюрпризом. Ведь на плане здания, который мы изучали, готовясь к штурму, дверь не обозначена. И никто из представителей администрации ИВС не предупредил нас, что схема объекта неточная.

Пришлось взрывать и эту дверь. А чтобы саперы могли беспрепятственно установить заряд, выстрелить через решетку в зэков, толпившихся за мебельной баррикадой, из специального гранатомета резиновой шрапнелью. Рванули дверь и решетку, на баррикаду мощи заряда не хватило.

Семидесятиметровый коридор прошли на одном дыхании, работая жестко, по-боевому. Бандиты не выдержали натиска, быстро сломались, хотя подготовились к обороне очень серьезно, даже отстреливались из пистолетов «ТТ» и Марголина.

Бойцы и офицеры затолкали преступников в камеры и в таком же темпе захватили второй этаж, помогая третьей группе. Время активных действий составило четыре минуты. Заложник не пострадал.

Спецназовцы дивизии в очередной раз показали, что могут работать на одном уровне с профессионалами из «Альфы».

И неудивительно. Ведь примерно за полгода до этой командировки на базе УБСН было решено провести эксперимент по созданию в стране профессиональной армии (о нем заговорили еще после январской 1990 г. командировки ОМСДОНа в стреляющий Баку, где соединение понесло первые боевые потери). Именно во внутренних войсках и именно в дивизии им. Ф.Э. Дзержинского в 1990 г. впервые узнали, что такое контрактная служба. И пока в армейских кругах и прессе шли дебаты, нужна ли нам профессиональная армия, в войсках правопорядка была предпринята первая попытка создания роты контрактников.

Приказ министра внутренних дел СССР от 16 марта 1990 г. определял: к 1 июня сформировать в дивизии имени Ф.Э. Дзержинского экспериментальное профессиональное подразделение специального назначения.

Эксперимент был рассчитан на два года. Использовать первую роту профи планировалось в горячих точках, где ее применение должно было помочь, по мнению командования, избежать лишнего кровопролития. Весь личный состав подразделения набирался исключительно из добровольцев. С военнослужащими были заключены контракты, в которых оговаривались все условия службы. Командиром роты назначили тогда еще капитана Олега Луценко (впоследствии полковник).

Планы поначалу были грандиозные. Мечтали создать подразделение, которое станет настоящей мужской академией. Мечты, мечты... В первые же дни после создания подразделения командование дивизии столкнулось с немалыми трудностями. Пожелавших подписать контракт из числа спецназовцев соединения было чуть больше десятка. Оно и понятно, средний оклад составлял 300 рублей. Для сравнения: заработок водителя автобуса в Москве достигал в то время тысячи рублей.

Набрать нужное количество людей из запаса тоже не получилось. Вся рекламная кампания в период формирования роты ограничилась несколькими публикациями в газетах. Само собой, привлечь широкое общественное внимание к эксперименту, заинтересовать энтузиастов рукопашного боя они не могли. Эта ошибка повторяется и сейчас, даже когда работает Федеральная целевая программа по переводу на контрактный способ комплектования ряда воинских частей. Она рекламируется разве что в «Красной Звезде» да на телеканале «Звезда».

Чтоб худо-бедно набрать людей в роту, прислали солдат срочной службы из различных частей войск, всего набралось около 90 волонтеров. Это была настоящая профанация идеи профессионального спецназа. Подавляющее большинство добровольцев проходили службу в конвойных частях и частях по охране важных государственных объектов, приемами рукопашного боя владели слабо. Много солдат было с откровенно слабым здоровьем.

– С грехом пополам набрали мы чуть больше 50 процентов от штатной численности, – рассказывает полковник Олег Луценко. – Не беда, успокаивали себя, лучше меньше, да лучше. Важно то, что есть на кого опереться в работе по укреплению новоиспеченной роты. В числе добровольцев было несколько воинов-интернационалистов, а также десятка два крепких парней, прошедших хорошую школу спецназа во внутренних войсках. Они-то и составили костяк нашей роты.

Таким образом, создав крепкое ядро, мы могли бы без спешки заполнить вакансии. А форсировать события – завалить дело. Ведь за мизерную плату рисковать жизнью согласятся только энтузиасты, фанаты. Задача – найти их. Но времени для поиска достойных кандидатов нам не дали. В одной из радиопередач прошла информация: в дивизии имени Ф.Э. Дзержинского полностью укомплектована рота профессионалов, после чего началось настоящее паломничество корреспондентов, желающих взглянуть на уникальное подразделение. Ну а нам, естественно, дали команду: срочно доукомплектовать роту, чтобы показать товар лицом! Начали соблазнять солдат, суля им золотые горы. Некоторые согласились, но отнюдь не из патриотических побуждений. Расчет был сугубо прагматическим. Во что выливается расторжение контракта? Да в сущие пустяки. Нужно заплатить деньги за недонос обмундирования и вернуть часть подъемного пособия. Все. Стало быть, ненакладно, прослужив в подразделении полгода-год, «помахать ручкой». Что горе-добровольцы вскоре и сделали.

Не лучше обстояло дело и с материально-техническим обеспечением. На обещания не

скупились. «Все вопросы будут решены, ничего для вас не пожалеем!» – заявили побывавшие в подразделении представители НИИ спецтехники, Главного управления материально-технического и военного снабжения, хозяйственного управления МВД СССР. Да ведь одними обещаниями сыт не будешь. А выполнять их никто не спешил.

Между тем в роте не было самого необходимого для проведения занятий по рукопашному бою – средств индивидуальной защиты, спортинвентаря. Пара видавших виды боксерских перчаток и два бандажа – разве это нормально для подразделения спецназа? Интересно, думал ли кто-нибудь при определении норм положенности, что спецназовцы на занятиях по рукопашному бою занимаются не балетными экзерсисами, а проводят жесткие спарринги?

Не был решен и жилищный вопрос. Солдатам выделили места в общежитии на территории дивизии. Условия там убогие, комнаты тесные, горячей воды нет. Хорошо еще, что среди них не было ни одного женатого, где размещать семьи, никто не имел никакого представления.

С питанием тоже проблем хватало. Чтобы решить, казалось бы, элементарный вопрос: как обеспечить одну-единственную роту профессионалов отнюдь не дефицитным фруктовым соком, комдиву генералу Босову пришлось дойти аж до первого заместителя министра пищевой промышленности СССР.

Не лучше обстояло дело и с организацией подготовки личного состава. По условиям контракта боец-профессионал должен был стрелять из всех видов оружия, включая иностранные, прыгать с парашютом, водить автомобили, мотоциклы всех марок, овладеть профессиями подрывника, связиста, санинструктора. Словом, рейнджеры, да и только. Но существовавшие нормы расхода горючего, боеприпасов, других материальных ресурсов на потребности обучения профессионалов не были рассчитаны. Не подвели тогда под эксперимент прочную материальную, финансовую и правовую основу. Да и иностранный опыт не изучили. А между тем практика перевода на контракт вооруженных сил США убеждала, что к профессионализации нужно серьезно готовиться. Американцы пять лет к этому шли. На правительственном уровне создали специальную комиссию по разработке концепции военной реформы. Одновременно несколько научно-исследовательских организаций предложили около 20 проектов-вариантов перевода армии на добровольный способ комплектования. Для эффективного обеспечения жизнедеятельности вооруженных сил в новых условиях конгресс принял 40 (!) законов. Но даже при такой основательной подготовке трудностей избежать не удалось. В скобках заметим: в нашей стране к контрактизации готовились пятнадцать лет, если учесть, что в 1990-м провели эксперимент, а в 2005-м появилась Федеральная целевая программа. Но все ли уроки из того эксперимента в ОМСДОНе извлекли?

В 1990-м мы копировали ошибки, а не достижения наших в недавнем прошлом потенциальных противников (да и сегодня по многим вопросам наступаем на те же грабли). Правовой механизм эксперимента не имел ни одной детали с государственным клеймом. Да и деталей-то было раз, два и обчелся: приказ министра внутренних дел, разрешающий укомплектовать роту специального назначения добровольцами, и разработанное в Главном управлении командующего внутренними войсками Временное положение о прохождении военной службы по контракту, которое по причине своего ведомственного характера силы закона не имело.

Но ограничиться этим – все равно что бросить неумеющего плавать в водоворот, напомнив, чьих рук дело – спасение утопающих, ибо без державных указов, направляющих усилия различных министерств и ведомств на обеспечение эксперимента, контрактники обречены прозябать в роли бедных родственников. Логика, элементарный здравый смысл подсказывали и другое: перед тем как дать добро первой роте профи, надо было изрядно тряхнуть государственной мошной, предвидя большие расходы в условиях перехода к рынку. Но правительство не затратило на эксперимент ни копейки, источники финансирования роты были созданы за счет перераспределения ведомственных бюджетных средств.

Все сложности и проблемы создания нового подразделения легли на плечи дивизии, которая была просто не в силах их решить. В таких условиях эксперимент был заведомо обречен на бесславный провал. Даже фанаты спецназа не смогли его спасти. Через год в роте

осталось чуть более десяти человек. Остальные, а это были в основном солдаты и сержанты, пришедшие в подразделение после полутора лет службы, расторгли контракт и уволились в запас. На мужской академии, о которой мечтали офицеры спецназа, пришлось поставить крест. Что ж, как говорится, не ошибается тот, кто ничего не делает. Хотя в том, что эксперимент с созданием роты профессионалов провалился, меньше всего повинны сами спецназовцы: они-то отнеслись к нему со всей ответственностью.

Но хоть неудачной оказалась попытка создать роту профессионалов, а бесследно приобретенный в ходе эксперимента опыт не прошел. Об этом свидетельствовали и результаты боевой работы.

СНОВА КАРАБАХ

В ноябре 90-го рота вылетела в Нагорный Карабах. Работать было сложно. Это обусловливалось тем, что «краповики» сменили там рижских омоновцев. Они, как известно, после прибалтийских событий действовали очень жестко. Хотя формально этот отряд милиции и входил в группировку МВД, он все же играл роль некой самостоятельной силы. Его сотрудники ни с кем не церемонились, выбивали информацию из задержанных на месте, не давая им опомниться. На задания выходили вооружившись, что называется, до зубов.

– От нас ждали таких же действий, – продолжает Луценко. – Но мы, воспитанные в духе строжайшего соблюдения законности, работать на манер рижского ОМОНа не могли. Показатели профессиональной роты внутренних войск на их фоне были несколько бледнее.

Поскольку задач перед нами стояло много, пришлось для их выполнения разделить подразделение на отдельные группы: двойки, тройки, пятерки. Я даже не всегда успевал отследить работу своих подчиненных. Ликвидация ретранслятора, засада в какой-то крепости, захват и уничтожение градобойных орудий, проверки паспортного режима, задержание преступников по имеющейся информации – это далеко не все, чем пришлось заниматься спецназовцам.

Приказы были разные, как и руководившие нашими действиями начальники. К примеру, полковник, преподаватель ташкентского училища, в словах и действиях которого явно читалось проазербайджанское настроение, однажды поставил перед нами задачу по ликвидации мардакертского (армянского) поста ГАИ. Ослушаться мы не могли, хотя прекрасно понимали, что не можем выступать на чьей-либо стороне. Заслуга офицеров и солдат роты состояла в том, что в таких случаях они поступали так, чтобы и волки, как говорится, были сыты, и овцы целы. Выполняя поставленную задачу, бойцы рисковали. Они шли на вооруженных милиционеров без единого выстрела, незаметно подобрались к посту, напали на него и уложили гаишников приемами рукопашного боя. Пострадали милиционеры сильно, но все остались живы. А братишки даже оказали им первую медпомощь. Повязали мы стражей порядка, а что дальше делать? В Мардакерт вести – самим потом оттуда не выйти, в Агдам – там их живьем местные азербайджанцы разорвут. Пришлось отвезти «пленников» в Степанакерт и оставить там возле больницы. От полковника я выслушал за это задание много грубых слов, но свое мнение отстоял.

Отличились спецназовцы в той командировке еще раз. После убийства коменданта Лачинского района рота в полном составе убыла на операцию по поиску и задержанию вероятных преступников, но по пути задача была изменена. Стало известно, что на трассе Шуша–Лачин сожжено небольшое село под названием Яциог, семеро его жителей расстреляны. Старики, составлявшие основную часть жителей села, были напуганы произошедшим. Под руководством начальника штаба группировки рота приступила к прочесыванию деревни и прилегающей местности. Когда дозоры поднялись в гору, они обнаружили группу вооруженных людей (примерно тридцать человек), движущихся по лачинскому шоссе на машинах. По горной тропе, наперерез отряду, спецназовцы спустились к трассе. И опять же в рукопашной схватке задержали и разоружили группу, которая оказалась бакинским ОМОНом. Тем самым элитным подразделением Азербайджана, бойцы которого получали уже тогда по десять тысяч рублей, очень высоко ценились своим правительством и, по существу, были главными исполнителями государственного переворота, совершенного в Баку. Свежий нагар на автоматах, теплые стволы, отсутствие блеска капсюлей в окошках магазинов свидетельствовали о том, что бесчинства в Яциоге –

дело их рук.

Омоновцев мы пленили и повезли в Шушу, дабы сдать на милость властей. Население города встретило конвой дзержинцев недоброжелательно. Люди толпами вышли на улицу, по которой двигалась рота. Среди пикетчиков были вооруженные, агрессивно настроенные боевики. «Краповиков» взяли на прицел снайперы. Требовали отпустить омоновцев, сдать свое и захваченное оружие. Пока шли переговоры, в Шушу прибыли представители руководства Карабаха и комендатуры автономной области. Спецназовцам стали угрожать возбуждением уголовного дела.

В любом случае налетчиков от бакинского ОМОНа вместе с их оружием пришлось бы передать прокуратуре области, посему в этой части условия пикетчиков пришлось выполнить. В ответ на уступчивость они дали дзержинцам возможность уехать из города.

Омсдоновцы в Карабахе, да, впрочем, как и в других горячих точках, были словно меж двух огней. Просто в НКАО это особенно остро ощущалось.

Летом 1990 г. дивизия выполняла служебное задание на границе Армении и Азербайджана. В трех районах – Зангеланском, Кубатлинском и Лачинском – стояли заставы дзержинцев, охранявшие небольшие приграничные с армянским городом Кафан деревеньки. И пока известные публицисты и политики спорили, может ли у нас в стране начаться гражданская война, офицеры и солдаты дивизии на себе испытали и поняли, что война в Закавказье шла уже несколько лет. А поэтому заставы жили в постоянном ожидании боя.

Обстановка в районе хоть и была относительно спокойной, но атмосфера была наэлектризованной, казалось, достаточно искры, чтобы разгорелось пламя настоящей войны. И снова приходится констатировать тот факт, что, собственно, так оно с развалом союзного государства и произошло. Вывели оттуда войска, и вооруженное противостояние на долгие годы переросло в активные боевые действия.

Причем зараза эта распространилась и на Северный Кавказ уже постсоветской России. Работы у внутренних войск с обретением среднеазиатскими и закавказскими республиками суверенитета не убавилось. Да и у ОМСДОНа ее меньше не стало, даже несмотря на то, что в 1989 г. в составе войск правопорядка в результате реорганизации появились новые воинские части и соединения оперативного назначения. Командировочная жизнь продолжилась. Только все чаще командировки приобретали характер боевых заданий – сепаратизм и экстремизм на окраинах многонациональной России набирали обороты, грозя вот-вот перерасти в терроризм.

КОНФЛИКТ ДВУХ СОСЕДЕЙ

Осенью 1992 г. осложнилась ситуация в Северной Осетии и Ингушетии. Уже в начале октября основные силы дивизии, около 4 тысяч человек личного состава с боевой техникой и вооружением, на самолетах (всего более 50 бортов, включая «антеи», «илы», Ан-22 и другие) были передислоцированы в Моздок. Ряд частей и подразделений дивизии разместились в палаточном городке на аэродроме. Другие – убыли в Кизляр и города Кабардино-Балкарии. Основная задача, которую выполняли подразделения и части соединения, состояла в совместной с сотрудниками милиции охране правопорядка в местах компактного проживания осетин и ингушей.

К концу октября чеченские экстремисты активизировали свою деятельность, все чаще, по определению генерал-лейтенанта Виктора Ракитина (в то время начальника штаба дивизии), стали проводить агрессивно-поисковые мероприятия, которые проявлялись в захвате боевой техники и вооружения у военнослужащих федеральных сил и сотрудников ингушской милиции. По сути, эти единичные случаи были тренировкой в проведении широкомасштабной акции против войск и органов внутренних дел. Так, в один из дней командир роты 1-го полка ОМСДОНа, сменив наряды на комендантских постах, двигался на бронетранспортере с подразделением вдоль возвышенности, около села Тарское.

– Вдруг на одном из поворотов на БТР запрыгнули шесть боевиков и, угрожая оружием, попытались вытащить из него офицера и солдат, – рассказывает генерал Ракитин. – Командир, задраив люки, естественно, приказал водителю не сбавлять скорость, маневрировать машиной, чтобы затруднить действия бандитов. Несколько часов бронетранспортер петлял по проселочным дорогам, пытаясь сбить с брони боевиков. И

экипажу это удалось. Правда, в пункт временной дислокации БТР в тот день так и не добрался. Остался на одном из постов у села.

Но экстремисты на этом не успокоились. Они спровоцировали недовольство местного населения тем якобы, что езда по поселку и близ него угрожает безопасности мирных граждан и мешает-де им спокойно работать и жить. Уже вечером того же дня огромная толпа требовала выдать им водителя-лихача и бронетранспортер, обманутые люди даже попыталась подойти к посту и силой захватить оружие и технику. Но, вероятно, вняв предупреждению о том, что при пересечении обозначенной военнослужащими границы поста будет применено оружие, зайти за нее не решились.

Противостояние продолжалось двое суток, после чего местные, одумавшись, все же разошлись по домам.

В один из октябрьских дней было совершено нападение на наряд в районе Предгорного. Боевики забросали пост гранатами. После чего выдвинули требование сдать оружие. Однако личный состав наряда, находившийся в укрытии, вступил с ними в бой. Несколько экстремистов были ранены, один – убит.

В начале ноября банды активизировали нападения на военнослужащих и милиционеров. А чуть позже перешли в широкомасштабное наступление – стали совершать погромы, разбойные нападения не только на военных, но и на местных жителей. Дивизия получила задачу перегруппироваться и взять под охрану населенные пункты, вовлеченные в осетино-ингушский конфликт.

«ВИТЯЗЬ» В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Спецназовцев осень 92-го застала в Карачаево-Черкесии. Отряд специального назначения «Витязь» (к тому времени он был сформирован на базе УБСН) размещался на пустующей турбазе близ Дамхурцского перевала, километрах в шести от небольшого селения Пхия. В те живописные места, понятно, не для отдыха спецназ забросили. И интересовались «краповики» людьми, ясное дело, далекими от туризма. По оперативной информации, неподалеку отсюда могли появиться боевики из мятежной Чечни. В достоверности этих сведений «витязи» убедились очень скоро.

В один из дней поступила команда: срочно перекрыть дорогу и любыми способами остановить колонну из двенадцати автобусов с чеченскими боевиками, якобы направляющимися в Сухуми помогать абхазам.

Место для засады спецназовцы выбрали идеальное: река, мост, с одной стороны отвесная стена, с другой – обрыв метров сорок глубиной. Установили фугасы вдоль обочины на повороте, дополнительно заминировали крутой склон, чтобы устроить обвал. Бронетранспортеры укрыли в расщелинах близ дороги так, чтобы у наводчиков был хороший обзор для ведения прицельного огня из пулеметов. Бойцы заняли удобные позиции.

Соотношение сил, правда, было не в пользу спецназа: их – чуть больше семидесяти человек, у банды – около трех сотен штыков. Но в горах, даже при численном превосходстве врага, всегда побеждает тот, кто первым оседлал высоты. Так что вряд ли атака чеченских «волонтеров», вздумай они пойти напролом, сулила им успех.

Командир отряда Сергей Лысюк с несколькими бойцами остался на дороге, перекрыв ее машиной.

Колонна с «гостями» не заставила себя ждать. «Уазик» с тремя мужчинами кавказской наружности подъехал к командиру «Витязя».

– Вышли, – вспоминает старший лейтенант запаса Владимир Кургин (в 1992-м офицер отряда спецназа), – попытались прощупать ситуацию: мол, в чем дело, почему дорогу закрыли? А сами так и смотрят по сторонам, место засады «сканируют». По всему видно, разведка. Лысюк их вежливо отправил назад. Через полчаса на том же «уазике» подъехали уже другие люди. Решили нахрапом нас взять, стали угрожать, что, если мы не пропустим их колонну, они будут прорываться с боем. Но взять «витязей» на испуг еще ни у кого не получалось. Поэтому парламентеры, громко хлопнув дверцами машины, убрались восвояси.

Лысюк по радиостанции доложил обстановку старшему начальнику. Приказ задержать боевиков остался в силе. Но ситуация несколько осложнилась. По поступившей информации в колонне боевиков следовал автобус с семьями российских военнослужащих, который еще в

районе Пятигорска бандиты предусмотрительно взяли в тиски, а теперь объявили его пассажиров заложниками. Замысел операции пришлось менять: спецназовцы решили пропустить боевиков, но, как только их замыкающая машина пройдет поворот, взорвав заряд, отрезать им путь отступления, в то же время выдвинуть навстречу колонне заслон и предложить чеченцам сдать оружие. По поведению парламентеров было понятно, что вряд ли бандиты рискнут что-либо сделать с заложниками, воевать ехали отнюдь не камикадзе.

Колонну спецназовцы ждали несколько часов. Но так и не дождавшись, командир принял решение ехать ей навстречу.

– Спускаемся вниз, – продолжает рассказ Владимир Кургин, – и видим такую картину: на большой поляне стоят полукругом автобусы, а между ними табунятся боевики, вооруженные до зубов – обвешаны автоматами, пулеметами, гранатометами. У многих пулеметные ленты крест-накрест, «по-революционному». Одеты кто во что, на головах зеленые повязки. Молодежи среди них полно. Все настроены агрессивно, злые, как волки.

Сергей Иванович приказывает: «Ствол пулемета – в сторону, чтобы не провоцировать, мы вроде как на переговоры приехали. Через бойницы сосчитать, сколько у них людей и оружия. Предельное внимание, действовать только по моей команде».

Подъезжаем. «Здравствуйте!» – «Салам алейкум!» К нам подходит коренастый, среднего роста чеченец с маленькой бородкой. Камуфлированные брюки, футболка, кепи на бритой голове. Глядит надменно. Взгляд тяжелый, пронзительный.

«Я командир батальона Шамиль Басаев. У меня приказ правительства Ичкерии перейти перевал и оказать помощь братскому абхазскому народу в войне с Грузией». – «А у меня приказ не пропустить вас, – в тон ему отвечает Лысюк. – Что будем делать?» Басаев гнет свое: «Мы назад не повернем. Людей у нас много, оружия и боеприпасов много. С нами Аллах, будем прорываться». И для убедительности похлопывает рукой по кобуре с пистолетом. В ответ Сергей Иванович дает понять, что это напрасная затея, у спецназа тоже достаточно сил и средств, при любых обстоятельствах чеченский батальон будет остановлен и в случае сопротивления уничтожен. Полевой командир упрямо повторяет: «Пойдем на прорыв». Так ни до чего не договорились.

Басаев направился к своим ополченцам, дал команду: «По машинам! Вперед, поехали!» Начал играть на нервах, пошел ва-банк. Дескать, посмотрим, чья возьмет.

Пользуясь удобным моментом, я внимательно оглядел с бэтээра окна всех автобусов. Женщин, детей, безоружных мужчин в салонах не заметил. Значит, заложников где-то спрятали, чтобы использовать этот козырь в решающие минуты. А может, изменили свои планы и пленников отпустили, сделали ставку на какой-нибудь другой коварный прием. Но как бы там ни было, сейчас у нас руки развязаны. Маленько полегчало на душе.

Тронулись. Пропустив кавалькаду вперед, наш бэтээр пристраивается в хвост колонны, за нами едут только три автобуса. Лысюк передает по радиостанции: «Готовьтесь встретить по полной программе!» И вкратце обрисовывает ситуацию. В динамике встревоженный голос: «Командир, а как же... Вы ведь на броне в составе колонны идете...» – «Не волнуйтесь. Это не ваши проблемы, – успокаивает Сергей Иванович. – Мы себя в обиду не дадим».

По приказу Лысюка наводчик загоняет патроны в патронники пулеметов. Бойцам команда: «На броню, оружие с предохранителей снять!».

Мысленно спецназовцы были готовы к бою, но вышло так, как и предполагали: среди боевиков камикадзе не было.

Колонна с чеченцами остановилась. Басаев подошел к БТРу «витязей», кипя от злости, спросил, не передумали ли спецназовцы, и, услышав отрицательный ответ из уст невозмутимого Лысюка, дал команду своим отойти в отвод между двумя скалами (на горных дорогах есть такие аварийные «карманы» на случай отказа тормозов).

Когда туда же подъехали и спецназовцы, Басаев снова подошел к ним. Не привести диалог, состоявшийся между одиозным лидером чеченских боевиков и командиром «Витязя», было бы, наверное, неправильно, так как это еще один штрих к портрету террориста, до недавнего времени числившегося под номером один. Со слов Владимира Кургина, Басаев подошел к «краповикам» с десятилитровой канистрой спирта и дружелюбно предложил выпить мировую.

– Это вам, мы вас проверяли. Рад бы с вами выпить, но у нас в батальоне сухой закон.

– И у нас тоже, – отвечает Лысюк. – Придется отложить до лучших времен.

– Тогда просто так поговорим, – не стал настаивать главарь. – Вы там долго со своей засадой стоять собрались?

– Пока не поступит приказ снять заслон после того, как вы повернете назад.

– А если будет приказ и вы сымитируете отход, а сами нас накроете, когда мы дальше поедем? – задает следующий вопрос Басаев. Сдрейфил чеченец, испугался спецназовской засады.

– Ты же грамотный, командир, – отвечает Сергей Иванович. – Нам четко приказано задержать вас. Любыми способами. И я этот приказ выполню. До встречи!

С тем и распрощались. Басаев убрался восвояси, Лысюк с группой – к своим. Ожидание дальнейших событий продолжалось до сумерек, пока спецназовцы не получили информацию о том, что боевики спустились на двух автобусах в поселок, набрали там людей и собираются, прикрываясь ими, пройти-таки спецназовский заслон.

Лысюк по рации немедленно передал эту информацию наверх, и примерно через час «Витязь» получил приказ: срочно снять засаду, покинуть турбазу и выдвинуться в Пхию...

Чеченцы спокойно ушли.

– Вот где досада душу скребла! – говорит Владимир Кургин. – Крепко ломали голову, пытаясь догадаться, почему отменили операцию и дали боевикам «зеленую улицу». Было обидно, что наши труды пошли насмарку – капкан так и не захлопнулся. Что в обход закона какому-то непонятному чеченскому формированию предоставили право беспрепятственно передвигаться по российской территории, а отряду спецназа, призванному обеспечивать порядок, не позволили выполнить ранее поставленную задачу. Высказывались разные предположения, но все сводилось к одному: очевидно, принцип законности принесен в жертву каким-то важным интересам верхов. И не нашего ума это дело. Главное – служивым людям не приходится за себя краснеть. «Витязи» не оставили басаевским бандитам ни одного шанса выиграть поединок со спецназом. Просто наши пешки, зажавшие противника, были сметены с шахматной доски. Дабы не мешали вести игру по тем хитрым правилам, в которые иной раз даже генералов не посвящают.

В книге воспоминаний «Тяжелые звезды» бывший командующий внутренними войсками, впоследствии министр внутренних дел Анатолий Сергеевич Куликов, упоминая этот эпизод, выдвигает такую версию отмены спецоперации по задержанию басаевцев.

«...Поникший Лысюк докладывает: „Я их пропустил...“ „Как пропустил?!“ – не мог я поверить. На что этот спецназовец, мужественный боец, мимо которого ни один боевик не прошел бы по своей воле, протягивает мне полученную им телеграмму за подписью нашего командующего генерала Саввина: „Пропустить!“ И он, конечно же, был вынужден подчиниться этому приказу, хотя все было сделано для того, чтобы не дать бандитам уйти безнаказанно.

Я потом долго размышлял об этом странном решении Саввина. Объяснение ему находил лишь в том, что причиной столь либерального отношения к вооруженным чеченцам стали итоги одного чрезвычайно секретного совещания у министра внутренних дел Баранникова, в котором приняли участие и представители Министерства обороны РФ. Возможно, на нем обсуждалась деликатная проблема взаимоотношений России и Абхазии, особенно тот аспект, что Россией не оказывается реальная помощь абхазам в их войне с антироссийским режимом Звиада Гамсахурдии.

Не исключено, что в качестве компромисса было решено время от времени закрывать глаза на то, что вооруженные чеченцы будут следовать транзитом по отдаленным горным районам Российской Федерации и помогать Владиславу Ардзинбе, если уж военно-техническая помощь самопровозглашенной и никем не признанной Абхазии не может быть оказана официально.

Думаю, что истинные причины столь щедрого подарка чеченцам кроются именно в этом...»[56].

Спустя несколько лет, уже на чеченской войне, спецназовцы не раз задумывались о том, что, если бы тогда они накрыли Басаева с его батальоном, одним «героем Ичкерии» (хоть это не решающий фактор) все же было бы меньше.

Но к чеченской эпопее Отдельной дивизии оперативного назначения (именно так она

---

[56] Куликов А.С. Тяжелые звезды. – М., 2002. – С. 122.

стала называться к тому времени, уже без имени Ф.Э. Дзержинского) мы вернемся несколько позже.

Пока же о событиях, произошедших позже, там, где реальные боестолкновения не предполагались даже в кошмарном сне: в 1993 г. в самом центре Москвы. Здесь дивизия, выполняя приказ Верховного главнокомандующего (о том, насколько он был правомерным, пусть спорят политики), потеряла убитыми еще шестерых своих военнослужащих.

МОСКВА, ОСЕНЬ 93-го

К сентябрю 1993 г. политическая обстановка в стране стала накаляться. Обострение было вызвано спорами между Президентом РФ Ельциным и Верховным Советом России относительно проекта новой Конституции страны. Противостояние достигло апогея к середине сентября, когда Президент издал известный Указ № 1400. В нем объявлялось о роспуске Верховного Совета.

Со дня выхода в свет указа дивизии имени Ф.Э. Дзержинского было поручено оцепить Белый дом, в котором работал парламент. Вокруг здания выставили войсковую цепочку из солдат, экипированных резиновыми палками, бронежилетами и щитами. Действовал негласный приказ: «Всех выпускать, никого не впускать». Вспомогательный пункт управления дивизии развернули возле гостиницы «Мир». Службу части соединения несли в две смены. Несмотря на накал политических страстей, вокруг было относительно спокойно. Лишь на Горбатом мосту время от времени митинговали сторонники Верховного Совета. Ближе к октябрю выступающие все чаще стали провоцировать дзержинцев на нарушение присяги, иногда на нарушение законности, оскорбляя или пытаясь прорвать цепочку. Но безрезультатно. Им активно противостояло отделение дивизии по работе с личным составом: офицеры убеждали непримиримых депутатов покинуть Белый дом всякий раз, когда те подходили к солдатам и пытались переманить их на свою сторону. Кроме того, рядом с ВПУ поставили звуковещательную установку и передавали по ней решения президента, обращения родных и близких парламентариев с просьбами вернуться домой, прекратить бессмысленное противостояние.

Все это время велись переговоры и на высоком уровне. Никто не хотел, чтобы конфликт перерос в вооруженный мятеж. А такая вероятность была, поскольку в Белом доме имелся свой арсенал и подразделение милиции, подчинявшееся администрации парламента.

Обстановка накалилась до предела 3 октября. Провокаторы организовали стихийные митинги в нескольких районах Москвы. К полудню они переросли в демонстрацию, которая двинулась по Садовому кольцу в сторону Краснопресненской набережной. Примерно в 14 часов демонстранты прорвали милицейский кордон на Смоленской площади и подошли к зданию московской мэрии (бывший в советские времена СЭВ).

В это время выступавшие с трибуны Белого дома призвали защитников Верховного Совета прорвать оцепление, захватить временный штаб, мэрию, Останкино и взять власть в свои руки. С выстрелами и гиканьем демонстранты со Смоленки и митингующие парламентарии прорвали войсковую цепочку. Услышав стрельбу, большинство милицейских нарядов ретировалось. Дзержинцы с резиновыми палками остались один на один с вооруженной толпой. Защитники Белого дома от их вербовки, обещаний повысить в должностях и званиях потом перешли к угрозам, мол, все от майора и выше из дивизии будут уволены, затем стали брать безоружных солдат и офицеров в заложники, захватили два бэтээра и более двадцати машин, которыми таранили вход в мэрию и на которых позже, размахивая автоматами, ехали к Останкинскому телецентру. Личный состав соединения, оказавшись в такой ситуации, был вынужден отойти в расположение дивизии для перегруппировки.

Ночью поступила команда вооружиться штатным оружием, подготовить технику, быть в готовности к действиям. Не всем частям удалось организованно выйти из района мятежа, поэтому некоторые подразделения добирались в расположение дивизии своим ходом. Примерно к 21.00 командиры частей доложили о наличии личного состава – ни одного самовольно оставившего часть не было. Но при этом в некоторых частях недосчитались примерно по десятку солдат. Их сослуживцы свидетельствовали о том, что они оказались в заложниках.

К этому времени вооруженные группы сторонников Верховного Совета захватили мэрию столицы, предприняли несколько попыток взять приступом Останкино.

О том, что происходило у телецентра, рассказывает Герой Российской Федерации полковник запаса Олег Кублин (в то время заместитель командира отряда специального назначения «Витязь»).

– Третьего октября около 13 часов поступил сигнал: поднять по тревоге отряд и срочно прибыть к Белому дому, там начались массовые беспорядки.

В момент собрались. Едем. Навстречу по Садовому кольцу – отходящие войска. Толпа напирает, давит. А у солдат только резиновые палки и щиты. Вижу комдива. «Какая наша задача?» – спрашиваю. «Скорее ставь поперек Садового цепочку!»

Мы перекрываем улицу, обеспечиваем отход подразделений ОМСДОНа для последующей перегруппировки сил. Броня и оружие в руках – аргумент убедительный, нас не трогают. Выполнив поставленную задачу, по приказу отправляемся на базу. Тут подъезжает командир отряда. Бойцы заметно повеселели. Если рядом Лысюк, значит, все будет в порядке.

Проехали метров триста, и Сергей Иванович получает по рации указание от командующего внутренними войсками выдвинуться для усиления охраны Останкинского телекомплекса.

Следуя по проспекту Мира, догнали колонну грузовиков и автобусов с людьми. Среди них были «пассажиры» с оружием. Лысюк доложил обстановку генералу Анатолию Сергеевичу Куликову...

Подразделения правопорядка в Останкино включали 50 милиционеров и 34 военнослужащих из роты специального назначения «Ягуар» 1-го полка дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. Никто не предполагал, что оппозиционеры пойдут на штурм. Поэтому и ограничились этим минимумом для охраны. Группа спецназовцев прибыла к телецентру в 16.00, а вслед за нами буквально минут через десять-пятнадцать подкатили демонстранты на захваченных машинах. К этому времени «краповики» уже успели занять позиции в большом здании аппаратно-студийного комплекса (АСК-1): командование считало его наиболее важным объектом, было приказано именно здесь сосредоточить основные силы.

После бурного митинга демонстранты перешли к активным действиям.

Один из лидеров отдал распоряжение: «Захватывайте отделы милиции и банки, разоружайте охрану». Назвав места дислокации двух частей внутренних войск Московского гарнизона, направил туда своих людей. Призвал рабочих идти на заводы: «Обшивайте стальными листами грузовые машины – нам нужны броневики». Затем вооруженные люди устремились к зданию АСК-3. Выход в прямой эфир был возможен только из него. Прозвучала команда: «Таранить грузовиком двери!» Тяжелый удар. Скрежет металла, звон разбитого стекла. К бреши в фасадных дверях приблизился руководитель штурмовиков в сопровождении охраны. Потребовал старшего...

На тот момент единственным офицером в третьем студийном комплексе был лейтенант, начальник караула «ягуаров». Он подошел к завалу из стульев у протараненной двери. Прозвучало требование сложить оружие: «Мэрия пала. Белый дом разблокирован. Власть в наших руках. На нашу сторону переходят войска». Офицер ответил: «Мне отдан приказ охранять и оборонять здание, не допустить его захвата. Без распоряжения старшего начальника снимать караул не имею права. Прошу увести ваших людей». «Если через три минуты не сложите оружие, за последствия не отвечаю», – последовал в ответ ультиматум.

Тут и подоспел командир УБСН с подкреплением. Лысюк привел с собой 35 человек. Вовремя. Бойцы из караульной группы воспрянули духом. Их в АСК-3 была горстка – шестнадцать человек всего, остальные в большом здании.

Подполковник Сергей Лысюк и подполковник Александр Никишин быстро организовали круговую оборону. Главный ее рубеж проходил по балкону первого этажа напротив входа.

Наступавшие тоже времени не теряли. Пока в вестибюле технического здания шли переговоры, они приготовились к атаке. Некоторые штурмовики из отряда, прибывшего к телецентру, были вооружены. Смешавшись с толпой, они заняли позиции за живым заслоном.

В 19.10 на втором этаже АСК разорвалась граната, выпущенная из РПГ.

Оглушительный грохот на ноте угасания слился с многоголосым стоном. Десятки людей, сжимая ладонями уши, заметались от боли. Стрелок не догадался перед выстрелом убрать столпившихся перед зданием людей из зоны действия реактивной струи.

И тотчас же с обеих сторон заговорили стволы.

Замкомандира группы потом рассказывал: «От взрыва заложило уши. Пришел в себя – увидел рядом упавшего на пол рядового Колю Ситникова. Подумал: контузило парня. Но... трудно говорить об этом... Наш Сита погиб...»

Бой продолжался около часа. Окружив телекомплекс со всех сторон, штурмовики три раза атаковали АСК-3, забрасывали бутылками с зажигательной смесью. Здание горело, его удалось потушить часам к трем 4 октября. Бойцы все атаки отбили. Несмотря на то что соотношение сил было десять к одному. Не в пользу спецназовцев. На помощь с других участков обороны рассчитывать не приходилось. Там тоже шла перестрелка.

Заканчивались боеприпасы. Лишь вечером, после 20 часов, на броне прибыла подмога из дивизии. Где-то к половине одиннадцатого удалось оттеснить демонстрантов от здания АСК-3.

Штурм телекомплекса был организован отнюдь не дилетантами. Тактика действий атакующих, умение передвигаться под огнем, скорость изготовки к стрельбе, быстрая эвакуация раненых и убитых свидетельствовали о том, что войска имели дело с хорошо подготовленными профессионалами. Огонь велся с нескольких направлений. Стреляли с крыши дома номер восемь на улице Королева. Стреляли из сквера, пока не подавили эти огневые точки из бэтээра. Вели огонь с крыши здания, стоящего за АСК-3. Оно возвышается над студией, оттуда было удобно обстреливать площадь и прилегающую местность. Причем стреляли не только по военнослужащим. От пули снайпера пострадал пожарный. Он получил ранение в грудь, было прострелено легкое.

Вытеснив атакующих с площади и из сквера, дзержинцы полностью овладели инициативой. И тогда у командования появилась полная уверенность, что Останкино устоит при любом штурме...

Ночью руководство страны приняло решение на штурм Белого дома и арест парламентариев, зачинщиков массовых беспорядков и вооруженного мятежа.

После полуночи в штаб ОМСДОНа прибыли представители командующего внутренними войсками, которые довели задачу дивизии и заслушали решение командира соединения на применение сил и средств. Примерно в 4 часа утра дивизия несколькими колоннами вышла из расположения в направлении Белого дома.

К 6 часам утра БМП стояли в сквере рядом с краснопресненским стадионом. В ожидании сигнала к штурму заняли исходное положение подразделения «Альфы» и «Вымпела», ВДВ. Дивизия выставила патрули и заслоны на подступах к зданию парламента, сосредоточила вблизи него резервы.

В 6.00 прогремел первый залп орудий БМП, начали работу спецназовцы. Штурм продолжался до 17 часов. Защитники Белого дома оказывали активное сопротивление, вели непрерывный огонь из окон. Система обороны была продумана до мелочей, ведь ею руководили видные в недавнем прошлом военачальники, среди депутатов были и бывшие кадровые военнослужащие. Примерно в 10 часов со стороны гостиницы «Украина» к набережной подошли танковые подразделения Таманской и Кантемировской дивизий и начали обстрел верхних этажей Белого дома.

Каждые полтора-два часа руководство спецоперацией объявляло по громкоговорителям о пятнадцатиминутном или получасовом прекращении огня. Они были необходимы для того, чтобы район могли покинуть граждане, не успевшие сделать этого до начала штурма. Кроме того, мятежникам предоставлялась возможность сдаться на милость сил правопорядка. Нужно сказать, что таковых было немало. Среди них, кстати, все чаще попадались обкуренные или пьяные юнцы, бывшие военнослужащие, члены Союза офицеров России. Утром в одном из бронетранспортеров, который в составе группы убыл в сторону Белого дома для огневого прикрытия штурмующих подразделений, погиб командир батальона 4-го полка подполковник Александр Савченко. Уже днем был подбит БТР, выехавший на набережную для обеспечения эвакуации мирных граждан. В нем погибли начальник штаба батальона 5-го полка майор Сергей Грицюк, солдаты этой же части рядовые Олег Петров и Юрий Лобов, был тяжело ранен лейтенант Александр Михайлов.

Позже в госпитале он скончался. Все они удостоены высокого звания Героя Российской Федерации.

К 18.00 лидеры мятежников были арестованы, ситуация вокруг Белого дома и в Москве в целом перешла под контроль правоохранительных органов. Здание парламента приняли под охрану подразделения ОМСДОНа, других частей внутренних войск. Всю ночь на подступах к нему несли службу патрульные группы, КПП, заслоны. Все это время работали бригады «Скорой помощи», органов госбезопасности. Они оказывали медицинскую помощь раненым, которые оставались в сквере перед Белым домом. Погибших защитников осматривали оперативно-следственные работники. В их карманах находили паспорта граждан прибалтийских республик, крупные суммы денег в иностранной валюте. По всему было видно, что среди обороняющихся были наемники.

5 октября во второй половине дня части дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, несшие службу в районе проведения спецоперации, сменили подразделения софринской и специальной моторизованной бригад внутренних войск. В тот же день в Москве было объявлено чрезвычайное положение.

От ОМСДОНа были выставлены войсковые наряды и караулы по охране важных объектов жизнеобеспечения столицы (электростанции, водоканал, телецентр, радио и т.д.), усилена служба по охране общественного порядка.

Режим ЧП продолжался в течение двух недель. За это время каких-либо серьезных происшествий и преступлений в Москве не произошло.

Дзержинцы выполнили поставленные перед ними задачи. Если отбросить политические пристрастия и амбиции, то с полной уверенностью можно сказать, что военнослужащие дивизии в тот грозный для России октябрь предотвратили гражданскую войну, на грани которой находилась страна.

ОДОН В ЧЕЧНЕ

Но это в центре и по политическим мотивам ей разразиться не дали. А на юге России, в Чечне, страсти так и не затухали с 1992 г.

Летом 1994 г. в приграничную с Чечней Северную Осетию были стянуты части и соединения Вооруженных сил и внутренних войск. В августе задачу на переброску в Моздок получили отряд «Витязь» и отдельный батальон на БМП ОДОНа. Остальные полки в соответствии с распоряжением вышестоящего командования, оставаясь в пункте постоянной дислокации, находились в готовности к немедленным действиям в горячем регионе и составляли резерв министра внутренних дел.

Накануне Нового года боевое распоряжение на ввод в Чечню получили и они, что и было сделано в первой декаде января 1995 г. В это же время в Ханкалу переехал командный пункт группировки войск, а вместе с ним и «витязи». ОДОН – в аэропорт Северный. Каждый полк дивизии, прибывший в Чеченскую Республику, получил самостоятельную задачу: 4-й – на выполнение служебно-боевых мероприятий на дагестано-чеченской границе (в районе Кизляра, потом под Хасавюртом), другие части – на Моздокском направлении, с последующим перемещением в район Северного к совхозу Родина. В Моздоке остался только ремонтно-восстановительный батальон.

Службу несли в этих районах ответственности до середины апреля путем выставления контрольно-пропускных пунктов, взводных и ротных опорных пунктов, выделения маневренных групп, подвижных КПП. Отряд «Витязь», являвшийся резервом командующего группировкой войск и располагавшийся в Ханкале, выполнял задачи по всей Чечне.

С середины апреля, когда в Грозном обстановка несколько стабилизировалась, дивизия получила задачу на передислокацию под Хасавюрт, туда, где уже находился 4-й полк, и обеспечение безопасности примерно пяти-, семикилометрового по фронту участка чечено-дагестанской границы, в непосредственной близости к трассе Баку – Ростов-на-Дону. «Витязь» оставался в Ханкале.

Переезжали в два этапа, сначала под Шали. Там были проведены разведывательно-поисковые мероприятия в направлении: Аргунское ущелье – Алерой и далее на восток (Центорой, Новогрозненский хребет, Белоречье). Второй этап передислокации на полевой стан под Хасавюртом состоялся через две недели работы в

Шали. Объединившись там с 4-м полком, дивизия стала основой тактической группировки, впоследствии получившей название группа «Восток».

– На марше колонна неоднократно подвергалась нападению со стороны боевиков, – рассказывает заместитель командира дивизии по чрезвычайным ситуациям (с 1994 по 2005 г.) полковник Анатолий Зюзин. – Это были мелкие укусы – никто из военнослужащих во время обстрелов не пострадал. Тем не менее понервничать командирам пришлось. Боестолкновения произошли в районе Новогрозненского хребта, села Кашкельды. По всей вероятности, бандиты проводили разведку боем, проверяли нас на предмет организованности действий, вооружения, наших способностей вообще. На новом месте под Хасавюртом части и подразделения дивизии несли службу теми же способами, что и в Грозном и его пригородах. Кроме того, выделяли группы для сопровождения колонн, двигающихся как в сторону Грозного, так и обратно. Главная же задача заключалась в предотвращении проникновения бандгрупп на территорию Чеченской Республики и Дагестана и незаконного вывоза горюче-смазочных материалов.

Большую помощь оказывала дивизии войсковая авиация, которая своевременно обнаруживала формирования боевиков, патрулируя зону нашей ответственности с воздуха, информировала нас о них и поддерживала во время боестолкновений огнем.

Не проходило и дня, чтобы бандиты не предпринимали попытки проникновения либо в Чечню, либо в Дагестан, естественно, не без стрельбы. Серьезные бои произошли после Дня Победы, на высоте пятьдесят шесть и шесть за деревней Тухчар 11 и 19 мая. Тогда, к сожалению, не обошлось без потерь. Погибло 15 военнослужащих и несколько гражданских рабочих дагестанского узла связи. Связистам предстояло восстановить линию правительственной связи, оборванную как раз возле деревни. Прикрывали их во время работ подразделения 4-го полка, инженерно-саперного батальона дивизии и группа спецназа. Район этот контролировался в то время боевиками. К тому же антенны, установленные на названной высоте, использовались ими в качестве ретрансляционного пункта. Сначала при подходе к горе подорвались несколько саперов на растяжках и минах. Потом бандиты атаковали группу. В первый раз пришлось отойти. 19 мая бой повторился по тому же сценарию. Однако нападение боевиков одоновцы не только отразили, но и одержали верх в боестолкновении. Высота была взята под контроль подразделениями дивизии, связь восстановлена. В последующем там выставили опорный пункт. Оттуда же, поскольку высота в районе господствующая, осуществлялся контроль за всеми проводимыми подразделениями дивизии мероприятиями.

Постоянным нападениям подвергались колонны, сопровождаемые нарядами соединения, маневренные группы, пункты временной дислокации. Боевики действовали по принципу: ужалил – убежал. Так, 6 мая со стороны Ишхой-Юрта был обстрелян лагерь одного из полков. Огонь вели из танка, спрятанного в «зеленке»: сделали несколько выстрелов и скрылись. Никто из военнослужащих, к счастью, не пострадал. Досталось лишь пункту хозяйственного довольствия, который частично был выведен из строя. После праздника этот танк обнаружили-таки и уничтожили приданные «дзержинцам» танкисты.

В середине декабря 1995 г. произошли трагические для дивизии события в Гудермесе. Там в старом здании комендатуры, взятом в кольцо боевиками, в полной блокаде после боестолкновения в течение нескольких дней находилось подразделение внутренних войск.

Среди его военнослужащих были раненые и погибшие. Дивизии командующий поставил задачу пробиться к зданию комендатуры и освободить окруженное подразделение. 14 декабря маневренная группа убыла на задачу. Ее возглавил командир тактической группы полковник Владимир Манюта.

Вот как вспоминает о выполнении той задачи заместитель командира полка (в 1995 г.) полковник Алексей Зинин:

«Утром 14 декабря резерв полка был поднят по тревоге. Командир ТГ-7 полковник Владимир Манюта поставил задачу: совершить марш в город Гудермес, где боевики заблокировали комендатуру и железнодорожный вокзал, с ходу деблокировать их. Обстановка, по данным разведки, там была сложной: несколько суток продолжался бой, личный состав комендатуры нес серьезные потери, боеприпасы у обороняющихся были на исходе.

Около 8 часов утра колонна (250 человек на бронетранспортерах) начала движение. Мы

без проблем прошли Гирзель-аул, Кашкельды, Суворов-Юрт, хотя, по имеющейся информации, эти населенные пункты контролировали боевики. В Новогрозненском усилились двумя танками из состава танковой роты Вооруженных сил. Примерно в 10 часов утра наш резерв прибыл на блокпост № 33, где службу несли подразделения оперативной бригады Северо-Западного округа внутренних войск.

До Гудермеса рукой подать. Уточнили обстановку. Смущало то, что, несмотря на оперативную сводку, в городе не было слышно стрельбы. Тишина, и никаких признаков многодневного ожесточенного боя. Однако поставленную задачу надо было выполнять.

Поскольку мы не знали, где находится здание комендатуры, показать дорогу вызвался военнослужащий питерской бригады. Решением полковника Манюты резерв разделили на две части. Первая – осталась в районе 33-го блокпоста, вторая – пошла в город. Колонна спустилась с высоты на федеральную трассу Кавказ, как раз в том самом месте, где она подходит к Гудермесу. Слева от нас был дачный поселок, справа – большой пустырь, вдали – школа, а за ней начинались городские кварталы.

Впереди нашей колонны в головном дозоре походным порядком шли разведчики в белых маскхалатах. За ними – танк, и только потом главные силы. Мы с полковником Манютой были на первой машине.

Бой начался внезапно. Почти на въезде в Гудермес разведчики вдруг спрыгнули с брони, одновременно был подорван их первый БТР. По радиостанции доложили о том, что начальник разведки ранен. В это же время справа от главных сил резерва, со стороны городских кварталов, бандиты начали поливать нас свинцом. Рядом с бэтээром, на котором находились мы с полковником Манютой, разорвался выстрел, выпущенный из гранатомета, один собровец был ранен в живот, еще один получил контузию. Мы спешились и заняли оборону слева от машин.

Огонь был настолько плотный, что головы не поднять, а тем более посмотреть и разобраться, откуда стреляют боевики. Треск автоматных и пулеметных очередей заглушал все на свете, свист пуль и поднимаемые ими фонтанчики снега заставляли буквально вжиматься в землю. Прошло минут пять, как мы с полковником Манютой спрыгнули с брони и разлетелись: он – под заднее колесо бэтээра, я – под переднее. Повернувшись к нему, я увидел, что он лежит без сознания, ранен в голову. Тут же санинструктор кинулся к нему оказать первую помощь. Тоже получил ранение, в поясницу. Но не бросил командира, продолжил свое дело.

Приняв командование резервом на себя, решаю совершить маневр и вывести личный состав и технику из боя. По точкам, откуда предположительно стреляли бандиты, был открыт ответный огонь из танка и крупнокалиберных пулеметов бронетранспортеров. Боевики поутихли, а значит, мы выиграли время, которое и было использовано для разворота бронетранспортеров и машин. Вернулись разведчики на одном БТРе. В этот же момент мы вынесли в безопасное место полковника Манюту, чтобы в дальнейшем эвакуировать его.

Примерно около часа резерв с боем, ведя огонь по крайним зданиям Гудермеса, выходил обратно на 33-й блокпост.

В тот момент я запомнил на всю жизнь лица своих подчиненных. В их глазах не было испуга или паники. Наоборот – все в них говорило о решительности, отсутствии какого бы то ни было сомнения в действиях командиров и в нашей победе.

По прибытии на блок 33-й бригады мы подсчитали потери. К сожалению, без них не обошлось. Было ранено пятнадцать человек, одиннадцать бойцов – убиты, еще двое пропали без вести. В тот же день мы убыли в пункт временной дислокации 4-го полка дивизии. Двигаться в Хасавюрт было небезопасно – всю трассу Новогрозненский, Суворов-Юрт, Кешкельды контролировали боевики. Резерв полка занял круговую оборону в районе сосредоточения 4-го полка.

Несмотря на то что на следующие сутки ситуация на дороге не изменилась, к нам с полевого стана вышла колонна с боеприпасами, горюче-смазочными материалами, продовольствием. Хоть и с боями, но все же она пробилась к Новогрозненскому. Навстречу ей выходил резерв 4-го полка, который несколько раз вступал в бой с бандитами, прикрывая движение нашей техники. Причем тоже потеряли одного военнослужащего и БТР.

Словом, мы закрепились в 4-м полку и начали планомерно готовиться к специальной операции по деблокированию комендатуры и железнодорожного вокзала в Гудермесе. Рано

утром 20 декабря отряд нашего полка, усиленный подразделениями 4-го, совершил марш по маршруту Новогрозненский – Гудермес. Задача: закрепиться на юго-восточной окраине Гудермеса и огнем своих средств, находясь в группе прикрытия, обеспечить действия штурмовой группы 8-й бригады оперативного назначения внутренних войск, усиленной танковой ротой Министерства обороны. Операция началась по плану. Но уже в ходе нее произошли некоторые изменения. Подразделениям 8-й бригады не удалось преодолеть оборону противника с фронта. Тогда было принято решение продвинуться вперед подразделениям полка. Мы смогли закрепиться в первых двух кварталах Гудермеса. В ходе боя погиб командир взвода третьей роты лейтенант Таболин, который совершил геройский поступок. Он увидел, что противник оказывает серьезное сопротивление наступающим с фронта подразделениям. С группой бойцов своего взвода Таболин зашел в тыл боевикам, уничтожил огневую точку бандитов и тем самым обеспечил успех атакующим группам. Но пуля чеченского снайпера достала Таболина. Он погиб на месте.

К 15 часам подразделения полка заняли два первых квартала Гудермеса и закрепились в них. Однако к вечеру мы получили, на мой взгляд, не совсем оправданную команду отойти и занять исходное (до начала операции) положение.

22 и 23 декабря с него одоновцы продолжали вести разведку боем, выявлять и уничтожать огневые средства противника. А во второй половине дня 23 декабря подразделения полка вновь вошли в Гудермес. На этот раз им удалось пробиться дальше прежнего. Комендатура была разблокирована. В это же время старший разведгруппы доложил, что она прорвалась на железнодорожный вокзал. Совместно с подразделением милиции, блокированным там, разведчики рассеяли боевиков. К вечеру их в городе не осталось – понеся большие потери, они были вынуждены уйти из Гудермеса.

До 28 декабря наряды штурмовавшего Гудермес полка проводили зачистку районов и кварталов города. Было найдено большое количество тайников, схронов с оружием и боеприпасами, взрывчаткой.

28 декабря полк получил задачу возвратиться в район Хасавюрта и продолжить выполнять задачи в резерве.

В начале 1996 г. командующий внутренними войсками принял решение о выводе частей дивизии из Чечни в пункт постоянной дислокации. Дивизию в этом районе сменили части и подразделения Московского округа внутренних войск.

«ВИТЯЗЬ» НА МЕСТЕ ДОЛГО НЕ СИДИТ

В пункт постоянной дислокации вернулся и отряд «Витязь». Скажем прямо: отдых они тоже заслужили. Этот только кажется: раз находились в Ханкале, значит, особо и не напрягались. В течение года «витязи» почти безвылазно находились на войне: разведвыходы, спецоперации, боестолкновения. Солдаты и офицеры нуждались хотя бы в небольшой передышке, которая позволила бы укрепить силы. Но ситуация в стреляющем регионе перечеркнула все планы. Даже на короткий срок не отпускала их война...

Утром 9 января на дагестанский город Кизляр, расположенный недалеко от границы с Чечней, дерзко напала банда Салмана Радуева. Буденновский сценарий Шамиля Басаева повторился в кизлярской трагедии.

Боевики скрытно переправились через Терек, разбились на группы, вышли к аэродрому, где сожгли два вертолета, потом попытались захватить городок батальона внутренних войск. Получив достойный отпор и понеся серьезные потери, радуевцы перегруппировались. Используя басаевскую тактику, они захватили больницу и согнали в нее местных жителей. Дальше, угрожая расправой над заложниками, потребовали вывести федеральные войска из Чечни. В результате переговоров, которые вели с террористами власти Дагестана, боевикам были предоставлены автобусы и машины. На них они планировали уехать в Чечню.

11 января бандиты под прикрытием живого щита выехали из Кизляра. Доехав до села Первомайское, они неожиданно остановились и начали подготовку к обороне. Заложников бандиты заставили рыть окопы...

Срочно поднятый по тревоге отряд спецназначения ОДОНа прибыл в Кизляр. Оттуда, получив задачу, – в район Первомайского. Трое суток, пока подтягивались дополнительные

силы – артиллерия, бронетехника, – «витязи» готовились к операции. Тем временем террористы продолжали укреплять село. Задача перед спецназом стояла не из простых: разгромить банду, хорошо окопавшуюся в населенном пункте, и не допустить при этом массовых потерь среди заложников. Это уже потом стало известно, что и командовавший тогда Объединенной группировкой генерал Вячеслав Валентинович Тихомиров, и возглавлявший в то время Министерство внутренних дел генерал Анатолий Сергеевич Куликов предлагали уничтожить террористов в поле, еще до того, как они добрались до Первомайского. Но, вероятно, снова, как и в истории с Басаевым у Дамхурцского перевала, этим событиям была, как говорится, придана политическая окраска, что и повлияло на принятие окончательного решения.

Теперь же у спецназа других вариантов уничтожения банды и освобождения заложников, кроме штурма села, не оставалось. Отряд закрепился в юго-восточном квартале Первомайского. Предполагалось ударить во фланг боевикам – это всегда эффективно.

Утром 15 января над селом зависли боевые вертолеты. Армейские части провели артподготовку, и спецназ – отряд «Витязь», СОБРы и подразделения «Альфы» – пошел на штурм.

Первое огневое соприкосновение произошло, когда головной дозор «витязей» внезапно вышел на охранение радуевцев. Действовали «краповики» как всегда дерзко и напористо, так, что бандиты не успели даже опомниться. Они были уничтожены гранатами.

Спецназовцы захватили первую линию обороны боевиков и овладели небольшой высоткой на окраине села. Но не успели они закрепиться на достигнутом рубеже, как поступил приказ всем подразделениям вернуться на исходные позиции (обратите внимание на повторение гудермесского сценария).

Когда отходили, смертельное ранение получил рядовой Дмитрий Евдокимов – бандиты пристреляли каждый пятачок в селе.

На следующее утро все снова: с юго-восточного рубежа вперед к центру Первомайского. На этот раз спецназовцы дошли до центральной улицы – второго рубежа обороны радуевцев. Но шквальный огонь боевиков из окопов и из окон домов заставил их остановиться. В жестоком бою был тяжело ранен заместитель командира отряда по работе с личным составом Олег Кублин, который вел за собой штурмовую группу. Его чудом удалось вытащить из-под огня. Позже за мужество и героизм, проявленные в той операции, он был удостоен звания Героя Российской Федерации.

Противоборство продолжалось до вечера. Оборону боевиков прорвать так и не удалось. В 17.00 всем наступавшим дали отбой, пришлось покинуть село.

Вечером 17 января бандиты предприняли попытку выйти из окружения с помощью атаковавшего армейские подразделения блокирования в районе села Советское отряда боевиков, который подошел из Чечни. Основная часть радуевцев стала прорываться из Первомайского к Тереку. Но из-под огня артиллерии и авиации, работавших по ним, уйти удалось только шестидесяти бандитам во главе с Радуевым.

Утром 18 января после артподготовки и воздушного удара спецназовцы вошли в село. Боевиков в нем уже не было...

После завершения операции в Первомайском средства массовой информации обрушились с критикой в адрес силовых структур, не дожидаясь компетентных оценок военных специалистов. Но верно говорят: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Да, победа далась дорогой ценой: было много неразберихи, не лучшим образом проявили себя некоторые атакующие подразделения. И потерь избежать не удалось. Но все же главная цель операции достигнута: около 90 заложников освобождены, банде Радуева нанесен ощутимый урон.

Не успели спецназовцы, как говорится, прийти в себя от Первомайского, как командование группировкой войск поставило перед нами новую задачу. Предстояло участие в спецоперации по освобождению Новогрозненского, где, по информации разведчиков, находился штаб Масхадова и куда из Первомайского подалась банда Радуева. По предварительным оценкам, группировка боевиков, сосредоточившаяся там, составляла никак не меньше 700–800 человек.

16 февраля утром командиры групп спецназа вылетели на рекогносцировку района предстоящих действий. На старых картах, которые они имели в своем арсенале, значилось,

что штурмовать придется лишь три одиноко стоящих дома. На самом деле все оказалось гораздо сложнее. Подлетев на недоступное для чеченских зениток расстояние на вертолетах, они увидели большой, хорошо укрепленный поселок, изрытый окопами и ходами сообщения. Первая линия домов была превращена в цепь настоящих дотов. Интенсивность радиообмена между полевыми командирами дудаевцев и большое количество позывных подтверждали информацию о сосредоточении в поселке крупных сил боевиков. Все это позволяло сделать вывод о том, что предстоящий штурм по сопротивлению противника мало чем будет отличаться от первомайского. Но «витязи» были уже стреляными воробьями. На испуг их не возьмешь.

Идти в бой с ними должны были батальон десантно-штурмовой бригады и оперативный полк на БМП новочеркасской дивизии.

18 февраля утром готовились к бою. Солдаты подгоняли снаряжение, наводчики-операторы проверяли пулеметы на бэтээрах, пополняли боекомплект. Через пару часов общей колонной двинулись на Новогрозненский.

Навстречу военным то и дело попадались автобусы с местными жителями, покидавшими родное село. Верная примета: встретил беженцев – готовься к бою. Так оно и вышло. Уже на подъезде к селу боевики встретили колонну шквальным огнем. Огонь был настолько плотный, что головы не поднять. По спецназу стреляли не только со стороны поселка, но и с поля, что простиралось за спинами бойцов.

Взять поселок с ходу не удалось. И «витязи», и десантники отошли к АЭС за поселком. За ночь выработали новую тактику. Понятно было, что дудаевцы так просто из села не уйдут.

Рано утром 19 февраля началась артподготовка. С переносом огня в глубину обороны противника вперед должны были пойти бээмпэшки и подразделения новочеркассцев, ОМОНа и СОБРа. «Витязь» действовал во втором эшелоне. Бой был ожесточенный: горели БМП, гибли солдаты, отступали плохо вооруженные омоновцы. Из села с белыми флагами бежали остававшиеся там до сих пор мирные жители. Обстрел со стороны Новогрозненского усиливался.

Достичь успеха и в этот день не удалось. В районе сосредоточения командиры снова засели за планирование действий уже на следующий день.

Как рассказывают офицеры отряда, участвовавшие в той операции, неожиданно для них подразделения ОМОНа и СОБРа (по количеству людей – примерно 300–400 человек, а это мощная ударная сила), видя безуспешные попытки войти в село и зная о том, что срок их командировки кончился как раз в этот день, наотрез отказались идти в бой. Не подействовали на них ни увещевания спецназовцев, ни слова боевого генерала Шаманова, командовавшего федеральными войсками на этом направлении.

Они отговаривались тем, что не их это задача – село штурмовать. Вот прошерстить селян после атаки, осуществить паспортный контроль – это да, а воевать – задача военных. Скорее всего, они просто были сильно напуганы тем, что один омоновец в предыдущем бою погиб.

В общем, все они, кроме новосибирского СОБРа, уехали. Впрочем, как впоследствии стало известно, командир брянского отряда милиции за бегство с поля боя был снят с должности и, кажется, даже уволен из органов.

На третий день спецоперации «витязям» придали три танка, по одному на каждую группу. На командирском совете после высказанных предложений было принято решение: танки и бронетранспортеры с ходу выйдут на федеральную дорогу и, достигнув Новогрозненского, обработают ближние и дальние дома, стоящие в полосе наступления. После этого боевые группы отряда броском вперед овладеют строениями, находящимися в полосе наступления отряда.

Дальше штурм должен был проходить волнами. Перенос огня танков внутрь, бросок первого эшелона ко второму рубежу и его захват, овладение оставшимися позади него зданиями группами второго эшелона.

В итоге – последовательный переход поселка под контроль войск.

Танкисты свое дело сделали. Спецназовцы тоже закрепились в первых домах, когда гильзы снарядов еще не успели остыть. Десантники шли вровень с «витязями».

Дождавшись темноты и использовав дымы, одоновцы вышли на следующий рубеж,

который был выгоднее прежнего, закрепились на нем, организовали боевое охранение и стали ждать рассвета, чтобы двигаться дальше.

Ночью дудаевцы провели разведку боем. Несколько раз открывали беспорядочную стрельбу в надежде на то, что спецназовцы ответят тем же и раскроют тем самым свои огневые средства и позиции. Но дзержинцы проявили хладнокровие, на стрельбу стрельбой не отвечали. Поэтому атаковать их бандиты не решились, опасаясь нарваться на свинцовый град.

С рассветом поступила команда «Вперед». Когда спецназ, преодолевая незначительное сопротивление боевиков, прошел основную часть села, навстречу «витязям» вышли люди с белыми флагами. Бандиты сдались, и инициатива полностью перешла в руки военных. Местные жители, не решившиеся оставить свои дома, когда начался бой, объяснили, что примерно в три – полчетвертого ночи все боевики ушли из села.

Примерно в 17.00 спецназовцы вышли на противоположную окраину поселка, почти сразу за которым начинались горы и зеленка. Там-то и укрылись боевики. По вероятным местам их нахождения отработали вертушки и артиллерия. Техника, десантники и пехота пошли в горы, чтобы добить укрывшихся в лесном массиве дудаевцев.

Так закончился штурм Новогрозненского – последняя операция первой чеченской кампании. Но не последняя в боевой летописи дивизии.

* * *

Был в истории соединения в первую чеченскую кампанию эпизод, не рассказать о котором нельзя. Семеро военнослужащих полка оперативного назначения, попавшие в плен к боевикам, проявив волю, смекалку, храбрость и перестреляв восьмерых охранников, сумели уйти из неволи. О таких примерах за все время боевых действий в Чечне слышать как-то не доводилось...

Ефрейтор Павел Иванов, рядовые Николай Камольский, Александр Холод, Андрей Кошкарев, Александр Скаченко, Ильшат Кабулов и Сергей Шинов попали в плен после четырехчасового боя у села Шуани, когда у них кончились боеприпасы. Вместе с одоновцами на базе Абдул-Кадыра, которая специализировалась на захвате российских солдат с последующим их обменом или продажей, в плену находился военнослужащий бригады оперативного назначения ефрейтор Федор Петелин.

В августе 1996-го начались бои в Грозном. Абдул-Кадыр взял с собой несколько человек и уехал воевать, оставив на базе одиннадцать боевиков.

Ребята стали обдумывать, как бежать. Вариантов было несколько. Можно было уйти ночью, когда пленников охранял один чеченец и обычно брал кого-то из солдат с собой на пост, чтобы вести с ним душеспасительные беседы. Но от этого плана ребята отказались – должно быть очень много удачных совпадений, чтобы его реализовать.

Другой вариант – попробовать завладеть оружием, которое боевики иногда на время обеда оставляли в блиндаже. Но этот вариант тоже был рискованным: боевики никогда не садились за стол все вместе. Поэтому и его забраковали.

В конце концов решили бежать, перебив охранников во время молитвы.

Вечером Ильшат и Федя находились рядом с кухней. Первый чистил картошку и обратил внимание на висящий на дереве ручной пулемет, который один из охранников оставил там, когда вместе с остальными пошел совершать четвертый намаз. Федор по приказанию чеченки поварихи Мадины пошел в погреб, который находился рядом с палаткой боевиков, за чесноком. В нее-то, выбравшись из погребка, Петелин и нырнул. Автомат с патронами лежал на видном месте. Бесшумно передернуть затворную раму, чтобы подготовить оружие к бою, у него не получилось – Мадина стала искать Федора. Пришлось вернуться к столу. Посмотрел на Ильшата, у того нервы на пределе. И Федор пошел ва-банк. Сказав поварихе, что в супе не хватает лука, дружелюбно предложил принести пару луковиц из погреба. Та согласилась.

Федор с замиранием сердца снова пробрался в палатку. Схватил автомат и клацнул затвором. Отступать уже было некуда: выскочив на улицу, он выстрелил в упор длинной очередью. Семеро бандитов упали как подкошенные.

По четверым, которые находились в стороне от убитых Федором, сорвав с ветки пулемет, стал палить Ильшат. Правда, трое чеченцев все-таки скрылись в кустах.

Ребята освободили остальных пленников. Собрав оружие и поснимав с убитых

разгрузки, двинулись в путь.

Они шли всю ночь. Несколько раз им казалось, что их преследуют: где-то стреляли из автоматов, наверное, прочесывали «зеленку». Удивительно, но им удалось не напороться ни на чеченские посты и базы, ни на минные поля, ни на селения. Утром одоновцам показалось, что они вышли в знакомое место. Похоже, это было недалеко от Хасавюрта, где выполняла задачи дивизия. Солдаты решили не ждать ночи, а попытаться выйти к своим. В одном из домов села Тухчар, куда они, соблюдая меры предосторожности, зашли, дагестанцы накормили бойцов, предупредили, что чеченцы объявили их в розыск (передавали по телевизору). Показали дорогу, ведущую на российский блокпост.

Через несколько часов пути «дзержинцев» крепко, по-мужски обняли российские омоновцы...

Действия частей и подразделений Отдельной дивизии оперативного назначения в первой чеченской кампании были высоко оценены руководством Министерства внутренних дел и страны. Сотни военнослужащих соединения за мужество и самоотверженность, проявленные при выполнении специальных задач, награждены орденами и медалями, пятеро: прапорщик Олег Терешкин (посмертно), рядовой Олег Долгов (посмертно), полковник Александр Никишин, полковник Олег Кублин – удостоены высокого звания Героя Российской Федерации.

* * *

Передышка между первой и второй чеченскими кампаниями оказалась недолгой. Уже в августе 1999 г. отряд «Витязь» убыл в Дагестан, где принял участие в освобождении занятого боевиками села Чабанмахи. Потом были Аргун, Мескер-Юрт, Шали, Старые Атаги и другие населенные пункты Чечни, которые читатель по телевизионным репортажам и газетным публикациям узнал за десять лет почти беспрерывной войны на Северном Кавказе, пожалуй, лучше, чем географию своей малой родины. Отряд спецназа действовал там на всех направлениях, составляя резерв командующего группировкой войск (сил).

Кроме спецназовцев дольше других выполняли задачи контртеррористической операции подразделения инженерно-саперного и отдельного батальона на БМП.

Саперы, находясь в Ханкале, работали в интересах командного пункта группировки и правительства республики. Ежедневно инженерно-разведывательные дозоры выходили на ставшие уже привычными для них маршруты: Ханкала – Грозный, Ханкала – Аргун. Без участия воинов этого батальона не проходила ни одна специальная операция. На их счету сотни обезвреженных мин и фугасов, десятки взрывных устройств, найденных в тайниках и схронах при проведении зачисток.

Большой объем работы выполнили инженеры части. Каждый день их техника работала на оборудовании пунктов временной дислокации и военных городков частей объединенной группировки войск, засыпали искореженные войной дороги, восстанавливали коммуникации и трубопроводы в районе Грозного.

Танкисты, как по привычке называли в дивизии военнослужащих батальона на БМП, первый раз вылетели в боевую командировку в 2001 г. и выполняли задачи в Северо-Кавказском регионе до самого расформирования батальона в феврале 2004 г.

В 2001-м они несли службу на заставе в Замаюрте, обеспечивали работу инженерно-разведывательных дозоров, обследующих трасы на Мескеты и на Галайты, сопровождали колонны, двигавшиеся в сторону Грозного, Кизляра, Махачкалы.

Во второй командировке с июня 2002-го по март 2003 г. обоновцы охраняли комплекс правительственных зданий Чеченской Республики, радиоретранслятор, установленный на окраине Грозного. Часть личного состава несла службу во взводном опорном пункте совместно с воинами 2-го полка дивизии. Отдельные экипажи ОБОНа были приданы нарядам на КПП.

В феврале 2001-го после 5-летнего перерыва на чеченской земле вновь оказались бойцы оперативных полков. Один из них дислоцировался в районе поселка Балансу. Военнослужащие части несли службу на заставах в Замаюрте, Мескетах, Аллерое и на КПП № 101, восточнее Ножай-Юрта. Разведывательная рота, приданная подразделению специального назначения ФСБ, выполняла задачи в горах Веденского района. Часть сил полка находилась в резерве в готовности к немедленному реагированию на чрезвычайные ситуации в зоне ответственности в Ножай-Юртовском районе Чеченской Республики.

За полгода специальной командировки воины этого полка приняли участие в семидесяти спецоперациях и разведывательно-поисковых мероприятиях. В одной из них, проводившейся у озера Голубого, что на западной окраине Замаюрта, бойцы уничтожили около десятка боевиков. Во время так называемых зачисток военнослужащими полка обнаружено множество схронов, тайников с оружием и боеприпасами.

Другой полк выполнял служебно-боевые задачи в Ленинском и Октябрьском районах Грозного в составе взводных опорных пунктов, на КПП, в караулах по охране комплекса правительственных зданий. С огневых позиций осуществлялось артиллерийское прикрытие движения воинских колонн и воинских эшелонов. Выделялись войсковые наряды для сопровождения воинских колонн.

В декабре 2002 г. полк выделил в состав военных комендатур Ленинского и Октябрьского районов Грозного комендантские роты численностью по 82 человека каждая.

Военнослужащими полка выполнена 4801 задача боевой службы. Проведено 64 специальные операции, 132 разведывательно-поисковых мероприятия, выполнено более 2 тысяч задач на КПП, заставах, во взводных опорных пунктах и 71 задача по сопровождению воинских колонн, 671 – по проведению инженерной разведки маршрутов и участков местности.

К сожалению, не обошлось без потерь. В боестолкновениях с бандитами погибли 3 военнослужащих полка... 10 сентября 2002 г. во время проведения специальной операции погиб командир разведывательной роты старший лейтенант А. Цыганков, 20 ноября в инженерно-разведывательном дозоре подорвался на фугасе рядовой С. Попов, 15 января 2003 г. погиб ефрейтор К. Королев...

За период участия в КТО военнослужащие соединения уничтожили 38 незаконных мини-заводов по производству различных горюче-смазочных материалов, обнаружили и обезвредили около 1000 взрывоопасных предметов, более 4 тысяч боеприпасов различных типов. В ходе проведенных специальных операций изъяли: 490 единиц огнестрельного оружия, 51 гранатомет и 59 минометов различного калибра, 20 радиостанций иностранного производства, более 42 килограммов взрывчатых веществ и комплект деталей для кустарного изготовления фугасов и мин-ловушек.

В 2005 г. подразделения отдельной дивизии оперативного назначения были выведены из Чечни. Большая группа офицеров, прапорщиков и солдат за образцовое исполнение воинского долга была удостоена государственных наград. За проявленный в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе героизм трое военнослужащих дивизии – майор Сергей Басурманов (посмертно), сержант Сергей Бурнаев (посмертно), капитан Иван Шелохвостов (посмертно) – получили высокое звание Героя Российской Федерации.

Дивизия приступила к выполнению повседневных задач в пункте постоянной дислокации, где каждой воинской части отведена своя специфичная роль в правоохранительной деятельности внутренних войск. Отряд спецназа – резерв для немедленных действий. Усилия отряда при чрезвычайных обстоятельствах наращиваются полками оперативного назначения, которые в обычных условиях привлекаются к несению службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в Москве и области. Кроме того, как и раньше, определенные команды находятся в готовности при возникновении чрезвычайных ситуаций усилить охрану и оборону объектов правительственного назначения.

А ЧП в столице нет-нет да и случаются. Особенно в наш век, когда волна терроризма, не знающего границ, может докатиться, что там до Москвы, до любой точки мира. В самом начале 2007-го во время каникул многие москвичи заметили усиленные наряды милиции и внутренних войск в метро. Причиной усилению послужила угроза террористов аккурат в новогодние каникулы взорвать одну из станций столичной подземки. К счастью, ничего такого не произошло. И за это москвичи должны быть благодарны в том числе и «дзержинцам». Так оно, наверное, и есть. Во всяком случае, к бдительным воинам, то и дело проверяющим документы у граждан, они отнеслись с пониманием. А иначе и быть не может, ведь жители столицы прекрасно помнят, как они были напуганы в октябре 2002-го, когда банда чеченского полевого командира Мовсара Бараева устроила в театральном центре на Дубровке настоящий кошмар.

События на Дубровке. «Норд-Ост»

В 21 час 05 минут 23 октября, как было сообщено всеми информационными агентствами России, в Москве, в Театральном центре на улице Дубровка, террористы захватили заложников. По мере развития событий стало известно, что террористов примерно пятьдесят человек. Они вооружены автоматическим стрелковым оружием, пистолетами, гранатами, как штатными, состоящими на вооружении в Российской армии, так и самодельными. У них имеются взрывные устройства, по мощности превосходящие тротил. Два из них установлены в центре зрительного зала, в партере и на балконе, представляют собой стодвадцатимиллиметровые артиллерийские снаряды, упакованные в большие металлические цилиндры, остальные, с начинкой из мелких гвоздей и шариков, находятся на поясах шахидов. В роли смертников – женщины, скрывающие свои лица под масками. Командует бандитами племянник полевого чеченского командира Мовсар Бараев. Руководят же их действиями Масхадов и сбежавшие после первой чеченской кампании приспешники Джохара Дудаева.

В заложниках боевики удерживают примерно восемьсот человек. Это зрители, актеры и обслуживающий персонал популярного в Москве мюзикла «Норд-Ост». У них есть сотовые телефоны, по которым время от времени бандиты разрешают им позвонить родственникам и близким. Они сильно напуганы. Среди заложников есть люди, имеющие различные заболевания, дети и иностранные граждане. Бандиты угрожают взорвать Театральный центр, если не будет выполнено их главное требование – о выводе российских войск из Чечни. Для ведения переговоров и проведения специальной операции по освобождению заложников создан оперативный штаб, в который вошли представители всех силовых структур. Руководство операцией возложено на федеральную службу безопасности.

В 22 часа командиры частей ОДОНа в кабинете комдива уже получали задачу на приведение подчиненных им подразделений в высшую степень готовности, когда личный состав, вооруженный штатным оружием, находится в транспорте и ждет сигнала для немедленных действий. В половине первого ночи 24 октября колонна соединения, по распоряжению старшего начальника, выдвинулась к Дому культуры на улице Мельникова.

По прибытии в назначенный район и после уточнения оперативной обстановки отряд спецназначения «Витязь» перешел непосредственно в резерв главнокомандующего внутренними войсками для решения внезапно возникающих задач, а оперативные полки дивизии совместно с взаимодействующими частями московского специального моторизованного соединения внутренних войск и милицией блокировали район проведения спецоперации: выставили патрули на подступах к нему, заслоны и войсковые цепочки, КПП на улицах и дорогах, ведущих к Театральному центру. «Витязи» организовали взаимодействие с «Альфой» и «Вымпелом»: совместно выставили несколько заслонов и снайперских групп, которые должны были вести непрерывное наблюдение за объектом, собирать разведывательную информацию, задерживать подозрительных лиц, пытающихся проникнуть в блокированный район, а также воспрепятствовать возможному прорыву боевиков.

Весь следующий день шли переговоры с боевиками. Свои услуги в качестве переговорщиков предлагали рядовые граждане, видные политические деятели. Во Дворец культуры боевики допустили Иосифа Кобзона и Ирину Хакамаду. Они вывели оттуда нескольких заложников, в основном детей.

Разрешили передать заложникам соки, воду и предметы личной гигиены. Пострадавшим уже оказывала помощь бригада медиков из международной организации «Врачи без границ» во главе с известным в России доктором Рошалем. Погибла молодая женщина, пытавшаяся вступить в переговоры с бандитами. Заложники просили не штурмовать здание. С такими же требованиями выступали и их родственники, пикетировавшие подступы к Театральному центру.

Следующей ночью стало ясно, что избежать штурма, скорей всего, не удастся. Слишком уж несговорчивы были исполнители террористического акта и их незримое руководство. Обстановка в самом Театральном центре накалялась. В составе резерва были назначены штурмовые группы, группы обеспечения и резервные.

Отряду была поставлена задача по блокированию объекта, захваченного террористами,

перекрытию возможных путей отхода преступников и на действия во втором эшелоне вслед за штурмующими здание ДК подразделениями «Альфы» и «Вымпела», проведение зачистки здания после операции. Если коротко, то хронология событий утра 26 октября выглядела так. В 4.30 отряд приведен в полную боевую готовность. С началом штурма «витязи» по единому сигналу должны были броском выдвинуться к ДК, заблокировать ближние подступы к зданию и тем самым обеспечить работу штурмовых групп «Альфы» и «Вымпела», воспрепятствовать прорыву боевиков, направить выходящих заложников по созданному коридору на фильтрационный пункт.

Примерно в 6.30 первая штурмовая группа ворвалась в фойе Театрального центра, произвела досмотр всех помещений первого этажа, заблокировала выходы со второго этажа. В это время вторая группа оказывала первую помощь пострадавшим и принимала участие в их эвакуации.

По окончании штурма по распоряжению старшего оперативного начальника подразделения отряда взяли под контроль все здание ДК с задачей повторного его досмотра на предмет наличия боевиков, оставшихся заложников, а также обеспечения работы оперативно-следственной бригады и групп разминирования. Другие части и подразделения дивизии в течение следующих суток продолжали выполнять задачи по блокированию района проведения спецоперации.

После штурма Театрального центра, как и после тбилисских событий 1989-го, и октябрьского противостояния 1993-го, в ряде средств массовой информации раздались голоса о том, что штурма якобы можно было избежать, спецоперация, мол, провалена.

Это не так. Конечно, знай спецназовцы, какой газ будет применен для нейтрализации боевиков и как правильно оказывать помощь людям, пострадавшим от него, жертв было бы меньше. Но их было бы значительно больше, если бы террористы взорвали театр. Об этом не надо забывать. Не спасателей надо винить, а террористов. Мировой опыт свидетельствует: почти невозможно избежать при подобных ситуациях потерь и среди заложников, и среди штурмующих групп. Но спасать заложников все равно надо. Терроризм – мировое зло. И с ним приходится бороться разными средствами, которые будут совершенствоваться.

А «витязи» и одоновцы в целом в операции на Дубровке снова проявили лучшие свои качества, свойственные солдатам правопорядка.

На этом, пожалуй, можно и завершить рассказ об истории прославленного соединения внутренних войск, воины которого по-прежнему привыкли называть себя дзержинцами. Впрочем, москвичи и жители Подмосковья, да и других регионов нашей необъятной страны до сих пор знают это соединение как дивизию имени Дзержинского.

Все, кому довелось служить в этой дивизии и кому выпала честь сегодня исполнять свой воинский долг под ее боевыми знаменами, ветераны и молодежь – вправе гордиться этим.

Им мы и посвящаем эту книгу.

Не забудутся имена воинов, навечно зачисленных в списки частей дивизии. Вечная память героям, павшим смертью храбрых за Отчизну в боях и на службе!

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Командиры Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения – Отдельной дивизии оперативного назначения

1953 – 1956 гг.

ЕПАНЧИН Александр Дмитриевич (1914–1991 гг.) родился в селе Малые Алабухи Воронежской губернии в крестьянской семье. После окончания школы работал в Москве на фабрике «Пестроткань». В 1931 г. призван в РККА. В 1934 г. окончил Московскую пехотную школу и до начала Великой Отечественной войны прошел путь от командира взвода до командира Отдельного батальона стрелковой бригады. Во время войны командовал полком, был заместителем командира 33-й гвардейской стрелковой дивизии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 апреля 1943 года Д.А. Епанчину присвоено звание Героя Советского Союза. Окончил Высшую военную академию им. К.Е. Ворошилова. В 1953 году назначен командиром ОМСДОНа. Март–апрель 1957 года – исполнял обязанности начальника Главного управления внутренних и конвойных войск. 1957–1970 гг. – на военно-дипломатической работе. Генерал-лейтенант.

1956 – 1965 гг.

КОРЖЕНКО Павел Евсеевич родился в 1911 году в селе Просяное Харьковской области в крестьянской семье. Учился в вечерней школе, работал в портновской мастерской. В 1929 году стал рабочим Харьковского паровозостроительного завода. В 1930-м призван в РККА. Службу начал в пограничной школе Каменец-Подольска. В 1932-м он уже заместитель начальника заставы по политчасти, через год – политрук школы по подготовке служебно-розыскных собак, затем начальник заставы. В 1933-м – начальник штаба комендатуры 19-го погранотряда, затем комендант в 82-м и 93-м отрядах. В апреле 1941 года поступает в Высшую пограничную школу. В марте 1942-го его назначают командиром 728-го полка 175-й стрелковой дивизии. В 1944 году становится командиром 2-го погранполка 1-го Украинского фронта. В 1947-м переведен в Киев командиром прославленного Новороссийского полка внутренних войск. Затем назначен заместителем командира ОМСДОНа. По окончании Военной академии им. М.В. Фрунзе (учился заочно) в 1956 году – командиром дивизии им. Ф.Э. Дзержинского. В 1966–1973 гг. – заместитель начальника внутренних войск МВД СССР – начальник тыла. Генерал-лейтенант.

1965 – 1969 гг.

КОЗЛОВ Андрей Петрович родился в 1917 году в селе Петровка Улуйской волости Енисейского уезда. Окончил Саратовское пограничное военное училище. В 1940 году участвовал в советско-финляндской войне. По ее окончании назначен начальником заставы 103-го погранотряда в Карелии.Здесь же встретил Великую Отечественную. Участник обороны Ленинграда. В 1944-м капитан А.П. Козлов поступил в Военную академию им. М.В. Фрунзе. Будучи в должностях заместителя начальника штаба 62-й дивизии и командира полка боролся с бандподпольем в западных областях Украины. Затем командовал 12-м полком войск НКВД, выполнявшим спецзадание в Германии. В течение трех лет был начальником штаба ОМСДОНа. После окончания Академии Генерального штаба в 1965 году назначен командиром дивизии. 1969–1973 гг. – начальник УВД г. Москвы. 1973–1980 гг. – начальник управления спецчастей внутренних войск. Генерал-лейтенант.

1969 – 1974 гг.

ПОЖИДАЕВ Евгений Андреевич родился в 1921 году в Курской области. Окончил Харьковское военное пограничное училище. Служил заместителем начальника заставы, начальником заставы, начальником штаба 132-го погранполка на границе с Восточной Пруссией. Участник Великой Отечественной войны. В 1943 году направлен на учебу в Военную академию им. М.В. Фрунзе. По ее окончании занимал должности начальника штаба части в Иваново, командира барановичского полка, заместителя командира иркутской дивизии, начальника штаба ташкентской дивизии внутренних войск. По окончании Академии Генерального штаба командовал ростовским соединением. В 1969 году назначен

командиром ОМСДОНа. 1975–1980 гг. – заместитель начальника управления спецчастей внутренних войск. 1980–1986 гг. – начальник ВТУ МВД СССР. Генерал-лейтенант.

1974 – 1982 гг.

НАЛИВАЛКИН Дмитрий Алексеевич родился в 1925 году в селе Красногвардейском Ставропольского края. В 17 лет, в 1943 году, попал на фронт, командовал расчетом 120-мм минометов в 320-й стрелковой дивизии. После войны учился в Львовском военном училище, потом участвовал в ликвидации нацподполья в Западной Украине, служил начальником штаба отдельного батальона, комбатом, начальником отдела боевой подготовки дивизии, командиром полка в частях внутренних войск, охранявших особо важные объекты. В 1965-м назначен заместителем командира дивизии им. Ф.Э. Дзержинского, в 1974 г. – командиром ОМСДОНа. 1982–1988 гг. – начальник управления спецчастей внутренних войск.

1982 – 1987 гг.

БОГУНОВ Юрий Иванович родился в 1936 году в деревне Ворошилово Знаменского района Орловской области. В 1957 г. окончил Орджоникидзевское военное училище МВД, в 1970-м – Военную академию им. М.В. Фрундзе. Служил в должностях командира взвода, роты, помощника начальника оперативного отдела штаба. После окончания академии командовал батальоном, полком. В 1974 г. назначен начальником штаба дивизии им. Ф.Э. Дзержинского. Затем год был начальником отдела Главного управления внутренних войск. С 1979 по 1982 г. – командир 54-й конвойной дивизии МВД СССР. В марте 1982 г. назначен командиром ОМСДОНа. 1987–1992 гг. – заместитель начальника управления спецчастей внутренних войск. Генерал-лейтенант.

1987 – 1991 гг.

БОСОВ Виталий Викторович родился в 1939 году на станции Лихая Ростовской области. После школы год работал слесарем, поступил в Орджоникидзевское военное училище МВД. Служил в вильнюсской дивизии внутренних войск командиром взвода, роты, в оперативном отделении соединения. По окончании Военной академии им. М.В. Фрунзе – командиром батальона, начальником штаба полка, командиром полка в той же дивизии, в оперативном управлении Главного управления внутренних войск. В январе 1985 г. года назначен заместителем командира дивизии им. Ф.Э. Дзержинского, а в июне 1987-го – комдивом. 1991–1994 гг. – заместитель начальника управления боевой подготовки Главного управления командующего ВВ, начальник управления по применению оперативных и специальных моторизованных частей – зам. начштаба ВВ МВД России. Генерал-лейтенант.

1991 – 1993 гг.

РУБЦОВ Игорь Николаевич родился в 1945 году в селе Авдеевка Донецкой области в семье служащих. После школы состоял в комсомольском оперативном отряде народной дружины. Учился в Орджоникидзевском военном училище МВД. По распределению попал в ОМСДОН. Последовательно прошел должности командира взвода, роты, начальника штаба батальона. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. По ее окончании назначен начальником штаба полка дивизии им. Ф.Э. Дзержинского. Затем командовал полком, был заместителем командира соединения. В течение года командовал дивизией по охране объектов на Транссибе. В 1991 году назначен командиром ОМСДОНа. 1993–1995 гг. – заместитель командующего войсками Московского округа ВВ МВД России, начальник ВОГ. 1995 г. – заместитель начальника штаба внутренних войск – начальник управления по применению частей, оперативного назначения и специальных моторизованных воинских частей зам. командующего ВВ МВД РФ. Генерал-лейтенант.

1993 – 1995 гг.

БУДНИКОВ Александр Викторович родился в 1951 году в селе Нарва Манского района Красноярского края. Окончил Саратовское военное училище МВД. Служил командиром взвода, роты, начальником штаба батальона в бригаде свердловской дивизии внутренних войск. По окончании Военной академии им. М.В. Фрунзе командовал батальоном во Львове, там же был начальником штаба мотострелкового полка. Затем

назначен командиром харьковского конвойного полка. С 1987 по 1988 г. – советник командира полка Главного управления защиты революции в Афганистане. Затем – заместитель командира пермской дивизии внутренних войск, слушатель Академии Генерального штаба. В 1993 году, после ее окончания, назначен на должность командира ОМСДОНа. 1991–1998 гг. – заместитель командующего войсками Московского округа ВВ МВД России. 1998–2001 гг. – начальник штаба – первый заместитель командующего войсками Московского округа ВВ МВД России. 2001–2007 гг. – заместитель начальника Главного штаба внутренних войск. С 2007 г. – главный инспектор ГКВВ МВД России. Генерал-лейтенант.

1995 – 1998 гг.

ТИХОНОВ Геннадий Егорович родился в 1951 году в селе Алексеевка Оренбургской области. Окончил Саратовское военное училище МВД, Военную академию им. М.В. Фрунзе. Служил в ОМСДОНе в должностях командира взвода, роты, батальона, полка. С 1991 г. – начальник отдела ГУК ВВ. В июле 1995 года, после окончания Академии Генерального штаба, назначен командиром дивизии. В 1998 г. уволен с военной службы. Генерал-лейтенант.

1998 – 1999 гг.

МАНЮТА Владимир Александрович родился в 1951 году в поселке Баштанка Николаевской области. В 1969 году окончил Киевское суворовское военное училище, в 1973-м – Рязанское военное училище воздушно-десантных войск им. генерала армии В.Ф. Маргелова. Служил командиром разведвзвода, замкомбата в ферганской дивизии ВДВ. С 1979-го по 1981-й – в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. После окончания Военной академии им. М.В. Фрунзе в 1984 году стал начальником штаба рязанского полка ВДВ. В 1986 – 1989 гг. был советником в Сирии. В 1989-м перевелся во внутренние войска – назначен заместителем командира полка в ОМСДОНе. Окончил Ташкентские офицерские курсы, стал командиром полка, потом заместителем командира дивизии по чрезвычайным ситуациям. В январе 1998 года назначен командиром ОДОНа. 1999–2001 гг. – заместитель командующего войсками Северо-Западного округа ВВ МВД России. 2001–2007 гг. – первый заместитель командующего войсками Московского округа ВВ МВД России. Генерал-лейтенант.

1999 – 2002 гг.

ТУРАПИН Николай Дмитриевич родился в 1956 году в поселке Алкужи Тамбовской области. Окончил Омское высшее танковое командное училище и Воунную академию бронетанковых войск. Прошел путь от командира взвода до заместителя командира дивизии в Вооруженных силах. Командовал полком специального назначения КГБ СССР. Перейдя во внутренние войска, служил в Главном командовании, возглавлял калачевскую бригаду оперативного назначения, был начальником штаба новочеркасской дивизии оперативного назначения, командиром владикавказского соединения. В феврале 1999 года назначен командиром ОДОНа. В 2002 г. уволен с военной службы. Генерал-майор.

2002 – н. вр.

МЕЛИКОВ Сергей Алимович родился в 1965 году в подмосковном Орехово-Зуеве в семье военнослужащего. Окончил Саратовское высшее военное командное училище МВД. Служил командиром взвода и роты в львовском оперативном полку, начальником штаба батальона в одесской отдельной конвойной бригаде. После учебы в Военной академии им. М.В. Фрунзе был помощником начальника штаба лабинского оперативного полка, старшим офицером разведоотдела Северо-Кавказского округа внутренних войск, начальником штаба полка новочеркасской дивизии оперативного назначения. В 1997-м назначен командиром полка ОДОНа, в 2001-м заместителем командира дивизии. В июне 2002 года стал командиром ОДОН. Генерал-майор.

Дивизия имени дзержинского 2
Вступление 3
Глава I. Предшественники. 1918–1924 ГГ 5
Как ЗАРОЖДАЛСЯ або вцик 5
От спецназа до осназа 11
Очередная реорганизация 19
Хроника. Документы. Факты. Воспоминания 21
Из боевой летописи 1(52)-ГО автобронеотряда 21
Примечания 25
В боях за ростов 26
Похвала командарма 27
У станицы урюпинской 27
Конец банды митрясова 28
За подвиги 29
Политработникам и комсоставу осназ 29
Почетный красноармеец 29
X всероссийскому съезду советов 31
Генерал-майор в отставке пискунов с.а. Вспоминает 31
Записки даниила волкова 39
Биографические справки 67
Глава II. Отдельная мотострелковая дивизия особого назначения имени ф.э. Дзержинского 1924–1941 ГГ. 75
От дона до омсдона 75
Имени дзержинского 77
Хроника. Документы. Факты. Воспоминания 79
Фрунзе и ворошилов посетили лагерный сбор 79
Безмолвная схватка 79
«пролетариат не забудет...» 79
Такова солидарность 80
«там вдали, за рекой...» 81
Встреча с горьким 84
Дзержинцы – селу 84
Командир отделения дивизии – член правительства СССР 85
Подвиг алексея морозова 85
Из приказа огпу с объявлением благодарности личному составу частей войск огпу, участвовавшим в ликвидации бандитизма на северном кавказе и в закавказье 86
Приказ огпу в связи с награждением орденами туркменской сср частей войск огпу за отличия в боях с бандами 87
Знаменательное событие 87
Из приказа огпу о зачислении навечно в списки кавалерийского полка дивизии имени Ф.Э. Дзержинского командира дивизиона П.В. Спивака и помкомандира взвода А.Ф. Толстова, погибших в бою с бандой 87
Служба – дни и ночи 88
Неподкупность 88
Каждый – ударник! 89
Даешь рекорды! 89
От горьковских пролетариев 90
Синьцзян 90
О служебной командировке отдельной танковой роты, выделенной из состава танкового полка им. Ф.Э. Дзержинского (август 1937 г. – февраль 1938 г.) 90
Дивизия под судом 93
Дом у покровских ворот 95
Отмечены родиной 99

В «зимнюю войну» 99
Там, где нужна отвага 100
Прорыв 101
Героическая батарея 102
Трудный переход 103
Биографические СПРАВКИ 104
Глава III. Воины-дзержинцы в великую отечественную войну 1941–1945 гг. 111
Из истории прославленного соединения 111
Хроника. Документы. Факты. Воспоминания 113
В дом на покровке пришла война 113
Войны омсдона в битве за москву 116
Не подлежало разглашению 119
Приказ войскам западного боевого участка о создании секторов 123
Свет в ночи 123
Боевое донесение начальника западного боевого участка начальнику войск нквд ссср о бое с противником за дер. Ищеино 124
Таран 125
Боевой приказ дивизии им. Ф.э. Дзержинского не допустить прорыва мотомехчастей противника в москву 125
Атаки яростные те... 125
Член военного совета 129
И.п. Ключко на боровском направлении 129
Сергей белоус 132
Прямой наводкой 133
«если пошлют в бой...» 134
Геройски погиб на посту 136
Мужество часового 137
Парад бессмертия 138
Труженики войны 139
Изобретатель боевой горючей смеси 139
Площадь ростовцева 141
Счет мести 141
Он из снайперской семьи 141
В марте сорок третьего 142
Новгородцы 143
П.с. Великанов дуэль на берегу волхова 144
Отряд капитана огрызко 148
В ущелье 149
Д. Дажин. По мандату долга 149
Каменный мешок 151
В засаде 152
В крыму и потсдаме 152
Шофер маршала жукова 152
Главные выходы капельмейстера агапкина 153
Конь маршала 154
Б. Горбатов поступь победителей 155
Золотые звезды дзержинцев 155
Биографические справки 160
Глава IV. После войны и на современном этапе 161
Хроника. Факты. Размышления 161
Незримый фронт 162
Заслонил собою 162
Загадка кузницы 162
Когда спал хутор 163

Наперекор стихии 164
Раскрытый план 164
Лицом к лицу 164
Солдат – депутат моссовета 165
На vi всемирном фестивале 165
Фронтовой почерк 165
О доблести, о подвигах, о славе 166
В честь 40-летия дивизии 167
Эстафета боевой славы 167
Возвращение 167
Ташкенту нужна помощь 167
Олимпиада-80 171
Зарождение спецназа 172
Первое испытание – сарапул 177
Трагедия в чернобыле 178
Политика и войска правопорядка 179
Дивизия в закавказье 181
Право на краповый берет 182
В нагорном карабахе 185
Что произошло в баку 188
На помощь жителям спитака и ленинакана 189
Тбилиси, проспект руставели 190
Пылающая фергана 193
Спецназ в абхазии 195
Чп в сухуми 196
Эксперимент в омсдоне 199
Снова карабах 201
Конфликт двух соседей 202
«витязь» в карачаево-черкесии 203
Москва, осень 93-ГО 206
Одон в чечне 209
«витязь» на месте долго не сидит 212
События НА дубровке. «норд-ост» 218
Биографические справки 220
Командиры отдельной мотострелковой дивизии особого назначения – отдельной дивизии оперативного назначения 220